

[Polaris]

Джон Бакен

ЗАПРЕТНЫЙ
ЛЕС

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXV

Salamandra P.V.V.

**Джон
БАКЕН**

ЗАПРЕТНЫЙ ЛЕС

Salamandra P.V.V.

Бакен Д.

Запретный лес. Пер. с англ., послесл. и прим. Е. Янко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 337 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХV).

Впечатляющий и необычный историко-приключенческий роман английского писателя и дипломата Джона Бакена повествует о драматической судьбе молодого священника, живущего в глухой деревушке, его духовном становлении, любви и противостоянии церкви и прихожанам, погрязшим в колдовских сатанинских обрядах Запретного леса. События романа разворачиваются в XVII веке в кровавые годы гражданской войны в Шотландии. Книга впервые переводится на русский язык.

© Е. Yanko, перевод, послесловие, примечания, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

ЗАПРЕТНЫЙ ЛЕС

*Аса делал угодное пред очами Господа...
и отверг всех идолов, которых сделали
отцы его... Высоты же не были уничто-
жены.*

Третья книга Царств 15:11-14

ПРОЛОГ

Время, говаривал мой дед, застыло в этой горной долине. Но истинность его высказывания умерла вместе с ним, и не успели увянуть первые маргаритки на его могиле, как новый мир властно постучался в дверь. Было это тридцать лет назад, и мы пожинаем плоды перемен. Название прихода изменилось; белое здание кирпичи, прослужившее общине более двух веков, перестроили, отдав предпочтение кирпичной готике; вдоль Аллера проложили железнодорожную ветку, по которой каждое лето исправно приезжают отдыхающие из городов, расположенных за сотню миль отсюда. Под Оленьим холмом сгрудились дома и магазины, там же стоят школа-интернат с очень хорошей репутацией, две гостиницы, переделанные в соответствии с новыми требованиями, гараж и банк. Старое поселение потеряло всякую важность, уступив новому городу, выросшему вокруг вокзала; впрочем, оно давно перестало быть деревенькой с крытыми соломой постройками, беспорядочно разбросанными вдоль горной реки. Не иначе как враг рода человеческого заточил русло речки в ровные, как стоки канализации, набережные и перебросил через нее железобетонный мост, попутно заменив солому на крышах серо-зеленым шифером. Лишь развалины древней кирпичи остались нетронутыми — вижу их как сейчас: стоят в зарослях щавеля и крапивы, окруженные растрескавшейся, сложенной без раствора каменной оградой, защищающей разве что от любопытных овец, забредающих из Кроссбаскета.

Больше нет обитавших здесь старинных семейств, даже их имена успели позабыться. Задолго до моего рождения пропали Хокшоу, владевшие Калидонским замком; хотя в нем еще долго жила одна достойная семья, переселившаяся в этот край из Эдинбурга в семнадцатом веке, но и их вытеснил поток грубоватых приезжих с Запада. Фермеры теперь по большей части новые, ведь даже крестьяне, кото-

рым на роду написано терпеть до последнего, перебороли свою неповоротливость, уехав прочь. Я узнал от почтальона, что сегодня в Вудили нет ни Монфри, ни Спротов, что остался только один Пеннекук да парочка Ритчи и Шиллинглю, которых раньше было без счета. В этом обновленном мире нелепо надеяться, что кто-то еще помнит легенды, бередившие мне душу, когда я был ребенком. Больше никто не способен рассказать, когда или почему разрушили кирку на границе с Кроссбаскетом и отчего кладбище там заросло сорной травой. Многие слыхом не слыхивали, что когда-то на этом месте была кирка.

Однако меня это не особенно удивляет, ведь кирка в Вудили простояла заброшенной почти три века — даже в годы моего детства мало кто помнил, как звали ее последнего священника. Из легенды его история превратилась в «примолвку», которую знают все, но никто не может объяснить. Впервые мой интерес к ней пробудила Джесс Блейн, дочь управителя. Задыхаясь от гнева после очередной моей проказы, она пожелала мне судьбы священника из Вудили, растолковав ее словами: «Диявол тя хватанет и в ад упрет». Перепугавшись, я пожаловался нянюшке, которая немало возмутилась происшествием и обрисовала Джесс как «позорную нескладёху, забивающую детёнку голову всякими черными враками» «Не пужайся, махонький, — успокоила она меня. — Никакой Диявол за попом в Вудили не приходил. Я слыхала, был пастор человек добрый да славный. То были Феи, кроха. Он с ними жил-поживал да счастливым помер, никогда из пустой чашки не пивши». Помню, я рассказал об этом товарищам по играм, а они разнесли историю по домам и вернулись с ее подтверждением или опровержением. Некоторые придерживались версии Дьявола, а некоторые — Фей, что доказывает, что традиция говорит на два голоса. Сторонники Фей немного превосходили числом, и как-то апрельским вечером в баталии недалеко от разрушенной кирки мы прижали приверженцев Дьявола к стенке и почти убедили в своей правоте. Но в нашей теории, кроме того, что священника из Вудили похитили Феи, а не Дьявол, больше ничего не было.

Годы спустя я слышал эту историю во многих местах и читал ее во многих книгах: в фолианте, попавшемся мне в одной из голландских библиотек, в родовых архивах католической семьи в Ланкашире, на полях второго латинского издания «Монтроза» Джорджа Уишарта¹, в дневниках шотландского капитана и лондонского перчаточника и в тетрадке с упражнениями, принадлежавшей уэльской школьнице, жившей в семнадцатом веке. Сейчас я прекрасно представляю, что произошло на самом деле, но на первых порах у меня не получалось связать случившееся с приходом Вудили, каким я знал его: живописный ландшафт, строгий и определенный, не содержащий в себе ни намека на тайну; голые холмы, мрачные поздней осенью и зимой, но в другие сезоны радующие глаз по-пиквикски² лысыми верхушками, аккуратно обсаженными хвойными лесками и опоясанными математически выверенными каменными оградами; ровные, ухоженные поля в ложе долины; искусственное спокойствие горных потоков посреди тщательно осушенной земли; чистенькая каменная деревенька, сверкающая стеклом и металлом. Правда, в двух милях отсюда нес бурные воды благородный Аллер, а за ним высокие холмы вздымали к небу мрачные склоны, пронзенные, словно мечом сквозь сердце, Рудской долиной. Но сам приход Вудили — куда исчезли его чары? Из книг я узнал, что великий лес Меланудригилл, спускаясь со своих темных высот, когда-то доходил до самой деревенской окраины. Но все равно было сложно совместить это открытие с моим представлением о блестящем на солнце асфальтовом шоссе, о поющих на ветру телеграфных проводах, елочках на обочинах, об-

¹ Джордж Уишарт (1625-1671) — шотландский церковный деятель, капеллан маркиза Монтроза. Джеймс Грэм, 1-ый маркиз Монтроз (1612-1650) — выдающийся шотландский полководец, командовавший войсками короля Карла I в период гражданской войны в Шотландии 1644-1646 годов.

² Мистер Пиквик — чудаковатый, но милый персонаж романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса.

разцовых пастбищах и опрятных рощицах.

И вдруг как-то вечером, стоя на Оленьем холме, я посмотрел на местность иными глазами. Небо надо мной было необычного свинцового оттенка, и там, где садилось солнце, голубел разрыв облаков, отчего тени приобрели причудливые формы. Мне тогда подумалось, что будь я генералом, которому предстоит сражаться в этих местах, мне бы стоило занести Вудили на карту в качестве стратегически выгодной позиции. Приход располагался на границе между шотландскими низменностями и югом, являясь путем земли и воды — да, и... можно ли так выразиться? — и духа, ибо путь этот лежит сквозь узкие горные ущелья, разделяя посевы и пустоши. Я смотрел на восток, на раскинувшиеся по левую руку и позади меня склоны, возделанные человеком до пределов возможного и в старину населенные пиктами. Шахтные копры на горизонте, привычные верхушки холмов в вересковых пустошах и клетчатая доска полей так и не смогли убить романтику в моем сердце, и в тот вечер мне почудилось, что я вижу зверя древнего и опасного, настоящего волка в овечьей шкуре... Справа поднималась горная гряда, мать всех наших рек. Время и погода почти не меняют ее облик, но тогда, в призрачном вечернем свете, подчеркивающим силуэт, но скрывающем детали, горы казались далекими и ужасными гигантами, а не добрыми великанами, баюкающими мои родные долины... Подо мною раскинулся Вудили, тоже странным образом изменившийся: мрак, как тень от солнечного затмения, накрыл и его. То была лишь иллюзия, и я великолепно понимал это, но не мог не принять, ведь именно такого зрелища жаждало мое сердце.

Это был тот же приход Вудили, но трехсотлетней давности. И раз уж мне была дана подсказка, воображение помогло дорисовать вещи, не доступные глазу... Шоссе исчезли, остались только проселки, топкие в низине и каменистые на склонах, ведущие в Эдинбург или в противоположную от него сторону, в Карлайл. Я видел лишь горстку домов, но те, что стояли, были коричневыми, как торф, а на церковном холме я заметил четыре серых стены кирпичи

и рядом с ними дом пастора, утонувший в зарослях бузины и молодых ясеней. Вудили тогда не был открыт солнцу и ветру. Это была кучка крестьянских домишек и усадеб, зажатая обширным дремучим лесом, покрывавшим всю округу, кроме вершин самых высоких холмов; лес перекашивался через горные кряжи, душил в своих объятиях долины и стекал к самой границе воды, напоминая свалывшуюся шкуру, наброшенную на весь окрестный пейзаж. Мои губы прошептали слово «Меланудригилл», и я понял, что таким Вудили не видали уже более трех веков, с тех самых пор, когда он лежал в призрачной тени останков древнего Каледонского леса, где в былые времена играл на арфе Мерлин, а Артур созывал своих людей...

Тут раздался гудок паровоза, зажегся огонек на переезде, и видение растворилось. Спускаясь в сгущающихся сумерках с холма, я подумал, что тогда, в детстве, память об окружающем со всех сторон лесе еще жила в Вудили, пусть даже название Меланудригилл успело позабыться. В ушах раздался голос старого Джока Доддса, пять десятков лет прослужившего лесником при Калидоне. Сидя на большом камне за кузней и покуривая трубку, он частенько рассказывал мне увлекательные истории. Он говорил о своем отце и об отце отца, местном герое, вооруженном кремнёвым ружьем. «Зимой заляжет посередь торфяников али в леске, хучь ужо совсем дряхлый стал, да давай диких лебедей с серыми гусями постреливать, покуда они с Клайда к Аллеру летят. А уж скока оленей перебил». Я заметил, что в округе олени не водятся, но он лишь покачал головой и сказал, что во времена его деда Черный лес был еще дремуч. «Что у Виндивэйз, что у Риверсло изрядно их было». Но когда я пытался расспросить о Лесе поподробнее, Джок всегда уклонялся от ответа. Это теперь мне известно, что местность нашу связывали то с римлянами, то с самим Майклом Шотландцем¹. «Там логовище зверья да пристани-

¹ Майкл Скотт (Майкл Шотландец) (1175-1232) — ученый, математик, признанный колдуном. В легендах о нем говорится, что он за одну ночь

ще колдунов». Закат его начался давным-давно, в Голодные годы, и последнее дерево сгорело в очаге во времена отца Джока, в достопамятную Зиму шестнадцатидневной бури...

Я вспомнил, что некоторые места здесь считали священными, а иные обходили стороной. Летом и весной в сумерки никто не приближался к Кресту Мэри, бесформенному камню на поле, заросшем папоротником-орляком, но в полдень в Праздник летнего солнцестояния девушки украшали его цветами. Поговаривали, что на одном отрезке реки между деревней и теперь уже высушенной Феннанской топью не водилась форель. Более того, прямо посреди лучшего поля репы в Риверло бил ключ, который мы, дети, называли Жаждущей Кэйти, а старики — Пастырским родником, и старожилы, упоминая его, качали головой или вздыхали, потому что там священник из Вудили покинул бренную землю и ушел в Страну фей.

с помощью дьявола замостил дорогу, а также что расколол Эйлонский холм на три части.

Глава 1

ПРИБЫТИЕ СВЯЩЕННИКА

Преподобный Дэвид Семпилл приступил к служению в Вудили пятнадцатого августа тысяча шестьсот сорок четвертого года от Рождества Христова. Он не был чужаком в этой горной долине, ибо еще мальчишкой приезжал сюда к своему деду, рудфутскому мельнику. В те лета глас церковной общины ставился превыше желаний сильных мира сего; мистер Семпилл, как говорится, «был избран народом», и потому все в приходе с нетерпением ожидали его вступления в обязанности. Годом раньше он получил одобрение Пресвитерского совета Эдинбурга, в последнее воскресенье июня сего года был посвящен в духовный сан в Вудили, а в первое воскресенье августа досточтимый пастор Мунго Мёрхед из Аллерского прихода зычно представил его общине. Пожитки Семпилла, по большей части книги, прибыли из Эдинбурга на восьми выючных лошадях и, благополучно избежав опасностей Карнвотской топи, были теперь разложены на втором этаже сырого домика, стоявшего между киркой и речкой Вудили. Присматривать за домом поручили скромной вдове по имени Изабел Вейтч, а когда все было готово, сам Дэвид прискакал на сером шотландском пони из Ньюбигтина, где временно обитал у родни, и вступил во владение новым жилищем. Завидев Вудили, он запел; перешагивая порог дома, склонил голову и помолился; а когда наконец расположился в комнатенке, которую назвал «кабинетом», увидел на полке свои драгоценные книги, провел рукой по столу, за которым намеревался написать великие труды, и глянул сквозь тусклое окошко на кусты крыжовника в саду и серебристые воды речушки, чуть не зарыдал от сердечной благодарности и радости.

В течение первого часа он осматривал свои владения. Дом был маленький и приземистый, крытая вереском кры-

ша дала приют не одному пчелиному рою. Фасад выходил на дорогу и частично прятался за узкой полоской зелени, куда речка выносила белые гладкие камни. Позади дома имелся сад с парой десятков одичавших яблонь, мелкие плоды которых едва ли стоило собирать. Еще была лужайка для просушивания белья, птичья вишня, немного левкоев и аконита да грядка с травами поценнее: шалфеем, мятой и душицей. Во дворе стояли пивоварня и амбар, точнее пуня, для хранения запасов, выдаваемых священнику как часть жалования; напротив них разместились конюшня на две лошади, хлев с тремя стойлами, курятник-мазанка, и в самом углу, у забора кирпичи, таилась среди крапивы навозная куча.

Внутри дома оказалось не слишком уютно. В этот теплый августовский день от земляных полов веяло холодом. Свет попадал в низкие сени только через открытую дверь. Направо была гостиная с деревянными потолком и полом и грубо оштукатуренными стенами; туда уже поставили часовой шкаф¹, изготовленный литским мастером Джоном Атчисоном в 1601 году. Слева располагалась кухня, и из нее можно было пройти в пивоварню. Здесь же, у входа в маленький, как собачья конура, подвальчик, Изобел примостила свою кровать. На второй этаж, прямо в спальню священника, вела очень крутая лестница. Эта комната считалась лучшей в доме, так как в ней был камин. Спальня соединялась одной дверью с единственной комнатой для гостей, а вторая дверь вела в неотапливаемую комнатуху, которую пастор определил под кабинет, то есть, по его мнению, самое чудесное помещение в доме.

Дэвид бродил по новому обиталищу, как школьник, вернувшийся домой, и, действительно, густыми золотистыми волосами, свежим лицом и стройной, прямой фигурой он напоминал мальчишку. Он пролил сусло в пивоварне и просыпал на себя гороховую муку в пуне. Изобел с опаской наблюдала, как он пробует дикушку с яблонь в саду и пы-

¹ Часовой шкаф — напольные маятниковые часы в деревянном корпусе.

тается спугнуть скворца, присевшего на дерево у кирки, швыряя в него надкусанными, но не понравившимися плодами. Потом он прокричал, чтобы она принесла воды смыть дорожную пыль. Теплые лучи августовского солнца падали на маленький дворик, в полуденном воздухе плыли умиротворяющие звуки: плеск речных волн, стук молота в кузне, блеяние овец, пасущихся на косогоре, и гудение пчел в левкоях. Священник тер щеки и улыбался, и на морщинистом красном личике Изобел расцвела ответная улыбка. «Ох, сэр, — сказала она, — даровал нам Господь жизнь в таком славном месте и мирном пристанище. Возблагодарим же Его за это». А когда Дэвид огласил округу пылким амином, бросив ей полотенце, шум на крыльце оповестил о появлении первых гостей.

Их прибыло по меньшей мере трое, все священники из соседних приходов. Они прискакали в Вудили на своих низкорослых лошадках поприветствовать молодого человека. Живность заполнила конюшню и хлев, а братья во Христе расположились на грубой лавке рядом с лужайкой. Они намеревались отобедать в деревенской харчевне, дабы не беспокоить мистера Семпилла: они бы ни за что не заявили вот так, без приглашения, если бы думали, что их начнут тут потчевать. Тем не менее, радушной Изобел, полагавшей, что прием гостей в день новоселья — добрые хлопоты, удалось уговорить их: «Мистер Семпилл со стыда сгорит, ежели джентльмены хлеб с ним преломить не пожелают». Снеди в доме полным-полно, она только что куру в котел забросила, а с утра из Чейсхоупа прислали целую связку куропаток, ох уж она их нажарит... Священники улыбнулись со смирением и надеждой. «У вас не служанка, а сокровище, мистер Семпилл. Женщина рассудительная да приличная — дом в Вудили будет полная чаша».

Преподобный Мунго Мёрхед являлся обладателем круглого, гладко выбритого лица, толстой шеи и массивного тела. У него был широкий тонкогубый рот, сжатый в полосу, как у стряпчего, мясистый нос и большие серые глаза, немалую часть времени задумчивые, как у коровы, но иногда искрящиеся проникательностью. Его кожа отлича-

лась бледностью, он быстро терял волосы, поэтому с первого взгляда на этого степенного мужчину на ум приходили холмы с обширными блеклыми склонами. Будучи аллерским пастором и единственным горожанином в этой компании, он носил талар и беффхен¹, не забывая про шляпу. Его преподобие Эбенезер Праудфут из затерявшейся в вересковой пустоши деревеньки Боулд был слеплен из другого теста. На нем была домотканая крестьянская одежда, на голове синий берет, на ногах грубые башмаки с кожаными завязками и старые колючие шерстяные штаны. Огромный, с жилистым телом и узким лицом, он смотрел на мир маленькими голубыми глазками, в которых читались грубая мощь и пламенный дух. Третий, мистер Джеймс Фордайс из соседнего прихода Колдшо, был хрупким и тощим, бледным то ли от нездоровья, то ли от напряженных умственных трудов. Одетый в выцветший синий кафтан, он и под августовским солнцем кутался в плед. Его лицо можно было бы назвать красивым, если бы щеки его не запали и рот не кривился, словно от боли или сомнений, но ласковые и печальные, почти девичьи, карие глаза искупали все.

В полдень они сели за стол. Мистер Мёрхед произнес длинную молитву, вдохновенную ароматом, доносящимся с кухни, и начинавшуюся соответственно: «Воспою Господу, облагодетельствовавшему меня». На голом дощатом столе вдруг появились все блюда разом: горшок с ячменной похлебкой, вареная курица, пара куропаток на вертеле и тарелка овсяных лепешек. Эдинбургский купец снабдил своего сына кухонной утварью и посудой в изобилии, не виданном в большинстве пасторских домов, поэтому ножей, вилок и оловянных тарелок хватило каждому гостю. Все в удивлении взирали на явленное богатство, а мистер Праудфут, будто восставая против подобной роскоши, предпочел выбирать косточки из птицы руками. Домашнее пиво тоже

¹ Талар (лат. *tunica talaris* — платье длиной до пят) — черное одеяние судей и протестантских священников. Беффхен — белый нагрудник в виде двух ниспадающих лент.

не подвело, и все, за исключением мистера Фордайса, воздали ему должное — Изобел частенько наполняла единственную кружку, передаваемую из рук в руки.

— Вот это жизнь, мистер Дэвид, — воскликнул мистер Мёрхед, пребывавший в чрезвычайно хорошем настроении, — совсем не такая, как при вашем предшественнике. У почтенного мистера Макмайкла не то что такого угощения, пресных лепешек не водилось. Но вы попотчевали нас на славу.

Дэвид попытался разузнать о своем предтече, о котором помнил лишь, что в дни его детства пастор был очень стар и разъезжал по приходу на белом пони.

— То был богобоязненный и трудолюбивый священник, — сказал мистер Мёрхед, — но сколько я его помню, груз прожитых лет всегда сильно давил на него. А еще он никогда не отходил от одного и того же ординария¹, покуда все не выучивали его назубок. Слышал я, что в своих проповедях он как-то раз на полтора года задержался на фразе «И пришли в Елим; там было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев, и расположились там станом при водах»². Что-то мне подсказывает, не был он силен в рассуждениях.

— Он весьма усердствовал в служении, — сказал мистер Праудфут, — и ему не было равных в ограждении столов³. Воистину, судари, был он трубным гласом Господним.

— Нет сомнений в том, что был он хорошим человеком, — сказал мистер Фордайс, — и на небесах ему воздалось. Но был он чересчур стар и слаб для столь грешного прихода. Есть у меня опасения, что оказался он плохим пастырем. Помню, велись разговоры о том, не стоит ли прислать сюда комиссию для проверки.

¹ Ординарий — постоянные, неизменяемые тексты литургических служб.

² Исх. 15:27.

³ Ограждение столов — старинная шотландская церковная церемония, во время которой прихожане усаживались за столами для причастия, тогда как провинившиеся члены общины за столы не допускались и тем самым причащающиеся «ограждались» от грешников.

— Не согласен! — вскричал мистер Мёрхед. — Протестую *in toto*¹. Старейшины Вудили искони славились своим благочестием. Разве не живет тут Эфраим Кэрд, принявший участие в Ассамблее и приложивший руку к бесценному труду во славу Божию в Восточной кирке Собора святого Эгидия два года тому назад²? Разве не отсюда Питер Пеннекук с непревзойденным даром молитвенного рвения, сравнимым лишь с талантом самого Рутерфорда³? А ежели вспомнить Епископские войны, с какой стойкостью Амос Ритчи поддерживал Ковенант⁴, не убоившись выйти со старинным мушкетом, оставшимся ему от крестного отца. В Вудили истинной веры в достатке.

— В Вудили в достатке бренной гордости, мистер Мунго. Народ здесь готов к любым смутам в Церкви или Государстве. Но пекутся ли они о своих уязвимых душах, вопрошаю я? Стремятся ли они схватиться за Христа, аки птицы, когтями вцепляющиеся в каменную стену? Что они делают искупления ради?

— В почтенном мистере Макмайкле не было ни грана холодной расчетливости, — с горечью упрекнул Фордайса мистер Праудфут.

¹ В целом (*лат.*)

² Собор святого Эгидия (Сент-Джайлс) — собор в Эдинбурге, главный пресвитерианский храм Шотландии. В 1642 г. в Шотландии решался вопрос о том, какую сторону принять в разразившейся в Англии гражданской войне между сторонниками короля и парламента.

³ Сэмюэл Рутерфорд (1600-1661) — шотландский теолог и проповедник.

⁴ Епископские войны — серия вооруженных конфликтов 1639-1640 гг. между Шотландией, восставшей против короля Карла I, и Англией. Национальный ковенант — манифест шотландского национального движения в защиту пресвитерианства, изданный в 1638 г. и ставший основой для сплочения шотландцев в их борьбе против абсолютистской политики короля Карла I. «Торжественная лига и Ковенант» 1643 г. — договор о военно-политическом союзе Шотландии и английского парламента, религиозный манифест, направленный на утверждение пресвитерианства в обоих британских государствах.

— Жив ли в людях дух Божий? Вот что мне надобно знать, — упорствовал мистер Фордайс. — В округе ходят недобрые слухи о Вудили. Черный лес, будь он в силах говорить, открыл бы немало тайн.

Мистер Мёрхед закончил трапезу, вознес благодарственную молитву и сидел, довольно ковыряясь в зубах.

— Ладно вам, мистер Джеймс, напугаете еще нашего юного брата, внушите ему отвращение к месту, в кое его призвал Всемогущий, а ведь он и осмотреться толком не успел. Я не отрицаю, что Лес на самой околице Вудили. Худо это для пастората, ежели дремучим лесом деревню, аки пледом, обернуло. В таких местах, как Вудили, точно сам Дьявол бродит и львом ревет. Но Божьи люди могут противостоять ему. Говорю вам, братья, Пресвитерий¹ получает из Вудили больше доносов о грехе чародейства, чем из любого прихода на берегу Аллера.

— И что это доказывает, мистер Мунго?

— То, что здесь множество набожных и бдительных прихожан, готовых противостоять Врагу рода человеческого. Не время разочаровываться в Церкви и Ковенанте, когда они наконец одержали верх над своими неприятелями. Неужто вы не слыхивали об удивительной милости, снизошедшей на нас в Англии? Намедни в Аллер пришло известие о том, что несколько недель назад при городе Йорке состоялось грандиозное сражение² и шотландцы проявили себя как отважные воины, а наш Дэйви Лесли³, воспользовавшись туманом, порубил конницу короля в капусту. Не добрый ли то знак?

¹ Пресвитерий — орган регионального управления в пресвитерианской церкви.

² Имеется в виду бой при Марстон-Муре (2 июля 1644) — сражение за Йорк, разгоревшееся в ходе английской Гражданской войны. В результате победы при Марстон-Муре весь север Англии оказался во власти парламента.

³ Дэвид Лесли, барон Ньюарк (ок. 1600-1682) — выдающийся шотландский полководец, ковенантер, активный участник гражданской войны в Шотландии 1644-1646 гг.

— Это знак того, — ответил мистер Праудфут, ничуть не смягченный обильной трапезой, — что наша непорочная реформированная Шотландская церковь не гнушается связями с еретиками, разложенцами и псами, подобными презренному обманщику Кромвелю, заставляющими чистое словесное молоко¹ киснуть от людских измышлений. Что проку в триумфе Церкви, ежели извращены ее постулаты?

Мистер Мёрхед засмеялся:

— Ничего подобного оно не возвещает. Добрые труды не пропадают втуне, благородное дело Ассамблеи богословов в Вестминстере² будет еще долго приносить плоды. Дружище Эбenezер, вы в своем Боулде отрезаны от мира. Ныне у власти Церковь Шотландии, и именно она диктует свою волю Королю и всем этим сектантам. Два дня назад я получил письмо от благочестивого аристократа, графа Луденского...

Мистер Мёрхед оседлал своего любимого конька. Он раскурил трубку и в течение получаса разбирал по косточкам политическое положение, всеми силами стараясь убедить собеседников в счастливом стечении обстоятельств, которое послужит «достаточным основанием» для благополучного исхода. Торжественная лига и Ковенант связали Шотландию договором с Господом, и Англия пойдет по ее стопам. Вскоре все узрят умиротворяющую картину, о коей мечтали богобоязненные предки: единая Церковь и истинное Писание станут законом от Лондона до Оркнейских островов, Землей обетованной, в кою потянутся народы мира. Мистер Мёрхед был красноречив, ибо повторял собственную проповедь, с которой когда-то выступал перед Генеральным синодом.

¹ 1 Пет. 2:2.

² Вестминстерская ассамблея богословов — собрание английских теологов и церковнослужителей, созванное в 1643 г. Долгим парламентом для реформирования Английской церкви. Догматы и обряды, разработанные Вестминстерской ассамблеей, легли в основу пресвитерианской религии.

— Слыхал я, — сказал он в заключение, — что в Вудили все до единого, способные держать перо, поставили подпись под Ковенантом. Это должно вас вдохновлять, мистер Дэвид.

Мистер Фордайс покачал головой и сказал:

— И сколько из них вписали свое имя из страха или ради преходящих мирских благ? Человечество по-рабски следует за вожаками. Меня гложут глубокие сомнения в том, что вынужденное следование большинству может быть названо духовным здоровьем. Выбор надо делать по зову совести.

— Это неразумно, — громко возразил мистер Мёрхед. — Вы осмеливаетесь сомневаться в непреложных истинах, мистер Джеймс. Попробую переубедить вас Словом Божиим. Когда царь Иосия¹ заключал пред Господом завет, позволил ли он своему народу выбирать, подписывать его или нет? Отнюдь, он заставил всех — всех до единого, повторяю вам, — в Иерусалиме и колене Вениаминовом заключить его. Четвертая книга Царств, глава 23.

Первый полемист отличался резкостью, второй — упрямством, поэтому Дэвид, желая избежать ссоры, предложил экскурсию по своему преображенному обиталищу. Но тут появилась Изобел и сообщила, что на крыльце стоит фермер из Чейсхоупа, желающий переговорить с аллерским священником. За ее спиной замаячила огненная шевелюра гостя, Эфраима Кэрда, провозглашенного мистером Мёрхедом столпом Ковенанта и являющегося самым крупным арендатором в приходе. Это был верзила лет сорока, крепкий, но начавший заплывать жирком, рыжий как лиса, безбровый, с бледным конопатым лицом и сине-зелеными глазами. У него имелась привычка складывать свой и без того маленький рот куриной гузкой, что придавало ему задумчивый и серьезный вид. На заседании Пресвитерского совета

¹ Иосия — сын и преемник Аммона, шестнадцатый царь Иудейский. При Иосии была осуществлена религиозная реформа, состоявшая в централизации богослужения в Иерусалиме и в ликвидации проникших в Иудею под ассирийским влиянием языческих и астральных культов.

он возражал против кандидатуры Дэвида Семпилла, но проголосовал за него, подчинившись воле большинства, а когда Дэвид был представлен приходу, с показным радушием приветствовал нового пастора. Сегодня он выглядел смущенным и учтивым. Он извинился за вторжение, отказался от предложенной пищи и объяснил свой визит тем, что, услышав о гостях, решил воспользоваться случаем и переговорить с мистером Мёрхедом о делах церковных, дабы не ехать для этого в Аллер в разгар сенокоса. Дэвид пригласил мистера Праудфута и мистера Фордайса в кабинет, оставив Чейсхоупа и мистера Мёрхеда беседовать в гостиной.

Мистер Праудфут неодобрительно оглядел книги в темной комнатухе, сказав, что лично ему хватает Библии, «Наставлений» Жана Кальвина и комментариев Роберта Роллока к Книге пророка Даниила. На корешке одного из томов он прочитал *Sancti Clementi Opera*, а на другом, труде голландского теолога, — *De Sancti Pauli Epistolis*¹. Слово «святой» заставило его вспыхнуть от гнева.

— Папистские бредни, — пробормотал Праудфут, швыряя книги обратно на полки. — Почему есть «святой» Павел, но нет «святого» Моисея или «святого» Исая? Чудно, что Антихрист утруждает себя выдумкой прозваний для новозаветных апостолов, не трогая старых пророков. Вы еще молоды, мистер Семпилл, и у вас, естественно, мало религиозного опыта. Но прислушайтесь к пожившему человеку, на пути к Небесам не обременяйте себя тяжким грузом печатного краснобайства, когда всего-то и нужно положить в суму одно лишь Слово Божье.

Но мистер Фордайс смотрел на полки жадными глазами. Пережевывая дичь за обедом, он распатал зуб и теперь выдернул его пальцами и бережно завернул в носовой платок.

— Я храню всякий зуб, случись ему выпасть, — объяснил он, — а потом их положат со мной во гроб, таким образом, все части моего тела будут вместе при Всеобщем воскресении.

¹ «Деяния святого Клементия», «О посланиях святого Павла» (лат.)

— Вы желаете сократить руку Господа¹? — запальчиво спросил мистер Праудфут. — Неужто Он не соберет все ваши останки, даже если они будут на краю света?

— Что верно, то верно, — мягко ответил мистер Фордайс, — но такая у меня мечта — собрать весь свой прах в одном месте. — После этого обмена мнениями он накинул-ся на книги, как голодный на яства. Нежно открывал их, читал названия, крепко сжимал в руках, словно был не в силах расстаться с ними. — Вы вдвое младше меня, — сказал он хозяину, — но книг у вас в два раза больше, чем в моем доме в Колдшо. Вы начинаете служение с богатой кладью, мистер Дэвид.

Он знал и одобрял богословские труды, но были книги, при виде которых он укоризненно покачал головой:

— У вас изрядное число языческих авторов, мистер Дэвид. Я бы посоветовал молодому священнику сосредоточиться на древнееврейском, но не на греческом: хотя греческий есть язык Нового Завета, это еще и язык распутной поэзии и язвительной философии, тогда как древнееврейский целиком посвящен Богу... Но вижу, у вас имеются книги и на нем. Ого, да это лексикон Бамбургиуса, я о нем читал, но никогда не видел. Мы должны обсудить некоторые вопросы, мистер Дэвид. У меня возникли кое-какие мысли по поводу огласовки в древнееврейском, и мне бы хотелось услышать ваше мнение о них.

Продолжая просматривать библиотеку, он вдруг издал довольное восклицание, но тут же со стыдом пресек себя:

— Храни нас Господь, но это же Иероним Кардано² и работы по астрологии других авторов. Друг, и я когда-то имел склонность к звездной науке и могу составить гороскоп. Не понимаю, почему не использовать это для священных нужд,

¹ Парафраз стиха из книги пророка Исайи: «Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать» (Ис. 59:1).

² Джероламо (Иероним) Кардано (1501-1576) — итальянский математик, инженер, философ, медик и астролог. В его честь названы формулы решения кубического уравнения, карданов подвес и карданный вал.

ведь волхвов в Вифлеем привела именно звезда. Нам с вами надо как-нибудь основательно побеседовать. Ваши книги, подобно Полярной звезде, вновь приведут меня в Вудили, а что до вас, то милости просим в Колдшо. Это бедная пустошь, но и там творились чудеса и не раз нисходила на нас Божья благодать. Сам я год назад маялся почечными коликами, мистер Дэвид, а у моей хозяйки от водянки пухли ноги, но Господь не обошел нас милостью, и лекарь из Эдинбурга приписал настойку из черной бузины и руты — все как рукой сняло. Детишек у нас нет, была дочурка, но лет шесть как Всемогущий призвал ее к Себе.

Внизу мистер Мёрхед закончил разговор, и гости откланялись: двое потрусили через верещатники домой в Боулд и Колдшо, а третий собрался хорошенько отужинать вместе с арендатором в деревенской «Счастливой запруде». Перед отъездом каждый из троих поцеловал Дэвида в щеку и по-своему произнес благословление.

— Живите так, чтобы и вас назвали столпом Церкви, — сказал мистер Мёрхед.

— Не сворачивайте с пути Писания, ибо только в нем истина, — пожелал мистер Праудфут.

Уже попрощавшись, мистер Фордайс взял молодого человека за руку и задумчиво, но ласково пожал ее.

— Буду молиться, — сказал он, — о том, чтобы ваши окна всегда выходили на Иерусалим.

* * *

Гости уехали, и Дэвид Семпилл еще раз осмотрел небольшое имение, как ребенок, пересчитывающий свои сокровища. День незаметно сменился вечером, и склоны Оленьего холма, красные от цветущего вереска, поманили молодого человека на прогулку. Он хотел посмотреть на низину и расположившийся в ней приход издали, вспомнить

все черты родного края, успевшие позабыться за прошедшие годы. Его черный кафтан и штаны, пошитые в Эдинбурге, были слишком хороши для прогулок по пустоши, но грубые крестьянские башмаки и вязаные овечьи чулки, подаренные в Ньюбиггине, как нельзя лучше подходили для этого, и он зашагал по склону размашистой походкой пастуха. Перебравшись через речушку Майр, он увидел усадьбу Майрхоуп, перед ней рос ячмень с крапивой на окрайках, а на другом поле, чуть дальше, покачивались метелки молодого овса. Наконец он почти добрался до вершины Оленьего холма, где лежали аккуратно уложенные поленицы торфа, высушенные настолько, что при каждом дуновении ветерка от них летела густая пыль. Под присмотром пастушонка здесь бродило майрхоупское стадо хилых черных овец, чьи шкуры перепачкались сажей и свалились так, что животные напоминали чудовищных слизней. Они добывали скудное пропитание, обгладывая заросли вереска, и оставляли за собой вонючие клочки шерсти на искореженных сучьях, так и не очистившихся от гари после мартовского пала. На самой верхушке холма Дэвид удобно расположился на поросшем чабрецом участке между базальтовыми осыпями и поглядел на долину.

Сердце все еще пело. Посещение священнической братии не смутило его, поскольку даже их приземленность виделась ему сквозь золотистую дымку. Мистер Мёрхед казался отважным дозорным на стенах Иерусалима, мистер Праудфут — стражем чистоты Храма Господня, а мистер Фордайс, с его изможденным ликом и грустными очами, безусловно, был святым. Именно мистер Фордайс запал ему в память. Благостный праведник, хранящий выпавшие зубы, дабы облегчить Господу дело телесного воскресения, любитель звезд и страстный книжник. Дэвида переполняло желание служить Богу, но он чувствовал, что не все обязанности ему по плечу. Он не создан для защиты Церкви от недоброжелателей, представляющих Государство; да, он будет ее отстаивать, но не раньше, чем его вынудят к этому. Пусть другие охраняют чистоту канона от примесей: он всей душой приемлет церковные догмы, но не его дело соз-

давать их. Все, чего он алчет, это спасти и утешать людские души.

Здесь, на вершине холма, пастор из Вудили представлялся иным человеком, не похожим на того, кто принимал собратьев в темных комнатках своего дома. Крепкое тело, здоровый цвет кожи и всклокоченные волосы по-прежнему казались мальчишескими, но лицо принадлежало мужчине. Его черты говорили о вдумчивости, духовной утонченности и решительности, не свойственных юности, а в глазах пылала страсть. Его подбородок мог принадлежать борцу, но рот его был ртом утешителя. Пять лет назад он мечтал о жизни ученого. В колледже он считался хорошим эллинистом, а его стихи на латыни и английском были отмечены знатоками, собиравшимися в книжной лавке Роберта Брайсона «Под знаком Ионы-пророка» на Вест-Боу. Когда вера призвала его к служению, он воспринял это не как отказ от прошлого, но как стремление к совершенству. Счастливая увлеченность сделала его слепцом, не замечающим раздоров и зависти в лоне Церкви, он видел только ее блистательное предназначение. Красота, таящаяся в книжных строках, стала казаться частью еще более величественной красоты мира и Небес в Откровении Господнем. Став проповедником, он не перестал быть гуманистом. Некоторые косились на него, полагая, что для священника он слишком увлечен земными науками, иные думали, что он чересчур жизнерадостен для пастыря в этом бренном мире. Но недоброжелателей было по пальцам пересчитать, ибо Дэвид излучал такой свет и тепло, что даже самые озлобленные души не могли устоять против его доброго нрава. «Это очень хороший юноша, — отозвался о нем старик-священник после рукоположения. — Да будет Всевышний милостив к нему!»

Первым делом глаза Дэвида отыскивали храм Вудили. Он смотрел на пастырский домик между деревьями, на кирку с соломенным верхом: когда-то крыша была свинцовой, но

граф Мортон¹ приказал ободрать ее и переплавить на пули. Смотрел на похожие на улы деревенские постройки и возвышающуюся над ними двускатную крышу «Счастливой запруды». Смотрел на соседние усадьбы: Мэйнз, Чейсхоуп, Нижний Виндивэйз, Кроссбаскет и две фермы Феннан, каждая с лоскутами полей на склонах над болотами. Он видел мельницу Вудили, бездействующую в ожидании урожая, и стога сена на холме Виндивэйз, и мельника, стригущего овец. Этим ясным вечером все вокруг дышало миром и покоем, и сердце Дэвида затрепетало. Тут живет его народ, его паства, приглядывать за которой его поставил Бог. Душа устремилась к ним, и в этом внезапном приливе нежности он почувствовал, что никогда у него не было ничего более важного, чем этот озаренный закатным солнцем приход.

Он поднял глаза и поглядел вдаль, на высокогорье, окружившее долину, подобно огромному амфитеатру. Поначалу взгляд его казался отрешенным, но он вспомнил дни детства и начал перечислять про себя названия вершин. Вон лысая верхушка Лэммерло, вон Зеленая Груда, за ними длинная гряда Хёрстейнских утесов, в детстве так манивших неизведанными тайнами. Холмы прорезало изумрудного цвета ущелье, по которому из далеких истоков нес свои воды Аллер, а за ним виднелись более темные скалы и вереск Рудской долины. Он сумел разглядеть там луга, где некогда так любил резвиться. Раньше он смотрел на все другими глазами, ведь ребенок живет в увеличенном воображении мире и видит огромное в малом. Поразительно: до этого он не понимал, насколько обширны местные леса. Он вспомнил, как ездил в Рудфут сквозь чащу, вспомнил бесконечные заросли кустарника вдоль речки Руд. Но тогда его владениями были луга и открытые пространства, и в памяти остались лишь залитые солнечным светом пустоши, где кричали кроншнепы и чибицы, а из продуваемых вет-

¹ Джеймс Дуглас, 4-й граф Мортон (1525-1581) — один из лидеров протестантов и регент Шотландии в 1572-1581 гг. в период несовершеннолетия короля Якова VI.

рами верещатников били источники. Но сейчас он ощутил, что хозяин этой местности — лес.

Лес был везде, он душил низину Вудили и Аллерскую долину и до самых вершин окутывал холмы мраком. Особенно дремучим он казался у подножия Рудских склонов, а выше редел, превращаясь в дубравы и орешники, между которыми виднелись чисти. Пейзаж пробудил фантазию. Вудили всего только прогалина в чаще. А вокруг *Silva Caledonis*, Каледонский лес: о нем писали в старинных книгах, он когда-то покрывал все вокруг, в нем простирались владения короля Артура. Ему пришла на ум скверная латынь барда Мерлина и странные вирши Честного Томаса¹ — бабушкины сказки об этом священном крае. Он вырос на них, но не придавал им значения, и теперь это пришло как откровение. *Silva Caledonis!* Где-то там наверху, у вод Руда, стоял Калидонский замок. Неужели даже название не поменялось?

Воображение молодого человека не знало удержу, и он уже другими глазами смотрел на зеленое море, сияющее бликами там, где протекал Аллер. Сперва, в мягком вечернем свете, округа выглядела мирной и уютной, даже темные сосны будто светились изнутри, а колышущиеся верхушки березовой рощи походили на дым родного очага... Но стоило солнцу упасть за холмы, картина резко преобразилась. Тень превратилась в мрак, во враждебную, непролицаемую черноту. Березы все еще колыхались подобно дыму, но сейчас это был густой дым языческого алтаря. Умиравшее солнце окрасило далекие отмели Аллера, и они заструились кровью... Священник задрожал, но тут же посмеялся над своей глупостью.

В лощинах легла тьма, но на верхушках холмов пока было светло. Огромный лес, казалось, двигался, уподобившись всплескам прилива, вздымающегося и грозящего поглотить песчаную отмель — Вудили. Священник вновь посмеялся

¹ Томас Лермонт из Эркельдуна (ок. 1220-ок. 1290), также известный как Честный Томас или Томас-Рифмач — шотландский бард, персонаж кельтского фольклора.

над собой, но теперь не столь уверенно. В тених древней чащи ему мерещилась таинственная жизнь. Вудили никогда не станет похожим на остальные приходы, как и его паства всегда будет отличаться от людей из других мест. Лес, многовековой Каледонский лес, давно завладел их душами и определил их нрав... Дэвид вспомнил, что кто-то назвал его Черным лесом... Точно, они говорили об этом днем. Мистер Мёрхед намекнул, что худо жить в такой близости от него, и мистер Фордайс мрачно покачал головой, сказав, что если бы деревья умели говорить, они бы открыли много страшного... Неужели здесь оплот Дьявола, заманивающего глупцов во тьму? Не о заблудшей ли душе говорится *Itur in antiquam silvam*¹?

По натуре Дэвид не был суеверным человеком, но обладал избыточно живым воображением и умом, отточенными занятиями, а потому быстрым. Он успел почувствовать, что нашел себе противника. Не станет ли Вудили для слуги Божьего пограничной заставой против ужасных тайн язычества?.. Вдруг за спиной Дэвида раздался голос, и по телу пробежала дрожь.

Кто-то напевал слова заговора против боглов², знакомые пастору с детства:

Прочь отсюда уходи,
Поспешай, других не жди.
Вдоль речушки в злые топи
Пошустрей отсюда топай.

Из сумерек выступила причудливая фигура. Это был высокий парень, которого будто переломили посередине, потому как передвигался он согнувшись почти вдвое. В меркнувшем свете Дэвид увидел, что пришедшему лет тридцать, борода у него черная и густая, губы выпуклые и красные.

¹ «Идет в древний лес» (Вергилий, «Энеида», кн. VI).

² Боглы, или эттины, — гиганты из британского и шотландского фольклора. Но здесь имеется в виду весь волшебный народ, эльфы и феи.

Одежда его давно превратилась в лохмотья, швы старого кожаного колета зияли дырами, короткие шерстяные штаны обтрепались, ноги он обмотал грязными тряпками. Башмаков не было, неумытое лицо цветом напоминало бузину. Он опирался на длинный ясеновый посох; синяя шапочка, как ермолка, плотно обтягивала голову.

Дэвид узнал в парне Тронутого Гибби, деревенского дурачка, приветствовавшего его на ординации мычанием и воплями. При встрече на улице Гибби показался ему обычным полоумным калекой, каких селяне и за людей не считают, но в сумрачном свете на холме он представлялся ожившим мертвецом, странным выходцем из старого мира. Священник непроизвольно сжал свой посох покрепче, но намерения Гибби были самыми дружескими:

— Добрейшего вам вечера, мистер Семпилл, сэр. Увидал, как вы лезете на холм, и порешил пойти следом, вот как хотелось поздороваться и побаять с вами. Но пропустили вы, что тот косой. Быстроног-то как, молвил я себе, для Божьего служителя вельми быстроног, хучь и негоже пасторам этак бегать.

Существо говорило таким красивым и нежным голосом, что казалось, он принадлежит женщине, а не мужчине. Прознося это, Гибби беспрестанно кланялся, гладил руку Дэвида и заглядывал ему в лицо яркими, сумасшедшими глазами. Затем он вцепился в рукав пастора и силком заставил повернуться и осмотреться.

— С Оленьего холма, сэр, много чего увидеть можно, не то что с Фасги¹ с одним токмо видом на Землю обетованную. Гляньте на нагорье, тама вам и пригожая пойма Аллера, и славная деревенька Вудили, в коей домишки так и льнут к кирке, ровно котятки к мамке.

— Я смотрел на Лес, — сказал Дэвид.

Гибби разразился громким хохотом:

¹ Фасга, гора Нево́ или Небо́, гора Моисея — гора на западе Иордании. Согласно Второзаконию, с этой горы Господь показал Моисею всю Землю обетованную.

— Во мгле вечерней вид с Оленьего холма вельми причудлив. Токмо отсель дано узреть немалое паучиное тенёто, ведь понизу в долине сокрыто оно от взора купами дерев так, что башка кружится и как под чарами ходишь. Ох и дикий у нас Лес, мистер Семпилл, сэр!

— А ты его хорошо знаешь, Гибби?

— Я-то?! Я туды не ходок. Держуся проторенных троп, зане страшуся его темных глубин. — Он вновь засмеялся и шепнул прямо на ухо: — Но в иной час и я иду в Лес. Иду, мистер Семпилл, как кое-кто в Вудили.

Он вглядывался в лицо священника, стараясь понять, как тот воспринимает его слова. Заметив недоумение Дэвида, он довольно усмехнулся:

— Гибби даст совет, сэр, не бродите обок Леса. Не для Божьих людей то место, не для вас, сэр, и не для горемыки Гибби.

— Зовут ли местные его Черным лесом?

Гибби сплюнул.

— Разве что пришлые, — презрительно сказал он. — В Лесу-то ничего «черного» нету. Но ведомо ли вам, как извеку прозывались тутошние места? — снова доверительно зашептал он. — Меланудригилл.

Дэвид повторил название. Он начал мысленно перебирать то, что знал о языческих верованиях, и гадать, нет ли в слове греческих корней.

— Должно быть, название переводится как «место у темных вод», — предположил он.

— Не-а, не так. Ошибли вы, мистер Семпилл. Никаковских темных вод в Меланудригилле не водится. На юг текут семь горных рек, и вода в них чиста, как и в Аллере. Но помалкивайте об этом при других, мистер Семпилл, и не проболтайтесь, что проведали про то от Гибби. Само слово худое, лихое. Его можно говорить токмо в безопасных местах, реци, на Оленьем холме, но случися вам шепнуть его в Лесу, почнет твориться неладное. Я и самолично свое имя тама молвить не смею.

— Ты ведь Гибби. Гибби и всё?

Лицо дурачка сначала вытянулось от страха, но потом просветлело:

— Человеку Писания я могу открыть его. Имя мне Гилберт Нивен. Ведаете, где я получил его? В Лесу, сэр. Ведаете, кто мне его даровал? Добрый народец. Но помалкивайте о том, что сказываю вам.

Ночь вступила в свои права, и Дэвид, в последний раз взглянув на черный провал под собой, направился домой. Дурачок захромал рядом, шагая так широко, что крепкие ноги молодого священника с трудом поспевали за ним. Гибби не переставал бормотать:

— Внимайте совету Гибби, держитесь от Леса сторонкой, мистер Семпилл, а коли надобно вам вдругоряд в Рудфут аль в Калидон, не сворачивайте с торного пути. Слыхивал я, что во время оно, покуда кирка была монастырем, монахи что ни год выходили с колокольцами да свечами и благословляли дорогу, дабы не встречалось на ней боглов. Но ажно они, души святые, не решались забредать в Лес. Не ведаю, поболе ли у пастора сил, чем у монаха, но человек в здравом уме так и деет. Гуляйте по добрым местам, как этот холм, а ежели придет нужда пуститься в путь, поезжайте на запад чрез Чейсхоуп, а на восток чрез Аллерский приход. Божий человек в Лесу без помощи.

— Разве нет там моей паствы?

Гибби замер как громом пораженный.

— Вашей паствы! — вскричал он. — В Лесу! — Он недоверчиво посмотрел на Дэвида. — Не, не-а. Никто тама не селится. Нижний Феннан и тот чуток в сторонке, а Риверсло от ближнего дерева в полете стрелы. Но селиться в Лесу! Не, не, надобно отбить себе глузды, дабы решиться на этакое! Нету тама домов, выстроенных рукою человечесьей, никто не желает быть сцапанным боглами, раньше чем поднимется первый урожай.

Около Майрхоупской усадьбы Гибби поспешил прочь, ухая, как ночная птица.

Глава 2

ДОРОГА К КАЛИДОНУ

Священник только успел приступить к ужину, состоявшему из каши и пахты, когда в комнату влетела мрачная Изобел. Ее морщинистое красное личико было мокро от слез.

— Пришла дурная весть с займища, мистер Семпилл. О Марион Симпсон, жене Ричи Смэйла, гриншилского пастуха. Марион, горемыка, год как слегла, и вот время ее на исходе. Ходебщик Джонни Дау к ним заглядывал и тотчас к нам, рассказывает, Ричи сам не свой, а жена его навряд ночь протянет — надобно пастору спешно в Гриншил идти. Детят им Бог в милости своей не дал, но Ричи с Марион души друг в дружке не чаяли. Ричи добрый христианин, ажно шла молва о том, что изберут его старейшиной в Совет. Разумею я, пора вам в дорогу, сэр.

Это было его первое пасторское посещение, поэтому Дэвид охотно откликнулся на просьбу, хотя и собирался перед сном провести время за книгами. Он всунул ноги в сапоги, оседлал серого пони, накинул на плечи плед и через десять минут был готов к отправиться в путь. Изобел наблюдала за ним с материнской заботой:

— Обратно приедете, а я уже зля согрела: издрогнете вы до кости, хучь ночка выдалася ясная да затишная. Тропы-то ведаете? Вверх по Майрхоупу, а тама окружь холма.

— Через Рудфут будет быстрее, дело не терпит задержек.

— Но то ж по Лесу, — выдохнула Изобел. — Я б ни за какие коврижки по тьме туды не поехала, никто б из Вудили не поехал. Но с пасторами-то все иначе, дело ваше.

— Дорога ровная? — спросил Дэвид.

— Угу, дорожка-то ровна. С дорожкой-то все славно. Однако ж боязно тама ехать опосля заката. Но вы поезжайте, сэр, Божий слуга не таков, как простой люд. А луна вам

путь осветит.

Дэвид отъехал от кирки, миновал ракитник и кусты бузины возле Кроссбаскета, проследовал по долине до речки Вудили, а оттуда до леса было рукой подать. Он сам не понимал, как въехал в него, очутившись среди корявых елок, разбросанных по вересчатнику. Они поодиночке росли вдоль дороги, зато справа на косогоре и ниже по течению реки хвойные заросли превращались в темное облако бора. Августовская ночь выдалась довольно светлой, и тропа, немало покореженная торчащими из земли корнями, белела перед ним. Обмелевшая после летней засухи речка шумела где-то вдалеке, в воздухе витали сладкие ароматы сосны и папоротника, непроглядная пуща, встречаясь с небом, начинала походить на зазубренную мраморную стену. Мир вокруг благоухал и безмолвствовал. Не так уж и страшен Черный лес, подумалось Дэвиду, есть на земле места и пострашнее.

Внезапно у поворота за холм деревья сомкнулись, совсем как если бы Дэвид разделся и нырнул в стоячее озеро. Дорога словно потеряла направление и пошла там, где дозволялось, воровато извиваясь с молчаливого согласия Леса и образуя бессмысленные изгибы, будто чьи-то невидимые руки отмахивались от нее. Лошадку, так легко добравшуюся сюда, теперь надо было понукать и колотить пятками и посохом в бока. Она боялась чего-то незримого, топталась на месте, пятилась и тяжело сопела, точно чувствовала что-то. Внутри Дэвида все похолодело, и как только в душу закрался страх, он попытался прогнать его, просвистев пару нот, а потом заговорив вслух. Он читал псалом, но голос, обычно громкий и густой, не было слышно и в паре шагов от него. Стена деревьев словно не пропускала звук. Дэвид попробовал кричать — с тем же успехом. Вдруг раздалось эхо, напугавшее своей странностью, пока он не понял, что это сова. Вслед за ней заухали другие, и лес наполнился жуткими криками. В ярде от него, хлопая крыльями, промчался филин, и лошадка встала на дыбы.

Дэвид миновал узкий вход в долину, и речка Вудили засверкала позади, неся воды в глубины Феннанской топи

с ее редким перелеском. Дорога поднабралась храбрости и ненадолго распрямилась и расширилась, пронзая березовую рощу. Но сосны вновь настойчиво сомкнули ряды, так что большак превратился в тропинку, напоминающую лесенку из-за торчавших повсюду корней. Вокруг порхали мотыльки, показавшиеся Дэвиду неземными: белые мерцающие создания, касающиеся крыльями его лица и пугающие лошадку почти до безумия. Она шла медленной трусцой, но все равно ее бока и шея были мокры от пота. Пастору пришлось слезть и вести ее, прощупывая каждый шаг ногой, потому что слева тропа под опасным углом уходила под откос. Совы не умолкали ни на миг, но теперь к их хору присоединилась другая птица с воплями, похожими на визг ржавой пилы. Дэвид свистел, кричал, смеялся, но голос, казалось, исходил из-под толстого одеяла. Он подумал, что это из-за пледа, но плед укутывал грудь и плечи и совсем не закрывал рта... Потом Лес неожиданно расступился, и Дэвид очутился посреди лугов.

Он узнал местность, ведь после мгlistой чащи открытое пространство, даже не озаренное луной, было очень светлым. Впереди лежала пойма Аллера, справа — такая знакомая Рудская долина. Сейчас он был готов посмеяться над своими страхами: он стоял среди полей, на которых играл мальчишкой... Почему он забыл про Черный лес, как такие воспоминания могли стереться? Ах да, он всегда ходил в Рудфут другой дорогой, той, что за Оленьим холмом, но неужели он ни разу не забредал на опушку темного соснового бора в миле оттуда? Он предположил, что ребенок огражден от всего безобразного невинностью... Но и тогда у него были страшные сны, в которых он убегал от боглов. Но не из Леса... Без сомнения, все эти страхи возникли с приходящей со временем порочностью человеческой души.

Дэвид заметил вытянутый силуэт заброшенной и быстро разрушающейся Рудфутской мельницы. Водяного колеса не было, лишь опоры торчали, как поломанные зубы; протока заросла камышом, сквозь проломы в ветхих стенах виднелся склон холма. Он давно знал, что место пустует, однако сердце кольнуло от боли, ведь он так лелеял память о

прошлом... Тропа свернула в лощину у бурлящего Руда, и у Дэвида неожиданно поднялось настроение. Этот укромный уголок не мог измениться, когда-то он исходил его вдоль и поперек, и каждый камень таил в себе восхитительные воспоминания. Проснулись былые чувства, те, что он испытывал, когда, вырвавшись из Эдинбурга, вновь посещал излюбленное пристанище, чуть не плача от возбуждения и радости. Лес по-прежнему был рядом, но представлялся теперь иным лесом, его собственным лесом. Обочины поросли орешником, пышные березы и рябины укрывали дорогу как полог, а не злая тень. Дубы казались старыми друзьями, ясени — товарищами по играм. Лошадка наконец пришла в себя, и Дэвид вновь забрался на нее и двинулся сквозь роковую ночь, переполненный счастливыми воспоминаниями.

Он ехал вверх вдоль Руда — он всегда мечтал сделать это. Ему еще не доводилось так далеко забираться в Калидон, ведь в детстве за день много не протопаешь. В те дни он дал себе обещание, что, когда вырастет и обзаведется конем, доедет до самого истока — до подножия Рудхоупа, до болотистого верещатника, где рождается Руд. Слова «вверх по реке» всегда были услодой для его ушей. Он вспомнил, как ночами лежал в постели, прислушиваясь к разговорам у дверей мельницы, куда приходили люди из тех мест: гуртовщики из Моффата, пастухи с дальних угодий, а один раз отряд солдат с юга. Там, у истока, стоял древний Калидонский замок. О Хокшоу складывали баллады, легенды о них знала каждая бабка. В старину они совершали набеги вдоль Руда и Аллера до самой Границы, а когда Масгрейвы и Салкелды ответили им вторжением, Хокшоу разбили их наголову на марше. Дэвид ни разу не видел ни одного Хокшоу: все мужчины их рода либо воевали, либо находились при монаршем дворе, — но они всегда жили в его грезах. Чаще всего он мечтал о девочке, похожей на златовласую дочь короля Малькольма из ирландской сказки про рыжего великана, мечтал о том, как спасает ее от смертельной опасности, а высокий, одетый в кольчугу отец благодарит его. И на нем тоже была кольчуга... Дэвид засмеялся, опять пред-

ставив себе это. Как же отличались его мечты от тихого служения в приходе Вудили!

Повернув к Гриншилу, он с сожалением вспомнил, зачем приехал сюда. Он тешил себя пустыми воспоминаниями по дороге к предназначенному ему месту у смертного одра. Приближаясь к жилищу пастуха, пони и наездник выглядели очень серьезными: лошадка устала брести по торфянику, а человек с прискорбием размышлял о собственной суетности.

В единственной комнате тускло мерцали лучины, дверь с окном были нараспашку. Щели убогой хижины, сложенной без раствора из взятых на этом же холме камней, забивали земля и торф, крыша была покрыта высушенным вереском. Священник сразу понял, что опоздал. У погасшего очага на низком табурете сидел хозяин, обхватив голову руками. У спального шкафа¹ суежилась женщина, разворачивая грубую простыню. Возможно, гриншилский пастух и считался хорошим христианином, но в доме имелись вещи, совсем не относящиеся к Библии. У изножья постели стояла плошка с крупной солью, а изголовье венчали скрещенные ветки ясеня.

Женщина, жена пастуха с соседнего пастбища, заслышав шаги Дэвида, прервала свое скорбное занятие.

— Вот он, туточки, — запричитала она. — Ричи, пастор пришел. Горюшко горькое, сэр, не успели вы соборовать бедняжку Миррен. Час как отошла на небеса, уж какдохала-задохалася — и угасла. Тело я подготовила, теперича покойницу обряжаю: как уж Миррен это бельишко любила, чистым держала, ореховыми веточками да розмарином перекладывала. Подите поближе, сэр, гляньте, как все ладно. Прямо будто смерть ее не коснулася, тихохонькая лежит, как ребяте́ночек. А хорошавушка-то какая, не было у Руда никого ее пригожей.

Щеки покойной напоминали воск, на глазах лежали монеты, отчего лицо приобрело сходство с голым черепом. Болезнь истончила черты; нос, подбородок и очертания лба

¹ Спальный шкаф — разновидность кровати, распространенная в Западной Европе в период Средневековья.

казались вырезанными из слоновой кости. Дэвид редко сталкивался со смертью, но нахлынувшее было отвращение быстро сменилось невыносимой скорбью. Он едва слышал стрекотню жены пастуха.

— Трудилася рук не покладая, а нонче с легкою душою отправилася на свиданье с Господом. Ох, будь благословен ее путь в тамошний край. Бывали деньки, когда она думала, что помрет, оставит Ричи. «Элспет, — говаривала мне, — как же бедолага жить-то без меня станет?» А я ей в ответ: «Миррен, подруженька ты моя, велик Господь и милосерд, огородит Ричи от бед и напастей. Живут же птички небесные», — ответствовала ей я.

Дэвид подошел к вдовцу, все еще сидящему на скамеечке у очага, и положил руку ему на плечо. Мужчина был подавлен обрушившимся горем.

— Ричи, — обратился к нему священник, — я не успел помолиться вместе с Марион, но могу помолиться с тобой.

Он начал произносить молитву, такую, как обычно, состоящую не из мозаики обрывков Писания, а понятную всем, и пока он говорил, плечо под его рукой задрожало, точно от рыданий. Дэвид был искренен в своем обращении к Богу, он долго ехал сквозь живой, цветной мир, но оказался в холодной и мрачной обители смерти. Ему было жаль многолетнего, но рассыпавшегося в прах семейного счастья и оставленного в одиночестве старика. Когда он закончил, Ричи оторвал руки от лица, и глаза, до этого пустые и сухие, затуманились слезами.

— Я не ропщу, — сказал пастух. — Бог дал, Бог взял, и я благословляю Его имя. Речено у Апостолов: Миррен ушла к Христу, в лучший мир. Иной раз сиживали мы с нею с пустыми закромами, ветер и сырь пробивались сквозь стены, огонь никак не хотел разгораться — голодовали мы и дрогли. Но Миррен больше не будет голодать, попала она под надежную защиту и славно отужинает за Господним столом. Но все же, сэр, желается мне, чтоб была на то Божья воля и я отправился в тамошний край об руку с нею. Я старик, дитяток у нас нету, и до конца дней слоняться мне, как

зверю дикому, по этой земле. Господь меня еще не скоро приберет.

— Замыслы Божии всегда верны и справедливы. Если Он пощадил тебя, Ричи, значит, есть у Него для тебя работа на этом свете.

— Не ведаю я, о чем вы. Тяжко мне, ногами скорбному, ходить по косогорам, да и ничегошеньки мне не осталось, опричь моих овец. Они ягнятся, надлежит их подстригать да резать, вот и все труды, припасенные для меня Богом.

— К чему бы ты ни приложил руку, во всем замысел Господень, лишь бы в душе жил страх пред Ним.

— Видать, так и есть, сэр. — Мужчина поднялся с табурета, оказавшись широким в кости, но тощим и очень сутулым. В зыбком свете он внимательно посмотрел на священника. — Вы вельми юны для пастора. Но я всею душою был за вас, сэр, зане проповеди ваши бойки да мощны, что тот вихрь. Помню, повторял я их для Миррен... От них на душе становилось тепло... верно, это потому как голос у вас молодой. Ведь вас Джонни Дау сюда кликнул. Благодарствую, что поспешили. Жаль... жаль, не увидали вы Миррен живою... А куда не уехали, есть у меня челобитье: благословите сей разрушенный дом и старика с Христом в сердце, но с мятежною душою.

Когда Дэвид уходил, ему показалось, что пастух поднял руку, словно сам благословлял его.

* * *

Луна висела над долиной, озаряя ее желтым светом и смягчая очертания гор между Рудом и Аллером. В воде плясали блики, и виделось, будто на отмелях серебряные рыбки преследуют золотых. Сердце молодого человека разрывалось от случившегося. Смерть идет след в след с людьми, подкарауливая за каждым углом, нашептывая на ухо в

кирке и на рынке, тихонько подсаживаясь к ним у их же очага. Скоро и гриншилский пастух ляжет рядом с женою, а еще чуть-чуть — и его собственное крепкое тело станет горсткой праха. Какой же слабой и хрупкой виделась жизнь в той бедной хижине по сравнению с великим, полным движения миром лесов и холмов и его невозмутимым существованием. Но именно люди были зеницей ока Господня. В хрупкости разбитых человеческих сердец заключалась вечная жизнь Искушителя. «Ты, Господи, — повторял Дэвид про себя, — основал землю, и небеса — дело рук Твоих; они погибли, а Ты пребываешь; и все обещают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся»¹.

Но как только дорога пошла по березовой роще, настроение Дэвида приобрело неуловимо языческий оттенок. Он не мог не поддаться энергии молодой крови, бегущей по телу, немало оживленной пребыванием в долине детства. Смерть есть мерило всего, но юности так далеко до смерти... Приглушенные тона и изящество пейзажа, линии холмов, стертые лунной дымкой, ударили в голову, как вино. То был мир преображенный и зачарованный. Слева темным пятном раскинулся Меланудригилл, как паук, натянувший сети над нагорьем и лощинами, но впереди и справа все сияло золотистым светом. Он ехал в родные края, и они встречали его с распростертыми объятиями. «*Salve, o venusta Sir-mio*»², — закричал он, и сова заухала в ответ.

Выехав на дорогу к долине, он не повернул на Рудфут. Хотя лес Меланудригилл не страшил его более, его потянуло к заросшей папоротником полянке на берегу Руда, где он любил рыбачить в детстве. Он свернул в вересковые заросли и вскоре стоял у кромки воды.

Оттуда он направил лошадку вдоль ольшаника и нос к носу столкнулся с небольшим конным отрядом, остановив-

¹ Евр. 1:10-12.

² «Милый мой Сирмион, ликуй» (лат.) — строка из стихотворения «Всех полуостровов и островов в мире...» Гая Валерия Катулла (пер. С. Шервинского).

шимся там.

Перед ним были трое верховых — военных, судя по кожаным шляпам и дублетам, а также по тяжелым кавалерийским мечам; они сидели на тощих лошадях и вели еще одну на поводу. Когда Дэвид на них натолкнулся, они совещались и от неожиданности дернулись, схватившись за оружие. Но рассмотрев, кто перед ними, успокоились.

— Доброго вечерка, приятель, — сказал тот, что выглядел как вожак. — Поздненько путешествуете.

Дэвид с удовольствием избегал бы подобной встречи, потому что о бродящих по долине солдатах ходила дурная слава. Говоривший, должно быть, понял, что на уме у незнакомца, и продолжил, объясняя:

— Пред вами трое воинов графа Ливена¹, держащих путь на север после доблестного сражения с неприятелем. Все мы из Ангуса², и генерал в честь победы дал нам отпуск. Не подскажете нам, как проехать к Калидонскому замку?

Вероятно, они приняли Дэвида за молодого фермера или повесу, припозднившегося в кабаке или у зазнобы.

— Я жил здесь в детстве и недавно вернулся в эти места, — ответил пастор. — Но все же думаю, что могу показать вам дорогу на Калидон. Луна сегодня яркая.

— Славная луна, — сказал другой солдат, — так знатно светила, покуда мы ехали вдоль Аллера, но даже ярчайшая луна не в силах подсобить сыскать жилище в густом бору, коли сам дороги не ведаешь.

Всадники выехали из тени ольхи туда, где светлее. Это были солдаты, обычные солдаты, весьма поистрепавшиеся, на усталых, загнанных лошадях. Кляча, тащившаяся на поводу, напоминала скелет. Но Дэвид заметил в них нечто, не соответствовавшее рассказанной ими истории. Говорили они по-деревенски, но голоса звучали не как у селян. Они не походили на изнуренного работой Джока или круглоли-

¹ Александр Лесли, 1-ый граф Ливен (1580-1661) — выдающийся шотландский полководец, ковенантер, фельдмаршал Швеции (1636 г.), активный участник гражданских войн в Англии 1642-1646 гг.

² Ангус — историческая область на востоке Шотландии.

цего Тэма от сохи. Все трое были подтянуты, а руки, держащие поводья, отличались изяществом. Осанкой они могли бы потягаться с любым придворным, в речах проскальзывали нотки, свойственные людям, привыкшим отдавать приказания. На худом лице смуглого жожака читалась усталость, подчеркнутая темными кругами вокруг глаз; второй говоривший был высоким загорелым парнем с косящим левым глазом и беспокойным взором задиры, тогда как третий, до сих пор не проронивший ни слова и выглядевший скорее как стремянный, стоял чуть позади вместе с клячей, но Дэвид не преминул заметить, что хотя дублет его превратился в лохмотья, усы были аккуратными и ухоженными, а подбородок аристократическим. «В войсках Ливена течет благородная кровь, — подумалось ему, — эти трое явно привычны к парадным покоем». К тому же вряд ли какой отправленный в отпуск солдат вот так запросто заедет переночевать в Калидонский замок.

Он вывел их на дорогу в долине и хотел было указать, как ехать дальше, но обнаружил, что память подводит его. Он точно знал, где на холме находится Калидон, но, хоть убей, не мог объяснить, какая тропа ведет к нему.

— Придется мне стать вашим проводником, судари, — сказал он им. — Я могу отвести вас в Калидон, но указать дорогу не в силах.

— Будем премного вам обязаны, сэр, но не хотелось бы вас затруднять. Сами-то, небось, не в ту сторону путь держите?

Молодой человек рассмеялся:

— Погода чудесная, и я не тороплюсь очутиться в постели. Через полчаса мы будем стоять у ворот Калидона.

Он повел их по вересковой пустоши, потом вброд через Руд, а затем по березовой роще. Дорога была плохая, и стремянный с плетущейся за ним клячей едва успевал за компанией. Солдаты оказались на редкость человеколюбивыми и с трогательной заботой присматривали за ним, не уставая предостерегать: «Осторожнее, Джеймс, слева мочажина», или «Лучше пройди там, по кочке». Пару раз идти становилось совсем тяжело, и тогда спутники придерживали

ведомую под уздцы кобылу, пока слуга двигался дальше. Дэвид видел, что его лицо посерело от измождения.

— Полезайте на моего конька, — предложил он, — а я поведу вашего. Мне и тропу будет сподручнее искать. Остальным же лучше спешиться. Дорога узкая, и так получится быстрее.

Солдаты беспрекословно послушались его, а усталый стремянный сел на серого пони Дэвида. Это принесло ему облегчение, крайняя озабоченность стерлась с лица, и он наконец смог оглядеться вокруг. Березовая роща сменилась голым склоном, на котором даже серый пони с трудом передвигался по каменной осыпи, а ноги лошадей разъезжались и соскальзывали. Миновав речушку и поднявшись на другой склон, они вошли в густую дубраву, которая, насколько было известно Дэvidу, опоясывала Калидон, заставляя путников даже в такую светлую ночь брести в темноте. Они то и дело спотыкались о поросшие мхом камни, сплетенные ветви низко нависали над тропой, мешая движению; местами путь преграждал непролазный кустарник, и приходилось петлять, обходя его. Стремянный на пони что-то бормотал себе под нос, и Дэвид с удивлением расслышал латинские слова. «*Ibant obscuri sola sub nocte per umbram*»¹, — шептал он. Дэвид продолжил стих: «*Perque domos Ditis vacuas et inania regna, Quale per incertam lunam...*»²

Всадник засмеялся, и Дэвид, подняв глаза, впервые рассмотрел его лицо — продолговатое, очень бледное, небритое и грязное, но ни в коем случае не принадлежащее слуге. Тонкий орлиный нос и широкие, красиво очерченные брови были привлекательны, но глаза приковывали к себе в первую очередь — серые, сияющие, властные и в то же время задумчивые. Дэвид так отвлекся на спутника, что споткнулся о камень и едва не свалил лошадь.

¹ «Шли вслепую они под сенью ночи безлюдной» (лат.) — Вергилий, «Энеида», кн. VI (пер. С. Ошерова).

² «В царстве бесплотных теней, в пустынной обители Дита, — / Так по лесам при луне, при неверном свете зловещем».

— Вот уж не знал, — тихо и мелодично произнес наездник, — вот уж не думал, что встречу в этих местах ученого.

— И я не ожидал, — сказал Дэвид, — что люди Ливена читают Вергилия.

Они выехали на дикий выпас, заросший мелким колючником и с огромной каменной крепостью посередине. Здесь горная речка текла по дну оврага, используемого как защитный ров замка, кажущегося при свете луны белым, точно мрамор. Не без труда преодолев спуск, они очутились на большаке, ведущем из долины и заканчивающемся у высокой арки ворот, вокруг которых ютились с полдюжины хижин.

Заслышав цокот копыт, из домишек выскочили люди, и один из них вцепился в сбрую передней лошади. Дэвид со стремянным ехали позади, и переговоры вел смуглый вожак. Рука, вцепившаяся в поводья, тут же отпустила их: эти простые солдаты держали себя как высокородные дворяне.

— Мы желаем переговорить с хозяином Калидона, — сказал смуглый. — Вот, передайте ему перстень. Он знает, что это. — Дэвиду показалось любопытным, что кольцо с печатью, отданное в замок, хранилось у слуги.

Через пять минут посланец вернулся:

— Хозяин ожидает вас, судари. Я заберу лошадей и оружие, коли оно у вас имеется. Сюда пожалуйста, через большую воротину.

Дэвид собрался уезжать.

— Вот вы и в Калидоне, — сказал он, — пора нам попрощаться.

— Ну уж нет, — воскликнул смуглый. — Пойдете с нами и отведаете доброго вина за оказанную услугу. Николас Хокшоу с радостью попотчует вас.

Дэвид хотел отказаться: час был поздний, а путь до Вудили неблизкий, — но стремянный положил руку ему на плечо.

— Пойдемте же, — сказал он. — Сочту за честь посмотреть на знатока Вергилия при свете поярче, чем лунный. — К своему изумлению Дэвид вдруг понял, что такая просьба

не терпит отказа. Спокойное лицо спутника излучало настоящую власть, и священнику почему-то расхотелось уезжать.

Вся компания спешила, военные прихрамывали после долгих часов в седле. Но хромота смуглого вожака никуда не пропала и через несколько шагов, и Дэвид понял, что у того покалечена левая нога. Войдя во двор, они увидели квадратную громаду замковой башни. В низком дверном проеме, украшенном высеченным в камне ястребом, родовой эмблемой Хокшоу, трепетал огонек свечи.

Военные склонились, проходя внутрь, и Дэвид увидел, что свечу держит молоденькая девушка.

Глава 3

ГОСТИ КАЛИДОНСКОГО ЗАМКА

— Не желаете ли войти, судари? — спросила девушка. На ней была темная домотканая одежда, голову и плечи покрывала яркая шаль. Она держала свечу прямо перед собой, и Дэвид не мог разглядеть ее лицо. Он предпочел бы поехать домой, а не входить в Калидон в столь поздний час в компании незнакомцев, но рука стремянного на рукаве удерживала его:

— Надо, надо выпить на посошок, приятель. Вся ночь впереди, луна еще так высоко.

Ступени резко уходили вверх почти от самого порога. Калидон строился как приграничная крепость, первый этаж которой отводился под хлев и конюшню, а люди жили наверху. Девушка указывала дорогу:

— Прошу за мной, судари. Мой дядя ожидает вас.

Они оказались в огромном помещении, занимавшем всю ширину здания, а в длину ограниченном только коридором и лестницей. Дюжина свечей, зажженных в явной спешке, освещала темные дубовые балки и голый камень стен между грубыми шпалерами. Деревянный пол, побуревший от времени и употребления, покрывали разбросанные овечьи и оленьи шкуры. Мебель состояла из двух длинных дубовых столов, огромной дубовой лавки и многочисленных тяжелых веселых табуретов старинной работы; у большого открытого очага стояли два древних кресла, обтянутых тисненой кордовской кожей. В очаге тлели угли, и прозрачный голубоватый дымок поднимался вверх, пятная копотью гигантский герб, вырезанный из камня и окруженный лесом оленьих рогов и добытыми в боях тарчами и пиками.

Дэвид, привыкший к низким городским потолкам и маленьким комнатам, пораженно оглядывал громадный зал и чувствовал себя не в своей тарелке. В детстве легенды о

Хокшоу слишком глубоко врезались в его сознание, и теперь он не мог войти в это жилище без благоговейного трепета. Его так поглотило созерцание замка, что он вздрогнул от неожиданности, увидев его владыку: к ним подошел хромой человек, сгрёб в охапку смуглого предводителя и расцеловал в обе щеки.

— Уилл, — сказал он, — мой старый товарищ Уилл! Добрым ветром занесло тебя нынче в Калидон. Это ж надо, шесть лет не видались.

Хозяин был среднего возраста, очень широкоплечий; густые волосы на массивной голове растрепались, оттого что с них только что сдернули ночной колпак. Он не успел переодеться: завязки дублета и штанов болтались, а поверх он накинул старый клетчатый шлафрок. Его оторвали от чтения, и курительная трубка все еще дымилась у раскрытого фолианта. Дэвид обратил внимание, что изучал он «Киропедию» в переводе Филемона Холланда¹. Глаза хозяина были голубыми и холодными, щеки красными, борода русой с металлическим оттенком, а голос порывистым, как ветер нагорья. Хокшоу сильно хромал при каждом шаге.

— Дружище, Уилл, — кричал он, — ты да я, то ж цельный отряд калек. Войны в Германии² оставили нас обоих колченогими. А кого ты с собой привел?

— Таких же, как я, солдат Ливена, Ник, возвращающихся домой в Ангус.

— На сей раз в Ангус? — Хокшоу подмигнул и задорно расхохотался.

— В Ангус, но мы слишком долго постились, дабы тратить время на имена и звания. Богом клянусь, нас терзает зверский голод, какой мы с тобой не знавали в Тюрингии. И со мной добрый человек, проводивший нас через ваши болота и заслуживший угощение.

¹ «Киропедия» — произведение древнегреческого писателя и историка афинского происхождения Ксенофонта, описание жизни и правления персидского царя Кира. Филемон Холланд (1552-1637) — английский педагог, врач и переводчик.

² Здесь и далее речь идет о событиях Тридцатилетней войны (1618-1648).

Николас Хокшоу внимательно посмотрел на Дэвида:

— Не буду утверждать, что знаком с этим джентльменом: я слишком долго отсутствовал в родных местах и многое позабыл да упустил из виду. Однако недостатка в мясе и пиве у нас нет, и я успел приказать Едому пошевеливаться, едва получил твой знак. У нас тут знатное пиво, немало бутылок французского, да от отца канарское крепленое осталось. На закуску ветчина и здоровенный кусище пирога, уж не знаю, что еще в том пироге, но тетерева, бекасы и зайцы, что я сегодня настрелял, точно все в нем. Да Едом тоже не промах, найдет чем угостить в Калидоне. Держи свое кольцо, Уилл. Стоило мне узреть герб на нем, я смекнул, что ко мне приехал кое-кто поважнее...

— ...твоего старого друга Уилла Ролло и двух бедных солдат Ливена. А мы-то о нашей важности и ведать не ведаем. — Смуглый взял перстень и передал его стремянному, стоявшему вместе с Дэвидом в сторонке, и глаза Николаса Хокшоу на мгновение расширились от изумления.

Дряхлый слуга и босоногая чернавка принесли угощение, и двое воинов накинулись на него, как изголодавшиеся вороны. Стремянный ел мало, пил еще меньше и, хотя был самым худым из троицы, казался равнодушным к выставленным блюдам. Хромой, звавшийся Уиллом Ролло, наконец насытился и погрузился в воспоминания вместе с хозяином замка. Второму кавалеристу, долговязому и жилистому, требовалось больше, и вскоре на месте пирога лежал лишь кусочек. Он подвинул остатки — крылышко куропатки и заячьи потроха — поближе к стремянному, но тот улыбнулся и жестом приказал унести их. Дэвид подумал, что у Ливена живется неплохо, раз к слугам относятся с такой заботой.

— Славные были денечки, когда сражались мы под знаменами Мелдрума¹ за Протестантский союз. Этот человек умел повести за собой, хоть у нас и не нашлось равных ве-

¹ Джон Мелдрум (?-1645) — англо-шотландский военный деятель.

ликому Густаву¹, способному вдохновить на подвиги войско с таким множеством наречий да племен, будто при столпотворении Вавилонском. Да, поздненько мы там появились. Не бились при Брейтенфельде², а застали лишь черный день при Лютцене да еще более горькое поражение при Нёрдлингене, когда повел нас Бернхард³, как стадо, на бойню. Для тебя, Уилл, то был конец кампании. Помню, оставил тебя среди павших, облобызав на прощание, и тут же сам заполучил пулю из мушкетона промеж ребер. Позже услышал я, что ты жив и вернулся в Шотландию, но сам я в ту пору был со стариком Врангелем⁴ в Померании и не ведал, куда от собственных забот деться.

Разговор все продолжался, вспоминали бытность свою в Лиге, тяготы походной жизни и полузабытые сражения, сыпали именами: Лесли, и Гамильтонов, и Керров, и Ламсденов, и еще сотни шотландских наемников...

— Ушел я в отставку после года службы у Торстенссона⁵ с его шведами... случилась небольшая заварушка в Саксонии, и имел я несчастье поймать рикошетом осколок ядра в лодыжку: хромать мне отныне до скончания дней. Служил я под началом полковника Сэнди Лесли, брата Лесли из Болкхейна, того самого, что умертвил Валленштейна в

¹ Густав II Адольф (1594-1632) — король Швеции, часто упоминается как «Снежный король» и «Лев Севера».

² Битва при Брейтенфельде (1631) — один из эпизодов Тридцатилетней войны, в ходе которого шведы нанесли мощное поражение Католической лиге под командованием Тилли. Первая крупная победа протестантов в столкновениях с католиками.

³ Битва при Лютцене (1632) — одна из крупнейших битв Тридцатилетней войны между шведскими войсками под командованием Густава II Адольфа и габсбургскими подразделениями, в ходе которой погиб шведский король. Битва при Нёрдлингене (1634) — одно из ключевых сражений третьего периода Тридцатилетней войны, приведших к окончательной утрате Швецией позиций гегемона в Германии, новому усилению позиций Габсбургов и вступлению в войну Франции. Бернхард Саксен-Веймарский (1604-1639) — протестантский полководец.

⁴ Герман Врангель (1587-1643) — шведский фельдмаршал.

⁵ Леннарт Торстенссон (1603-1651) — шведский полководец.

Эгере¹, но был он благороднее своего родственника и хорошим протестантом. Он отправил меня домой, ибо с того дня солдат я сделался никудышный. Да я и сам это скоро смекнул, лишь увидал, как наш эскулап залатал мне ногу... Поэтому-то ты и застал меня здесь, Уилл. Отсиживаюсь в сей гряде камней, доставшейся мне от пращуров, хоть слухи о войне носят над долиною, как восточные ветры. Жду твоего рассказа. Дошло до меня, что Дэйви Лесли...

— О новостях позже, Ник. С нами гость, коему болтовня о войне ни к чему. — Дэвиду показалось, что между двумя старыми солдатами мгновенно возникло понимание, особенно после того, как под столом один наступил другому на ногу.

— Я человек мирный, — сказал Дэвид, в котором проснулось любопытство, — но и до меня добрались вести о славной победе войска ковенантеров в Англии. Если вы и впрямь идете с юга, я бы с радостью узнал об этом побольше.

— То была верная победа, — начал кривоглазый кавалерист, — потому-то Ливен и отпустил нас домой. С жалованием в кошеле, что не всяк солдат в сих краях видал.

— Я слышал, — продолжил Дэвид, — что Армия ковенантеров сражалась за высокие идеи, а не за низкий барыш.

— Это за какие такие идеи?

— За чистоту веры и Венец Христа.

Кавалерист тихонько присвистнул.

— Точно. Не поспоришь. В войске Ливена то и дело Писание восхваляют. Но, добрый друг, одним Святым Словом сыт не будешь, надобно подумать и о хлебах и рыбах. Не хлебом единым жив человек, а вот как быть, коль хлеба нету, проповедями-то брюхо не набьешь. Барыш не низок, ежели честно добыт и добыт для семейства — жены да детят. Служил я во многих землях и средь странного люда, и по-

¹ Альбрехт Венцель Эусебиус фон Валленштейн (Вальдштейн) (1583-1634) — имперский генералиссимус и адмирал флота, выдающийся полководец Тридцатилетней войны. Убит заговорщиками в замке Эгер (сейчас Хеб в Чехии). Майор Уолтер Лесли участвовал в убийстве.

верьте, сэр, первое, о чем помышляет солдат, это его жалование.

— Но он не может сражаться без идеи.

— Еще как может и будет вельми хорош, коль у его сержанта рука тяжела. Видал я в Европе, как наемники вставали каменной стеной пред конем Валленштейна, ибо ведали дело свое и страшились смерти меньше, нежели языка командира. И видал я дворян, гордых, как Люцифер, благородных, как львы, с красивыми словесами на устах, но бросающихся врассыпную, стоило им слышать первый залп. Войну решает дисциплина.

— Но если есть дисциплина, не поможет ли убежденность в собственной правоте сражаться еще достойнее?

— Истину глаголете, и ведома она еще одному человеку в Англии. Кромвелю. Его кавалерия надежна, аки железная ограда, и неистова, аки река в паводок. У них дисциплина шведов Густава, а в сердцах адский пламень. Верьте мне, ничто в сих землях не устоит пред ними.

— Я не питаю любви к еретикам, — сказал Дэвид. — Но неужели шотландцы менее стойки, неужто Ковенант не разжигает огонь в их душах?

Мужчина пожал плечами.

— Ковенант для солдата аки кислая капуста. Дэйви Лесли удалось сколотить своих людей в подобие армии, ведь он обучался военному делу у Густава. Думаете, нашей пехоте, живущей на пресных лепешках, есть дело до черных сутан Вестминстера? Человек сражается за короля, за свою страну и за свободу служить Господу на свой манер. Но пока у него имеется голова на плечах, он и пальцем не пошевелит лишь за-ради церковного правления.

Дэвиду стало не по себе. Он чувствовал, что необходимо вступить за веру, иначе он будет повинен в грехе Мероза, чьи жители были прокляты, когда не пришли на помощь Господу. Но ему мешало ощущение, что он и сам до конца не верит в собственную правоту. Это же не богохульство сомневаться в том, насколько глубоко проник Ковенант в людские души? Разве пастор из Колдшо не высказал сегодня подобное опасение?

Николас Хокшоу не отводил от него взгляда.

— Должен же я тебя, приятель, знать, раз талдычат мне, что ты из наших краев. Да и лицо у тебя навроде знакомое, а имя припомнить не выходит.

— Зовут меня Дэвид Семпилл. Я новый пастор прихода Вудили.

— Внучок старика Уота с Рудфутской мельницы! — вскричал Николас. — Слышал, что вы прибываете, сэр, тем паче являюсь главным собственником при приходе. Рад встрече. Дружище, знал я вашего дедушку, никогда меня, мальчика, без гостинчика не отпускал. Вы вернулись к своим людям, мистер Семпилл, да будет ваше служение в Вудили долгим и счастливым.

Но гости не разделяли благодушия хозяина. Они переглянулись, и высокий пересел, заняв место между Дэвидом и стремянным. Последний отмалчивался весь разговор, не проронив ни слова даже после ужина: просто сидел со склоненной головой, будто глубоко задумавшись. Но вот он поднял глаза на Дэвида и произнес:

— Я не менее предан Церкви Шотландии, чем вы, мистер Семпилл. Вы назначенный приходской священник, я смиренный церковный старейшина.

— Какого прихода? — тут же спросил Дэвид.

— Моего родного прихода к северу от Форта.

Дэвид посмотрел в лицо говорившему и сразу забыл о его потрепанной одежде и низком звании. В ярком свете пламени он увидел, что это лицо дворянина. Каждая черта говорила о высоком происхождении, в контурах рта читалась твердость, печальные серые глаза светились умом. Голос звучал приятно и мелодично, весь облик свидетельствовал о благородной — и властной — натуре.

Теперь, когда высокий кавалерист пересел, ничто не закрывало стремянного от взгляда Николаса Хокшоу. И произошло нечто странное. Хозяин, долго всматривавшийся в гостя, сначала с удивлением, а потом с узнаванием, привстал и собрался заговорить. В его глазах, которые он был не в силах оторвать от стремянного, Дэвид заметил почтение, смешанное с восторгом. Но опять нога хромого Уилла

опустилась на ступню хозяина замка, а рука легла на предплечье. При этом Уилл произнес несколько слов на языке, не знакомом Дэвиду. Николас, с тем же удивленным и взволнованным лицом, опустился на место.

Вновь раздался голос стремянного:

— Вы ученый, вы молоды, вы горите своим призванием. Вашему приходу повезло с пастором, и желал бы я, чтобы священнослужители по всей Шотландии были такими, как вы. Но что общего в ваших и моих устремлениях? Чистые идеалы и свободная Церковь? Неужели ничего, кроме этого?

— Более всего на свете я желаю быть поводырем для паствы, дабы привести ее в Царство небесное.

— Аминь. Но дело здесь не только в спорах вокруг церковного управления. Вы тоже ратуете, если я понял вас верно, за свободу и благосостояние Отчизны, мечтаете, чтобы наша Земля обетованная жила в мире и процветала в своих границах.

— Если будет достигнуто первое, второе не заставит себя ждать.

— Без сомнения. Но только если воцарится мир... только если Церковь ограничится спасением душ и не распространит свои труды на бесплодные пустоши. Она должна подчиняться лишь Царю Иисусу. Заметьте, не царю Ковенанту.

Его слова напомнили Дэвиду горькие упреки мистера Фордайса, брошенные в лицо пасторам из Аллера и Боулда.

— Подобаает ли священнику или приходскому старейшине изыскивать недостатки в делах Церкви? — спросил он, но фраза прозвучала не слишком уверенно.

Стремянный улыбнулся:

— С должным ли почтением вы, мистер Семпилл, относитесь к Королю, как приказывает Писание?

— Я предан его величеству в той мере, в какой его величество предан закону и религии.

— Вот как. Таковы и мои убеждения. Король должен знать пределы своего господства, только тогда он имеет право властвовать в свободной стране. Моя преданность Церк-

ви зиждется на том же. Я верен ей, пока она исполняет обязанности, возложенные на нее Богом, а это, прежде всего, ее долг вести смертных к Господу. Стоит ей забыть об этом и с присущим ее служителям высокомерием влезть в дела мирские, я восстану против нее, как восстал бы против Короля в схожем случае. Ведь при подобной порочности и Церковь, и Король обратятся в тиранов, а люди, стремящиеся к свободе Христовой, не должны терпеть тирании.

— Тем более шотландцы, — вставил высокий кавалерист.

— Мне это не совсем ясно, — помолчав немного, сказал Дэвид. — Я пока не задумывался над этими вопросами: я совсем недавно был рукоположен, а всю юность посвятил мирским наукам.

— Однако это отличная основа для познания премудростей теологии. Сдается мне, вы зрелый латинист и, возможно, еще и эллинист. Вы читали Аристотеля? Знакомы с историей Древнего мира, озарившей своим светом более поздние времена? Я бы искал аргументы именно в этом арсенале.

— А я бы не стал искать основы христианского государства в деяниях языческого прошлого.

— Но, сэр, принципы правления неизменны. Господь предупреждал, что кесарю кесарево, а богу богово. Римляне слыли мастерами в искусстве управления государством, и они не пытались ввести единую религию во всех уголках империи, а довольствовались тем, что улаживают конфликты с помощью закона, не вмешиваясь в дела богослужения. Это они заложили первоосновы терпимого мира, без которых христианская религия не выжила бы.

— Несомненно, Бог направил помышления римлян в Своих целях. Я попытаюсь оспорить ваше утверждение. Церковь Христова живет, и вера в Христа является основанием христианского государства. Гражданский закон, если он не христианский, преступление против Бога.

Молодой мужчина улыбнулся и ответил:

— Я не отрицаю этого. Наше королевство именует себя христианским — желал бы я, чтобы оно больше соответствовало этому описанию. Но это не освобождает страну от

обязанности подчиняться тем законам управления, без которых ни одно государство, будь оно христианское или языческое, не просуществует. Если кузнец настолько плох, что не может подковать моего коня, мне не станет лучше от осознания, что он хороший христианин. Если страной плохо управляют, число обрушившихся на нее бед не уменьшится, даже если все ее правители Божьи люди. Если Король, вы уж простите за столь дерзкий пример, обходит закон во вред подданным, он все равно будет тираном, несмотря на его искреннюю веру, что этим он исполняет волю Всемогущего. Добрыми намерениями дурных поступков не исправить, дурак останется дураком, и все равно, атеист он или боголюбец.

Дэвид покачал головой и спросил:

— И к чему приведут ваши суждения? Боюсь, что к расколу.

— Не думаю. Я преданный сын Церкви, верный слуга Его Величества и любящий Родину шотландец. Таковы, друг мой, мои убеждения. В стране лишь один господин, имя его Закон, а сам он творение свободного народа, вдохновенного на то Всемогущим. Этот закон можно изменять волеизъявлением народа, но пока его не изменяют, его следует уважать и ему подчиняться. Он предопределяет исключительные права монарха, права подданного и права и обязанности Церкви. Государство подобно организму, который здоров лишь тогда, когда между его членами установлено равновесие. Признаем богом человеческое чрево — страдают конечности, будем пользоваться одними ногами — усохнут руки. Посему, если Король начнет ущемлять права подданного, или подданный посягнет на власть Короля, или Церковь вознесется над Коронай, государство заболеет, а народ захиреет.

Все это время несколько удивленный Николас Хокшоу внимательно слушал стремянного, не отводя взгляда от его лица, тогда как смуглый вожак с кавалеристом выказывали признаки недовольства.

— Джеймс, дружище, — сказал высокий, — ты ошибся в выборе призвания. Надобно тебе было податься в профес-

сора и вдавливать истины в пустые головы студиязусов.

Хромой Ролло заерзал на скамье, желая перевести разговор в иное русло.

— Терпение, Марк, — сказал стремянный. — Не так уж часто бедному солдату Ливена удастся поболтать с единомышленником. Я не сомневаюсь, что образ мыслей мистера Семпилла не слишком отличается от моего.

— Я полностью поддерживаю ваши предпосылки, но меня смущают ваши выводы, — сказал Дэвид.

— Сегодня наша страна живет предписаниями, а не Законом. Есть люди, желающие превратить Короля в марионетку и отдать власть парламентам; есть и мечтающие сосредоточить светскую и духовную власть в руках Церкви, подобно тому, как это сделал Кальвин в Женеве. Я утверждаю, что оба пути ведут к безумию и горю. Если изменить справедливое распределение прав и обязанностей, получится не свобода, а неразбериха. Вот вы, мистер Семпилл, ученый, но читали ли вы Фукидида¹? Позволю себе смелость и посоветую перечитать его, обращая особое внимание на моральную сторону.

— Так за кого вы выступаете? — вдруг спросил Дэвид.

— За свободный народ Шотландии. Да и вы, судя по вашим уверениям, на его стороне, вы же печетесь о Божьем стаде в этих землях. Задумайтесь, сэр, если равновесие будет нарушено и Король потеряет часть власти, станет ли лучше жить людям? Ну уж нет, потерянные привилегии уйдут не к народу, а к его угнетателям. Получится анархия, которая не преминет разрушить все; однажды эта анархия породит тирана, и тот железной рукой установит свой порядок. Таков мир, друг мой.

— Вы за Ковенант?

Этот вопрос заставил всех, кроме стремянного, вздрогнуть.

— Хватит политики, — вскричал Ролло. — Это тема не для измотанных дорогой людей.

¹ Фукидид (ок. 460-ок. 400 до н. э.) — крупнейший древнегреческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны».

Но стремянный поднял руку, и все замолчали.

— Я за Ковенант, завет Божий. Я сражался за него шесть лет и не вложу меч в ножны, пока мы не добьемся свободы для нашей страны. В этом будет настоящая воля Господа.

— Но сейчас мы не о том, первом, договоре. Что вы думаете о Национальном ковенанте?

— Если вы об этом документе, то к нему я отношения не имею и особой любви к его Церкви не питаю. Совершив такой шаг, Церковь перешла границы, отведенные ей Словом Божьим и законом людским, отчего пострадают ее прямые обязанности. И не мне рассказывать вам, служителю Христову, что для простого народа это означает лишь голод и притеснения. *Quicquid delirant reges, plectuntur Achivi*¹. Не будет ли удобнее Господу, если Его служители продолжат утешать больных, вдов и сирот, вести их к Райским вратам, вместо того чтоб цепляться за мирскую власть?

Перед глазами Дэвида возникли две картины: вот довольные пасторы из Аллера и Боулда трапезничают и беседуют, а вот старый гриншилдский пастух оплакивает жену. Эти воспоминания принадлежали разным мирам, и Дэвид внезапно осознал, что мирам тем не дано слиться воедино. Его начала терзать мысль, что у кого-то плевела, а у кого-то зерна веры. Как сквозь сон, он услышал слова стремянного:

— Я напому вам отрывок из Писания, мистер Семпилл. «Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды — любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот — кровопролитие; ждал правды, и вот — вопль»².

* * *

¹ Что б ни творили цари-сумасброды — страдают ахейцы. (лат.) Гораций, «Послания», I, 2, 14.

² Ис. 5:7.

Он не заметил, как все вдруг поднялись, и повернул голову, только услышав громкий голос Николаса Хокшоу.

Перед ними стояла девушка, та, что открыла им дверь, но тогда было слишком темно и он не смог разглядеть ее лицо.

— Катрин, милая, что-то ты задержалась, — сказал Николас. — Я уж подумал, что ты улизнула от нас в постель. Это дочь моей сестры, судари, помогает мне скоротать время в этой старой развалине, дитя того самого Роберта Йестера, что сражался и пал за Монро¹ в тридцать четвертом. Перед тобой, Катрин, три воина Ливена и мистер Семпилл, новый пастор прихода Вудили.

На девушке было голубое бархатное платье с приподнятым спереди подолом, приоткрывающим расшитую нижнюю юбку из плотного желтого атласа. Шея и плечи были обнажены, лиф украшали замысловатые кружева. Темные волосы она стянула в узел на затылке, а по обеим сторонам лица свободно струились локоны. Дэвиду никогда прежде не случалось видеть такой красоты: девушка ничем не напоминала эдинбургских барышень, по субботам наряжавшихся и выходивших прогуляться в город. Черты ее были нежны и тонки, щеки пылали здоровым юным румянцем, блестящие темные глаза искрились весельем. В другой день Дэвид смутился бы, увидев глубокий вырез ее платья, считающийся приличным исключительно при Дворе, но в то мгновение он не обратил внимания на ее одежду. Прелестное видение заворожило его.

Катрин улыбнулась ему — она улыбнулась всем им — и присела в реверансе перед дядей, Ролло и кавалеристом. Но не поклонилась священнику, потому что как только взгляд девушки упал на стремянное, ее охватило волнение. Губы зашевелились, будто готовясь заговорить, но она сдержалась: от Дэвида не ускользнуло, что стремянный предостерегающе поднес палец ко рту. И она склонилась в глубоком ре-

¹ Роберт Монро (1601-1680) — шотландский генерал, участник Тридцатилетней войны. После поражения при Нёрдлингене в 1634 г. вернулся в Шотландию.

верансе, гораздо более почтительном, чем первый, а когда мужчина протянул ей руку, взяла ее так, словно собиралась поцеловать.

Все это повергло Дэвида в смущение. В жизни он едва перемолвился десятком слов с дамами, не принадлежавшими к его семье, и это волшебное создание заставило его колени дрожать. Семпилл забормотал слова прощания: он и так вышел за рамки любых приличий, ему предстоит долгая дорога домой, да будет путь его новых друзей чист и безопасен, он обязательно вернется в Калидон с пастырским визитом.

— Да уж, сэр, про нас не забывайте, — сказал гостеприимный Николас. — В Калидоне завсегда найдется славное угощение для священника из Вудили.

Дэвид поклонился девушке, и она впервые взглянула на него, вопросительно и оценивающе, и одарила мимолетной улыбкой. Через пять минут он на своей лошадке переезжал Руд вброд.

Он избрал окольный путь вокруг Оленьего холма и ехал по покатым склонам и верещатнику в ярком лунном свете. Мысли его немного путались из-за всей этой вереницы событий, случившихся в первый же день его служения. Но несмотря на весь сумбур, перед глазами возникали два лица — стремянного и девушки... Он вспомнил разговор, и его начала мучить совесть. Был ли он предан своим обетам? Не повинен ли он в грехе Мероза? Не выслушал ли он безумные поношения молча?.. Он не знал, да и не хотел знать этого: ему был важен не сам спор, а тот, с кем он спорил. Лицо молодого стремянного оказалось красноречивее слов; без сомнений, то было лицо товарища, глаза которого излучали дружелюбие. Дэвиду захотелось вновь повидаться с ним, быть с ним рядом, следовать за ним, служить ему, но он не знал его имени, да и вряд ли им суждено встретиться опять. Дэвид был очень юн, он чуть не расплакался от нахлынувших чувств.

А девушка?.. Встреча с ней представлялась венцом этой ночи чудес. Она не походила на стремянного, и Дэвид предпочел бы избегать ее: ей не было места в его мире. Но все-

таки это было чудо! Воспоминание о ней настроило его на поэтический лад, и пока он ехал к себе, в голове вертелись строки из Гомера, описывающие, как троянские старцы видят приближающуюся Елену и поражаются ее красе. ...οὐ νῆμεσις Τρῳάς — как же там было? «Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы брань за такую жену и беды столь долгие терпят: истинно, вечным богиням она красотою подобна»¹.

А потом, при воспоминании об изможденном лице мертвой женщины в Гриншиле, в душу пришло раскаяние.

¹ Гомер, «Илиада» 3:156-158 (пер. Н. Гнедича).

Глава 4

ПРЕДАННЫЙ СЛУГА

Два дня пастор из Вудили был рассеян и беспокоен. Книги не увлекали его более, прогулки по холмам навевали скуку, он едва притрагивался к пище, отчего сморщенное лицо Изабел выражало отчаяние. Погода стояла жаркая, небо затянуло тучами, но дождя не было, лишь гром ворчал над долинами, и Изабел решила, что причина хандры священника в этом. Но Дэвид страдал не от тягот телесных. Он-то считал себя одетым в броню слугою Божиим, с горением в душе и во всеоружии пред соблазнами мира, и вдруг — ба! — один-единственный вечер, и его переполняют нечестивые устремления и грешные помыслы.

Он лишь изредка думал о девушке: она скорее напугала, чем привлекла его. Но из головы не шел Меланудригилл. Куда делась его христианская стойкость, если ночной лес мог заставить его дрожать, как заблудившегося ребенка? Всю жизнь Дэвид держал страхи в ежовых рукавицах: если что-то по-настоящему пугало его, он полагал это достаточной причиной, чтобы посмотреть в глаза боязням. Внутренний голос говорил ему, что надо опять пойти в Меланудригилл ночью, забрести в самые его глубины, доказать себе, что ничего колдовского там нет... Но необоримый ужас сковывал сердце. Лес хотел от него того же, пытался заманить в чащу любыми ухищрениями — будь то любопытство или страх. Поддайся он порыву, Лес овладеет им. Ему, как служителю Господню, следовало с самого начала отринуть мысль, что это место являет собой не просто безлюдную грудку камней, поросшую деревьями, а нечто большее, и не предаваться фантазиям, столь неподобающим взрослому человеку.

Рассуждая таким образом, он ощутил некоторое утешение. Но воспоминания о Калидоне, солдатах и словах стре-

мянного продолжали беречь душу. Не был ли он подобен лаодикийцу из Откровения, оставаясь тепл, а не горяч и не холоден, когда надо было проявить себя?.. Он перебирал мельчайшие подробности памятной беседы. Те люди приносили Торжественную лигу и Ковенант, а он не остановил их... Однако речи их были речами добрых христиан и преданных сынов Церкви... Почему стремянный так подробно рассуждал о законе и правлении? Дэвиду было нечего возразить ему: представленная теория государства выглядела весьма разумной. Но она решительно противоречила заявленной позиции Церкви, которой он поклялся служить, и как же сейчас относится ему к собственным обетам?.. Противоречило ли все это Писанию и духу его веры? Он мушительно думал об этом, но ответа не находилось.

Казалось, ему следует обратиться за советом к более мудрому слуге Божию, например, к аллерскому пастору, и рассказать о своих метаниях. Но это было невозможно. От бледного одутловатого мистера Мёрхеда исходило не больше света, чем от кучи торфа, в ушах Дэвида звенел его самодовольный голос, и он живо представлял себе вежливое снисхождение в коровьих глазах. Не лучшим выходом виделось и обращение к воинственному собрату из Боулда, относящемуся ко всему человечеству не иначе, как к нечестивым амалекитянам, и делающему исключение лишь для немногих избранных, что разделяли его ревностную набожность. Дэвид мог найти утешение у мистера Фордайса, и он не раз был готов оседлать лошадку, чтобы мчаться в Колдшо, но всегда отказывался от поездки, и если бы он собрался с силами и спросил себя, почему так, его бы удивил ответ. Его не пускала преданность — преданность молодому человеку, представившемуся стремянным и говорившему с ним как учитель и товарищ. Чары той необыкновенной ночи не покидали его. В Эдинбурге у Дэвида было мало друзей, да и с теми, что были, он не обрел особой близости. И вот ему впервые в жизни встретился человек, сумевший растопить его сердце. Он с болью и симпатией думал о той благородной и властной учтивости, обворожительной улыбке и уверенном взгляде задумчивых серых глаз.

«Хотелось бы знать, нет ли во мне солдатской жилки, — раздумывал он. — Я с радостью готов следовать за этим человеком прямо на пушки».

На третий день, во время похорон Марион из Гриншила, к нему наконец пришло успокоение. Приходу не понадобилось покупать ей гроб, как обычно делалось для бедняков: фермер из Риверсло, хозяин Ричи, оплатил все сам и вечером присутствовал при последних обрядах. В тот день Дэвид прошагал семь миль до хижины пастуха, где тот приготовил скудное поминальное угощение — пиво и овсяные лепешки. В отличие от католической традиции отпевания мертвых, священник не должен был читать молитв в доме покойной или на ее могиле, впрочем, и вдовец не присутствовал на погребении, но Дэвид поступил по-своему, помолвившись вместе с мужем, плакальщицами и пятью-шестью пастухами, пришедшими на похороны. Четверо молодых мужчин несли легкий гроб, а Дэвид сопровождал их всю дорогу до Вудили. Фермер из Риверсло, угрюмый, смуглый и темноволосый человек по имени Эндрю Шиллинглоу, вокруг которого ходили недобрые слухи, ожидал их за поворотом и побрел бок о бок со священником. Звонарь Неемия Робб, исполнявший обязанности могильщика и церковного сторожа, встретил их у ворот с толпой сельчан. Под похоронный звон небольшого колокола в руках Робба все прошли к неглубокой яме, лишь женщины остались за оградой кладбища. Гроб опустили, забросали землей, и через пять минут все было кончено. Никто не пошел семь миль по пустоши обратно в Гриншил, ибо «помины» не предполагались. Мужчины отправились в «Счастливую запруду», колокол водрузили обратно на дерево, две-три женщины всплакнули, и последний призрак Марион исчез в сумерках вместе с силуэтами удаляющихся людей, панихидными голосами повторяющих: «Вот и не стало бедняжки Миррен».

Эти скудные и простые в своей бедности похороны пробудили в Дэвиде нежность и умиротворение. Тучи больше не застили неба, утром пролился дождь, и полдень пах мягкой осенней свежестью. Пастор молился вместе с Ричи, но молился еще и за себя, а когда шагал по тропе вдоль Оле-

нього холма за гробом, ощутил, что на его молитвы получен ответ. Он более не сомневался в своем предназначении. Ему дарована эта паства — люди у кирки, измотанные жизнью труженики, за бессмертие душ которых он несет ответственность, — и сердце наполнила неизъяснимая радость. Он точно знал, зачем живет, и, наверное, что-то изменилось в его лице сообразно этим новым ощущениям, потому что люди приветствовали его, но тут же отходили, словно не желая отвлекать от размышлений. Только Риверсло, уже думающий о том, как он славно погуляет в таверне, откуда уйдет пьяным далеко за полночь, оказался нечувствительным к настроению пастора. Он схватил священника за руку и затряс ее так, будто встретил знакомого гуртовщика на ярмарке. Он явно хотел поговорить, но не нашел нужных слов и ушел, сердито попрощавшись.

* * *

Лето в тот год будто не желало уходить, и осень была лучшей за последние двадцать лет. Весь сентябрь сияло солнце, жаркое, как в июне, утренние заморозки начались только к концу октября, снег же выпал лишь на третью неделю ноября. Скудные посевы, по большей части серый овес и ячмень, чуть разбавленные горохом и льном, успели вызреть, и урожай был быстро собран. Вязальщицы снопов дни напролет трудились в полях, а босоногая ребятня наслаждалась жизнью, свистя в тростинки и плетя невероятные броши из соломы. Затем настала пора обмолота и веяния на крышах амбаров, обдуваемых первыми ветрами с востока. Но никто не пошел на жнивье подбирать упавшие колоски, ибо считалось делом богоугодным оставить на стерне пропитание для птиц небесных. Наконец все немногочисленные плоды земли были занесены под крышу, на болотистых пустошах остались крошечные стога сена, необмоло-

ченный овес отправился в пуни, а зерно в житницы, и вскоре мельница в Вудили радостно заскрипела, перемалывая зимнее пропитание. Все в приходе знали, сколько причитается лэрд¹. Николас Хокшоу не требовал непосильного, ограничиваясь скромной рентой и не повышая ее в зависимости от собранного урожая, но все равно целую неделю у Оленьего холма можно было видеть вереницу телег, везущих «оброк» в амбары Калидона. Как-то днем священник наблюдал за перевозкой, стоя рядом с Эфраимом Кэрдом, арендатором из Чейсхоупа, угрюмо глядящим, как возвращаются его лошади.

— Вот так и тает наш и без того малый урожай, — сказал фермер. — Как говаривали встарь: «Часть сажать, часть сжевать, часть хозяину отдать». — По его глазам было видно, как он ненавидит Калидон.

В тот год в День всех святых² все радовались и ликовали. Правда, накануне старейшины качали головами из-за всеобщего веселья, а суровый Чейсхоуп не скупился на порицания. В Вечер всех святых Дэвид совершил прогулку по озаренному луной холму и полюбовался огнями в домах, прислушиваясь к смеху и скрипичным напевам. В его душе не было негодования по поводу древних традиций. Да и чейсхоупский арендатор сменил гнев на милость: кажется, это его широкие плечи и рыжую шевелюру Дэвид видел в огороде у Нэнс Келло среди кочанов. И сам он, бывая в гостях в Ньюбиггине, не чурался праздника, но сейчас его не покидало ощущение, что здесь, в Вудили, сквозь веселье проступало нечто натужное и неискреннее. Каждое горящее окно таило какой-то секрет, парни с девушками не милова-

¹ Лэрд — представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. Лэрды образовывали нижний слой шотландского дворянства и, в отличие от титулованных лордов, участвовали в парламенте Шотландии не непосредственно, а через своих представителей.

² День всех святых — христианский праздник, день памяти всех святых, отмечается первого ноября. Ему предшествует Хэллоуин, или Вечер всех святых.

лись на тропинках. Более того, несколько дней спустя он не мог не заметить, что люди утомлены: лица их побледнели, они украдкой переглядывались, словно за внешним ликованием скрывалось иное празднество, истощившее их души и тела.

После сбора урожая пришла пора сгонять тощий скот с холмов в стойла, и вскоре как поля, так и пастбища обернулись болотистыми пустошами. Дэвид, знакомый с сельским хозяйством исключительно по «Георгикам»¹, умел наблюдать и делать выводы, руководствуясь здравым смыслом, поэтому его не могли не озадачить местные обычаи. Земли в лучшем случае были плохо осушены, скот вытапывал их, оставляя тысячи ямок, при первом же дожде превращавшихся в лужи, отчего плодородные почвы подкислялись. Но когда он заговорил об этом с майрхоупским арендатором, получил презрительный ответ, что так «деется искони», а те гордецы, что гонятся за новомодными придумками, — он слышал, что есть такие на Западе, — не снимают и дюжины бушелей с акра, тогда как он получает две: «А земля-то в Майрхоупе кисловата, сэр, не сравнить с той, что у Клайда».

К ноябрьскому снегопаду вся живность была согнана. Скот собрали во дворы под соломенные крыши, и вскоре он стоял в разливах жидкой грязи. Дойные коровы зимовали в хлевах, тягловые быки и лошади — в крытых вереском сараях и конюшнях, а овцы — в загонах без стен. Наступило зимнее затишье, когда главной заботой крестьян становится прокорм хозяйства той малостью, что заготовлена с лета и осени. Сено — грубые и непитательные болотные травы — шло овцам; лошадей и быков кормили соломой и отваренной мякиной, но буренкам перепали кочерыжки и объедки с семейного стола. Зима считалась временем голодным как для живности, так и для человека, и все питались не лучше, чем жители осажденного города. Но если

¹ «Георгики» — дидактическая поэма Вергилия в четырех книгах, в которой речь идет о земледелии, плодоводстве, виноградарстве, скотоводстве и пчеловодстве.

пищу можно было назвать скудной, то недостатка топлива в Вудили не знали. В тот год было много торфа: созревшего и хорошо просушенного, а потому легкого для переноски. У каждого дома появилась большая торфяная поленница, а после сбора урожая нашлось время сходить в лес за валежником, и у всех дверей стояли дровяницы для розжига.

Ясными октябрьскими днями Меланудригилл перестал страшить Дэвида. У пастора не было нужды отправляться туда ночью, однако не раз приходилось проезжать там днем по приходским делам в Феннан и Рудскую долину, а однажды он возвращался по лесу из Аллера в свете пламенеющего заката. Золотился увядающий папоротник, желтели березки, красновато-коричневые кусты и алые гроздья рябины делали мрачную пуцу почти уютной. Прогуливаясь по холмам, священник смотрел на редеющий лес внизу, теперь похожий не на непроницаемое покрывало для костяка земли, но на ее славное одеяльце. Вместе с летом из Меланудригилла ушла пугающая мощь, будто улегся отбушевавший прилив. На полянках скакали олени и выглядели такими невинными... Тут Дэвид заметил прелюбопытную вещь: ни один крестьянин, пришедший за хворостом, не углублялся в чащу, собирая валежник только на опушках. Они рубили березняк и лещину на Оленьем холме и в Рудской долине, но не притрагивались к деревьям Черного леса.

За неделю до Йоля¹ случился большой снегопад. Сначала все холмы окутало морозной дымкой. «Хмарь к снегам застит», — решили в приходе, вновь проверили запасы топлива и с жалостью взглянули на дрожащую живность. Три дня и три ночи стояли туманы, от холода сводило дыхание, старики не могли согреться в спальнях шкафах, а речка Вудили заледенела даже на порогах. Были замечены дурные знаки: олени из Меланудригилла приблизились к

¹ Йоль — средневековый праздник зимнего солнцеворота у германских народов. Традиционно языческий праздник проводился и в христианские времена, совмещаясь с Рождеством.

самой кирке, а майрхоупский пастух, вышедший на рассвете к овцам, увидел среди них полуживых от холода зайцев-беляков. На четвертый день начался снегопад, крупные хлопья летели на землю трое суток, завалив дороги и поля. Затем поднялся ветер, и шесть долгих часов неистовствовала метель. День стал темнее ночи, и мало кто осмеливался высовывать нос из дома. Дэвид как раз отправился навестить жену Амоса Ритчи, страдавшую от избытка крови и, потратив два часа на четверть мили и побродив по выгребным ямам, решил отложить возвращение до вечера в надежде, что ветер поутихнет, в то время как дома Изабел сходила с ума от тревоги за него. Буран смел весь снег с пригорков, зато в ложбинах его навалило в два человеческих роста. Овцам в загонах, зачастую превращавшихся в огромный сугроб, пришлось нелегко: понять, что они там, можно было лишь по дымящемуся желтоватому снегу. В Чейсхоупе полегла пара десятков голов, в Майрхоупе с десятков, а вот в Нижнем Феннане, где снег лежал особенно глубоко, погибло почти все стадо. Дэвиду подумалось, что крестьяне сами испытывают Судьбу. Если бы овцы остались на пастбищах на вершине холма, они бы пробились туда, где нет завалов, но, запертые в загонах, они оказались в ловушке. К тому же на открытых зимних вершинах можно было найти пропитание, тогда как в долине их кормили одним кислым сеном. И вновь, как только Дэвид заговорил об этом с прихожанами, его сочли полоумным. Не выжить овце в холмах, все делается, как «завещано пращурами».

Снег пролежал всю первую неделю января, затем пришла оттепель, по дорогам заструились ледяные потоки, а Дэвид слег на два дня от переутомления. Пока с неба валил снег, он был на ногах, так как в Вудили оказалось множество больных и стариков, за которыми следовало присматривать. Если в усадьбах все привыкли жить самостоятельно, то в разбросанных по деревне домах царил неразбериха: когда беда обрушивается на твою семью, сложно думать о соседях. У старейшины Питера Пеннекука, восхваляемого мистером Мёрхедом за молитвенное рвение, пропал баран и провалилась крыша коровника, отчего он превратил-

ся в фаталиста, уверовавшего, что это Господь насыляет испытания и грешно ему противиться, и начал целыми днями мрачно просиживать у камина. Дэвида так и подмывало надрать ему уши. От кузнеца Амоса Ритчи было больше пользы. Этот лохматый тридцатипятилетний мужчина с черной бородой славился как мастак играть на скрипке и класть камень; его благочестие вызывало бы вопросы, если бы он не участвовал в Епископской войне. Его жена в эту пору лежала при смерти, однако он сам вызвался помогать пастору и мужественно брался за любое милосердное дело. По утрам надо было посещать немощных старух, разводить для них огонь и растапливать снег, добывая воду; нужно было приносить еду беднякам, у которых успели закончиться все припасы; к тому же буря разрушила много построек. Изобел работала на кухне не покладая рук, и в ее печи не затухал огонь. Дэвид думал, что зима будет для него передышкой и он наконец сядет за книги, но вместо этого пастор проводил на ногах по четырнадцать часов в сутки, кожа на руках и лице потрескалась, как у пахаря, а вечерами он засыпал прямо за столом, пока Изобел несла ужин.

Буря раскрыл истинное предназначение Дэвида, сблизив с людьми не через высокие таинства, наподобие смерти, а благодаря ежедневной борьбе за жизнь. До этого он просто посещал дома с пастырскими поучениями, но то были формальные визиты, хотя все ему улыбались, однако сейчас, в порожденной милосердием близости, он видел их без прикрас.

Новый священник был юн и горяч и относился к своим обязанностям как к приключению. Он тщательно продумывал воскресные проповеди. По утрам читал прихожанам из Книги пророка Амоса, бывшего пастухом и посему казавшегося Дэвиду наиболее подходящим для сельской местности. Дважды в неделю вел беседы о четырех ипостасях человека: его изначальной невинности, жизни после грехопадения, возрастанию в благодати и бессмертной душе. Той зимой Дэвид не продвинулся дальше невинности и для ее обсуждения не придумал ничего лучшего, чем толкование отрывков из Писания, полагая, что эти картины пробудят

умы слушателей. Конечно, открытые мирские разговоры он отринул сразу, но ухитрился вплести в свои слова многое из того, чего нет в богословии, тщательно избегая критики Церкви, ибо знал, что Приходской совет такого не одобрит. Его старейшины славилась истовой верой, и все чуждые им, но красиво звучащие фразы принимали за хитросплетения теологии.

В десять утра каждое воскресенье Робб-звонарь бил в колокол в первый раз, на второй паства входила в кирку, а там Питер Пеннекук, исполнявший обязанности регента, заводил псалом, зачитывая каждую его строку, прежде чем хор пропевал ее. При третьем ударе колокола Дэвид вставал за кафедру и начинал с молитвы. Служба заканчивалась в час, и те, что прибыли издалека, отправлялись в «Счастливую запруду». В два приходило время для второй службы, завершавшейся в четыре с наступлением сумерек. В кирке с ее земляным полом было холодно, как в склепе, а тусклый свет являлся испытанием даже для молодых глаз Дэвида. Озябшие люди, дрожа, сидели на скамеечках с застывшими лицами и напряженно внимали, и эта торжественность была для них частью воскресного ритуала. Священнику нередко казалось, что он обращается к ряженым могильным камням, что к сердцам паствы ему не пробиться, и лишь изредка, когда свет Писания трогал до глубины души его самого и он принимался говорить просто и искренне, он чувствовал, что слушатели раскрываются навстречу ему.

Старания пастора не пропали втуне. Питер Пеннекук одобрил его как «глубокого» проповедника, правильно и здраво понимающего догматы. Другие, вспоминая иногда проскальзывающую страсть в его голосе, отзывались о нем как о «пылком» священнике и говорили о его «рвении». Но были и такие, кому хотелось слушать о чем-то более грозном, содержательном и внушающем трепет, например, об адских муках, поджидающих всех, кто не был Избран. Да, в нем живет «дуновение», но оно подобно нежному восточному бризу, а не суровому ветру Эвродиклону, заставляющему грешников каяться. Для них священник был челове-

ком Божиим, но слишком молодым: конечно, с годами придет солидность и обретет он силу громов Синайских.

Дэвид полагал воскресные богослужения самой легкой из всех своих обязанностей. Он прибыл в Вудили, полный замыслов великолепных книг, которые он напишет в тиши кабинета на втором этаже. Главным должен был стать труд о пророке Исае, и слова Семпилла о нем наверняка будут цитировать с не меньшим почтением, чем Лютера о Галатах или Кальвина о Римлянах¹. Осенними вечерами Дэвиду удалось набросать план своего шедевра, а до начала снегопада он приступил к пролегоменам. Но снежная буря пробила брешь в его занятиях. Он понял, что сейчас время для более насущных дел, ибо он прежде всего пастор и лишь потом ученый. Посещения и поучения сделались основной его заботой, и это усердие помогло завоевать добрую славу. Ненастными ночами, когда пастухи и то предпочитали оставаться у очага, Дэвид отправлялся в хижины в пустошах, и не раз Изобел встречала его, промокшего или заледеневшего, перед самым рассветом, отогревала у печи и отпаивала горячим элем с пресными лепешками, пока он рассказывал о своих приключениях. Выносливый и жизнерадостный, он по-настоящему любил жизнь, требующую такой же самоотдачи, как у солдата в походе. Его лицо разрумянилось от свежего воздуха, глаза повеселели, и все в приходе радовались его мальчишескому голосу и смеху. «Беззловливый паренек, — говорили меж собой прихожанки, — но для Божьего служителя чересчур простоват».

Еще пастор взял на себя заботу о детях. В Вудили не было ни школы, ни учителя. В округе жило не менее трехсот человек, но мало кто из них мог что-либо прочесть или написать собственное имя. В Приходском совете оказалось лишь трое грамотных. Поэтому Дэвид стал давать уроки по утрам трижды в неделю на собственной кухне. Из Эдинбурга ему прислали буквари, и с помощью этих книг и большой Библии он учил класс чтению и письму. Это стало прият-

¹ Имеются в виду «Лекции по посланиям к Галатам» Мартина Лютера и «Толкование к Римлянам, Галатам» Жана Кальвина.

нейшим времяпровождением как для учителя, так и для учеников, и с каждой неделей к нему приходило все больше детей, и вскоре вся ребятня деревни и Майрхоупской и Чейсхоупской усадеб собиралась в доме священника. Когда они, посиневшие от холода и частенько с пустыми животами, садились за стол, Изобел потчевала каждого миской хлеба, а пока шел урок, успевала залатать их прохудившуюся одежку. Бывало, что ребенок уходил из школы в обновке: именно так распорядилась перекроенным сюртуком и ушитыми старыми штанами священника ворчащая, но добродушная Изобел, переживающая за обтрепанных маленьких смертных.

Дэвид не довольствовался единичными случаями благотворительности. Они с Советом распоряжались деньгами на нужды бедноты, единственными общественными средствами для оплаты потребностей прихода. Вудили был богаче многих других мест, так как пятьдесят лет назад некая Гризельда Хокшоу пожертвовала тысячу шотландских фунтов для помощи нуждающимся. К тому же имелись штрафы, накладываемые Советом на провинившихся, и еженедельный сбор во время церковных служб, когда у входа в кирку ставили тарелку, в которую бросались медяки, грошики и прочие мелкие монетки, завалявшиеся в карманах. Зимой подавать милостыню не было накладно: на дорогах почти не осталось нищих, а те, что прибредали из-за холмов, стояли на пороге смерти, и от прихода требовалось только предоставить гроб. Но Дэвид не мог решать самостоятельно, как распорядиться скудными наличными средствами, и это привело к первым трениям с Советом. У каждого старейшины оказались собственные любимчики среди бедняков, и хозяева Майрхоупа, Чейсхоупа и Нижнего Феннана спорили из-за каждого гроша. Священник, все еще считавшийся новичком в этих краях, старался не вмешиваться, но порой, когда речь шла о вещах, хорошо ему известных, пользовался своим главенством. У подножия Чейсхоупского холма жила женщина, о которой ходили не слишком добрые слухи. Была у нее миловидная темноглазая дочь, да имелся домишко, пусть очень грязный и запущенный, но еще креп-

кий. Дэвид сказал Эфраиму Кэрд, что не следует считать ее одинокой вдовой и выделять ей деньги, и впервые ощутил на себе всю тяжесть гнева Чейсхоупа. Бледное лицо побагровело, а зеленоватые глаза стали злыми, как у оцетинившегося пса.

— Преподобный Макмайл... — начал он, но Дэвид оборвал:

— Эти деньги для тех, у кого совсем ничего нет, к тому же средств и так мало. Я думаю, стыдно и медяк потратить без крайней нужды. Всякому имеющему да не дастся, пока я пастор в этом приходе.

Чейсхоуп промолчал, справившись с чувствами, но Александр Спрот, фермер из Майрхоупа, что-то прошептал соседу, и в воздухе повисло напряжение, снять которое помог смех мельника из Вудили. Этот человек, из рода Спотсвудов, считался самым богатым в приходе и самым нелюдимым, но веселый хохот опроверг сложившуюся репутацию.

— Правда на стороне мистера Семпилла, Чейсхоуп, — воскликнул он. — Эта твоя Джин, после того как муженек ее оставил, живет припеваючи. Нам бы позаботиться о тех, кто концы с концами свести не может.

— Пересилили вы меня, — сказал Кэрд и больше не проронил ни слова.

* * *

В те дни в Вудили редко получали новости. В хорошую погоду, еще до бурана, из Эдинбурга прибывали торговцы с лошадьми, к тому же путешествующие по дороге в Англию приносили вести из столицы. Ходебщик Джонни Дау продолжал коробейничать, но снег остановил и его, а в январе, когда небо прояснилось, он сломал ногу в Тарритских трясиных и на шесть недель пропал из вида. Но даже в лучшие свои дни Джонни мог поведать только о том, что происходит в усадьбах и в Аллерском приходе. В середине зимы надежды на почтовое сообщение не было, и Дэвид оказался в

такой изоляции, словно жил где-нибудь на Гебридах. Он узнавал, что происходит в мире, лишь на собраниях Пресвитерского совета, и эти новости, к тому же услышанные из уст взволнованных собратьев во Христе, несли в себе ужасные предзнаменования.

Собрания Совета в Аллерском приходе поначалу казались Дэвиду приятной переменой в его спокойной жизни. В ноябре встреча длилась два дня, и он, как младший член конгрегации, открыл ее и охотно принял участие в толковании отрывка из Писания. Но в целом было скучно, так как по большей части все свелось к обсуждению упрямства владельцев церковных земель, местным скандалам и ремонту в кирках. Заседание закончилось, братья направились в таверну «Скрещенные ключи» и угостились гораздо лучше, чем привыкли у себя дома. Вот тогда мистер Мёрхед трагическим шепотом сообщил новости, полученные с гонцом из Эдинбурга. Нечестие вновь подняло главу, на сей раз в землях Ковенанта. Монтроз-отступник пробился на север в самый неожиданный момент и сейчас ведет орду ирландских дикарей на гибель набожных шотландцев¹. Уже прогремели сражения, то ли под Пертом, то ли у Абердина, и победа оказалась не на стороне боголюбивых. Страшные вещи сказывались про тех ирландцев, ведомых леворуким Макдональдом², свирепых, как амалекитяне, слепых ревни-

¹ В 1637 г. граф Монтроз (с 1644 года маркиз Монтроз) одним из первых принял Национальный ковенант и был одним из тех, кто привел ковенантеров к победе в Епископских войнах, но впоследствии оказался недоволен радикализацией движения и умалением prerogatives короля. Летом 1641 г. он вступил в противостояние с графом Аргайлом и был арестован за обращение к Карлу Первому. Карл добился освобождения Монтроза из тюрьмы. Монтроз отказался от принятия «Торжественной лиги» 1643 г. Став основной фигурой лагеря роялистов, маркиз был назначен наместником короля в Шотландии. В 1644 г. во главе шотландских горцев и ирландских войск Аласдера Макдональда предпринял решительное наступление на ковенантеров.

² Аласдер Макдональд (ок.1620-47) — шотландско-ирландский полководец. Сын Коллы «Левши». В честь отца получил прозвище «Макколла», но иногда его, как и отца, называли Левшой.

телей Рима, сжигающих и уничтожающих все и вся на своем пути и не щадящих женщин, стариков и детей. Нашествию, несомненно, скоро дадут отпор: войско Ливена идет из Англии, — но в рядах ковенантеров нашлись предатели. После этого весь Пресвитерий отправился на молитву и в длительных обращениях к Всемогущему искал ответа, чей грех, Парламента или Ассамблеи¹, армии или народа, навлек на страну столь суровое наказание.

Дэвида ошеломили эти рассказы. Монтроз был для него лишь именем — именем великого аристократа, первым обратившегося к делу Христову и предавшего его. И этот Иуда не канул в небытие, но ввергал в несчастья Землю обетованную, усугубив свое бесчестие тем, что привел дикарей уничтожить родной праведный народ шотландский. Как и все в этих краях, Дэвид боялся ирландцев, чьи зверства стали притчей во языцех, и Рима, в воображении юного пастора воплощавшего недреманное око Антихриста, коему сам Бог вручил этот мир до поры, пока чаша мерзостей и греха не переполнится. Новости так потрясли священника, что в нем не осталось политической вялости, и в какой-то момент он почувствовал себя столь же пылким ковенантером, как сам мистер Мёрхед. А потом был снегопад, и голову Дэвида заполнили совсем иные волнения. Следующее собрание Пресвитерского совета состоялось только в феврале. Вести в этот раз звучали еще более грозно. Тем утром мистер Мёрхед получил письмо, где говорилось, что Монтроз разоряет земли светоча христианского, маркиза Аргайла², а тот бежал на север и сейчас, после сокрушительного поражения, переживает у одного из высокогорных озер с остатками армии ковенантеров. Настала жестокая година,

¹ Генеральная ассамблея — в пресвитерианской церкви высший орган церковной администрации и судебной власти.

² Арчибалд Кэмпбелл (1607-1661) — 1-й маркиз Аргайл (с 1641 г.), 8-й граф Аргайл (с 1638 г.) — крупнейший государственный деятель Шотландии времен Английской революции и ковенантского движения, фактический глава правительства страны на протяжении большей части периода нахождения ковенантеров у власти в Шотландии.

и народ должен покаяться пред ликом Господним. Парламент издал указ, что по всей стране следует блюсти пост, и решено, что в каждом приходе будет проведена особая церковная служба, во время которой истый защитник Христа призовет к исповеди и раскаянию. Одним из таких избранных сосудов веры стал мистер Праудфут из Боулда, он должен был читать проповедь в постный день в Вудили в первую неделю марта.

Но нынешнее состояние Дэвида сильно отличалось от ноябрьского. Грешное восхищение этим Монтрозом, кажется, еще молодым человеком, с горсткой мятежных горцев держащим в кулаке весь север, смешивалось с ужасом. Возможно, он и был отважным бойцом, но несомненно служил Велиалу. Однако больше всего Дэвида волновали дела его собственного прихода, а не далекие и туманные беды Аргайла.

Снег растаял, и в январе было тепло и солнечно. Горные речки побурели и вздыбились, холмы превратились в сплошную топь. На Сретение ударили морозы и длились весь февраль и первую половину марта. Близилась самая страшная и голодная пора. Скот во дворах и овцы в загонках исхудали донельзя, закрома опустели, а все в приходе, кроме нескольких фермеров, стали тощими и бледными. Бесновались болезни, и выдалась неделя, когда шестерых снесли на церковное кладбище... Было это не только время смертей, но и время рождений, и повитуха сбилась с ног.

До Дэвида начали доходить странные слухи. Половина младенцев появлялась на свет вне законного брака... и большинство детей были мертворожденными. Молодость глуха к подобным явлениям, однако переставшая пустеть скамья позора в кирке открыла пастору глаза. Сидя на ней, изможденные девушки искупали свой грех, но только раз там появился прелюбодей-мужчина... Дэвида поразили настроения старейшин, которые, вместо того чтобы вершить правосудие по закону Божию, стремились замять скандалы, словно эпидемия блуда могла подмочить их репутацию. Он выспрашивал — они отнекивались, он злился — они молчали. Кто эти мужчины, обесчестившие несчастных? Он

повторял вопрос, глядя в их мрачные лица. Однажды в воскресенье он изменил привычный ход службы и со страстью, неведомой доселе, прочел проповедь о мерзости язычества. Его порыв оценили, и Эфраим Кэрд похвалил его, но это не принесло ожидаемых плодов от потрясенных грешников: никто не покаялся, стена упорного молчания осталась невредимой... Это грызло его днем и ночью. Предвестием чего служило такое множество мертворожденных детей? Он чувствовал, что живет среди нечестивых тайн.

Как-то вечером он заговорил об этом с Изобел, хотя и готов был сквозь землю провалиться, настолько непристойной была тема для женщины, пусть и пожилой. Но служанка оказалась не более разговорчивой, чем другие. Ее честный взгляд стал робким и скрытным. «Вы б в то не лезли, сэр, — сказала она. — В общине Диявол за главного, неужто за полгода вы б смогли с ним совладать? Но днесь и он не пересилил вас, мистер Семпилл, так славно вы Слово Божие несете». — А затем она добавила то, что еще долго не давало Дэвиду спокойно засыпать по ночам: — «По зиме извеку так, опосля того как народ в Лес на Белтейн¹ сходит».

Пришло время поста, и мистер Праудфут выступил с выдающейся проповедью. Темой он избрал неугасимое адское пламя, кое пожрет всякого, кто поднимет руку против Ковенанта и Церкви, и закончил службу кратким описанием ужасов вечной муки: «И сложат их, как камни, в огненном жерле. Страшно то ложе! Нет там покрывал, лишь жар; нет друзей, лишь гонители; нет свободы, лишь путы; нет света, лишь тьма; и застыло там время, и тянется вечность; и пламя жжет, не угасая!» Заключение вышло особенно сильным: «О, други мои, — вскричал он, — я только вкратце описал вам муки Ада. Вообразите огромный амбар, до крыши полный зерном; вообразите, что каждую тысячу лет прилетает туда птаха малая и уносит одно зернышко. Придет время — и амбар опустеет, но муки адовы никогда не кончатся.

¹ Белтейн — кельтский праздник начала лета, традиционно отмечаемый 1 мая.

Пройдут десять тысяч раз по десять миллионов лет, и не будет завершения страданиям проклятых».

В переполненной кирке повисла мертвая тишина. Вдруг завопила и забилась в истерику женщина, многие заплакали. После службы старейшины столпились вокруг мистера Праудфута, благодаря за такое уместное и вдохновенное поучение. Но Дэвид не проронил ни слова, душа его болела. Что значат эти громы пред грехом всей общины, когда одни нечестивцы закрывают глаза на возмутительные безобразия других? И на какое-то мгновение ему показалось, что еретик Монтроз, творящий зло огнем и мечом, менее отвратителен Господу, чем здешний Приходской совет.

* * *

Морозы ушли в середине марта, и две недели с крыш капало, хотя по-прежнему дули пронизывающие восточные ветра, в одну ночь сменившиеся южными, и вот тогда в горные долины принесло весну.

Изобел гнала священника из кабинета: «Ну-ка в холмы, как настоящий мужчина, нечего сиднем сидеть. Зимушка выдалась тяжкая, сами-то бледней полотна сделались. Давайте-ка, пора просвежиться».

Дэвид прогулялся по пустошам и полюбовался округой с вершины Оленьего холма: в чистом апрельском воздухе четко прорисовывались контуры, но цвета до поры не радовали глаз. Лес Меланудригилл опять казался густым и темным, но его тени не успели обрести таинственность. Желтизна косогоров напоминала порыжевший от времени бархат, но берега ручьев и речек начали покрываться зеленью. Березы стояли словно в блеклой дымке, на ивах и лещинах набухли почки. В тени каменных оград виднелись остатки сутробов, а с поля в Ламмерло снег так и не сошел, но ветер был мягок, к тому же кроншнепы и ржанки криками

прославляли весну. В Виндивэйз и за Риверсло жгли вереск, и спирали синего дыма возносились к бледным небесам.

Весна в холмах стала откровением для человека, приехавшего из тесных улочек Эдинбурга. Ему представилось, что сама жизнь бьет ключом из-под бурой земли и он лицезрит настоящее чудо. Молодая кровь, заledenевшая долгой зимой, забурлила, все его существо оттаяло. Он со стыдом осознал, что и его охватило весеннее ликование. В дыме горящих верещатников он увидел дым курящихся языческих алтарей, на которых возлежат невинные жертвы с алтарей богоугодных.

Вечером в кабинете он вдруг понял, что не может сосредоточиться на собственных комментариях к Книге пророка Исайи. Мысли блуждали где-то далеко, его так и тянуло открыть Вергилия. Но помня, что вечерние часы выделены для богословских занятий, он взял с полки Климента Александрийского и перечитал страницы, на которых этот учитель Церкви становится особенно поэтичным, смешивая классическую древность с христианством: «Это — гора, любезная Богу, не дававшая сюжеты трагедиям, как Киферон, но предназначенная для действий истины; гора, где нет вина, гора, покрытая тенью священных лесов. А ликуют на ней не сестры пораженной громом Семелы, менады, в нечестивой мистерии хватающие куски мяса, но дочери Бога, милые овечки, провозглашающие священные действия Слова и созывающие непорочный хоровод»¹.

Его проповеди изменились в те дни. Он больше не пытался выковать тонкие цепи догматов, а вернулся к традиционному богослужению, взывая к сердцам прихожан. Все в Вудили, в свою очередь, удивились этому, немало обеспокоившись. Однажды в солнечный полдень он вещал о благодарении и вознесении хвалы Господу: «Славьте Его, — возглашал он, — даже если у вас ничего нет, ибо это есть благодать и свет солнечный для агнцев».

¹ Климент Александрийский, «Увещевание к язычникам». Гл. 12 (пер. А. Ю. Братухина).

— Слыхали когда подобное? — сказал Майрхоуп, остановившись в дверях кирки. — Какое дело Иегове до наших овец?

— Он страстный проповедник, — сказал Чейсхоуп, — однако с истинным «сыном громовым», Праудфутот из Боулда, не сравнить.

Собеседник согласился, и хотя в словах звучало сожаление, они довольно переглянулись, словно радовались, что нет в Вудили Воанергеса¹.

¹ «...нарекши им имена Воанергес, то есть “сыны громовы”» (Мк. 3:17).

Глава 5

ЧЕРНЫЙ ЛЕС ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Двадцать второго апреля священник вышел прогуляться на Олений холм. Случилось это после того, как Изабел принесла новости, пробудившие забытые им страхи. Всю долгую мрачную зиму Вудили был отрезан от мира, и Дэвид жил словно в клетке, не думая ни о чем, кроме своего прихода. Он редко вспоминал о Калидоне и его обитателях, как если бы замок стоял на другой планете. Но весна ослабила зимние оковы, и в деревню начали приходить вести о соседях. «Джонни Дау заглядывал, — сообщила Изабел, когда Дэвид сел за трапезу. — Он по речке из Калидона вертался, рассказывает, чудные тама перемены. Лэрд сызнова на войну подался... Неа, Джонни не ведает, куды он поскакал. Отбыл спозаранку, с собой Тэма Пёрвза прихватил, оба на добрых конях, больше про них ничего не слышать. Сказывают, нонче заместо лэрда его свестья, госпожа Сэйнтсёрф из Эмбро¹: она уже полмесяца как тама — за Калидоном да за девчушкой приглядывает, тама же девушка обитает, может, слыхивали, сэр, даром что никто в Вудили ее оком не зрил, будто горемыка в Карнватском болоте сгинула. Джонни рассказывает, что свестья — старая карга, прямая как палка и с поганым языком. Прогнала Джонни прям с порога, покуда он с прислужницами любезничал».

Поднимаясь на холм, Дэвид думал о Калидоне. Николас Хокшоу, хоть и хромой, а отправился на войну. На какую войну? Памятүя разговор той темной ночью, молодой человек боялся, что лэрд воюет не за тех, кого одобряет Церковь. Неужели он уехал помогать Монтрозу в его нечестивых деяниях? А солдаты со стремянным? Вернулись ли они к Ливену под знамена Ковенанта или подвергают опаснос-

¹ Эмбро — просторечное название Эдинбурга.

ти свои души, присоединившись к мятежникам-роялистам? Последнее казалось наиболее правдоподобным, и, к собственному удивлению, Дэвид не нашел в себе желания их упрекать. Весна ослабила не только зимние оковы.

День был солнечный и теплый, словно апрель одолжил его у июня. Приблудный западный ветерок трепал проклюнувшиеся листочки. Дэвид задержался на вершине холма, любуясь горами, освещенными весенними лучами так, что можно было рассмотреть мельчайшие подробности, но по-прежнему очень далекими. В ущельях величественных Хёрстейнских утесов лежал снег, и пастор представил, что на самом деле гряда высечена из мрамора, просвечивающего сквозь бурю скорлупу. Зеленая Грудя оправдала название: над каменными насыпями с верещатником по краям поднимался купол изумрудной зелени. Пойма Аллера, залитая солнцем, казалась квинтэссенцией света, и даже Рудское ущелье, подобно мечу пронзившее гору, не выглядело мрачным. Но ничего золотого в пейзаже не было: отмели, озаренные солнцем, искрились серебром, излучина мерцала бледно-зеленым, небеса устремлялись в лишенную цвета бесконечность. И все же весна вступила в свои права. Дэвид чувствовал ее телом и душой.

Пастух Прентис из Риверсло выгонял стадо. Это был угрюмый парень, в детстве потерявший ногу. Несмотря на увечье, он довольно резво передвигался на одном костыле, а его голоса и языка боялся весь приход. Он славился как боголюбец и истовый молещик, и селяне величали его Хромым Вещуном и Колченогим Пророком. Но сегодня даже Прентис оттаял под весенним солнышком. Он дружески приветствовал пастора. «И голос горлицы слышать в краях наших»¹, — крикнул он и поковылял по выжженной в прошлом году траве, поднимая клубы серой пыли. Прентис сам выглядел частью пасторальной благодати.

Дэвид пребывал в необычайно незлобивом настроении. Он успел начисто забыть о зимних страданиях и открылся

¹ Искаженная цитата из Песни песней (2:12): «И голос горлицы слышен в стране нашей».

огромному гостеприимному миру. Эпикурейски наслаждаясь каждым шагом, онпил благоуханный воздух холмов, восхищаясь бурной игривостью синих горных речушек, свежей зеленью торфяников, бутонами на боярышнике и оляпка-ми, весело барахтающимися у перекатов. На пустошах голосили кроншнепы с чибисами, а когда Дэвид спускался в Рудскую долину, из-под ног выпорхнул жаворонок — первый в этом году — и ринулся ввысь, вознося хвалу весне.

Пастор так засмотрелся на холмы и долины, что позабыл о Меланудригилле. И вдруг он увидел его — темный и огромный, единственное мутное пятно посреди прозрачного пейзажа. Но Лес не подавлял своей мрачностью, ибо мраку не место там, где все полнится простором, и светом, и песней. Дэвиду захотелось прямо сейчас забрести в чащу, пройти через Риверсло, а затем вниз по берегу Вудили. Но взгляд на Рудское густолесье остановил его. В такой день тянет не к соснам, а к березняку и орешнику, с чистых полянок которых всегда видны небо и холмы. Поэтому пастор свернул направо к редкому подлеску, намереваясь спуститься в долину у начала тропы, ведущей в Гриншил.

Подлесок оказался гуще, чем ему представлялось. Там был не просто кустарник, а настоящая роща с полянами и овражками, миниатюрными ложбинами и ручьями. На зеленеющих ветвях весело щебетали птицы, деловито копошились вяхири, заросли кишели дружелюбным зверьем. Он заметил желтовато-коричневую спину оленя, убегающего прочь, мелькнула рыжая лисица, ну а кроликов было просто не счесть. Первоцветы усыпали все вокруг: их бледные звезды разукрасили склоны оврагов и чисти, обступили деревья и полезли вверх по растрескавшейся серой скале. Они росли так густо, что блеклая желтизна отливала золотом, и это был единственный яркий цвет, увиденный Дэвидом за целый день. Пастор был молод и впечатлителен: не сдержавшись, он набрал целую охапку первоцвета, чтобы украсить свой дом, а малые букетики красовались у него на лацкане и на берете. Он собирался снять цветы с кафтана и головного убора, когда будет подходить к большаку, иначе прихожане примут его за полоумного. Но здесь, под пок-

ровом леса, он мог отбросить условности и вести себя как ребенок.

В конце концов он позабыл, куда направлялся. Оказавшись посреди елани, уводящей налево от Гриншила вниз к очень живописной бурливой речке, он поддался порыву и свернул туда. Память подсказала ему, что у этой реки стоит Рудфутская мельница. Он хорошо знал ту местность и частенько ловил форель в нижних затонах, но никогда не ходил вверх по течению. В Дэвиде проснулся страстный исследователь... Лощина превратилась в узкое ущелье с пенным водопадом. Дэвид пробрался вниз, скользя по камням, и промочил ноги до колен. Он радовался, как сбежавший с уроков мальчишка, и, обнаружив в корнях гнездо оляпки, посчитал его трофеем. Чуть дальше рельеф выровнялся, и пастор вышел на полянку, заросшую первоцветом и ветреницей, затем, миновав еще один водопад, пошлепал по обросшему лещиной торфянику с лужами, блестящими между кочек... Взглянув вверх, он увидел, что на противоположной стороне выстроились черные сосны.

Он добрался до границы Меланудригилла. Деревья тучей нависали над ним, и после светлого березняка и орешника он словно смотрел сквозь мутное стекло водной толщи на темное дно. Подлесок уходил во мрак чащи, замысловатой формы камни и пожухлые заросли орляка напоминали надгробия. Но место очаровало его. Здесь тоже чувствовалась Весна, и Дэвид поразился, что ей удалось проникнуть и в эти пределы. Он перемахнул через ручей и полез по крутому берегу, трепеща от предвкушения. В этот лучший из дней его ждало незабываемое приключение.

В лесу было довольно светло, хотя мрачновато и очень зелено. Древние сосны стояли не так кучно, как могло показаться; под ними буйно росли папоротники, и первоцветы, и фиалки, которых он не видел в лещиннике. В воздухе витали запахи влажной коры, свежей земли и ключевой воды. Заячья капуста облепила корневища деревьев. Но мелких птиц не было, только вяхири да ястребы летали где-то в вышине. Дэвид прошел вглубь и очутился на поляне, ок-

руженной стенами бора, на настоящей поляне, а не на тех прогалинах, которыми полнился орешник.

Пораженный красотой, он застыл, не в силах вымолвить ни слова. Вот она — бальная зала лесных нимф, площадка для игр Доброго народца. Казалось странным, что место пустует... В зарослях раздался шорох, и сердце заколотилось. Из безрассудно смелого мальчугана он стал юношей, чье воображение питалось знаниями. Он почувствовал, что на поляне кто-то есть и видит его. Трава была прижата легкими шагами... Что-то зашуршало, промелькнув. Дэвид приготовился бежать, в висках стучала кровь.

И вновь движение и шорох. Священнику показалось, что кто-то прячется на другом конце поляны за красным орляком. Сделав два шага, он понял, что не ошибся. Там скрывался кто-то в зеленом, и, сделав третий шаг, он увидел, кто это. То была девушка: нимфа, фея или смертная — он не знал наверняка. Он вдруг забыл о пасторском сане, превратившись в юного странника и пустившись в погоню.

Зеленое платье колыхнуло лапы двух стоящих рядом горбатых сосен и, убегая, исчезло в прошлогоднем папоротнике. Он почти догнал его у ручья в каменистом овраге, но вновь упустил, пока взбирался по крутому склону. Казалось, платье смеется над ним, заманивая куда-то, потому что, оглядевшись, он заметил его чуть ниже, там, где между деревьями проглядывала лысая горная вершина. Дэвид был молод и быстр, но платье опережало его: он только-только большими прыжками преодолел спуск, а оно успело скрыться в тени сосен. Он опять увидел его, потом потерял и неожиданно обнаружил высоко над собой — на сей раз не просто колыхание зеленой ткани, но и девичий силуэт... Дэвид стал осторожнее. Нимфа или человек, ей не обхитрить его в игре в прятки. Впереди высилась каменная гряда, через которую было не перелететь без крыльев. Дэвид держался внизу, решив загнать соперницу к этим скалам. Ему удалось: после нескольких попыток улизнуть в другую сторону, платье свернуло в узенькое ущелье, поросшее кустарником и заканчивающееся отвесной стеной. Тяжело дыша, Дэвид устремился следом и наверху, на мхах под утесом,

увидел запыхавшуюся девушку, пытающуюся привести в порядок растрепавшиеся косы.

От удивления он встал как вкопанный. Он преследовал фею, а нашел смертную — с румянцем на щеках и злыми глазами. Кровь бросилась ему в лицо, а бег и изумление лишили дара речи. Она заговорила первой:

— Что понадобилось пастору из Вудили в Лесу — да еще с букетами первоцветов?

Голос показался знакомым, и, отирая пот со лба, Дэвид вспомнил, что уже видел ту, что перед ним. Девушка дышала не так тяжело, как он, но щеки покраснелись, и он узнал эти темные озорные глаза. Они искрились весельем и больше не пылали гневом: девушка смотрела на него с застенчивым любопытством. Она узнала его и призналась в этом... Точно. Именно она встречала гостей Николаса Хокшоу в Калидонском замке при свете свечи. Дэвид смутился еще сильнее.

— Мадам, — пробормотал он, — мадам, я принял вас за фею.

Она громко расхохоталась, совсем как ребенок:

— За фею! Скажите, сэр, разве охота на фей в лесу входит в обязанности пастыря Господня?

— Мне так стыдно, — воскликнул он. — Правильно вы меня укоряете. Но в этот весенний денек мои святые обеты вылетели из головы, и я вновь ощутил себя мальчишкой.

— Я вас не укоряю. Я и правда рада, что священник может вести себя как мальчик. Но сюда редко кто забредает, и я подумала, что весь лес — моя вотчина, а как только увидела вас в папоротниках, решила подшутить и напугать, как уже много раз поступала с незваными гостями. Я думала, вы убежите. Но вы настоящий смельчак, потому и раскрыли мою тайну. Я люблю гулять здесь, собираю цветы, распеваю баллады, наблюдаю за зверями и птицами... Но до принятия обетов вы были простым человеком. Как вас зовут?

— Зовусь я Дэвидом Семпиллом. В детстве я жил на Рудфутской мельнице.

— Тогда и у вас есть права на эту землю. Вы тоже играли в Лесу?

— Нет, мадам, в Лес я не заходил. Правда, иногда проезжал по нему. И до сегодняшнего дня я его боялся. У этого Меланудригилла дурная слава.

— Бабкины побаски! Это благословенное в своей невинности место. Мне не нравится, когда его зовут Меланудригиллом. В этом слове заключено темное колдовство. Зовите его Лесом — и вы полюбите его так, как люблю его я... Осторожно, я спускаюсь. Посторонитесь, пожалуйста, и я выведу вас к Раю. Вы не знаете, о чем я? Рай — это святилище посреди чащи, и только я одна могу найти дорогу туда.

Она не была похожа на величественную даму в желтом атласе и голубом бархате, поразившую его в ту ночь в Калидонском замке. Рядом с ним стояла стройная смеющаяся девушка в зеленом, с тяжелыми деревенскими башмаками на ногах. Волосы, перехваченные шелковой лентой, все еще были в беспорядке после погони. Вдруг все его смущение пропало. Рассудок твердил ему, что это Катрин Йестер из Калидона, дочь гордого и непокорного семейства, подозреваемого в нечестии, женщина, красавица... он даже не знал, как подступиться ко всему этому. Но в тот солнечный день все доводы были бессильны — он видел в ней просто девушку.

Они спускались с холма, и по пути она не переставала болтать, точно стосковавшийся по общению ребенок, наконец обретший товарища:

— Я вас первой заметила и понадеялась, что вы броситесь за мной, если я побегу. Вы мне тогда в Калидоне понравились. Я-то слышала, что все священники утрюмые и старые, а вот вы показались добрым. И вы веселый, да, веселый — не грустный, как большинство шотландцев.

— Вы недавно приехали в эти края? — спросил он.

— В прошлом июне. Это моя первая шотландская весна, она не похожа на весну во Франции или в Англии. Там лето приходит почти сразу после зимних холодов, но здесь природа долго готовится, а цветы как будто крадутся с задворок. Я с самой смерти отца жила по большей части во Франции.

— Поэтому-то мне ваш говор кажется странным.

— А ваш — мне, — отрезала она. — Но тетя Гризельда учит меня быть хорошей шотландкой. Заставляет прясть, пока руки не отвалятся, и готовить жуткие отвары из трав, и стряпать ваши диковинные блюда. «Каатрин, королевина глупоумная, ты на кой в горницу цветиков и грязнухи-зеленухи наволокла? Мы ж не буренки, да и древлий Калидон не пуня». В этом вся тетя Гризельда. Она как хорошая собака — лает, но не кусает, хотя вся прислуга по стенке ходит. Мы с ней играем в карты, она рассказывает мне местные легенды, пусть и не так увлекательно, как дядя Ник. Такие дела! Скорее бы закончились войны и он вернулся домой... Ну, сэр, как вам? Это врата Рая.

Она вывела Дэвида из соснового бора к зеленой расселине с орешником, рябиной и березками по краю. Это было скорее похоже на косогор, чем на лес, да и под ногами лежал дерн, совсем как в холмах. В самом центре из-под земли бил ключ, давая начало ручью, извивающемуся между цветов и водопадом уходящему вниз. Первоцвет, фиалки и ветреница делали место ярким, как сад.

— Я зову это Раем, — сказала Катрин, — потому что мало кто из смертных может найти его. Вы бы и не догадались, что тут что-то есть, пока случайно не забрели бы сюда.

— И сосны здесь не растут, — сказал Дэвид.

Она кивнула.

— Но темный лес я тоже люблю, а в такой денек там лучше всего. Хотя он навевает грусть, а когда небо хмурится и дует ветер, я даже прихожу в уныние. Но здесь мне радостно в любую погоду, это славное местечко. Признайте, сэр, я нашла чудесный уголок.

— Да, тут хорошо. Как писал поэт: «Deus nobis hæc otia fecit»¹.

— Тра-ля-ля! Это латынь, а я не книжница. Но и я могу процитировать знакомых мне поэтов. — Голосом, схожим с птичьим пением, она прочитала несколько строк, из кото-

¹ «Бог даровал нам эти досуги». Вергилий, «Буколики» (пер. С. Шервинского).

рых Дэвид понял только то, что это хвала Весне и что сама богиня Флора превозносит ее:

«O fontaine Bellerie,
Belle fontaine chérie
De nos Nymphes, quand ton eau
Les cache au creux de ta source,
Fuyantes le Satyreau
Qui les pourchasse à la course
Jusqu'au bord de ton ruisseau,
Tu es la Nympe éternelle
De ma terre paternelle...»¹

В голове Дэвида происходили странные, разрушительной силы перемены. Ему показалось, что с глаз спала пелена и он по-новому посмотрел на мир. Это восхитительное создание открыло перед ним дверцу, ведущую то ли к хорошему, то ли к плохому, он и сам не знал куда, впрочем, ему было все равно. Он мечтал, чтобы мгновение остановилось и мир замер навеки: весенняя полянка и темноволосая девушка, поющая среди первоцветов. Он осмелился назвать ее по имени:

— Даже коноплянки не поют так сладко, госпожа Катрин. А не знаете ли вы местных песен?

— Служанки учат меня им. Я могу спеть про шотландку Мэри, про золотовласого паренька и... точно, эта песня как раз для Рая.

¹ О Беллери, ручей мой славный,
Прекрасен ты, как бог дубравный,
Когда, с сатирами в борьбе,
Наполнив лес веселым эхом,
Не внемля страстной их мольбе,
Шалуни нимфы с громким смехом,
Спасаясь, прячутся в тебе.
Пьер де Ронсар, «Ручью Беллери» (пер. В. Левика).

И она запела:

Королевна юная у окна сидела,
Вышивала шелком, глядя из окна.
У окна сидела и в окно глядела,
Увидала, мой милоч, что за окном весна.
Вышивала, увидала, за окном весна.

Замолкнув, она пояснила:

— Птичница Джин, от которой я ее слышала, знает один лишь первый куплет. Жалко, я не пишу стихов, а то сама бы дописала остальное.

Источник располагался среди зеленых кочек, в центре того, что деревенские жители называют кругом фей, или ведьминым кольцом. Девушка уселась прямо в кольцо и принялась составлять букетики из собранных по дороге цветов. Дэвид снял украшенный первоцветами берет и растянулся на дерне у ног Катрин, любуясь ее ловкими движениями. Солнце приятно пригревало. Никогда до этого молодому человеку не было так спокойно и хорошо.

Фея, сидевшая рядом, опустила цветы и посмотрела на Дэвида, встретившись с его мечтательным взглядом. Он как раз пытался понять, как это невероятное создание вписывается в его привычный мир. Неужели их жизням дано соприкоснуться только здесь, в этом Лесу?

— Ваш дядя самый крупный землевладелец прихода Вудили, — сказал он, — но вы ни разу не были в кирке.

— Я была там в прошлое воскресенье, — сказала она.

— Воскресение, — поправил священник.

— Воскресение, если вам так угодно. Калидон находится в приходе Колдшо, и мы посещаем именно ту кирку. Четыре мили тащимся на ломовой лошади, тетя Гризельда впереди, я сзади. А до этого пути заметало... Я уже слышала много проповедей мистера Фордайса.

— Он хороший человек.

— Он скучный. И проповеди его унылы. «В-седьмых, братья мои, надлежит истолковать...» — передразнила она. — Но он, конечно, добрый, и тетя Гризельда говорит, что слова его душеспасительны, и даже готова отплатить ему лечением. Он очень болен, бедняга. Тетя Гризельда любит проповеди, но еще больше любит свои травки.

— А вы не любите проповеди?

Катрин скривилась:

— Вряд ли я их понимаю. Вы, шотландцы, ученые богословы, а я все сижу за букварем. Как-нибудь я приду к вам на службу, по-моему, ваши проповеди будут мне яснее.

— Я не смогу поучать вас, — сказал он.

— С чего бы это, сэр? Неужели ваши слова годятся только для сморщенных дедов и деревенских кумушек? Разве в вашей кирке нет места для девушек?

— Вы не отсюда. Зерно может взойти лишь на вспаханном поле.

— Но это ересь. Не все ли души одинаковы?

— Одинаковы. Но глас пасторский слышен лишь тем, кто готов услышать его. Мне кажется, вы слишком упиваетесь своей юностью и вам не до ритуалов.

— Вы несправедливы ко мне, — сказала она, и ее лицо сделалось серьезнее. — Я молода. Наверное, я слишком много веселюсь, но утро такое прекрасное, что долго грустить невозможно. Но я тоже видела горе: отец погиб на войне, мать умерла от тоски по нему, я всю жизнь скитаюсь по чужим домам, и не все родственники благожелательны. Моя душа часто жаждала утешения, сэр.

— Вижу, вы нашли его. В чем же?

— В решимости не сдаваться. Это мой жизненный девиз, но не всегда получается следовать ему.

Для уха, привыкшего к показному благочестию, подобное признание прозвучало почти как богохульство. Дэвид неодобрительно покачал головой.

— Это расчетливая языческая философия, — сказал он.

— Но почерпнула я ее из проповеди чуть больше года назад.

— Где вы такое слышали?

— В Англии, но не в церкви, а при королевском дворе.

— От мистера Хендерсона¹?

— От одного пресвитерианца, но он не был священнослужителем. Послушайте, я расскажу вам об этом. В марте прошлого года миледи Гревел взяла меня с собой в Оксфорд и представила Королеве. Ее Величество была благосклонна ко мне, я стала фрейлиной и поселилась рядом с ней в Мёртон-колледж. Во дворец весь день приходили великие люди. Я видела, — и она принялась загибать пальцы: — его светлость герцога Гамильтона² — он мне не понравился; милорда Нитсдейла, и милорда Эбойна, и милорда Огилви, и весьма серьезного господина Эдварда Хайда³, и милорда Дигби, и мудрого мистера Эндимиона Портера⁴. Каждую минуту кто-то с кем-то совещался, королевские слуги интриговали, ходили слухи об измене, и вокруг не было ни одного светлого взгляда или отважного сердца. И тут появился молодой человек, говоривший просто и ясно. «Если в дело Короля не верят в Англии, — сказал он, — его спасение в Шотландии». Когда его спросили, что именно он предлагает, он ответил, что желает «поднять Север ради Его Величества». Его спросили, как он собирается действовать, и он сказал: «Своей собственной решимостью». Все покачали головами, а некоторые засмеялись, но они не охладили его жара. «Рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти⁵, — сказал он, — и верующий в Него не будет отвержен». Вот такая у него была проповедь, и все сомневаю-

¹ Александр Хендерсон (1583-1646) — шотландский церковный деятель, богослов, один из авторов Национального ковенанта и идеологов ковенантского движения.

² Джеймс Гамильтон (1606-1643) — крупный шотландский государственный деятель периода Английской революции и один из главных сторонников короля Карла I.

³ Эдвард Хайд (1607-1659) — англиканский священник при дворе Карла I.

⁴ Эндимион Портер (1587-1649) — английский дипломат, страстный любитель живописи.

⁵ Ис. 59:1.

щиеся умолкли. Затем мистер Портер сказал: «Вера некоторых способна сдвинуть горы, а дух преодолеет любую преграду. Я за попытку!» Королева, моя госпожа, поцеловала молодого человека, Король сделал его своим генерал-лейтенантом... Два дня спустя он покинул город с одним-единственным слугой, отправившись завоевывать Шотландию, а я бросила ему букетик первоцветов. Он поймал его, прикрепит на грудь, помахал мне рукой и уехал сквозь северные ворота.

— Кто был тот герой? — быстро спросил Дэвид, потому что рассказ зажег его сердце.

Девушка вспыхнула, ее глаза заблестели.

— Все случилось год назад, — продолжила она. — Сегодня он достиг своей цели. Он завоевал Шотландию для Короля.

Дэвид ахнул.

— Монтроз-отступник! — воскликнул он.

— Он такой же хороший пресвитерианец, как и вы, сэра, — тихо произнесла Катрин. — Не называйте его отступником. Он проложил себе дорогу на север, разметав врагов, словно сам Ангел Божий хранил его. Он рожден вести людей к победе. Неужели вы не почувствовали, насколько он велик?

— Я? — удивился Дэвид.

— Мне сказали, что вы разговаривали с ним и очень ему понравились. Тот стремянный в Калидоне был лордом маркизом.

Глава 6

ЧЕРНЫЙ ЛЕС НОЧЬЮ

Из Боулдского прихода пришла весть о великом возрождении. Поселяне называли происходящее «Совершениями» и перешептывались о тщании и талантах мистера Эбенезера Праудфута, священника, ибо после многочисленных разъездных проповедей по постным дням мистер Эбенезер впал в экстаз, его посетили видения и он говорил с потусторонними голосами. Страх неизведанного пал на прихожан, и они всецело посвятили себя воздержанию и молитве, и даже самые бесшабашные искренне каялись в своих грехах. Всю весну Боулд оставался безупречен: шумных свадеб на всю деревню не правили, в кабаках не играли на скрипках и не предавались веселью; никто не сквернословил и не бражничал; день воскресный чтился не меньше, чем день субботний при Моисее. Венцом «Совершений» стало великое богослужение, проведенное на открытом воздухе в Боулдской пустоши, когда тысячи преисполненных воодушевлением паломников приняли святое причастие. В том же Боулде на отшибе имелось поросшее чертополохом поле, известное как Мужнина пажить и отданное на откуп Нечистому. После службы селяне запрягли волов, и через час или два поле было вспахано и засеяно ячменем во славу Божию и во избавление от грехов. Урожай с него предназначался беднякам.

В Вудили много говорили о «Совершениях», и Совет вздыхал о том, что и здесь необходимо нечто подобное. «Неужто нашу обмерзшую землю не посетят благодатные ветры?» — разглагольствовал Питер Пеннекук. Но Дэвида настолько поглотила борьба с самим собой, что он пропускал все мимо ушей.

После дня в Раю он ходил как сомнамбула, погрузившись в раздумья. Душевный подъем сменился непрогляд-

ной тьмой сомнения. Он осмелился войти в Лес и нашел там чары, и это колдовство бредило его душу... Было то благословение Господа или происки Дьявола?.. Временами, вспоминая невинность и пыл девушки, он думал о ней как об ангеле. Не может грех свить гнездо в столь светлом создании... Но тут же в памяти всплывало, как пренебрежительно рассуждала она о делах церковных, как присягала миру, против которого Церковь вела войну. Неужто она дочь Хетова, жена моавитянская¹, коей нет места в земле Израильской, обетованной? Краса ее телесна, милости ее манят в преисподнюю. И всякий раз Дэвид приходил к одному и тому же выводу: Катрин похитила его сердце. «Ужель и мне суждено пасть в бездну греха?» — с ужасом вопрошал он себя.

Чем больше он вглядывался в свою душу, тем сильнее становилось смятение. Дэвид думал о калидонском стремянном, зажегшим в нем искру привязанности, какой он ни к кому и никогда испытывал прежде. Он прекрасно помнил его лицо и жаждал увидеть его вновь, как влюбленный жаждет встречи с хозяйкой своего сердца... Но тот человек был Монтрозом-предателем, несущим беды богоизбранному народу, и отступником, отлученным от Церкви, которой когда-то поклялся служить... И все же, даже если считать его изменником, Монтроз верил в Бога и посвятил всего себя Всемогущему... Каков Господний замысел, кого Он избрал для его воплощения? Кто на этой земле сможет помочь Дэвиду рассеять сомнения?

В кабинете, прогретом приятным теплом весеннего солнца, больше не кипела подготовка к написанию великого трактата об Исае. Он превратился в молельную комнату. Дэвид ждал, что Господь сам разрешит его трудности, и горел желанием увидеть знак свыше. Но знамений не было. Сонм текстов об одеждах хананейских и поклонении идолам кружился в голове, но он отказывался верить им. Лицо молодого мужчины, глаза и голос девушки делали простые

¹ Хет — второй из сынов Ханнана, внук Хама и правнук Ноя. Моав — историческая область в Западной Иордании.

решения сложными... Временами, в муках душевных, Дэвиду все-таки казалось, что он наконец принимает истину святых слов и готов вырываться из соблазнов дьявольских тенет, оградив сердце от грешных чар.

Как-то днем он отправился в Колдшо навестить мистера Фордайса. Он желал открыть ему душу, но не нашел поддержки. Мистер Джеймс страдал от сенной лихорадки, и ему следовало бы не встречать гостя, а лежать в постели, так стучали его зубы и тряслись руки.

Они поговорили о Калидоне и его обитательницах. «Госпожа Сэйнтсёрф, безусловно, дама чрезвычайно набожная, — сказал пастор из Колдшо. — Случилось мне поехать в Калидон со Словом Божиим, и она сразу восприняла доктрины нашей веры; жизнь ее во всех отношениях образчик благочестия, пусть и бывает она несдержанна в речах своих. А девушка... ну, она молода и долго пребывала в папских и прелатских землях. Я вижу в ней искру благодати, мистер Дэвид, и душа ее может устремиться к деяниям Божиим. Моя жена ждет не дождется с ней встречи, как больной ждет утра. Быть может, я недостаточно ревностен с нею — невежество ее достойно сожаления, а я не могу быть суровым по отношению к такой чудесной девушке».

Дэвид вернулся, не достигнув цели, но обрета некоторое успокоение. Словам мистера Фордайса он верил охотнее, чем суждениям боулдского Воанергеса или елейного пастора из Аллерского прихода. Сомнения остались при нем, однако неопределенность скорее умиротворяла, чем мучила. Господь еще не призвал его к отречению, и, поняв это, Дэвид позволил воспоминаниям о Рае озарить душу счастливым светом.

Но юность не терпит колебаний. Дэвид мечтал о занятии, способном поглотить все его силы без остатка. Почему, ну почему он не солдат? Он обратил взор на приход и попытался уйти с головой в заботы о нем. Не исключено, что душевные метания обострили его чувства, потому что вдруг он начал замечать некоторые странности своей паствы.

Весна выдалась хорошая, почва достаточно просохла, и посевная с окотом прошли без осложнений. Тощий скот по-

кинул загоны и сараи и, питаясь молоденькой травкой, быстро оброс жирком. Ягнята забегали по холмам на окрепших ножках. Еды стало вдоволь: порезали приболевших овец, куры опять неслись, а коровы доились. Зимняя мрачность стерлась с лиц прихожан, девушки умылись, и повсюду Дэвида встречали румяные щечки и яркие глаза. Вудили ожил вместе с весной, но пастор, бродя по деревне, видел не только телесное благополучие... Всюду царило необычное возбуждение — или ожидание? — и причиной тому являлась какая-то тайна.

Не все были посвящены в нее. В приходе, казалось, существовал тесный круг людей, сплоченных заветными узами. Дэвид догадывался о принадлежности к нему по глазам. Некоторые прихожане смотрели прямо и открыто, что не зависело от их записного благочестия. К примеру, кузнец Амос Ритчи слыл завзятым сквернословом и порой злоупотреблял питием, а фермер из Риверсло не только бражничал, но и буянил, потому его боялись и ненавидели. Оба они смотрели на пастора честно и свободно. И были иные, с речами богоугодными, но с непроницаемым взглядом и осторожными движениями.

Приход сделался на удивление благонравен, и стало не за что налагать штрафы. Если не считать череду незаконных зимних родов, мало кто оступался. Редкие девки и парни миловались и проказили по вечерам. Никто не ругался, а если и выпивали, то тайком. Едва ли не все чтили день воскресный и аккуратно посещали богослужения. Но когда Дэвид, глядя на толпу перед киркой или стоя за кафедрой и читая проповедь, всматривался в паству: девушек в чистых платьях, пришедших к церкви босыми и обувшихся перед входом, мужчин в добротной домотканой одежде и беретах, старух в белых чепцах — он видел, что плечи их согбенны от трудов, суровые лица застыли в чинной благопристойности, а пустые взгляды направлены ему в лицо. Вот тогда ему казалось, что перед ним маски. Настоящая жизнь Вудили была сокрыта от него. «Вы же мой народ, — с горечью твердил он про себя, — а я вас по-прежнему не знаю».

Это было не совсем так. Он знал детей и успел свести дружеское знакомство кое с кем из взрослых. Он чувствовал, что знает Питера Пеннекука, главу и секретаря Совета, как облупленного: там и знать было особо нечего, ибо являлся Пеннекук просто лицемерным самолюбцем. Дэвид мог говорить начистоту с Амосом Ритчи и Риверсло... Но большинство прихожан сторонились его, как чужака: все эти фермеры, такие, как Чейсхоуп, или Майрхоуп, или хозяин Нижнего Феннана, или мельник Спотсвуд, а также пожилые пастухи и батраки со своими женами. А главное, приходская молодежь не стала ему ближе, чем в день его приезда. Сутулые угловатые парни, пригожие и румяные или смертельно-бледные девушки оставались обходительны и сдержанны, но непроницаемы. Порой он ловил себя на том, что во время богослужений смотрит на этот благоразумный и солидный народ как на врага, который украдкой следит за тем, как бы священник не выведal лишнего... Вудили давно приобрел дурную славу, говорил мистер Фордайс в день их первой встречи. Какую именно славу? Что прихожане так тщательно скрывают от него, их же пастора, обязанного знать все сокровенные тайны? Почему прячут взгляд? Боятся? Должно быть, тут не обошлось без страха, но этот страх был не сравним с царящим в Вудили диким и злоеющим предвкушением.

В последний день апреля Изобел не находила себе места.

— Подите-ка прогуляйтесь, сэр, — сказала она после обеда. — Однако ж к ужину не запаздывайте, припасла я славного овечьего сыру да напеку пирогов, а в каморке вашей свечки зажгу, дабы вы за книжками посидеть успели.

— С чего бы такая забота? — с улыбкой спросил Дэвид.

Она неловко рассмеялась:

— Все обыкновенно. Но нынче то, что зовется у нас Праздником святого креста, а назавтра Белтейн. В его канун, как смеркаться станет, доброму люду из дома нос казать негоже. Уж на что мой батюшка смельчаком слыл, но и он шагу за порог в таковскую ночь не ступил бы, что бы ему тама ни посулили. На восьмой день мая сызнава праздно-

вание, а покуда время не миновало, надобно быть сторож-
ким.

— Бабушкины сказки, — сказал Дэвид.

— А вот и нет, никакихские не старушья побаски, а слова мудрецов и храбрецов.

— Я хотел прогуляться по Лесу.

— Упаси Господь! — вскричала она. — Держитесь от Леса подале. В таковский-то день. В чащобе полным-полно бого-
лов.

Ее напористость смутила священника, и он сорвался на резкость. Все, что тяготило его в эти дни, вырвалось нару-
жу, когда он услышал сказанную глупость.

— Женщина, — взвился он, — какое дело слуге Божию до языческих бредней? Стыдно повторять подобную чушь.

Но Изобел было не переубедить. В глубоком возмущении она засела на кухне и не спускала с него глаз до самого ухода, точно мать, следящая за непослушным сыном.

— К ужину-то возвратитесь? — умоляюще спросила она.

— Вернусь, когда посчитаю нужным, — ответил Дэвид, с вызовом запихивая в карманы сыр и лепешки.

* * *

День стоял теплый и солнечный, над вершинами самых высоких холмов висела прозрачная дымка. Весна вступила в свои права: желтовато-коричневые тисы покрылись новыми побегам, расцветал боярышник; лещины, дубы и ясени шелестели листвою. Но Дэвид был слишком мрачен и не замечал красот неба и пустошей, которыми наслаждался, когда впервые шел в Рай. Теперь в груди разгоралось пламя возбуждения, не знакомое прежде: он вкусил волшебства и каждую секунду ожидал его проявлений. Сам мир изменился, сейчас он таил чары — девичье лицо и девичий голос. С вершины Оленьего холма пастор посмотрел в сто-

рону Калидона, скрывающегося в изложине меж Рудских холмов. Сидит ли она в каменной башне или гуляет по лугам, чья зелень манит за косогором? Или она на излюбленной поляне в Лесу?

Дэвид твердо решил не ходить туда и направился в другую сторону вдоль каменистой северной границы Рудской долины. Когда он миновал верещатник, покрытый коротенькой травкой, и попрыгал по болотным кочкам, настроение поднялось. Да и как хмуриться в мире, полном свежести, весеннего благоухания и выюющих гнезда птиц? Вскоре он увидел Калидонский замок, но прошел мимо, направляясь вверх к истоку Руда и наблюдая, как река медленно поднимается вместе с ним. Он шел вперед, пока не почувствовал, как всегда бывало во время прогулки по холмам, что желание сидеть на месте исчезло и все тело радуется движению. Ему показалось, что душа его воспарила, а взгляд приобрел небывалую четкость. В мире, который Господь сотворил светлым и чистым, не может быть ничего грешного в том, что тоже светло и невинно.

Солнце опустилось за Хёрстейнский утес, прежде чем Дэвид стал думать о возвращении домой. Он был на возвышенности — Меланудригилл лежал далекой тенью во впадине долины под ним. После дня в Раю Лес перестал страшить его. Тогда он гулял меж его сосен и встретил Катрин. Сейчас он взирал на пущу, приближающуюся с каждым шагом, как ранее глядел на Калидон и его окрестности. Это ее владения, может, она и сейчас там — поет в душистых сумерках?

Пока он стоял над Риверсло, вечер стал фиолетовым, округлившаяся луна постепенно забиралась все выше небеса. Дэвиду не терпелось узнать, как выглядит Рай в этом магическом свете, и сердце подсказывало ему, что девушка задержалась там чуть дольше обычного и они обязательно столкнутся. Он мог не спешить домой: не поверил же он глупым рассказам Изобел. Но из уважения к пожилой женщине он решил обратить внимание на знамения. Дэвид раскрутил и подбросил посох. Если он упадет наверху к нему, придется отправиться домой. Но посох опустился в вереск на вер-

шим в другую сторону. Поэтому пастор нырнул вниз, в орешник, направляясь к поляне, уводящей на восток к заброшенной мельнице.

Он нашел ее, но узкая чисть была очень темна. Луна не успела подняться высоко над горизонтом, и цветы тонули во мгле, краски померкли, оставив лишь лиловый сумрак и белую пену водопада.

Со временем он добрался до высокого берега на опушке соснового леса. Он искал дорогу в Рай, но не находил ее. Дэвид помнил, что место было не в хвойном бору, а среди дубов и лещины, но быстроногая девушка вела его между сосен... Он оказался там, где входил в чащу в прошлый раз, и решил повторить прежний путь.

В сосняке было светлее, чем он ожидал. Луна воспарила высоко в небо и залила все полянки белым сиянием... Точно, здесь он впервые заметил, как мелькнуло зеленое платье... Девушка пряталась между теми скалами, загнанная в тупик... Вела его вниз по холму, по скосу, потом повернула — налево или направо? Направо, подумал он и углубился в заросли орляка. Еще там рос шиповник, да, конечно, а вот эту огромную корягу пришлось огибать.

Вдруг он обнаружил ручеек и вообразил, что тот течет из источника в Раю. Дэвид принялся карабкаться по склону вверх, пока не наткнулся на густые заросли вперемежку с валунами. Он шел в основном по тускло освещенной местности, но полутьма в поросших лесом холмах может запутать всякого. Вскоре Дэвид перестал понимать, куда идет, ощущая лишь, что поднимается или спускается. Он не знал, где запад, а где восток, и не пытался остановиться и подумать: ночь и лес околдовали его. В воздухе пахло росой, и невероятной сладостью папоротников, и соснами, и мхами; пространство между высокими деревьями лучилось бледнейшим золотом, а в прогалинах крон по сумрачно-синему небу катилась луна, и то было не нежное апрельское светило, но пламенная богиня-завоевательница, несущаяся на колеснице прямо по звездам.

Дэвиду стало ясно, что до Рая он может добраться только случайно, ведь он окончательно сбился с пути. Но он не

жалел, что заблудился, ибо вся эта местность являлась Раем. Никогда доселе он так отчетливо не ощущал волшебства природы. Лес, которого он так настойчиво избегал когда-то, обратился в храм, озаренный неземным светом и исполненный первозданной тишью. Он позабыл о девушке, позабыл о метаниях. Мир и веселье одновременно заполнили его душу: он стал легкомыслен, как мальчишка, и спокоен, как умудренный годами муж; тело казалось невесомым, как воздух, хотя он прошагал не меньше двадцати миль; он чувствовал себя так, будто только что поднялся с постели. Но ликования не было, ему не хотелось петь, как бывало обычно в минуты радости... Нельзя было нарушать эту чудесную и праведную тишину. В Лесу не слышалось ни звука: ни дуновения ветра, как вдали, в холмах; ни птичьего вскрика; ни шелеста травы. Все кругом онемело — но не умерло, лишь заснуло.

Внезапно Дэвид вышел на поляну, словно прибором, омытую лунным светом. Земля была покрыта зеленым мшистым ковром без единого камешка или кустика, а посреди поляны стояло нечто напоминающее алтарь.

Сперва ему подумалось, что это обрушившийся со склона валун. Приблизившись, он понял, что это дело рук человеческих. Много столетий назад над ним потрудился камнетес — валун был квадратный и твердо стоял на своем основании. Непогода покалечила его: давний ураган отбил верхний угол, но камень продолжал противостоять ненастям. Луна освещала бок валуна, и Дэвиду показалось, что он видит полустертую надпись. Он опустился на колени и, хотя нижняя часть стала нечитаемой, смог разобрать верхние буквы. I. O. M. — он понял это: «Jovi Optimo Maximo. Величайшему и всемогущему Юпитеру». Грубый валун когда-то служил алтарем.

Ужаснувшись, Дэвид тихо попятился. В старину этим лесом владели иные люди — облаченные в доспехи римляне, пришедшие по длинным дорогам с юга, священники в белых одеяниях, приносящие жертвы мертвым богам. Он был достаточно образован, чтобы почувствовать магию этого неожиданного соприкосновения с прошлым. Но кое-что

в открытии очаровало и беспокоило его одновременно. Здесь обитали языческие тайны, и присутствие их стерло простоту лесной сени, нарушив ее покой. Встарь тут говорили на диких наречиях, и он словно услышал их отголоски.

Дэвид поспешил в темный подлесок... Сейчас его настроение переменилось. Он устал, глаза слипались, он представил, как встревоженная Изобел не спит и ждет его. Он вспомнил, что это Праздник святого креста, ночь, что дышит язычеством и папизмом, но воображение не сдавалось под натиском рассудка. Да, бабушкины сказки, глупости, но... Дэвиду страстно захотелось очутиться дома, под одеялом. Надо пойти обратно и найти дорогу от Риверсло. Значит, следует идти на запад, и после секундного замешательства он побежал, как ему показалось, в верном направлении.

Что-то изменилось — Лес или, может, его собственное восприятие. Лунный свет больше не казался доброжелательным и прекрасным, он стал похож на огоньки над могилами, которые, как утверждают старики, и ныне можно увидеть на погосте. Чтоб старикам пусто было: их побаски вновь превратили его в напуганного мальчугана!.. А это что еще за звук? Точно кто-то говорит поблизости, не безобидные птицы и не ветер, а человеческие голоса. Он остановился и прислушался... в чаще царила тишина, не нарушаемая земными звуками, однако ощущение движения, шорохи и, да, голоса все еще мерещились поблизости.

Судьба ополчилась против него, и он вновь очутился на той же поляне, откуда, как ему подумалось, сумел убежать... Дэвид заметил перемену: кто-то покрыл алтарь тканью. Сначала он понадеялся, что это всего-навсего игра света и тени, и заставил себя приблизиться. Теперь он не сомневался, что на камне белеет грубое льняное полотно, точно такое же, как покров, что стелют в кирке по священным праздникам.

Он едва не ослеп от страха, охватившего его, когда он осознал это. Вспомнились легенды о Лесе, все то, что заставляло содрогаться. На мгновение Дэвид стал ребенком, заплутавшимся и дрожащим, каждый миг ожидающим на-

падения бесформенных чудищ из темноты. Он бросился прочь, точно от проклятого места.

Дэвид ринулся в холмы, вообразив, что наверху он будет в безопасности и вот-вот наткнется на открытые верещатники. Но голые утесы преградили путь, и он направился, как посчитал, на запад, в дубраву, полагая, что она свободна от колдовства соснового бора. Он не мчался сломя голову, бежал без спешки и с оглядкой, придерживаясь болот и мест потемнее, стараясь не наступать на трескучие ветки, ведь чьи-то глаза наверняка следят за ним из Леса. В глубине души ему было нестерпимо стыдно: он, взрослый мужчина и рукоположенный священник, ввергнут в пучину ужаса. Но инстинкты оказались сильнее рассудка. Дыхание перехватило, ноги обмякли и не слушались, будто больше не принадлежали ему. Ветви хлестали по лицу, и Дэвид знал, что все оно в крови, хотя не чувствовал боли.

Пуща стала редеть, и впереди он увидел свет — конечно, там лощина, разделяющая сосняк и орешник. Пастор побежал быстрее, и страх начал понемногу рассеиваться. Вдруг он услышал какой-то звук, схожий с завыванием ветра, бушевавшего в холмах. До его ушей донеслись пронзительные ноты: высокие, чистые, резкие, — но в Лесу по-прежнему не чувствовалось ни малейшего дуновения, и тело Дэвида было мокро от пота. Он приближался к открытому пространству — и спасению.

Сердце его замерло, колени подогнулись, и он опустился на землю. Перед ним опять лежала проклятая поляна.

Она более не пустовала. Покрытый полотном алтарь окружили фигуры — людские или дьявольские, медленно движущиеся в танце. В стороне от хоровода сидел музыкант, играющий на каком-то инструменте. Мох приглушал шаги, и только завывание дуды звучало пронзительно и неистово.

С глаз спала пелена, к Дэвиду вернулось самообладание, а с ним отвага, трезвость мысли и сила духа. Им все еще владел страх, но и он отступал под напором отвращения и гнева. Пастор наконец разглядел, что у алтаря пляшут люди, мужчины и женщины: женщины полуобнажены, а у

мужчин странные, звериные головные уборы. Те, кого он принял за демонов Преисподней, были переодетыми смертными: один со свиным рылом, другой с козлиными рогами, дударь — с разверстой пастью черного пса... Они немного расступились, и Дэвид увидел алтарь с разложенной снедью и питием, точно приготовленный для безбожного таинства.

Танец был причудлив и нетороплив, ибо каждую из женщин обнимал сзади мужчина. Они двигались против часовой стрелки, против солнечного круга. Глазу, привычному к привольным коленцам сельской джиги или рила¹, зрелище представлялось чистейшим злом: ухмыляющиеся маски, побледневшие и застывшие в экстазе женские лица, непристойные позы, а надо всем этим жуткий колдовской мотив, леденящий кровь, как стон ужаса.

Внутри Дэвида все закипело от злости, и он поднялся на ноги, но неожиданно мелодия сменилась. Медлительный напев превратился в бешеный ритм, стремительный и лихой. Музыкант приплясывал, танцоры, двигаясь в прежнем направлении, вертелись и прыгали, дергая конечностями в сумасшедшем риле... В хороводе кружились и старухи — Дэвид видел развевающиеся седые лохмы. К дудочным трелям добавились выкрики: обезумевшие плясуны стонали и вздыхали.

Дэвиду вспомнились неприкаянные души, носящиеся по Аду. Ярость ветхозаветного пророка переполнила его. Он решительно вышел на поляну. Черти перед ним или нет, он положит конец этому сборищу проклятых.

— Именем Господа, — вскричал он, — заклинаю! Если вы смертны, раскайтесь; если демоны, приказываю вам вернуться туда, откуда явились.

У Дэвида был сильный голос, но танцующие не слушали его. Дуда визжала, пляска продолжалась.

¹ Джига — быстрый старинный британский танец кельтского происхождения. Рил — тип традиционного танца, распространённый в Ирландии и Шотландии.

В голову пастора бросилась кровь. Каждый нерв, каждый мускул напряглись от небывалого взрыва страстей. Он кинулся в толпу, в вонь грязных звериных шкур и потных тел. Добравшись до алтаря, он сдернул полотно, сбрасывая приношения на землю. Растолкав плясунов, он нацелился на развеселившегося музыканта, показавшегося ему распорядителем оргии.

Во время бегства по лесу Дэвид потерял посох, и единственным его оружием были руки. «Изыди, Сатана», — возласил он, схватился за дуду, торчащую из собачьей пасти, и разбил инструмент о голову в маске.

Музыка смолкла, хоровод застыл, а через мгновение все они, как стая куниц, бросились на священника. Длинные ногти тянулись к его лицу, пустые глаза вдруг запылали сладострастием ненависти. Но у Дэвида было секундное преимущество, и он воспользовался им, накинувшись на дударя. Музыкант — а это существо явно было человеком — размахнулся, пытаясь нанести страшный удар по лицу противника; Дэвид успел уклониться, и тот попал по плечу. Удар развернул пастора, однако, будучи юным и ловким, он сделал внезапный выпад и вцепился в псиную морду. Враг оказался очень силен, но колено священника настигло его пах, он согнулся, и Дэвид сорвал маску, сделанную из дерева и кожи, с его головы. Собачья морда треснула от мощного сжатия, как осиное гнездо, и пастор на мгновение увидел рыжую шевелюру и веснушчатое лицо.

На одно только мгновение. Кто-то навалился на него сверху, сомкнув пальцы на его горле. Священник потерял сознание.

Глава 7

ПЕРВЫЙ УДАР

На следующий день ближе к обеду Дэвид очнулся в собственной постели в Вудили. Тело терзала тысяча малых болей и одна великая, тугой повязкой стянувшая лоб. Комнату освещали солнечные лучи, сумевшие пробиться сквозь тусклое оконце, но Дэвид видел все словно сквозь сумерки, искажающие цвета. Голова Изобел раскачивалась перед ним, подобно рыбе. Постепенно ее лицо стало четче, оказавшись вплотную к нему: бледное от испуга, с красными веками. Шум в ушах заглушал ее голос: «Слава Господу, сэр, хвала Ему, мистер Дэвид, наконец-то очнулись опосля забытья. Я вам и питья горяченького сотворила. Будьте ласковы, глотните-ка, а тама, глядишь, сызнава прикорнете. Косточки у вас целы, лицо я вам целебным снадобьем намазала. Повязку-то не теребите. Ранки не гноятся, чистенькие, вы скоренько поправитесь, токмо перевязанным чутку походите».

Она поддержала ему голову, и Дэвид проглотил жидкую кашичу. Вновь потянуло спать, и вскоре он забылся естественным здоровым сном. Он пробудился лишь вечером и почувствовал себя гораздо лучше, да и голова прошла. Он осторожно ощупал свое тело. Ноги были в синяках, особенно большой кровоподтек темнел на правом бедре. Царапины на щеках, скрытые примочками, болели; на шее и горле, там, где злобные пальцы душили его, остались чувствительные следы. Движения причиняли боль, но, кажется, сильных повреждений не было, да и последствия удара головой больше не давали о себе знать.

Убедившись, что почти не пострадал, Дэвид оживился, но на душе было тоскливо и беспокойно. Он ясно представил, что произошло ночью: возбужденное метание по Лесу, поляну, алтарь. С отвращением подумал о собственной па-

нике и бегстве, о том, как опять попал на поляну, услышал мелодию, увидел мерзкую пляску... При последнем воспоминании он едва не упал с кровати. Вернулись слепой ужас и гнев, заставивший его с кулаками броситься на дьявольское сборище.

В дверях показалась взволнованная Изобел:

— Вы славно поспали, сэр. Не пора ли покушать?

— Я выспался и чувствую себя гораздо лучше. Присядь рядом, Изобел Вейтч, надо о многом поговорить. Как я попал домой вчера ночью?

Женщина опустилаcь на краешек стула. Сумерки не могли скрыть ее тревогу.

— Неа, не вчераcь то было, а нынче, полночь. Я-то всю-то ночь очей не смыкала, все вас ждала! Ох, сэр, сказывала я вам, не ходили вы б в Лес в Праздник святого креста, да кто б мне внял.

— Откуда ты знаешь, что я был в Лесу?

Изобел промолчала.

— Говори, — настаивал он, — как я попал домой?

— Я места себе не находила, аки овца заплутавшая, но сама-то за порог ни ногой. Токмо в полночь на дорогу глянула да еще разок, когда два пробило. Опосля я в кресле прикорнула, до нового боя часов. Было то в три, я пробудилася и слышу, будто ходит кто наружи. Я шась к окошку, а тама ни души, одна желтая луна горè. Я Господу помолилася, дабы даровал мне сил, и тихохонько пошла поглянуть, но ничего не узрела. Тутось мне в голову стукнуло на задний двор свернуть. У меня все изнутри оборвалось, как я вас тама, мистер Дэвид, увидала — лежите, аки холодный труп, под яблонькой. Слава Творцу, вы дышали. Ох и худо было вас до постели тянуть, сэр, ох и тяжкий вы для таковской старухи. Солнышко взошло, я вам раны перевязала, мазью намазала и притулилася рядышком молиться да надеяться, что очнетесь вы в здравом уме. Раны-то у вас пустяшные — поправитесь, но опасалася я, что умишком тронетесь. Хычь теперича-то душенька моя покойна: говорите вы обыкновенно, очи ясные, щечки разругнулись. Да восхвалим Господа!

Но никакой радости в голосе Изобел не было. Она нервно перебирала пальцами, взгляд блуждал.

— Ты знаешь, что со мной случилось? — спросил Дэвид.

— Ох, Боже мой! Мне-то откуда то ведомо?

— А что сама думаешь? Находишь меня под утро у дверей без сознания, лицо исцарапано, тело в синяках. Что, по-твоему, произошло?

— Думаю, сцапали вас боглы. Всяк ведает, в Праздник святого креста получают они Божье соизволение на свободе порезвиться.

— Женщина, как могут слова о боглах исходить из уст христианки? На меня напал Дьявол, но сделал это посредством созданий из крови и плоти. Женские ногти исполосовали мне лицо, а мужские пальцы сдавили горло. Я гулял по Лесу — разве подобает служителю Божию бояться темноты и деревьев? — и набрел на языческое капище, и стоял там алтарь, покрытый полотном, точно для таинства. К стыду своему, признаюсь, я испугался, но Бог направил мой страх и вновь привел меня, беглеца, к этому самому алтарю. И увидел я то, что милостию Божьей надеюсь никогда не узреть снова: черти плясали под дуду Дьявола. В гневе ринулся я в их хоровод и сорвал маску с дьявольской головы, но они одолели меня, и я потерял сознание. Когда я сражался с ними, я сражался с плотью и кровью, с бренными мужчинами и женщинами, поддавшимися соблазнам порока.

Он замолчал, Изобел все еще смотрела в сторону.

— Храни нас Бог! — простонала она.

— Я уверен, что те мужчины и женщины были моими собственными прихожанами.

— Не может того быть, — прохрипела Изобел. — Вы были не в себе, мистер Дэвид, сэр... Черный лес да луна да поздний час заморочили вам голову. Вы видали диво, но не плоть и кровь, сэр...

— Я видел мужчин и женщин из Вудили, и души их проданы и прокляты. Изобел Вейтч, я твой хозяин и твой пастор. Я приказываю тебе говорить правду, как на Страшном

суде. Что знаешь ты о нечестии, творящемся в этом приходе?

— Я? — закричала она. — Я! Ничегошеньки мне не ведомо. Ни я, ни муж мой по Лесу не шастали.

— Иными словами, кто-то в Вудили в Лес ходил. Говори, женщина, или не обрести тебе спасения. Здесь все пропитано грехом чародейства, и не будет мне покоя, покуда я не вырву порок с корнем. Кто в Вудили заключил союз с Дьяволом?

— Мне-то почему ведать? Сэр, молю вас, не мучьте меня, не пытайте. Ходит о Вудили лихая молва, все из-за чащи лесной, но Бог карает виновных. Живали в Вудили ведьмы, однако изгнали их отсель и спалили на огнище, и было их поболее, нежели во всяком ином пасторате у вод Аллера. Положитесь на Слово Господне и проповедуйте, мистер Дэвид, и направится народ по верной тропе, а примется что о Лесе вынюхивать, разворошите гнездо осиное и самому же вам худо станет. Как говаривал мой батюшка, не надобно супротив ветра плевать. Уверуйте, что грех не останется безнаказанным и грешники раскаются, как мистер Макмайкл веровал до вас.

— Мистер Макмайкл знал о скверне в Лесу?

— Не ведаю. Неа, не домекал. Был он человек смиренный, ездил токмо торными путями да сиживал у камелька, не то что вы, по болотинам да чащобам не расхаживал, аки окаянник... Не будите лихо, покуда оно тихо, сэр. Народ тутошний кроткий да работающий, вот и ведите его по тропе прямой да узкой. Не все у нас столь худо, аки вам мерещится. Может, кто чутку оступился в шествии своем в Землю обетованную. Они возвернутся к вере истинной, недаром подписи их под Ковенантом стоят...

— Умолкни! — не выдержал Дэвид. — Это мерзкое богохульство и ужасное лицемерие. Что мне проку в пустословии, когда записные боголюбцы живут во лжи? Кому я могу доверять? Один кричит о любви к Господу, а сам погряз в жутких тайных пороках. Другой видится мне святым, но может обернуться главным грешником. Неужто в Вудили нет истинных слуг Христовых?

— Тьма их, — сказала Изобел.

— Так кто они? Ричи Смэйл из Гриншила показался мне чистой душой, но верно ли это?

— Насчет Ричи будьте покойны. Это так.

— А ты, Изобел?

Ее напряженное лицо покраснело.

— Сама-то я сосуд прохудившийся, но ни я, ни мой муж не якшались с Супостатом.

— Но знаешь ли ты тех, кто имел с ним дело? Я требую их имена.

Она скривила рот.

— Ох, сэр, ничегошеньки не ведаю. Откель мне, вдовиче, ежедень хлопочущей по дому, таковское ведать?

— Однако что-то тебе известно. Ты кое-что слышала. Приказываю, говори.

Она испугалась, но лишь плотнее поджала губы.

— Кто я есть, дабы на людей поклеп возводить, тем паче никакой уверенности во мне нету.

— Ты боишься. Во имя Господа, чего же? Страх в душе должен быть один — пред воздаянием Всевышнего, а твое молчание может навлечь Его гнев.

Однако лицо Изобел не изменилось. Дэвид понял, что ее упрямство не переломить.

— Тогда послушай меня, Изобел Вейтч. Глаза мои отныне открыты, и не будет мне успокоения, покуда не искореню зло в Вудили. Я разыщу и обличу всякого нечестивца, даже если им окажется кто-то из Приходского совета. Я направлю на него ярость Божию и длань закона человеческого. Я сорву покровы с порочных тайн Леса, пусть мне придется срубить деревья все до единого. Во имя Всевышнего буду я молотить этот приход почище, чем молотят пшеницу, я отделю зерна от плевел и предам плевелы сожжению. Задумайся над этим, Изобел Вейтч, и помни, тот, кто не со мной, тот против меня, и в день гнева Господнего не будет прощения ни нетвердой руке, ни смолчавшим устам.

Женщина затряслась и закрыла глаза ладонью.

— Покушать вам принести? — пробормотала она.

— Не желаю вкушать пищу, покуда Господь не дарует мне ясность, — строго произнес он, и Изобел, привыкшая разговаривать с хозяином до последнего, поспешила прочь из комнаты, подобно отпущенной обвиняемой, опасаящейся, что решение суда переменится.

* * *

Дэвид не спал всю ночь, а когда встал, тело ныло, но душа успокоилась: он обрел утешение, пусть и не смел признаться себе в этом. Теперь он понял, что делать. В приходе обитало зло, коему он объявил войну, и оно могло оказаться везде, ибо Дэвид не знал имен виновных. Это зло напоминало Лес, бесформенную тень, застывшую сияние дня. Исчезли противоречивые чувства, угрызения совести. Что значат отвлеченные сомнения в политике Церкви в сравнении с происходящей на его глазах схваткой Бога и Велиала?.. Впервые за эти дни он свободно подумал о девушке под зеленой сенью чащи. Лощина, разделяющая сосняк и дубраву с орешником, превратилась для него в границу между тьмою и светом: первозданная невинность мира, сотворенного Богом, по одну сторону и нечистое логово порока по другую... И все же первая встреча с Катрин произошла под соснами. К его ужасу пред созданиями мрака добавилась горечь святотатства: то непристойное празднество, должно быть, заразило саму землю, по которой ступала ее нога.

В полдень он направился в Чейсхоуп, желая без промедления сообщить обо всем главе Приходского совета: Дэвид успел позабыть чудовищное подозрение, посетившее его в ту ночь. Он знал, что лицо его не зажило, но не собирался скрывать царапины и синяки, ведь они были частью его доказательств. Но Эфраима Кэрда в Чейсхоупе не было. Неопрятная, раньше времени состарившаяся жена фер-

мера с выводком оборванных детишек, вцепившихся ей в подол, рассыпалась в извинениях. Смахнув для него пыль с лавки, она предложила парного молока и кусок домашнего сыра, но Дэвид видел, что ей не по себе. Надо же, их дом почтил своим присутствием священник, а Эфраима нет!.. Мужу пришлось с утра отъехать в Аллерский приход: Джонни Дэвидсон прикупил в Карлайле английского племенного быка — настоящего, для улучшения породы, — и вряд ли Эфраим вернется засветло. Женщина выглядела гостеприимной и доброжелательной, но Дэвиду подумалось, что она слишком много оправдывается... Неужто ее муж до сих пор под одеялом на супружеском ложе?

По пути домой, у поворота к кирке, ему попался Тронутый Гибби. Всю долгую зиму идиот везде следовал за пастором и много раз обедал в кухне его дома. Каждая встреча начиналась словами «ух, миленький мой мистер Семпилл» или «мой дорогой мистер Дэвид», после чего на священника обрушивался водопад нелепых похвал. Но сегодня Гибби приветствовал Дэвида камнем, просвистевшим возле самого уха, а когда молодой человек обернулся, дурачок, чье лицо перекосило от адской ненависти, излучал угрозу. Полетел второй камень, совсем мимо цели. Дэвид сделал вид, что пускается в погоню, и Гибби заковылял прочь, выкрикивая всякие мерзости. Из ближайшего дома вышла женщина и что-то сказала безумцу, после чего Гибби замолк и скрылся в огородах... Она же, не глянув в сторону пастора, поспешила в дом, закрыв за собой дверь. Неужели все прихожане были связаны тайным сговором? Кружил ли деревенский дурачок вместе с другими в безбожном хороводе в Лесу?

В следующее воскресенье, пятого мая, кирка в Вудили была забита до отказа. На службу явился едва ли не весь приход, исключая разве что младенцев. Никогда доселе паства не казалась столь притихшей и ожидающей чего-то. В основе речи Дэвида лежала фраза «И войдут люди в расселины скал и в пропасти земли от страха Господа»¹, и пас-

¹ Ис. 2:19.

тор вложил всю душу, вещая свободно и легко, чего не доставало его более тщательно подготовленным проповедям. Самому боулдскому Воанергесу было далеко до пламенной вдохновенности, с какой Дэвид описывал, как народ Израиля обратился к запретным богам и как Всемогуший обрушил на них гнев, обрекая на смерть и изгнание. Но лишь только пришла пора сделать вывод, венчающий проповедь, он замешкался. Лица перед ним: спокойные, невозмутимые, жуткие в своем благочестии — походили на каменную стену, по которой он молотил слабеющими руками.

«Мне точно известно, — сказал он, — что в этом самом приходе стоят алтари Вааловы и что в нашем краю обетованном есть рощи, в коих почитают богов языческих, иными словами, демонов Преисподней. Не сомневайтесь, я сорву покровы с богопротивных тайн, и извлеку их на свет, и призову гнев Божий на головы всех служителей Сатаны в Вудили — неважно, с каким тщанием они блюдут обычаи церковные. Здесь и сейчас я взываю к заблудшим душам: признайтесь и покайтесь, ибо я, вооруженный мощью Господней, не остановлюсь, и горе тем, чьи сердца отягощает грех».

Но слова его точно повисли в непроницаемой тишине. Дэвид смотрел на старейшин: на мрачное бледное лицо Чейсхоупа, на постную мину ханжи Питера Пеннекука, на лукавый рот мельника Спотсвуда с непривычно сомкнутыми губами, на угрюмого Майрхоупа. Он видел, они оценили его решимость, однако взгляд их был тверже скал. Люди за ними, мужчины и женщины, старые и молодые, слушали внимательно, но казались равнодушными. Никто не плакал и не завывал, никто не трясся в благочестивом страхе, как в день проповеди боулдского священника. Неужели в кирке собрались одни невинные и его слова не касаются их? Или они столь погрязли в пороке, что в их глазах его призывы пустое сотрясение воздуха?

Старейшины поздравили его с удачной проповедью.

— Вашими устами глаголал сам дух Господний, мистер Семпилл, — сказал Чейсхоуп. — Слово Божие дошло до глу-

бин наших душ, и надеюсь, всяк прихожанин подтвердит это.

Взглянув на бледные щеки и рыжую шевелюру фермера, Дэвид неожиданно понял все. Стояла теплая погода, но шея Эфраима Кэрда была укутана в платок, как будто он страдал от простуды. И разве это не синяки на мясистой щеке и под левым ухом?

На следующий день Дэвид решил встретиться с Амосом Ритчи, кузнецом. Узнав, что тот оправился по делам в Нижний Виндивэйз, пастор поджидал его вечером в холмах, на обратном пути оттуда. Соскучившийся по дружеской беседе священник с радостью увидел, как большой, неуклюжий Амос с мешком инструментов за плечом шагает в сумерках по кособокому. Со времен снежной бури Дэвид успел крепко сдружиться с Ритчи. Он считал его человеком добропорядочным и кристально честным и знал, что в нем живет вера, пусть он иногда и пропускает богослужения. Грубоватый в речах и готовый каждую минуту вспылить, Амос обладал щедрым сердцем, помогая даже тем, кого презирал. Он не был мастером говорить красиво, но все знали его добрую душу. В деревне говаривали, что «поношения Амоса утешения поболее, нежели в молитвах Питера Пеннекука»

Но сейчас вся дружеская прямота кузнеца, кажется, улетучилась. Завидев Дэвида, он был готов на что угодно, лишь бы избежать разговора. В глазах сквозило беспокойство, и он ускорил шаг, стоило Дэвиду присоединиться к нему.

— Как жена? — спросил пастор.

— Славно, сэр. Она нынче покрепче, надеюсь, лето возвратит алость на ее щеки. — Произнося это, он смотрел куда-то вдаль.

— Мне надо посоветоваться с тобой, Амос. Мне кажется, мы настоящие друзья и я могу говорить с тобой, как с братом. Я узнал о великом зле, творящемся в нашем приходе. Что-то в Лесу заставляет людей идти против Господа. Я своими глазами видел бесчинства в канун Белтейна.

Ответа не последовало.

— Вчера ты был в кирке, Амос, и слышал мою проповедь. Вудили нужно выбрать, кому служить. Ты мой друг, и пусть

ты не всегда благочестив, ты хороший христианин как на словах, так и в делах. Я взываю к твоей совести и заклинаю Христом, за тебя на крест пошедшим, рассказать мне, что тебе известно об этом смертном грехе, и назвать имена грешников.

Амос застыл как вкопанный. Опустив мешок на землю, он заглянул в глаза священнику:

— Не впутывайтесь, сэр. Внемлите моему совету — не впутывайтесь.

— Бога ради, что за глупости? — возмутился Дэвид. — Неужели и ты, мой дорогой друг, втянут в нечестие?

Кузнец побагровел.

— Чорт поberi! Вот никогда я не разумел, почто вас этак в Лес тащит. Ну и ну, мистер Семпилл, зелены вы еще, не кумекаете, супротив каких владык и силищ идете. Утихомирьтесь, сэр, и ступайте сторожко. Доверьтесь Писанию, тем паче обязаны вы проповедовать, так и разите грех Словом, пускай озарятся светом души, и негоже вам драться плотским оружием, все одно не выйдет.

Он повторил совет Изобел, и у Дэвида внутри все похолодело. Что же происходит в Вудили, раз честные люди предпочитают молчать и прятаться пред лицом открытого греховодства?

— Друг мой, Амос, — воскликнул Дэвид, — не ожидал я от тебя такой трусости. Неужто мне теперь считать тебя врагом мне и врагом Господу? Я вижу свои обязанности так же четко, как Олений холм передо мной. Я должен сорвать покровы с порока и привести заблудшие души к раскаянию, иначе можно считать, что я не справился с главной обязанностью пастора этого прихода. И вот ты, мой друг, молчишь и упорствуешь, более того, даешь совет лаодикийский¹. Увы! Ты отважно сражался за свою страну, но пугливо прячешься, когда пришло время вступить в Божью битву.

¹ Лаодикийский — безразличный (к вопросам религии). По названию одной из Семи церквей Апокалипсиса, о которой сказано: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:16).

Амос опять промолчал. Мужчины продолжили путь, кузнец почти бежал, стараясь не смотреть в сторону священника.

— Вот что я скажу тебе, Амос, напоследок, — начал Дэвид, когда они свернули на дорогу, уводящую к кирке. — В среду, то есть послезавтра, второе празднование Белтейна, и я боюсь, что ночью в Лесу опять будет твориться зло. Я пойду туда и лицом к лицу встречу с Дьяволом, но плоть слаба, а я один против многих, поэтому-то и пытаюсь отыскать друга. Ты не составишь мне компанию?

Кузнец вновь остановился.

— Да разорви меня бесы, ежели я сунусь в Лес! Ну уж нетушки, я сам башку в лисью нору не суну. И вы, мистер Семпилл, внимайте словам тех, кто годами постарше, и из дома не высовывайтесь.

— Ты боишься?

— Угу. Страхуся, но скорей за вас, нежели за себя.

— Ты как народ еврейский, покинувший Гедеона у вод, — со злостью прокричал Дэвид и ушел прочь.

Следующие два дня пастор никак не мог успокоиться. После обеда он в отчаянии вышагивал многие мили по холмам, а в остальное время просиживал дома, закрывшись в кабинете. Изобел полагала, что он молится; он и правда молился — долго и страстно, но занимался и иными вещами. Среди его имущества была шпага, владению которой он обучился в Эдинбурге. Вот ее он и достал, внимательно осмотрев острие и лезвие. Еще он посвятил много времени чтению, выбирая светские сочинения, ибо чувствовал себя солдатом и пытался поднять свой дух с помощью рассказов о военных походах. Он мало разговаривал с Изобел, обмениваясь лишь необходимыми фразами, впрочем, старуха, надувшаяся, как обиженный ребенок, тоже не выражала желания поболтать. Она молча ставила перед ним пищу и так же молча убирала со стола. Один раз приходил Амос Ритчи починить что-то и всем видом показал, как ему не терпится домой. Увидев его, Дэвид и сам предпочел уйти прогуляться в холмы, а по возвращении заметил спину кузнеца, поворачивающего за конюшню.

Пришел вечер среды — тихий, с красивым закатом, и, поужинав пораньше, Дэвид поднялся в кабинет и стал готовиться к вылазке. Он уже составил запись о том, что видел в ту ночь в Лесу и как собирался действовать. Он поставил на бумагах свою подпись и имя мистера Фордайса из Колдшо. Если с ним что-нибудь произойдет, пастор соседнего прихода получит свидетельство. Он также написал письмо отцу с распоряжениями по поводу имущества на случай собственной смерти. Встав на колени, Дэвид помолился.

Пробило девять, и он собрался в путь, приторочив шпату к поясу и прихватив тяжелый посох, соструганный для него гриншилским пастухом. Луна в эти дни всходила поздно, и времени было достаточно.

Неожиданно Дэвид обнаружил, что дверь кабинета не открывается. Замка на ней не было, только легкий крюк, но сейчас на ней будто выросли крепкие засовы. Дверь была массивной, дубовой, и когда Дэвид затряс ее, она не поддавалась.

Дэвид позвал Изобел — ответа не последовало. Он изо всех сил толкал дверь коленями, ступнями и плечом — впустую. Из окна, столь малого, что в него не пролезть и ребенку, ему было не выпрыгнуть.

Он возобновил атаки на дверь и напрасные крики. С наступлением сумерек священник осознал, что стал пленником. Нахлынувшая усталость не оставила следов ярости в душе. Но пробило час, прежде чем он попытался устроиться спать на полу, воспользовавшись мешочком с соломой, который зимой Изобел подкладывала ему под ноги, как подушкой, да и тогда не смог заснуть до рассвета.

Утром его разбудила вошедшая Изобел.

— Ох, беда-то, — запричитала она, — как же так, в собственном-то доме! Всю-то ночь на полу в хладе провели, а не в своей постелюшке? Срамно-то как, то ж я заставила Амоса Ритчи засов на дверь приколотить, ведь книжки у вас тут какие славные, вот и захотелось мне их запереть, покуда вы по холмам, а я на кухне. Замыслила я проверить-посмотреть, надежен ли запор, закрыла, не ведая, что вы все тама. А сама отправилась к свойственнику за детен-

ком его приглядеть, а возвратилася позднеенько, ну и порешила, что пастор десятый сон видит да и мне на боковую пора. Горемычный, все тело, поди, разнылося, а намерзлись-то как... Погодите чуток, пойду горяченького попить принесу, да и размазня ужю почитай готова... Срам-то, недоглядела...

— Молчи, женщина, не отягчай душу ложью. — Бледное лицо Дэвида, выходящего из комнаты, было красноречивее любых слов, и Изобел мгновенно прекратила нить.

Глава 8

ВТОРОЙ УДАР

Следующую воскресную проповедь священник начал словами: «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»¹ В этот раз он старался выражаться яснее. Паства, мужчины и женщины, сидели на скамьях, как подсудимые, обвиняемые в нечестивых деяниях или в попустительстве; все притихли, но то была не внешняя благопристойность обычной службы, а боязливое внимание. Всем казалось, что священник вот-вот назовет имя грешника, и, хотя он так и не сделал этого, весь его вид говорил, что молчание не означает неведения. Никогда доселе Дэвид не вещал столь красноречиво, вкладывая страсть в каждую фразу. Слова сами лились из его уст: жалящие, незабываемые слова, бичующие души, что погрязли в пороке. «Вы слепо обманываете себя, — громыхал он, — думая, что можете вступать в тайные сношения с Дьяволом, не изменяя при этом Христу. Вы говорите о ковенантах и заветах, всеобщих и личных, но у вас один договор — со Смертью и Адом. Тот, кто верит, да будет спасен, но ежели ему мнится, что Бог даровал ему свободу свернуть с тропы и что эти преступления простятся, он грешит против Духа Святого: за этот грех прощения не бывает». Затем пастор во всеуслышание заявил, что пока все не признаются и не покаются, он не станет никого причащать — да будут прокляты грешники, вкушающие хлеб и вино за столом Христовым... Но в конце он не выдержал. Со слезами на глазах и дрожью в голосе начал умолять свой возлюбленный народ преклонить колени пред Престолом Господним. «Несчастные люди, — взывал он, — в вашей жизни и так мало светлых дней, вы тяжело трудитесь, мерзнете и голодаете, а потом сходите в могилу. Что у вас есть, кро-

¹ Мф. 6:23.

ме Христа?» Его охватила такая жалость, что он, подобно Апостолу, был готов на все ради спасения их душ, в том числе на потерю своей собственной.

Даже самым древним старикам в приходе Вудили не доводилось слышать подобной проповеди, и вскоре слава о ней разнеслась за пределы округа. В тот день все уходили из кирки в щемящей тишине, покидали церковный двор словно на цыпочках, стараясь не смотреть в глаза друг другу, пока не выйдут за ворота. Старейшины не стали ожидать пастора в доме собраний, а когда Дэвид направлялся домой, ему показалось, что он заметил спину Питера Пеннекука, прячущегося за торфяной насыпью, лишь бы избежать встречи с ним.

Для священника из Вудили то были дни одиночества и тревог. Он жил в окружении врагов, ибо и те, кого он считал друзьями, подвели его. Он не сомневался, что Амос Ритчи сговорился с Изобел запереть его в кабинете накануне второго Белтейна, и то, что причиной сему была искренняя привязанность, усугубляло его отчаяние и понимание непосильной тяжести взваленной на себя ноши. Ему предстояла борьба с грехом в приходе, где даже невинные пытались удержать его от действий. Да, эти честные создания боятся за него — но почему? Он весь полнился гневом, думая, что они не относятся всерьез к его священной миссии, и в его душу закрадывался смертельный страх пред великим злом, с коим ему предстоит сразиться. «Власти и силы», — так сказал Амос, да, он идет против Владыки воздуха¹ и Сил тьмы. Он не сомневался, что в Лесу видел, как Дьявол и его присные во плоти плясали в хороводе вместе с прихожанами, и действительно слышал голоса потерянных душ. Временами его колени подкашивались от обычного человеческого страха, и тогда ему хотелось бежать прочь из прихода, как из проклятого места. Но затем мужество возвращалось вместе с верой в то, что Небесная рать на его стороне, и страх перерождался в ярость, негодование и гнев на искусителей его паствы. Однако нервы у него

¹ Сатана — «князь, господствующий в воздухе» (Еф. 2:2).

шалили, ночами он лежал без сна, чутко прислушиваясь к каждому шороху снаружи, а если засыпал, то внезапно просыпался весь в поту, охваченный неизъяснимым ужасом.

Но больше всего Дэвида тяготило то, что он не знал, как лучше действовать. С кафедры он яростно клеймил отступников, но ответа не было, потрясенный Никодим¹ так и не явился к нему в ночи. Люди на улице и на порогах домов прятали глаза. Тронутый Гибби не кидался камнями, возобновив льстивые речи, но больше никто не пытался заговорить со священником. Изобел повеселела и старательно заглаживала свою вину навязчивой заботливостью, но Амос Ритчи продолжал держаться в стороне. Как и дети, которые всегда были его главными союзниками. Наверное, родители сделали им внушение, потому что они бросались врассыпную, едва завидев его поблизости, а когда однажды он подошел сзади и погладил мальчика по голове, ребенок разрыдался и убежал. Что за *fama*² ходила о пасторе по всему Вудили?

Хуже всего было то, что у Дэвида не получалось составить план кампании. Одним горячим свидетельством Пресвитерский совет и шерифа не убедить. Доказательств вины определенных людей у него нет. Дни шли, и Дэвид привык мысленно делить паству на преступников и соумышленников. Некоторые виделись довольно невинными, если забыть про грех попустительства, но он пребывал в убеждении, что остальные присутствовали на полночных шабашах: все эти утрюмые и чувственные юнцы; женщины, отводящие глаза; краснеющие и притихшие девушки, чьи брошенные искоса взгляды намекали на тайны; старухи, дикий смех которых он слышал во дворах. По поводу одного человека изначальная уверенность постепенно уступала сомнениям. Бледное лицо Эфраима Кэрда загорело от времени, прове-

¹ Никодим (Ин. 3:1-21) — знаменитый фарисей, член иудейского синедриона. Он посетил Иисуса ночью, очевидно, с целью более подробно и свободно ознакомиться с христианским учением; позднее принял крещение, участвовал в погребении Христа.

² Здесь: дурная слава (*лат.*).

денного на открытом воздухе, и только он во всем приходе намеренно искал встреч с Дэвидом. Завидев пастора, фермер приветливо здоровался, степенно рассуждал о делах и сдержанно хвалил воскресные проповеди. «Ух и славный год для овса выдался, — говорил он, — погоды каковские стоят, а ягнята-то на Чейсхоупском холме одно загляденье. Будем надеяться, сэр, что и зерна, кои вы заронили в души, дадут щедрые всходы». Слова звучали так просто и искренне, что было трудно поверить в его лицемерие.

План кампании! Он оставался неясен, и мучительное беспокойство не покидало Дэвида ни в постели, ни за столом. Он решил не доверяться собратьям-священникам, ибо чем они могут помочь ему? Мистер Мёрхед не примет его всерьез, ведь жители Вудили так охотно выступили в поддержку Ковенанта. Мистер Праудфут обязательно поверит, но предложит строго придерживаться догматов. Мистер Фордайс из Колдшо тоже казался неверной опорой, потому как этот болезненный праведник был способен только на утешение, но не на борьбу. Нет, Дэвиду предстоит сражаться в одиночку, надеясь, что Бог сам ниспошлет ему союзников. Для битвы требовались воины, разящие не словом, а делом, ветхозаветные пророки, собственными руками уничтожавшие чащи, выкорчевывавшие алтари и рубившие Агага на куски¹. Но как сыскать таких в краю, где боголюбцы робки, как овцы, а их пастыри лишь гремящие голоса в тумане?

Июнь оказался месяцем жаркого солнца и чистого небосклона, холмы высохли добела, и можно было без опаски гулять по некогда глубоким топям. В такую погоду дома не удержишь, и как-то днем, во время беспокойного похода вдоль Руда, Дэвид неожиданно встретился со старым знакомым. В долине, там, где пересекались пути из Клайда и Аллера, он нос к носу столкнулся с арендатором из Риверсло, поднимающимся с лошадкой на поводу по крутому каменистому косогору.

Этот человек, Эндрю Шиллинглоу, оставался загадкой как для прихода, так и для священника. Это был высокий

¹ Агаг — царь амалекитян, умерщвленный пророком Самуилом.

худой мужчина лет сорока с небольшим, черноволосый и чернобородый, с угрюмым лицом и улыбчивым ртом, похожий на радушного дикаря. Он считался лучшим фермером в округе, поговаривали, что денег у него не меньше, чем у мельника, но доказательств подобного процветания, кроме добротных построек усадьбы Риверсло, не имелось. Он являлся обладателем единственной в Вудили хорошей верховой лошади и постоянно был в разъездах, избородив край не меньше, чем какой-нибудь ходебщик. Он мог месяцами не бывать дома, и частенько шла молва о том, что его видели то в Галлоуэе, то на западе или же на границе с Англией, посему обмен слухами о его занятиях сделался любимым времяпровождением среди соседей. Он ничего не покупал и не продавал в пределах Вудили, держался особняком, но внимательному человеку сразу становилось понятно, чем он занимается. Был он не только фермером, но купцом и посредником, и во времена, когда редко кто выезжал торговать за пределы родной местности, он вел дела на дальних рынках. В краю домоседов Шиллинглоу был единственным путешественником.

Мало кто любил его, так как речи его были полны ехидства. Но боялись все, ибо его вспыльчивый нрав стал притчей во языцех. Стоило ему выпить, он немедля затевал ссору, и не раз завсегдатаи «Счастливой запруды» становились свидетелями драк — Шиллинглоу славился не только словесной несдержанностью. Три года назад он схоронил жену, детей у них не было, и жил он с пожилой, глухой и подслеповатой родственницей, присматривающей за домом. Было сложно назвать Эндрю примерным прихожанином, ибо в кирке он появлялся редко: зимой ему мешали сугробы и незамерзающие болота, лето он проводил в странствиях. Он не нравился старейшинам, и они как-то собирались вызвать его на собрание Совета, но потом поняли, что горбатого могила исправит.

Шиллинглоу остановился у начала узенькой тропки, одной из тех, что принято называть «стёжками», и подождал, пока Дэвид подойдет.

— Добренького вам дня, сэр, — громко поздоровался он. — Надобно дать Бесс передохнуть — издалече шлепаем, аж от самого Крофордджона. Занесло меня туды вчерась глянуть на камберлендских овечек, их надысь в наши края завезли. Разумею я, не приживутся они у нас. Мож, они для тамошних зеленых лугов и ладны — тама корма хычь ногой топчи, а вот верещатники ни в коем разе не по ним... Присядемте-ка, сэр. Вы-то как в этакую даль забрели? Не ко мне ли в Риверсло отправились?

Дэвид с удовольствием растянулся на склоне рядом с ним. Фермеру хотелось поболтать, да и сам он давненько не разговаривал с соседями.

— Я просто прогуливаюсь, — объяснил пастор, — отдыхаю душой и телом. Временами мне кажется, что в Вудили и вдоха свободно сделать нельзя.

— Угу, — подтвердил мужчина. — Истину речете! Так оно и есть. — Он криво улыбнулся и с прищуром посмотрел на священника.

— Вы родились в этом приходе? — спросил Дэвид.

— Неа. Я из дальних краев. Так тута своим и не заделался, хычь годков десяток, а то и поболее как обитаю в Риверсло. Отец мой, честный малый, из Гленкенса, а матушка из Нортумберленда. Обосновались они в Данскоре, тама я и народился, но был я по младости буйной головушкой, на месте мне не сиделось, скитался по всему Лоуленду, от Форта до Солуэя. А ныне дом мой в Вудили, похоже, тут мне и лежать в земле.

У Шиллинглоу был неместный говор, и Дэвиду показалось, что эти края так и не стали ему родными и интересы и чаяния Вудили далеки от него. Он смотрел на Риверсло, растянувшегося рядом и прижимающего одной ногой поводья лошади: вид у того был уверенный, решительный, не без приязни.

— Вы, как и я, тут чужак, сэр, — помолчав, продолжил фермер. — И как вам Вудили приглянулся?

— Думаю, Дьявол избрал наш несчастный приход своим убежищем.

— Ух... Что ж, попали в яблочко. Я и самолично почуюл на прошлой вашей службе, что у вас зуб на Супостата. Все окружь толкуют, разворошили вы осиное гнездо.

— Вы тоже так считаете?

— Не я. Ежели надобно станет драться, я с вами заедино. Я завсегда жаловал смельчаков, вопрос токмо в том, сэр, ведаете ли вы сами, как дерзки, когда зовете гнать Диявола из Вудили.

Дэвид вскочил, впервые за все время услышав слово поддержки.

— Эндрю Шиллинглоу, приказываю тебе рассказать мне все, что ты знаешь, и очиститься от порочных тайн, пятнающих наш приход.

Фермер продолжил лежать на земле, только повернул перекошенное мрачной ухмылкой лицо к пастору.

— Ух. Присягну, коль того пожелаете. Случалось мне, вестимо, оступаться: наверняка слышали, что мне ни словами, ни делами похвалиться не надобно бы. Как в деяния Господни, верую я токмо в одно, что скорее десницу свою пожгу, нежели свяжусь с нечестием вавилонским в Лесу. Бывает, бражничаю я сверх меры да затеваю свары, так во мне кровушка бесится, но таковские пороки Бог, надеюсь, прощает. Но касаемо Леса... — Он гневно сплюнул.

— Если душа твоя чиста, скажи, что тебе известно и назови главных нечестивцев.

— Вопросать легко, да так запросто не ответишь. Откель мне ведать, кто буйствует на шабашах в Лесу? Я бок о бок со всяческой чертовщиной живу, частенько желается мне, дабы Лес уподобился лугу сухому, вот тогда б я подпалил его с окрайки и полюбовался б, как полыхает от Риверсло до Виндивэйз, от Вудили до самого Аллера. Но не хожу я в Лес ни по свету, ни в темень, все за овцами приглядываю, а добрый зверь в чащобу не побежит.

— Но ты, должно быть, слышал...

— Ничего я не слыхивал. Есть кое-какие мыслишки, но ни одна птаха мне на хвосте ничего не приносила. Да я и в деревню-то не ходок, разве что в кирке да в «Счастливой запруде» бываю, к тому ж в Вудили люд сторожкий, даж

когда в подпитии. Сам я языком чесать не мастак, с кумушками на завалинках не балакаю. Но реку вам, сэр, как мне все видится. То творится во многих пасторатах королевства Шотландского, испокон веку творится, и починалось все задолго до того, как Джон Нокс¹ поверг Папу. Ноне в реформированных ковенантских кирках сызнова все на иной лад перекраивается. Но что вашим пресвитериям да ассамблеям с благочестивыми пасторами ведомо о делах темных?.. Ужто ведомо им, что по сию пору селян по их же наказу на погосте ликом вниз кладут?.. Они-то нам про догматы твердят, ужасами адовыми за всяческие пустяки пугают, вроде как за то, что рутнулся, али в день воскресный беса помянул, али в кирку не явился, а то девку какую на позорную скамью потащат за то, что шибко добрая к хахалю была. И что выходит? Сами же свой народ к древним обычаям толкают, обращают их в лукавцев да греховодников.

— Замолкни, несчастный! — вскричал ужаснувшийся Дэвид. — Речи твои нечестивы.

— Что есть, то есть, пуцай не всяк поп сие выслушает. Кирка на ведовство войною идет и жжет выживших из ума старух направо и налево. Но, храни нас Господь, то безделицы. Так вот, мистер Семпилл. Кличете вы Супостата на бой, а он вам не межеумок деревенский, почесать кулаки спешащий, и не девчушка, в кирке с трепетанием благословения ищущая, и не карга, клянущаяся, что на кочерыге капустной во Францию летала. Супостат в почтенном селянине, что тихохонько посиживает и поохивает прям у вас под носом на проповеди, али в записном святоше, главой качающем и стенающем над пороками земными. Вот они, подлинные колдуны. Есть в Шотландии чистые души, но имеются и таковские, от чьего ханжества самого Чорта выворачивает.

¹ Джон Нокс (ок. 1510-1572) — крупнейший шотландский религиозный реформатор XVI века, заложивший основы пресвитерианской церкви.

Риверсло поднялся, и на лице его читалась такая пламенная искренность, что сердце Дэвида возрадовалось: он нашел союзника.

— Назови имена, — вновь потребовал пастор. — Я обличу грешника, будь он хоть в Совете старейшин.

— Нету у меня имен. И доказательств нету. Вы своими очами все зрили. Молва ходит, что ворвались вы к ним посередь шабаша.

— Я их видел только мельком, прежде чем потерял сознание под их кулаками. Я хочу вернуться в Лес, и на сей раз меня не остановить.

— Ух. У вас удалое сердце, мистер Семпилл.

— Но мне нужна помощь. Правда должна исходить из уст свидетелей, а невинные в Вудили слишком робки. Мне не к кому обратиться, только к тебе. Пойдешь со мной, когда я вернусь в Лес?

— Того не обещаю, наверняка есть иные пути вывести их на чистую воду. Но вот что скажу — стану я вам помощью, пушай меня бес сцапает, но не брошу славного человека в беде. Вот вам моя рука... А теперича пора в дорогу. Но вы в Риверсло ни ногой, иначе пойдут слухи. Коль пожелается вам со мной словечком перемолвиться, поведайте о том Ричи Смэйлу из Гриншила.

* * *

Осознание, что у него есть друг, принесло Дэвиду небольшое облегчение. Афанасий¹ больше не противостоял миру в одиночку, его путь лежал не к мученичеству, но к победе. Шаг пастора стал увереннее, отныне он не боялся

¹ Афанасий Великий (ок. 298—373) — один из греческих отцов церкви, известен как один из наиболее энергичных противников арианства. К 350 году он остался единственным православным неарианским епископом в восточной половине Римской империи.

смотреть в глаза тайной враждебности прихожан. Встречая Амоса Ритчи, он глядел на него не с упреком, а с вызовом. В проповедях Дэвид перестал умолять и увещевать, начав требовать, как человек, чей путь определен и чьи члены препоясаны.

К своему ужасу, он отметил, что все меньше и меньше думает о служении Церкви. Священничество и набожность — разные вещи, и Дэвида посетили сомнения, стоит ли до тошно следовать ритуалам и обычаям и не являются ли тонкости трактовок уловками Сатаны, стремящегося запутать душу в своих тенётах. Елейное благочестие напоказ приводило его в дрожь не меньшую, чем богохульство. То, что все чинные прихожане смотрят на его единственного союзника искоса, укрепляло его неприятие. Разве не говорил Христос, что фарисеи хуже мытарей и грешников?

Перемена настроения привела к тому, что Дэвид вновь подумал о девушке из Рая. В своем отшельничестве он не смел помыслить о ней: она из мира света, не следует вмешивать ее в собственные неприятности. Вспоминать ее, когда голова его наполнилась гнусными тенями, казалось святотатством. Но как только небеса расчистились над ним, думы его опять посетила девушка, поющая в лучах солнца, и он не прогнал это воспоминание: она являла собой полную противоположность ужасу Леса. Он размышлял о Катрин и ее счастливом царстве орешника и дубов. Ему необходимо попасть в Рай, дабы обрести утешение.

Он выбрал день, когда она наверняка будет там. С неделю погода пыхала жаром, было влажно, душно и облачно, внезапно налетали грозы. Вслед пришла череда длинных солнечных дней с сухим бодрящим воздухом и мягким золотом вечеров. В один из этих дней, после обеда, Дэвид перебрался через Олений холм и спустился в лощину между сосняком и орешником.

В разгар лета место выглядело совершенно по-иному. Берега заросли чабрецом, очанкой и крестовником, даже мочажины покрылись звездочками белозора. Речка обмелела и звенела серебром на перекатах. Сейчас Дэвид точно знал, куда идет. Рай прятался в зарослях лещинника, и най-

ти его можно было, лишь спустившись в расселину к опушке соснового бора, а затем повернув направо, к Гриншилу.

Слева на крутом обрыве он видел мрачный сосняк. Он смотрел на закраину Леса с трепетом, но без страха. Место внушало гнев и отвращение, но не ужас. Здесь ему предстоит сражаться... У корневищ сосен цвела красная наперстянка, отчего казалось, что кто-то, истекая кровью, пытался скрыться от солнечного света во мраке пущи.

Дэвид свернул направо и, продираясь сквозь орешник и высокий, по грудь, папоротник, продолжил путь, ведомый наитием. Он нашел пересохшее русло, окруженное березами и цветущей рябиной, а когда выбрался из зарослей, увидел девушку, сидящую на полянке у родника.

Замерев, он не отрывал от нее глаз, сердце рвалось из груди. Рядом с Катрин стояла корзинка, полная цветов. Девушка читала книгу... Вскоре она отложила ее, встряхнула кудрями и опустила пальцы в источник. Играя с прозрачной водой, она пела песню, которая навек останется у Дэвида в памяти:

Обретет успокоенье стон неутешимый,
Пчелка меду наберет в цвете у ручья,
У меня же ничего, только мой любимый,
У него же ничего, одна лишь только я.

Она пропела куплет дважды и замолкла, залюбовавшись белозобым дроздом. Затем продолжила:

У нас с тобой одна любовь,
Любовь в сердцах одна,
Вернись назад, явись мне вновь,
Пойдем со мной, любимый мой,
Зовет домой она.

Дэвид с удовольствием бы помедлил и понаблюдал за Катрин подольше, но ему было стыдно, что он подглядывает и подслушивает, тогда как она полагает, что находит-

ся в одиночестве. И он тихонько позвал: «Госпожа Катрин!» — а потом еще раз.

Она вспорхнула, как испуганная птичка. И отнюдь не обрадовалась, узнав его.

— И вам доброго утра, сэр, — произнесла она. — Вы, наверное, заблудились?

— Я ищу Рай, — ответил Дэвид.

— Говорят, все смертные не прочь найти его. Хотя священники утверждают, что на земле его не сыскать.

— Я ищу земной рай, тот самый, куда вы привели меня в прошлый раз.

— Тогда я вас пригласила, но что-то не припомню, что повторяла приглашение.

— В таком случае молю пустить меня, госпожа, мне действительно надо попасть в Рай.

Катрин с любопытством посмотрела на Дэвида.

— Вы выглядите старше — и печальнее. Я так и не посетила вашу кирку, но слышала, что вы палите души паствы разными ужасами.

— Молю Бога, чтобы у меня получилось выжечь их грехи и привести народ к спасению!.. Я был в отчаянии, госпожа Катрин. Именно поэтому я пустился на поиски Рая, и если бы я его не нашел, то пал бы в Ад.

Девушка с сочувствием поглядела на него.

— Можете передохнуть в моем Раю, — сказала она. — Разрешаю вам. Я угощу вас земляникой. Расскажите, что терзает ваше сердце.

Он поведал ей о том, что видел в канун Белтейна. Говорил неуверенно, пропуская многие детали. Рассказал о неприятностях с прихожанами, о своем одиночестве, о миссии, которую возложил на себя:

— Я полон решимости. И если мне придется идти туда в одиночку, я не сдамся. Слова Монтроза служат поддержкой и мне: рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти.

Девушка погрузилась в раздумья.

— Вы пришли сюда увидеться со мной?

— Я был убежден, что найду вас в Раю. Мой рассказ не для девичьих ушей, но я здесь, чтобы предупредить вас, гос-

пожа. Долгая лощина, доходящая до Рудской мельницы, — пограничная полоса: перейдете ее — и попадете в царство тьмы. В первый раз я встретил вас среди сосен. Умоляю, не ходите туда более, даже днем: сей Лес проклят.

Она кивнула.

— Я тоже это почувствовала. В конце весны, гуляя там, я ощущала, что меня окружает мрак, а однажды так испугалась, что побежала прочь — бежала и бежала, пока не оказалась в лещиннике. Теперь я не переносу одного вида темных сосен. Вы говорите, там колдовство. — Она понизила голос, а глаза стали серьезными. — Что это за колдовство?

— Не могу сказать, знаю лишь, что в нем средоточие тьмы, что сердца моего несчастного народа опутаны этим злом... Спаси меня, Боже, но я собственными глазами видел то, что невозможно забыть... Тихое служение окончено для меня, теперь я солдат Христа и буду сражаться до самой победы.

— В одиночку?

— У меня есть тот, кто будет на моей стороне. — И он рассказал ей о Риверсло.

— У вас есть еще один сторонник, — вскричала она. — Я ваш друг, а это место наше убежище. Если мне не доведется биться рядом с вами плечом к плечу, знайте, я здесь и желаю вам добра. Этот Рай теперь и ваш Рай. Я дарую его вам. — И она протянула ему руку.

Дэвид снял берет.

— Вы пели, — сказал он, — и ваша песня была правдива: «Обретет успокоенье стон неутешимый». Вы наполнили отвагой мое сердце, госпожа Катрин. Разрешите мне иногда приходить сюда и беседовать с вами, это будет подобно колодезю Вифлеемскому для царя Давида... Я буду знать, что вы здесь, даже если вы не пошлете за мной.

— Тогда и наш зеленый лес заколдован, — грустно улыбаясь, сказала она, — ведь и я знала, что сегодня вы обязательно придете сюда.

Глава 9

В КАНУН ЛАММАСА¹

Как-то в июле Дэвид оседлал свою лошадку и отправился в Аллерский приход на заседание Пресвитерского совета. Прибыв туда, он обнаружил, что все кругом в замешательстве. Обычные «практики» были забыты, отменили доклад на богословскую тему, столь полезный юным пасторам. Большую часть времени собравшиеся молились в кирке за примирение в Земле обетованной и в снедаемой раздорами стране, а обед в «Скращенных ключах» не явил собой пример братского согласия. Однако был он многолюден, и одним из мирских сотрапезников оказался Эфраим Кэрд.

За столом мистер Мунго Мёрхед, черпавший сведения из писем из Эдинбурга, поведал печальные известия о войне на Севере. Монтроз-бунтовщик со своими дикими ирландцами одерживал одну победу за другой и сейчас направил силы на юг, к самому сердцу Шотландии.

— Что ж Дэйви Лесли так медлит? — восклицал аллерский священник. — Что проку от ковенантского Государства и освобожденной Церкви, ежели гремящий доспехами амалекитянин гонит наших ратников от Дана до Вирсавии?² Истинно глаголю вам, судари, сия война, начавшаяся в долинах Высокогорья, скоро постучится и в наши двери, и наш несчастный народ будет вынужден участвовать не гласом и словом и не росчерком пера, ему придется страдать, и поносить врагов своих, и проливать кровь. Воды Форта и Аллера окрасятся багровым, смерть простествует по нашим

¹ Ламмас (Лугнасад) — кельтский языческий праздник, отмечаемый первого августа.

² От Дана до Вирсавии (Суд. 20:1) — библейское выражение, означающее «с севера на юг».

полям. Готовы ли мы, вопрошаю я — и вновь повторяю свой вопрос? Какие дары возложим на алтарь в грядущий день жертвоприношения?

Страх придал мистеру Мёрхеду достоинства. Перед собравшимися стоял воин, с плотно сомкнутыми губами, с огнем в глазах под тяжелыми веками. Мистер Праудфут из Боулда тоже был полон решимости сражаться. Он раздобыл где-то высокие военные сапоги. Расправив могучую грудь, он издал рык поддержки, выглядя при этом не менее устрашающе, чем железнобокие¹.

— Нам должно убедиться, что в наших рядах нет хананейских изменников, — взревел мистер Праудфут, — ибо Судный день близок. Да объединится Избранный народ: всякий дом, разделившийся сам в себе, не устоит². В день гнева нужны лишь две опоры — чистые помыслы и всеобщее единство. Глаголю вам, только эти плотины способны удерживать поток языческой ярости.

— Особенно это касается вас, мистер Семпилл, — сказал мистер Мёрхед. — Слыхал я, засыпали вы праведный приход Вудили необоснованными обвинениями. Пригрозили, что не допустите паству к Причастию, покуда не будет публичного признания, токмо вот не ведомо в чем. Я приветствую рвение в юном пастыре, но вы перегнули палку, и благонравный люд в Вудили теряется в догадках, что вам от них надобно. Остерегитесь, мистер Семпилл, иначе обратится ваше рвение в грешную нетерпимость. Не время сеять раздоры в Божьем народе.

Лицо аллерского священника растеряло все свое грубоватое дружелюбие. Он сделался угрюмым и взирал на Дэвида глазами инквизитора.

— Я всей душой за первую из опор мистера Праудфута, — произнес молодой человек. — Если Судный день грядет, наши помыслы должны быть чисты и должно нам искоренить всякую хананейскую ересь. Как только мне удастся сор-

¹ Железнобокие — тяжелая кавалерия круглоголовых, сформированная в 1642 году Оливером Кромвелем.

² Мф. 12:25.

вать покровы со всех грехов Вудили, Пресвитерий тут же узнает об этом.

Дэвид говорил слишком убежденно, и это пришлось не по нраву мистеру Мёрхеду. Он свел брови к переносице, и они прямой линией пересекли его огромное лицо.

— Поберегитесь, поберегитесь, внимлите совету моему, — сердито повторил он. — Мне ведомо, в Вудили живет немало старых, истинных боголюбцев, и они весьма обеспокоены вашим поведением.

Мистер Праудфут поспешил подлить масла в огонь:

— Вспоминаю те благословенные труды во славу Господа, виденные мной в этом самом приходе в марте, и не верю, что паства пала пред происками Дьявола. Взгляните на себя, глаголю вам, мистер Семпилл, удостоверьтесь, что бревно не в вашем глазу.

Из Аллерской кирки Дэвид уезжал в компании мистера Фордайса, но не проехали они и мили, как за спиной раздался топот копыт и появился боулдский пастор собственной персоной. Его лошадка, наевшаяся овса в конюшне «Скращенных ключей», с непривычки к подобной пище стала норовистой, и такому неуклюжему наезднику, каким являлся мистер Праудфут, пришлось прикладывать все силы, удерживая ее на дороге. Но всякую секунду, когда не смотрел вниз, он посвящал наставлению Дэвида, и все три мили, пока им было по пути, его язык работал без устали.

— О вас идет недобрая *fama*, мистер Семпилл, и моя обязанность, как старшего товарища в служении Божьем, избавиться от неясностей на сей счет. Поговаривают, вы извращаете понятие Господнего благословения, настаивая, что сие блаженное состояние возможно перечеркнуть одним плохим поступком, будто белые одежды праведника можно осквернить пустяком меньшим, чем блошиный укус, пред лицом вечного замысла Божьего.

— Я лишь говорю, что тот, кто верит, что искупление через Христа позволяет ему безнаказанно грешить, вдвое хуже всякого безбожника.

— Тут надобно проводить различие. Это понятие гораздо более тонкое, сэр. Ваши слова можно истолковать так,

что они обратятся в еретические.

Но толкование и различие были весьма осложнены тем, зубы мистера Праудфута поминают из-за выходов его лошади. Он только-только добрался до какой-то невероятной тонкости в интерпретации, как показался поворот на Боулд, и его кобылка, наконец узревшая путь домой, рванула бешеным галопом. Спутники лишь успели увидеть болтающуюся, как корабль под ударами шквала, спину пастора да услышать обрывки различия и толкования, несомые ветром.

Тут и всегда серьезный мистер Фордайс не сдержал улыбки, глядя вслед удаляющемуся Воанергесу.

— Он своенравный человек, и лошадь у него своенравная. А о каких слухах идет речь, мистер Дэвид? Боюсь, в Вудили погрузили вы свою соху в почву каменистую.

— А что говорят в Колдшо?

— Я поотстал от жизни, поскольку в последние недели маялся животом. Все прямо по Псалтыри: Господь посетил меня ночью и испытал в огне; я так и не смог навестить вас, хотя и собирался почитать Кардано. Но и до меня добрались кое-какие вести из соседнего прихода. В округе только и говорят о том, что вы обнажили слабое место Вудили и произнесли такие проповеди, что кое-кто из паствы приздумался. Есть ли в этом правда, мистер Дэвид? Я всем сердцем тянусь к вам, словно мы рождены одной матерью.

— Я обнаружил ужасное нечестие, но это не все. Я переживаю и наблюдаю, а когда разберусь во всем, пойму, как действовать. Вы сами при первой нашей встрече сказали, что о Вудили идет плохая молва, и — горе мне! — я убедился в справедливости ваших слов. Больше всего опасюсь, что самые ярые христиане завязли глубже всех.

— Грустно слышать об этом, Дэвид, дружище. Все из-за Леса?

— Да, виноват Лес — и чернейшее колдовство. Приход погряз в древних языческих суевериях, окутавших саму душу моей злосчастной паствы. Во всей Шотландии не сыщется столь горестного места, ибо все грехи и проступки сокрыты под личиной благочестия. Друг мой, временами в Вудили

тише и спокойнее, чем на погосте. Но внутри селян таятся страсти и в известное время выплескиваются наружу. Во тьме ночной, в самой гуще Леса, творят они бесчинства, о коих и упомянуть стыдно.

— У вас есть свидетели?

— Я все видел собственными глазами. Случайно наткнулся на один из дьявольских шабашей.

— Храни нас Господь! Я слышал разговоры о подобном, читал об этом в старых книгах, но не видел воочию. Уверен, в Колдшо такого нет: мой приход слишком пустынен и светел, лишь ветры гуляют над верещатниками. Нет в нем прибежища для нечестия, что творится во мраке ночи. Я всегда питал отвращение к вашему Лесу... Сердце человеческое штука странная, мистер Дэвид, иногда и я сам себя пугаюсь. Искушение мгновенно, но для возрождения требуется целая жизнь; самый святой человек на смертном одре всего только сосуд гнилья и мерзости в сравнении с чистой, какую обретет он после смерти. Иногда находит на меня искушение и начинает терзать мысль, что мы и Церковь далеки от Бога, настолько привычно нам считать человека изначально порочным и подвергать строжайшим ограничениям и наказаниям, тогда как в сути своей человек создан волей Господней и, возможно, хранит дыхание Его. Если есть первородный грех, то должна существовать и первородная невинность. Когда я слышу, как славная Катрин Йестер поет у врат Калидона, я прикасаюсь к доброте Всевышнего, совсем как во время сокровеннейшей молитвы. Объяви эту целомудренную радость недозволительной, и душа свернется и скиснет, а потом обратится ко злу. Запрети юности резвиться весенним утром во славу Божию, и она начнет плясать в темном лесу под дуду Дьявола.

Мистер Фордайс прервался и грустно продолжил:

— Но все это должно остаться между нами, мистер Дэвид. Если хотя бы толика сказанного дойдет до боулдской кирки, мистер Эбенезер донесет на меня в Пресвитерский совет. Но если и я говорю неортодоксальные вещи, то хотя бы имеющие здравый смысл.

— Я сомневаюсь, что истовая вера есть панацея от греха, — произнес Дэвид. — Сказано в Писании, и бесы веруют, и трепещут¹, и что-то мне подсказывает, глава сообщества ведьм и колдунов в Вудили в приверженности своей догматам может потягаться с самим мистером Праудфутом.

— У вас грозные противники.

— У меня их полон приход: даже те, на ком нет вины, пальцем пошевелить боятся. Старейшины у меня из таких же.

Мистер Фордайс ахнул.

— Похоже, мне самому выпадет предстать перед Пресвитерием, — продолжил Дэвид. — Мистер Мёрхед клеймит меня за то, что я сею раздоры в Земле обетованной, а мистер Праудфут считает еретиком.

— Вы всегда можете положиться на меня, — заверил мистер Фордайс. — Правда, боец из меня никудышный: внутри все трясется, язык прилипает к гортани, сижу, как животное бессловесная, и все эти скорбные бессонные ночи иссушили меня. Но сердцем я с вами, мистер Дэвид, и пока мои немощи не лишили меня голоса, я буду молиться за вас... Приезжайте в Колдшо, когда бы вам ни пожелалось поговорить с другом. У меня вы всегда найдете если не дельный совет, то поддержку.

Но когда Дэвид тремя днями позже повернул свою лошадку в сторону Колдшо, он направился не в пасторский дом, а в Калидонский замок. Ибо Катрин Йестер была для него единственным светом в окошке. Она олицетворяла собой дело, ради которого он сражался, — прекрасный мир, противостоящий порочной тени; к тому же после последней встречи в Раю он понял, что она не ускользающая лесная нимфа, а женщина из плоти и крови, с человеческим сердцем. Он страстно желал повидаться с ней в ее жилище, среди привычного ей окружения.

Однако в этот послеобеденный час Катрин не оказалось в Калидоне: она ушла в лес. Стоял тихий июльский день, ни одно облачко не заслоняло жаркий лик солнца, но в

¹ Иак. 2:19.

большом зале Калидонской башни было прохладно и сумрачно. Он спросил, дома ли госпожа Сэйнтсёрф, и суровая хозяйка торжественно приняла его, даже пришлось подождать, пока она повяжет новую косынку и накинёт шаль, как подобает в таких случаях. Речь ее напоминала говор простой шотландской пастушки, но гласные звучали резче, как их произносят в Эдинбурге, а не в приграничных районах. Это была высокая и сухопарая женщина, привыкшая приказывать; ее заносчивое лицо и чопорная улыбка смягчались дерзким остроумием. Катрин никогда не рассказывал ей о Дэвиде (чему он обрадовался), но Гризельда знала, что он родственник рудфутского мельника, и слышала, что о нем говорят селяне. Она угостила священника собственноручно испеченным пирогом и выдержанным домашним вином. В ее голосе звучало почтение добропорядочной прихожанки к духовному пастырю, смешанное со снисходительностью старухи к юнцу.

— Поскакушке-то моей дома надобно быть, ан нет — удрала в холмы. Взаперти ее удерживать все равно что утёныша в воду не пущать. А росла-то в Англии да во Франции, где и холмов никаких! И ладно б вокруг хахаль крутился, я б слова супротив не молвила, так у нее ж никого, одни кулики.

Дэвид спросил о Николасе Хокшоу.

— Ишь ты вопросец! — воскликнула она. — Понесло колченогого воевать, а вот где воюет да с кем, один Боженька ведаёт! Как ушел с Тэмом Пёрвзом три месяца назад, так от него ни слуху ни духу. Может, они в Англии, может, во Франции, а может, с самим Монтрозом, но бьюсь об заклад, он с мечом да Тэм с мушкетом в самом пекле. Хокшоу не стреножить, на месте им не сидится, скачут, аки лягухи у речки, уж кто-кто, а моя бедная сестрица норов муженька не понаслышке ведала. Катрин вся в их породу, досадно, пареньком не родилась, ходебщиком аль лудильщиком, не по ней вся эта вышивка-штопка да готовка, ежели за окошком вёдро. Она хозяйюшка славная, но егоза беспамятная. Замуж бы ее поскорей отдать.

Госпожа Сэйнтсёрф много спрашивала о Вудили.

— Земля-то Хокшоу принадлежит, но народец на ней мне не по душе. Есть там слизняки, что молятся не сердцем, а чисто языком. Они за каждый грош торгуются, точно барышники в Масселборо — вечно рожи постные, зубы заговаривают, лишь бы монетой не звенеть. Старик Добби из Мёрчисона — он тут нашими делами занимается, может, наслышаны, его батюшка в свой черед у нас дела вел — с боем с них плату за землю выжимает. Николас-то на войну ушел, и все хлопоты на меня обрушились: я уж не ведаю, что у меня дома в Эмбро дется, зато Добби писульками завалил. Может, доходило до вас, хотим мы ноне усадьбу в Кроссбаскете сдать, и где мне приличного арендатора в таковской неразберихе сыскать?

Дэвид рассказал хозяйке о новостях, что слышал в Аллерском приходе.

— Чур нас! — вскричала она. — Не дай Боже, Николас с Монтрозом: сам же с Тэмом Пёрвзом на собственные земли с войной пойдет, а ежели Аргайл одержит верх, придется им славить Бога на виселице в базарный день. Ух, сэр, с тоской станем поминать последние денечки, когда, как сказано в Писании, всякий народ будет в смущение приведен. Я сама-то за Церковь, но идет молва, что и Монтроз за нее, как он это разумеет. Все ей добра желают, но от этих доброхотов дется в нашей древлей Земле обетованной сплошной беспорядок. Никогда я политикой головушку себе не забивала. Моя политика простая: я уже старуха, так и оставьте меня в покое у камелька... Сказываете, Монтроз идет на юг? Он пробивается к Англии, значит, пойдет по Аллерскому тракту. Придется мне подоткнуть юбки да защищать Калидон от Николаса и прочих: ежели хозяина в его собственный замок пуцу, держать нам ответ пред Тайным советом.

Было ясно, что госпожа Сэйнтсёрф ничего против Дэвида не имеет: говорила она с ним без утайки и долго не хотела отпустить.

— Какой же вы молоденький для пастора, — сказала она ему, когда наконец пришло время прощаться. — К тому ж шибко мудреный для священника. Попы должны животом

маяться, как наш мистер Фордайс, они от хворобы меньше земными бедами захвачены.

— Я бы с радостью смирился с его недугами, будь я хоть наполовину столь благодетен, как он, — ответил Дэвид.

— Славно-то как молвили. Ежели мне удастся покрепче за его рясу зацепиться, то и я на небеса попаду. Но вы уж простите старуху за длинный язык. И в гости заезжайте крыжовнику отведать, как поспеет, а ежели сыщете мою озорницу в холмах, передайте, я ее дома с метлой поджидаю.

Тогда, по пути домой, Катрин так и не попала, зато на следующий день он застал ее в Раю. Она встретила его с улыбкой, дружелюбная, как дитя:

— Вы были в Калидоне и виделись с тетей Гризельдой. Поздравляю вас с завоеванием, сэр, ибо вы покорили ее целиком и полностью и обрели еще одного друга в этой местности. Но что это за новости про господина маркиза?

Они провели весь летний день за разговорами и прогулками по полянкам между дубов, неизменно возвращаясь в свой уголок у ручья; при этом Дэвид страстно мечтал о том, чтобы солнце не опускалось: с наступлением первых сумерек Катрин должна была вернуться в Калидон. При следующей встрече они больше не упоминали о его несчастьях и о Монтрозе, а беседовали о всякой всячине: о ее детстве во Франции, ее семье, местных легендах, его учебе в Эдинбурге. Катрин стала для Дэвида не союзником, а скорее прибежищем. Гуляя с ней, он ощущал, что мир огромен и залит солнцем, все его печали забывались, он начинал думать о себе не просто как о человеке, который преодолет все трудности, а как о посланнике Божьем с новой благой вестью для сбившегося с пути народа.

Как-то вечером он проводил взглядом Катрин, спускавшуюся через орешник к Рудской долине, и, повернув к склону Оленьего холма, увидел, что там под горку шагает мужчина, вроде бы появившийся из Меланудригилла. Это был Риверсло, и хотя их пути пересекались, фермер не остановился переброситься словечком, а на ходу приветственно помахал рукой и крикнул:

— Вам бы в Гриншил заглянуть. Поговаривают, Ричи Смэйлу надобно утешение.

Дэвид понял намек, сходил к Ричи и следующим вечером встретился с арендатором из Риверсло в пастушьей хижине.

— Глянь-ка, что там деется на поскотине, Ричи, — сказал хозяин. — Нам с пастором потребно перемолвиться. — И они остались в темной хижине вдвоем.

— Хожу-брожу я окрест, — начал Риверсло, — аки соглядатаи, засланные Иисусом Навином в Ханаан. Брехать не стану, не по душе мне этакое дело, но прочесал я Лес с востока на запад и зрил место шабаша с древним алтарем. Теперича могу сыскать тропу туды хычь темной ночью. К тому ж я легонько попытал народ в Вудили.

— Они, конечно, не ответили?

Темное лицо фермера перекосила усмешка.

— Не сумлевайтесь, я сторожкий. Но все ведают, перебираю я с питием, но когда народу мерещилось, что я пьян аки змий, были у меня ушки на макушке. Они паки собираются к празднеству, и будет оно в навечерие Ламмаса. Той ночью мы с вами направим стопы в Лес.

Дэвид вздрогнул, и Риверсло заметил это.

— Плоть слаба, — сказал он, — мне и самому боязно. Но мы-то с вами не из таковских, что, взявшись за гуж, вертаются назад. Мистер Семпилл, вы же молоды и сможете вскарабкаться на дерево?

— Мальчишкой я отлично лазал.

— Ладненько, надобно припомнить детячы свычки. Поболе того, из дома надобно выехать загодя, не тянуть до Ламмаса. Имеется у вас к кому наведаться, не ближе, чем в милях двадцати от Вудили?

— У меня родня в Ньюбигтине.

— Значится, туды и направитесь, и чтоб всякий зрил ваш отъезд. Трубите о нем направо и налево дней хычь за пару. Поведайте о том своей старухе, пушай посуетится, вас в дорожку пособирает. Не успеете утечь из пастората в должное время, сызнаова очутитесь взаперти в своей комнатенке, как в прошлый Белтейн. А вам-то надобно быть ночью

в Лесу, ноне-то нас оба два, и мы сможем выступить самовидцами и пред Пресвитерием, и пред Шерифом, да хычь пред судьями в Эмбро.

— Понятно. Вы ничего больше в Вудили не узнали?

— Догадок полна сума. Хычь верьте, хычь нет, но теперича мы с Кэрдом закадычные друзья. Пришел я к нему его английского бычка глянуть, у него совета про овец выпросил да запродам ему два десятка ярков по столь малой цене, что самому тошно. Держит он меня за тютю и простачка, думает, я последний глузд пропил и теперича аки глина в его долонях... Вот так-то, к тому ж покрутился я подле его курятника. Баба его, может, ведаете, знатная птичница, и имеется у нее красный кочет, каких в округе боле не сыщешь. Взял я с собой в Чейсхоуп Рэба Прентиса и велел ему к петушку приглядеться.

— Не понимаю, к чему это вы...

— А вам и не надобно — всему свой черед. У меня-то уже думки про Пресвитерий, вот самовидцев потихоньку подыскиваю. На примете два честных малых — мои пастухи Ричи Смэйл да Рэб Прентис, но Ричи совсем дряхлый, в Лес его не взять, а Колченогий Рэб скорей помрет, но носа туды не сунет. Вот и остались токмо мы с вами для главного дела, но пастухи нам тоже сгодятся.

Неотвратимость испытания отозвалась болью в сердце Дэвида: он целых три месяца размышлял над тайнами Леса, после того как в горячке налетел на празднующих Белтейн. Он не сомневался в собственной правоте, но также уверовал, что противником его станет сам Дьявол во плоти, и спокойные рассуждения Эндрю Шиллинглюу вселили в него благоговейное уважение.

— Дружище, вы говорите так невозмутимо, точно овец стричь собираетесь. Неужели вы не верите в силы Сатаны?

— Я верую в Бога, — ответил фермер, — но я долгохонько хаживал по свету, дабы не веровать в Диявола. Но как раз Чорта, заманивающего в свои путы старух и обретающего власть над гнилыми душонками, подобными Чейсхоупу, я не боюсь, да явись он из геенны огненной, ведаю, чем его встретить.

Вновь пришло для Дэвида время сомнений и размышлений. Он не мог разделить здоровую уверенность арендатора из Риверсло, ибо слишком ясно представлял себе весенний шабаш и слишком долго прожил в тени этих тяжелых воспоминаний. Его живое и легковозбудимое воображение разыгралось не на шутку. Лес стал для Дэвида обителью ужаса, и чем больше пастор думал о живущем в нем зле, тем коварнее оно виделось ему. Его обширные мирские знания подливали масла в огонь. Мужество не покинуло его, но краски мира померкли: он чувствовал, что приговорен пройти эти темные испытания в одиночку.

Больше всего его тревожили мысли о Катрин. Лес, весь приход, та миссия, к которой он был призван, казались мерзостью и нечестием, и их следовало скрывать от юности и невинности. Девушка не должна была даже подозревать о них. Ни о какой дружбе между ними не могло быть и речи, и он был обязан немедленно сообщить ей об этом.

Они снова встретились в Раю, и перед Катрин предстал сгорающий от стыда юноша с бледным лицом. Он вперил взгляд в землю и говорил жуткие вещи. Он мялся и заикался, но от этого его прерывистая тирада звучала трогательнее всякого красноречия. Он умолял ее гулять только по чистым рошицам у Калидона и ни в коем случае не приближаться к сосновому бору. На приходе лежит Божье проклятье, и на предстоящем суде невинные могут разделить участь виновных. Что касается его, то он не друг таким, как она.

— На мне тяжкое бремя, — бормотал он. — Мне придется коснуться мерзости, и руки мои будут замараны. Мой страшный долг разрушит вашу юность... Я больше не приду сюда и молю вас тоже не приходить, ибо здешние места слишком близки от владений Супостата... Прошу, уходите и забудьте, что знакомы со мной, что звали меня своим другом. Вы только измучаете меня своей привязанностью...

Он говорил и говорил, а когда замолк, был уверен, что достиг цели, потому что ни одна гордая девушка не потерпит такого обращения. Взволнованный и опустошенный,

он ожидал ответа, и ему почудилось, что он слышит звук удаляющихся шагов.

Но, подняв глаза, Дэвид увидел, что Катрин по-прежнему перед ним, а на лице у нее улыбка.

Глава 10

ЧТО УВИДЕЛА ЛУНА

В конце июля стояла невыносимая жара, было душно, то и дело гремели грозы. Над сонными холмами повисла дымка; солнечные лучи, пронизывая завесу испарений, палили еще нещаднее. Небо, как обычно перед Ламмасом, постоянно заволакивало тучами. Но на закате они расходились, открывая аметистовый свод, усеянный звездами.

Дэвид устроил целое представление вокруг отъезда в Ньюбиггин. В понедельник он объявил о своем намерении Изобел, и через час вся деревня знала, что священник отправляется к родне. Служанка выслушала новость с откровенным облегчением: «Слава Богу, сэр, душу порадовали. Народ в таковские денечки как с глузда поспрыгивает, да и вы в пасторате засиделись. В нынешнее пекло в Ньюбиггине получше будет, а покуда вы в гостях, я ваши покои приберу да лесенку вымою. Назад не шибко поспешайте, до субботеи я вас и ждать-то не стану».

Он выехал во вторник после полудня, и многие в Вудили наблюдали за его отбытием. Пастор честно гостил один день в Ньюбиггине, но в канун Ламмаса покинул родственников и направился вверх по Клайду на самые дальние верещатники. Он сделал большой круг и к вечеру добрался до нагорья, разделяющего Руд и Аннан. За весь день ему не попалось человеческого жилья, и первое он увидел в сумерках, когда спускался к Калидонскому замку по лощине вдоль речки Калидон. Он оставил свою лошадку в замковой конюшне, пообещав вернуться за ней завтра, и, взглянув на горящее в башне окно, зашагал к броду через Руд. Около девяти, в багровом свете заката, он дошел до хижины гриншилского пастуха.

Там его приветствовали трое: первым был Ричи Смэйл, пастух с дальнего займища; рядом с ним у крылечка на сло-

женном торфе, выставив перед собой костыль, сидел Рэб Прентис, пастух с ближних угодий; чуть поодаль, тоже сидя, попыхивал трубкой сам фермер из Риверсло.

— Вы точнехонько к сроку, мистер Семпилл, — сказал Шиллинглоу. — Вас по пути никто не приметил?

— Не видел ни единой живой души с самого утра, разве что полчаса назад разговаривал с калидонским конюшим.

— Ладненько. Ричи, зажги-ка фонарь, нам надобно кое-что сделать в доме.

Слабый свет внутри хижины озарил лица странной компании. Пастухи выглядели необычайно серьезными, их подергивающиеся губы и бегающие глаза выдавали крайнее волнение. На Риверсло были обычные шерстяные бриджи и гамаши, он не надел куртку, но что-то ее напоминающее перекинул через руку. Он бросил одеяние на скамью со словами:

— Жарковато ноне, дабы загодя кутаться. Что ж, зараз к делу, мистер Семпилл, ибо надобно вам быть в пути до восхода луны. А покуда потребно покумекать над планом, времечко-то поджигает. Рэб Прентис, ты на неделе дважды захаживал со мной в Чейсхоуп. Помнишь того славного красного кочета у жены Кэрда?

— Помню, — ответил пастух.

— Ведь иного таковского в округе нету?

— В том клянуся.

— Значимо, ежели поутру я покажу тебе надерганные красные перья, усомнишься ты, что то был петух из Чейсхоупа?

— Эй, ни в каковский Лес я идти не намерен... даж посередь бела дня.

— Прикажу, пойдешь, Рэб Прентис, ажно ежели мне лично волочить тебя туды придется... Во-вторых, надлежит, как говаривают священники, вот что. Зрите стклянку? Нюхните, все трое. Ведомо вам, что это? Зовется оно анисовым маслом, я его у карлайлского коновала достал. Сдается мне, сего зелья отсель до Эмбро боле не сыскать. А вонь его не запамятуешь. Капните-ка себе на рукава, дабы наверняка запомнилось. Ежели мы трое отправимся утречком в Чейс-

хоуп и учуем, что от хозяйских штанов да рубахи несет таковским маслом, то опосля вы сможете присягнуть, что запах вам известный и что я, за ночь до того, давал вам его нюхнуть, а вы его на другой день паки учуали.

Пастухи согласились и понюхали капли на рукавах.

— В-третьих, — продолжил Шиллинглоу, — надобно мне одежду на дурацкую поменять.

Он поднял с лавки брошенную вещь. Это был сшитый из оленьих шкур плащ, похожий на широкий кафтан. На голову фермер водрузил кожаную маску с прорезями для глаз. На собравшихся глядела грубой работы морда оленя с козлиными рогами на макушке.

— Чур нас! — вскрикнул Ричи, когда длинный и худой хозяин встал, высоко вознеся звероподобную голову. — Храни нас Бог, вы ж не пойдете в то проклятое место?

— И не сумлевайся, но намерения мои чисты, а судимы мы будем по помыслам, тебе про это и мистер Семпилл поведаст. Гляньте ж на меня, дурни старые, нечего тута страшиться. Ночью я буду в Лесу, перво-наперво затаюсь в кустах, а как народ неистовствовать примется и очи их ослепнут, к ним выйду. Чую я, без красного кочета не обойдется, вот и желается мне пару перышек для памятки стянуть. И сдается мне, наш старый приятель Чейсхоуп тама будет, вот в знак дружбы я ему хвост и прижму, то бишь при первом случае плескану на него нашего маслаца. Вы, оба два, внимайте и запоминайте. Опосля присягнете, что я молвил вам все это и что видали вы меня в таковском шутовском наряде тута, в Гриншиле. Надобно было рога оленьи прицепить, но пострашилс я по кустам гоняться, вот старичку-козлику горемычному в Риверсло и выпало помереть.

С козлиными рогами фермер являл собой дикое зрелище, да и без них было в нем нечто грозное: он стоял, окутанный сумерками, перед двумя согбенными от трудов мужчинами, калекой и стариком с тяжким грузом прожитых лет за спиной, и Дэвиду чудилось, что исполнен он отчаянного и легкомысленного бесстрашия. Пастухи разрывались между верностью и ужасом, да и пастору приходилось собирать волю в кулак и следить, чтобы не дрожали колени. Но

Риверсло, казалось, не ведал страха. Он так хитро спланировал дело, будто собирался поторговать овцами на ярмарке в Локерби, и теперь перед лицом опасности, перед коей отступили бы первейшие шотландские храбрецы, было ясно, что боится он меньше всех в этой компании.

— Видал я нынче утром над Лесом птиц-балаболок, — сказал Прентис, — три туды влетели, а возвернулася одна. Ой, недоброе то знамение!

— Придержи язык, ноешь, аки баба древляя, — оборвал его фермер. — Приметы для тех, кто в них верует, я ж глупыми птахами башку не забиваю...

— Было у меня давеча видение, — вставил свое слово Ричи. — Предстала предо мной вся святая земля Шотландская полем овсяным, белым, от края до края урожаем полнящимся, и токмо пасторат Вудили стоял не пахан и не сеян, а порос вереском да колючником. И вопрошал я, что сие есть за место, и отвечивал мне глас, что зовется оно Чортовой Межой посередь благословенного поля Шотландии.

— Вельми верная заметка, Лес Чортова Межа и есть, но в наших силах вспахать ее и выжечь все, что мешает. Дайка, Ричи, пастору чего-нибудь пожевать.

Пастух достал овсяных лепешек, но Дэвид съел лишь маленький кусочек: с самого утра у него не было во рту маковой росинки, но в горле так пересохло, что глотал он с трудом. Однако выпил пинту пахты.

— Вам браги налить? — спросил пастух у Риверсло. — Сам я пиво не ставлю, но Рэб принес сосуд с хмельным, тот самый, что вы ему дали, когда он ягнят принимал.

— Я набрал водицы из родника. Никакого хмельного, но не ночью да уподоблюсь Ионадаву, сыну Рехава¹... Вы готовы, мистер Семпилл? Вам бы поспешать, надобно ж еще на дерево забраться. Мне же таковская спешка ни к чему, покуда Диявол на дуде не заиграет.

— Вы либо очень сильны в вере своей, либо очень смелы, — с восхищением произнес Дэвид.

¹ Ионадав, сын Рехава, запретил своим потомкам пить вино, строить дома, сеять хлеб, разводить виноградники или ухаживать за ними.

— Не столь, сколь мне желается, — последовал ответ. — Покуда мы не разделились, не будет ли славно освятить наш путь молитвою?

Пастор помолился, и была молитва похожа на те, что он возносил Богу, закрывшись в своем кабинете. Это придало ему сил и успокоило Ричи и Рэба. А вот Риверсло простоял всю молитву без единого отклика, не выказывая особой набожности. Прежде чем прозвучало слово «аминь», он вновь надел козлорогую маску и уставился на появившуюся в небе луну. Затем принялся вращать свой посох так, что раздалось гудение.

Дэвид взял странного союзника за руку и пожал ее. Фермер заметил, что Дэвид дрожит.

— Не надобно страшиться, сэр, — сказал он. — Пущай бес трепещет, коль с нами столкнется. Но что заставляет вас, человека мирного, вступать в схватку?

— Рвение мое во имя Господне. А вас? Вам до всего этого должно быть дела меньше, чем мне.

Фермер усмехнулся.

— Отметьте себе, что Эндрю Шиллинглоу не может глядеть на то, как честного человека ногами попать пытаются. Не любит он всякую погань.

* * *

Дэвид многократно воспроизводил в мыслях путь до поляны с алтарем и в ту ночь обсудил его еще раз с Риверсло. Надо было пройти меньше трех миль, и у него оставалось часа два, чтобы добраться до места и успеть затаиться там обосноваться там до полуночи. Как и во всю предшествующую неделю, дневное марево спало, а небо простерлось на бесконечную высоту, явив миру множество звезд, ибо месяц только нарождался. Дэвид с беспокойным сердцем миновал порубежье между сосняком и орешником. Он растерял

весь кипящий гнев неудавшегося похода в канун второго Белтейна, а молчаливый остракизм со стороны жителей Вудили породил сомнения в собственных силах. Даже мысль о Катрин Йестер не вдохновляла его: девушка принадлежала к иному миру, непреодолимой пропастью отделенному от черного колдовства, с которым он сражался. Не добавляло храбрости и то, что у него есть союзник в лице Риверсло — ведь тот, как он опасался, рассчитывал только на свои, но не Божьи силы, а в такой борьбе одной плотью не победить. Пока Дэвид продирался сквозь темные заросли, губы его не переставали шептать страстные молитвы.

Он вошел в сосновый бор и, ориентируясь по основанию скал, направился туда, где впервые встретил Катрин. Проходя тем путем, он чувствовал, что еще не покинул пределы доброй земли. Но вот он добрался до враждебной территории, и низко висящая луна не помогала ему своим светом. Он потерял полчаса, плутая по кустарнику, и лишь усилием воли заставил себя собраться и вспомнить, что ему говорил Риверсло. Вскрабкавшись на холм, он достиг обнажившейся скалы и, посмотрев вниз, обнаружил там поляну с алтарем.

Стоял крошечный мрак, лишь призрачно белел камень. Но темнота стала для Дэвида благословением, ибо изменила очертания окружающего мира и не оживила в памяти былых страхов. Перед Дэвидом лежала обычная лесная чисть, и выскочивший у него из-под ног кролик показался добрым знаком. Пастор углубился в густолесье и выбрал своим ночным прибежищем кривую сосну. Первая ветка на ее неохватном стволе была где-то на высоте шестидесяти футов, но Дэвид решил воспользоваться тонким молодым деревцем по соседству и перебраться на нее с его верхушки. Он не лазил по деревьям с самого детства, и ослабевшие ноги и руки поначалу отказывались слушаться, однако упорное разогрело мышцы, и, дважды скатившись вниз, он наконец достиг большой развилки между сучьями. Перелезть на сосну оказалось сложнее, чем он предполагал. Чтобы дотянуться до нее правой рукой, ему пришлось раскачаться. Но он в конце концов справился и вскоре сидел

на площадке, образуемой кривым сосновым лапником, и только звезды видели его. Он же мог наблюдать за происходящим на поляне сквозь просветы между ветками.

Сейчас над ним простиралось лишь небо. Луна на три четверти поднялась над Меланудригиллом, омыв косогор и лощины серебряным сиянием. Дэвид был в Лесу, но в то же время над ним и вне его, как если бы стоял на горе и заглядывал в расщелину. Устроившись поудобнее на своем посту, он обратил взор на поляну. На ней стало не так темно, белый лунный свет лился прямо на алтарь. Впервые за ночь к пастору вернулось мужество. В верхушках деревьев колдовские чары Меланудригилла теряли власть, поскольку на высоте селятся одни крылатые создания, а нечистые порождения тьмы бескрылы.

Душа его просветлела, и Дэвид искал глазами окрестности Калидона. Замок скрывался за холмами, на западе которых лежал Рай. Мысль о Рае доставила молодому человеку необъяснимое удовольствие. Нет, он не отрезан от мира добра — что бы ни творилось на поляне под ним, стоит ему поднять глаза, и он узрит счастливый край.

С восходом луны многоголосый шепот ночного леса затих. Где-то на юге сонно бормотали вяхири. Вдруг Дэвид подскочил от неожиданности: птицы, громко хлопая крыльями, взмыли в небо и принялись кружить над лощиною. Затем вновь воцарилась тишина, чуть позже прерванная музыкой.

Пастор не понял, когда именно послышалась мелодия, она словно подкралась из ниоткуда. Да и мелодией это было сложно назвать — лишь тихий гул голосов, проходящий на низкое пение волынки. Звук доносился со всех сторон под ним, постепенно собираясь с разных сторон к единому центру. Внезапно снизу вырвался резкий всхлип, несколько раз повторился, напомним властный призыв трубы, но по-прежнему неуловимый и далекий, подобный отзвукам эха. Дэвид не испугался, ибо в этом звуке не было угрозы, но направление его мыслей странно изменилось. Все это показалось очень знакомым, найдя отклик в нем самом. Он почувствовал себя ребенком: музыка поманила счаст-

ливым смятением и бескрайними горизонтами детства, в ней мерещились ветры нагорья и бурливость рек, она принесла запахи вереска и чабреца, закружила в незабываемых воспоминаниях.

Серебряный голос трубы больше не раздавался, но тихое бормотание подползало все ближе и прямо под ним превратилось в напев. Он посмотрел на поляну и обнаружил, что танец начался. Как и раньше, псоглавый музыкант, скрестив ноги, уселся за алтарем, а вокруг завертелся хоровод...

К своему удивлению, Дэвид понял, что взирает на пляску не с ужасом, а с любопытством. Танцевали медленнее, чем на Белтейн; неукротимая весенняя энергия нарождающейся жизни сменилась более спокойным летним шествием жаркого солнца и созревающих плодов... Сверху люди казались марионетками, покорно следующими за напевом, что нарастал и затихал, как заблудившийся ветер. От страстной ненависти, охватившей Дэвида при виде майского шабаша, не осталось и следа. С сочувствием и дружеской жалостью он наблюдал за простодушными плясунами, за обманутой невинностью.

«Неужто и Господь так взирает на все неразумение, творящееся в мире?» — спросил он себя. Как там выразился Риверсло?.. Если Церковь заключит душу человеческую в излишне строгие рамки, она будет искать тайные выходы, ведь люди рождаются в мире земном, пусть и помышляют о Небе... Он знал, что это богохульство, но не содрогнулся от него.

Он не мог сказать, сколько продолжались эти медлительные танцы, ибо просидел как во сне, слушая чарующие звуки... Внезапно все изменилось. Поляну покрыла тень от набежавших на луну туч. В воздух прокрался холодок. В черноте загорелись неизвестно откуда взявшиеся огни, и они не мерцали, хотя меж крон гулял ветер... Музыка смолкла, танцоры сгрудились у алтаря.

Над ними возвышался псоглавый вожак, держа что-то в руке. Таинственный свет запылал красным, и Дэвид понял, что дударь держит птицу — петуха, алого, как кровь. Что-то

яркое брызнуло в выемку камня на голой верхушке алтаря. Собравшие издали крик, заставивший Дэвида заледенеть. Он увидел, как все упали на колени.

Вожак заговорил громким и пронзительным, как у сомнамбулы, голосом, но Дэвиду удалось разобрать только одно слово, повторенное многократно, — Авирон¹. Выкрикивая его, дударь макал пальцы в кровь на алтаре и касался лба танцоров, и те, до кого он дотрагивался, падали ниц...

В этом богомерзком действе не осталось ни грана невинности. Страх закрался в сердце Дэвида, и больше всего ужаснуло то, что он начал бояться только сейчас. Он сам едва не пал под властью чар.

Потом началось нечто смахивающее на переключку. Вожак зачитывал имена из лежащей перед ним книги, и распластавшиеся на земле люди отвечали ему. Все это больше походило на бормотание слабоумного, а не на язык земли Шотландской: сплошные гортанные звуки. И, как навязчивый припев, повторялось слово «Авирон».

Затем с жутким воплем сборище вскочило на ноги. Загудела волынка, но звучала еще какая-то мелодия, будто просачивающаяся из-под земли и из чащобы. О невинности и кротости не могло быть и речи. Раздавалась самая настоящая колдовская музыка, наигрываемая Дьяволом на пылающей адской дуде. Собравшиеся задергались в танце, словно их ноги не выносили жара лавового озера. В Дэвиде пробудился ветхозаветный пророк, взирающий широко открытыми глазами и с душой, исполненной ужасом, на творящееся нечестие.

Если танец на Белтейн можно было назвать омерзительным, то ныне перед священником бушевала животная похоть. Хоровод кружил и кружил, неистовый, но ведомый единой целью, безумие смешалось с пороком. Дэвид узнавал лица прихожанок, старых и молодых, — сколько раз они смиренно сидели в кирке по воскресениям. На всех мужчинах

¹ Авирон — сын Елиава из колена Рувима, он и его брат Дафан вместе с Кореем восстали против Моисея. Это имя также похоже на имя короля фей и эльфов в западноевропейском фольклоре — Оберон.

были маски, но он не сомневался, что если их сорвать, из-под звериных морд покажутся знакомые ему черты, обычно выражающие добронравие и благочестие. Танцующие хватались друг за дружку и разлетались в стороны, но Дэвид заметил, что при прохождении каждого круга они целовали определенную часть тела вожака, утыкаясь в нее носом, как псы на обочине.

Пастор сидел на верхушке сосны. Вот сейчас он точно знал, что ему делать. Он вспомнил имена нескольких беснующихся внизу женщин, а Риверсло должен был назвать мужчин. В хороводе металось несколько масок с козлиными рогами, но Дэвид заметил, что к ним присоединилась еще одна; этот высокий, очень подвижный человек особенно усердствовал в своем стремлении угодить псоглавцу. Был ли то Шиллинглоу с его анисовым снадобьем?

Тьма стала непроглядной, и поляна освещалась лишь свечами, сокрытыми где-то у земли. Подул ледяной ветер, и, прорвав горные плотины, хлынул ливень. Как и ожидалось, Ламмас закончился дождем, разразившимся посреди чистого неба.

* * *

Дэвиду померещилось — и он воспринял это как часть богопротивного морока, — что ливень не погасил огней. Сам он мгновенно промок до нитки, но свечи горели, хотя дождь, как бичом, хлестал струями по поляне... Пляска прервалась. Серебром зазвенела труба, ветер подул сильнее, заставив водяную стену косо лупить по кронам деревьев, а людей спешить прочь. Когда священник вновь взглянул сквозь дождевые стрелы на едва освещенную спрятавшейся луной поляну, там никого не осталось. Ему почудилось, что, невзирая на бушующую грозу, он еще слышит гул голосов, на этот раз удаляющийся вглубь Леса.

Подождав немного, он принялся спускаться. Это оказалось сложнее, чем забираться наверх, потому что ему никак не удавалось найти тот сук на соседнем дереве, с которого он, раскачавшись, перепрыгнул на сосну. В конце концов пришлось соскочить с высоты в добрых двадцать футов в папоротник и кубарем скатиться на опустевшую поляну... С трудом поднявшись, Дэвид хотел было помчаться прочь, но задержался, принюхиваясь к запаху нечистых шкур... Ах да, безусловно, так пахло анисовое масло Риверсло.

Дэвид быстро нашел дорогу домой. Он бежал почти без остановки, забыв все свои страхи. Бьющие в лицо дождевые струи, казалось, очищали его и придавали сил. Он видел немыслимое зло, но смотрел на него, как Всемогущий, сверху, и выглядело оно жалким и хилым, сорняком, что не выдержит прополки, — его не стоило бояться слуге Господнему. Дьявол всего лишь пакостник пред ликом Бога. Внезапно Дэвид вспомнил, что почувствовал при первых звуках напева, — и склонил голову.

Риверсло добрался до Гриншила раньше пастора. В воздухе стоял запах жженных шкур: козлиная маска и плащ горели на куче торфа. Сам соратник, нелепый и промокший, сидел на табурете и глоточками пил «живую воду», припасенную Рэбом Прентисом. Отличавшийся вечером таким завидным самообладанием, теперь он покрылся испариной от страха.

— Слава Господу, вы живы, — заикаясь, произнес он, а спиртное лилось по его бороде. — Думал уж, что не узрю вас во здравии, что не выбраться мне из того треклятого места. У меня по сию пору колени подкашиваются, а ноги все изранены: сломя голову неся я по камням да верещатнику, аки взбесившийся стригунок. Ох, сэр, не для человеческих очей таковская жуть!

— Зрили вы Супостата? — спросил испуганный Прентис.

— Видал его в земном обличье, и каплю крови красного кочета достал, и отплясывал-скакал, аки всяк иной, но их нечестивые празднества не по мне. Сэр, перепугался я, хыч в жизнь ничего не страшился, а ноне пробрало меня

до кости, аж в зенках потемнело. Реку вам, сам позабыл, зачем пришел, да что уж, имя свое запомнил вместе с отцом-матерью, был я аки детёнок в логове боглов... Шкуры я пожег, а как выведу всех на чистую воду, так и одежду свою спалю до нитки, а то провоняла она самой Преисподней.

— Вы многих узнали там? — спросил Дэвид.

— Неа. В очах помутилось. Кружился волчком, стыдно признаться, но вопил, как и прочие, да простит меня Боже!

— А как же масло, зелье из анисового семени?

Риверсло протянул Дэвиду пустую бутылочку.

— Тут я вас не подвел, — сказал он. — Вот кого уж я узнал на шабаше, так это дударя. Стоило к нему подойти, как нахлынула на меня ненависть лютая, а такую я лишь к одному человеку на всем белом свете питаю. Как настал мой черед склониться и лобызать его, получил он от меня не токмо поцелуй. Ежели он разом не пожжет свои штаны, поутру вонь от них будет стоять по всему Чейсхоупу.

Глава 11

СВЯЩЕННИК ПРЕПОЯСЫВАЕТ ЧРЕСЛА

На следующий день Дэвид вернулся домой как раз к обеду. Изобел встретила его радостной суетой, одобренной откровенным облегчением. Служанка, безусловно, знала о праздновании Ламмаса и, конечно, догадывалась, что Дэвид тоже знает о традиции, но в то же время она явно приняла отъезд пастора в Ньюбиггин за доказательство того, что он наконец внял ее разумному совету. Но почему-то священник оказался немногословен: односложно ответил на вопросы о здоровье его ньюбиггинской родни, молчком съел обед, после чего закрылся в кабинете.

Вечером он отправился в Гриншил, где встретился с Риверсло и Прентисом. Фермер выглядел возбужденным и был заметно навеселе, к огорчению пастухов, сидевших с постными лицами. Ричи Смэйл держался как честный человек, которого принудили пойти кривой дорожкой. До прибытия гостей он читал Библию и теперь безмолвствовал, сунув палец между страниц и время от времени поднимая недоумевающие глаза на хозяина. Прентис смотрел волком и, как копье, выставил перед собой костыль.

— Мы ноне в одиннадцать наведались в Чейсхоуп, — объявил Риверсло. — Взял я Ричи и Рэба: Эфраим загодя знал, что мы придем глянуть на его новых барашков. Стоит ли поминать, что Эфраима мы так и не узрили. Баба его сказала, что он в Аллерском приходе, а сама с ноги на ногу переминается: разумею, ежели б мы поискали, нашли б ее муженька в постели под одеялом. А раз уж он тайлся, значимо, перепужался до смерти, ведь я так орал, что меня аж в холмах было слышать.

— Вы обнаружили то, что искали? — спросил Дэвид.

— Нашли предостаточно. — Эндрю Шиллинглоу вынул из кармана связку перьев. — Эти я вчера из Лесу принес.

Тама, не сумлевайтесь, еще остались, ежели они их не подмели. Но никаковского красного кочета в Чейсхоупе ноне не было. Я тама курей расхвалил да спросил, что с петушком содеялось. Эфраимова жена мне говорит, мол, подох, намердн ягодкой-крыжовинкой поперхнулся. А мне вот ведомо, что за ягодка горемыку со свету свела.

— А как же анисовое масло?

Риверсло пьяно захохотал.

— Мы подоспели ко времени, сэр. Бабенка как раз костерок во дворе разводила. Я ей: «Что сжигаем, хозяйюшка?» А она: «Тряпки старые. Пустили побродяжку на ночь на чердак, — молвит, — вот и остались опосля него, а блох в них тьма. Вот и жгу, а то за детят боязно». Ну, мы с Ричи да Рэбом обок стоим, а пламя яркое, будто туды маслицем брызнули, и вонища — прям как из моей стклянки. Это ладно, а из сеней тама как несло, Ричи с Рэбом тоже учуяли. Как ты должен говорить, Рэб?

— То было снадобье, кое мы вчерась тут из стклянки учуяли, — мрачно произнес Прентис.

— То-то же, — сказал Риверсло. — Имеем мы доказательство, что тот мужик с песьей башкой не кто иной, как он самолично. Не, не-а, бабе его я того не выдал. Мы пошутковали-посмеялись, о барашках покалякали, я все их усадебу славил, а Рэб с Ричи были мудры, аки судьи. Я поутру хлебнуть успел и явился к ней навеселе. Но ушки были на макушке, и все, что сказываю, зрил собственными очами... То мне намердн зенки застило, так что присягнуть не смогу, кого я тама видал, но есть у меня и догадки по поводу женского роду. Однако ж вы, сэр, сиживали высокохонько и видали все как на долони, ведь светло было, хычь книжки читай.

— Я узнал кое-кого из женщин и смогу присягнуть, что это были они. Насчет некоторых не уверен, но пятерых я узнал точно. Там была Джин Морисон с дочерью Джесс.

— Чейсхоупские, из-под холма, — воскликнул Шиллинглоу. — Ага, что и ожидалось. О них завсегда шла дурная молва.

— И старая Элисон Гедди из деревни.

— Та дурная старуха, что вечно вопит, аки шилоклювка!

— И Эппи Лаудер с Майрхоупских окраин.

Ричи Смэйл издал стон.

— То вдова истого христианина, мистер Семпилл. Не хаживал по нашей земле человек достойнее, нежели Уотти Лаудер, — сказал он. — Больно думать, что Диявол строит козни и в этом благом семействе.

— И Бесси Тод из Мэйнза.

— Горе нам, опять-таки помню, как сиживал бок о бок с нею на мартовской проповеди мистера Праудфута, и она стенала да всхлипывала, аки детёнок. Нет, тута закралася ошибка, сэр. Бесси умом не вышла, а для служения Дияволу сметка надобна!

— Однако она была там. Я уверен в этом не меньше, чем в том, что сам тогда сидел на дереве. Остальных я только подозреваю, но в этих пятерых не сомневаюсь.

Риверсло потер ручки.

— Делишки у нас идут в гору, — проговорил он. — Мы ведаем шестерых с того сборища и можем смекнуть, кто тама был еще. Дружище, мы всех в Вудили на чистую воду повыведем, дабы проказить неповадно было. Вы готовы назвать их имена на проповеди, сэр?

— Сначала я должен поставить в известность Пресвитерский совет. Подготовлю обвинительный акт и отдам его главе Совета, мистеру Мёрхеду из Аллерского прихода, а затем он сам будет руководить нашими действиями. Это дело суда церковного, впрочем, как и гражданского.

Риверсло вышел из себя:

— К чему вам вязаться с Пресвитерием? Ежели приметесь ворошить то осиное гнездо, понаедут судейские с солдатней да с цельной толпой всяческого люда, станут толковать да мешкать и зацапают какую-нибудь каргу, ну, может, пару, а заводилы будут на воле гулять. Чейсхоуп с законниками снюхается да ускользнет, я ж останусь на баенном корыте. Внемлите мне, мистер Семпилл, не выносите сор из пастората. Как гласит старая пословица, грязное белье при всех не полощут. Чуть сюды судьи да церковники су-

нут нос, никаковой справедливости не выйдет. Называйте имена, и обличайте, и обвиняйте, и порицайте, но не вмешивайте Пресвитерий. Можно же и церковь уважать, и, ежели надо, помеху объехать... Вот как я дело разумею. Ноне мы ведаем, кто на шабаше колобродил, посему все вчетвером сможем держать ухо востро и очей с них не спускать, а как сызнава соберутся на моление — они его этак кличут, мы их и прищучим. Я могу созвать моффатских гуртовщиков, кои не страшатся ни человека, ни диявола, да прихватить людей лэрда Хокшоу из Калидона. Мы вторгнемся на шабаш, сорвем маски с мужичья, мокнем мордами в их же мерзость да омоем в водах Аллера. Бьюсь об заклад, так избавим пасторат от колдовства, ибо опосля они сами в Лес не сунутся. Народ ведъм с колдунами страшится, но ежели нам удастся выставить нечестивцев дурачьем да пугалами огородными, боязнъ развется.

Пастухи укоризненно глядели на фермера, а лицо Дэвида вытянулось, будто внимал он богохульству.

— Вы хотите сражаться с Дьяволом, используя силы телесные, — грустно сказал священник. — Этим многого не добиться. Рассуждаете о пороках, царящих в Лесу, как о простой шалости, тогда как это смертный грех и победить его возможно лишь духом Господним и оружием, предписанным Господом. Эх вы, Риверсло, как мало вы знаете о могуществе Врага рода человеческого. Помню, сам прошлой ночью дрожал, как неразумное дитя, пред лицом творящегося зла, да и вам было не лучше, когда увидел я вас в этой хижине. Мне не следовало идти в Лес, не ощущая себя воином Божьим.

Риверсло расхохотался.

— Да, вструхнул я намедни, не отнекиваюсь, но опосля-то поглядел на все при свете дня.

— Мне кажется, источник вашего мужества нашелся в том числе и в «Счастливой запруде» .

— Верно. И утречко тама провел, и обедник, и еще чуть да маленько посидел с кружечкой. Но брюхо мое много горячительного вместить может. От него, ежели не переберешь, ум великую ясность обретает, посему повторю свой

совет: держитесь от закона подале, что от церковного, что от мирского. Закон что дышло: куда повернешь — туда и вышло. Пряма аки конь — взбрыкнет под тобой, покуда на него лезешь, и зубы прочь... Однако ж поступайте, как знаете, но ежели от того будет вам одно худо, чур меня не корить. Мыто с Рэбом Прентисом и Ричи Смэйлом готовы присягнуть при любом повороте, а затеют в Лесу какие розыски, я вас не подведу. Токмо не запамятуйте, мистер Семпилл, что я человек занятой, могу овец погнать али баранов торговать уеду, посему потребно станет мне отбыть в Дамфрис, а то и в Карлайл. У Ричи всякий день будут вести о моих деяниях, и, ежели повидаться вознамеритесь, лучше шепните ему об этом загодя, за неделю.

Вернувшись вечером домой, Дэвид позвал Изобел. Она явилась веселая, чего не водилось за ней много дней, но первые же слова пастора заставили ее нахмуриться.

— Изобел Вейтч, после Белтейна я задал тебе вопрос, на который ты отказалась отвечать. Я, твой духовный пастырь, попросил у тебя, христианки, помощи, но ты не помогла. Я обещал тебе, что не успокоюсь, пока не искореню идолопоклонство из прихода Вудили. С тех самых пор я не сидел сложа руки, а нашел помощников, которые не подвели меня. Три дня назад я уехал, сказав, что направляюсь в Нью-биггин, но вернулся в канун Ламмаса и в ту ночь вновь стал свидетелем языческого нечестия. И не только я, со мной был еще человек, и сейчас имеются два очевидца, а Роберт Прентис и Ричард Смэйл могут подтвердить мои показания. Я нашел все, что искал, и теперь готов предстать перед Пресвитерским советом. Добавишь ли ты свое свидетельство к нашему или продолжишь упорствовать в отрицании?

Глаза старухи распахнулись, как у совы.

— Это кто ж с вами был-то, кого вы не назвали? — выдохнула она.

— Эндрю Шиллинглоу из Риверсло... Мы можем призвать к ответу одного мужчину и пятерых женщин. Я оглашу их имена, немало не заботясь о том, сохранишь ли ты их в тайне, ибо собираюсь обличить нечестивцев во время воскресной службы. Имя мужчины — Эфраим Кэрд.

— Ни в жизнь не поверю! — воскликнула Изобел. — Чейсхоуп издавна истинный столп Христовой церкви... Он в вашем Совете... Не забывайте, он пришел сюды преломить хлеб, когда вы впервой явились в Вудили. Угу, он приходил сюды, покуда вы гостевали в Ньюбигтине. Я-то молоко принялася цедить, а тута его голос у дверей: пришел, сыру домашнего принес — женка его в том ловка, она ж с Пустошей; так вот, пришел, перемолвился со мною ласково, по соседски, о вашем здоровьечке, хозяин, справился... Остерегитесь, сэр, то может быть ошибкою. Эфраим тута все равно что апостол Нафанаил.

Было видно, что она не лжет, потому что упоминание о Чейсхоупе выбило ее из колеи.

— Однако он что гроб повапленный, красив снаружи, а внутри полон костей и всякой мерзости.

— Ох, сэр, поразмыслите, прежде чем возводить столь жуткие поклепы. Очи ваши могли вас подвести. Кто ж в здравом уме доверится Риверсло? Этому грязному, лукавому проныре, явившемуся неведомо откель... сквернословящему, аки распоследний сапожник. Вы ни за что не пойдете в Пресвитерий в таковской компании с этакой небывальщиной! Колченогий Рэб истинный чертяка, хычь, не спору, молиться он мастак... А Ричи Смэйл опосля смерти жены вовсе захирел да умишком тронулся.

— Есть еще пять женщин, — продолжил Дэвид. — Среди них Джин и Джесс Морисон с подножья Чейсхоупского холма.

— Так вот откель напраслина про Чейсхоупа: он, сердце золотое, никак не стонит со своей земли этаких поганок! Нету у меня добрых слов для семейки Морисон. Выползли они из гадючьего гнезда и, сдается мне, еженочь на помеле за море летают.

— Среди них Эппи Лаудер из Майрхоупа.

— Цыц, человеке, она проста и чиста, аки проваренная полба. И муж у нее, Уотти, что в апреле тридцать девятого помер, никому зла не творил. Угодили вы с Эппи впросак.

— Элисон Гедди.

— Та еще балаболка, но токмо языком молотит, никому

не вредит.

— А Бесси Тод из Мэйнза?

— Головёнкой слаба, сэр. Принесла в подоле солдатского детёнка, он помер, а она так и не оправилась. Но ни за что не поверю, что есть в ней изъян, окромя умишка.

— У меня есть доказательства греха. Я обвиняю, а не выношу приговор. Пусть судят другие.

Вся робость Изобел, переполнявшая ее во время беседы в канун Белтейна, исчезла без следа. Сейчас в ее голосе звучало искреннее чувство:

— Молю вас, сэр, остановитесь, покуда не поздно, а ежели так прижало, поспрашайте народ сами, без властей. Эндрю Шиллинглю-то что, он чужак, ноне тута, завтра мало ли где, аки ходебщик бродячий. Но вы ж священник при пасторате, и доброе имя прихожан должно быть вашему сердцу столь же дорого, сколь ваше. Станете деять, аки молитесь, и весь Аллер примется о нас шипеть да судачить. Мы тута поживаем тихо-мирно, в ладу со всеми, а вы желаете все порушить за-ради того, что какие-то дурни с грязными девками поплясали парочками в Лесу. Они ж порчу не напустили, коровки доятся, детятки здоровенькие.

— Ты все-таки подтверждаешь, что знаешь о нечестии?

— Ничего не подтверждаю, ничего не ведаю. Младость она и есть младость, пущай иногда и напроказит... Но наговаривать на Чейсхоупа с моей старинной подруженькой Эппи Лаудер, обвинять их в идолопоклонстве не позволю, так своему бражнику Риверсло и передайте.

И впервые за все время их знакомства Изобел в сердцах выскочила из комнаты.

На следующий день Дэвид искал встречи с Чейсхоупом и застал его одного на холме. Фермер душевно и много-словно поприветствовал пастора.

— Пришли дожди на Ламмас честь честью, мистер Семпилл, никаких ливней, окромя того, дабы землю смочить. Завтречка почну косить сенцо на болотах. Слыхал, гостевали вы в Ньюбиггине, сэр, надеюсь, все тама в добром здравии. Да и воздух у них по верхам для тела полезительный, опосля нашего безветрия в низине Вудили.

— Я вернулся домой в канун Ламмаса. И спрашиваю тебя, Эфраим Кэрд, а ты отвечай, как пред Богом, где ты был в тот вечер?

Тяжелое лицо, кирпично-красное от летнего загара, не изменилось.

— Где ж мне быть-то, кроме как у себя в постели? Лег я рано, с холощеными баранами намаялся.

— Ты знаешь, что это неправда. Ты был в Лесу, так же, как и на Белтейн, вытанцовывая свою погибшую душу под дуду Дьявола. Я видел тебя собственными глазами.

Кэрд на редкость хорошо изобразил удивление:

— Вы часом не рехнулись, сэр? Не бредите? Со здоровьцем у вас все ладно, мистер Семпилл? Присядьте-ка, я вам водички в шапке принесу. Вас солнышко припекло.

— Я в своем уме и не болен. Я все лето читал проповеди о грехе, и пришло время припереть грешника к стенке. Это твоя последняя возможность, Эфраим Кэрд. Признаешься мне, твоему духовному пастырю, сам, или вырвать из тебя признание иным способом?

Дэвид почувствовал, что здесь не обойтись без угрозы, но промолчал о главном, посчитав, что время раскрыть все карты не настало. Он сурово посмотрел на Чейсхоупа, и ему показалось, что тот побледнел, а странные зеленоватые глазки забегали. Но это могло быть и простое недоумение.

— Не ведаю, о чем вы, — забормотал Кэрд. — Каковское мне дело до Леса? У жены моей поспрашайте, она скажет, спал я в ту ночь в своей постели. Эх, вот так оборот!.. супротив меня, человека, что десять годков как в старейшинах ходит! Вы не в себе, разумом повредились, такое на меня клепать. Ступайте-ка до дому, сэр, опуститесь на колени и молитесь о прощении... Я ж просто повторю строки псалма: «Расширяют на меня уста свои; говорят: “хорошо! хорошо! видел глаз наш”»¹.

Дэвид с силой сжал посох.

— Пред Господом клянусь, — вскричал он, — еще одно богохульное слово, и я тебя ударю. Отвергаешь мое преду-

¹ Пс. 35:21.

прежде? Так пусть кара падет на твою грешную голову.

Пастор развернулся и зашагал прочь. Оглянувшись, он увидел, что Чейсхоуп смотрит ему вслед с видом оскорбленной невинности.

* * *

Дэвид не проводил богослужений два воскресения подряд. Он приказал звонарю Роббу не звонить в колокол, но к кирке и так мало кто пришел: по пасторату пронесся слух, что священник не будет исполнять свои обязанности, пока не посоветуется с Пресвитерием. Дэвид переживал, непонятно на что надеясь, будто что-то могло растопить лед в грешных душах прихожан. Наконец, шестнадцатого августа, он поехал в Аллерский приход к мистеру Мёрхеду.

Он встретился с Председателем у него дома, в небольшом каменном здании чуть ниже стоящей на холме кирки, у ее западных ворот, что возвышались над мостом через Аллер. В гостиной пастора почти не было книг, зато везде лежали бумаги: мистер Мёрхед славился бурной активностью и ловким ведением церковных дел. У стола, как напоминание о беспокойном времени, в которое ему приходится жить, стояли заляпанные грязью сапоги для верховой езды; на столе Дэвид увидел пару старинных пистолетов; на крючке у двери висел дорожный плащ.

Когда Дэвид вошел, мистер Мёрхед оторвался от дел, однако лицо его не выражало недовольства. Перед ним лежали распечатанные письма, и весь его вид говорил, что его очень обрадовали прочитанные новости.

— Входите-входите, мистер Дэвид! — пригласил он, а затем, заметив взгляд гостя, брошенный на пистолеты, добавил: — Ага, достал свое старинное оружие. Они были при мне на приснопамятной ассамблее в Глазго в тридцать вось-

мом, когда мы прогнали епископов¹... У нас есть повод промывать вам косточки, однако сперва хорошие вести. Последнее заседание Совета проходило в годину страшной опасности, но Господь в милосердии Своем отвратил от нас Вавилонское пленение. Дьявольское отродье, Монтроз, — это ж надо, какая ирония в том, что он носит имя славного города, в коем сам досточтимый мистер Сондерс Линклейтер служил Господу! — так вот, этому Монтрозу приходит конец. Как же долго он не мог уговориться, как бешеный пес, разоряя Шотландию, но скоро его приструнят, петля-то уже стягивается у него на глотке. Всемогуший твердой рукой направлял его, и наконец ловушка готова.

— Он побежден? — спросил Дэвид.

— Нынче есть надежда, что его разобьют в пух и прах. После сотворенных им зверств на севере направился он на юг, неся горе просторам Стерлинга и Леннокса и угрожая городам Глазго и Эмбро, что являют собой оплоты нашей веры. Подобно Израилю, утучнел он и стал упрям², но сверзится гордец с тех высот: дойдет до Клайда и угодит в расставленные сети. Он у Перта, вернее, мыслится мне, на подходе к нему. Там его поджидают конница и пехота Аргайла и Бейли³, и на одного языческого наймита у них по четыре воина. С левого фланга к нему ловко подбираются преданные Богу войска из Файфа, а с правого, со стороны Глазго, подтягивается храбрый западный люд под предводительством благороднейших дворян — графа Эглинтонна, графа Кэссилеса и графа Гленкейрна. Больше того, в пути джен-три с берегов Клайда под командованием графа Ланарка, и они с Гамильтонами добьют тех, кого упустит Аргайл. Неужто вести не радуют душу, мистер Семпилл? Неужто это

¹ Генеральная ассамблея шотландской церкви в 1638 г. приняла решение об отмене введенных Карлом I обрядов, «Пяти пертских статей», высокой комиссии и о ликвидации епископата, что дало повод для начала Епископских войн.

² «И утучнел Израиль, и стал упрям» (Втор. 32:15).

³ Уильям Бейли — шотландский полководец при Лесли и Ливене, ковенантер, участник Гражданской войны в Шотландии 1644-1646 гг.

не счастливое предвестие разрешения от тяготящего нас бремена, непреложное, как течение южных рек?

Дэвид согласился, но, к собственному удивлению, не ощутил особого интереса. Сейчас на него давило нечто большее, чем пленение Земли обетованной.

— Ну а теперь о прочем, — сказал мистер Мёрхед, сурово сжав губы в тонкую линию. — Дошла до меня молва о творящейся в Вудили несправедливости. Сеете вы свары в тишайшем и самом богобоязненном приходе Аллерского округа. Грешите вы против Божьего служения, сэр.

— Именно об этом я и пришел поговорить, — сказал Дэвид. — Прибыл я сюда с доказательствами ужасного нечестия, творимого христианами в этом злополучном месте, и готов предъявить их вам, а через вас Пресвитерскому совету. Не будете ли вы добры и не прочтете эти бумаги? Там указаны имена тех, кто готов выступить свидетелями.

Мистер Мёрхед бегло просматривал записи, будто заранее знал об их содержимом. Вдруг взгляд его остановился на одной из строк, и он нахмурился.

— Ого! Это что? — воскликнул он. — Вы были в Лесу? И видели все своими глазами? Мистер Семпилл, вам не уйти от обвинения в участии в незаконных деяниях.

— Я присутствовал там в качестве служителя Господнего.

— Однако ж... — Он продолжил читать, и лицо его становилось все суровее. Закончив, Мёрхед бросил бумаги на стол и с тревогой и сомнением посмотрел на Дэвида.

— Бестолковщина какая-то! Обвиняете своего главного старейшину — человека чрезвычайной набожности, чему я сам свидетель, — в грехе чародейства и вдобавок клеветаете на пятерых прихожанок, которых я не знаю. Чем вы это подтвердите, вопрошаю я? Видали вы все нечетко — в вашем состоянии очам верить не станешь, к тому ж с вершины дерева, да еще и в полночь. У вас нет доказательств. Я не трону женщин, а пойду к Чейсхоупу. По вашим словам, подозреваете вы его с самого Белтейна, когда тоже ходили в Лес. И желал бы я знать, что вы-то там забыли в такое

время, мистер Семпилл? Сдается мне, ваше собственное поведение требует объяснений.

— Я объясню, — сказал Дэвид.

— Дальше вы называете свидетелем Эндрю Шиллинг-лоу, и рассказываете о ловушке, которую расставили для Чейсхоупа. Слушайте, я не вижу ничего такого в красных петушиных перьях и в вашем анисовом семени, как вы его там называете. Ежели сам кладезь мутен, откуда возьмете вы чистую воду? Этот ваш Риверсло всем известный пьяница, и склочник, и дурной прихожанин. Что мешает ему оказаться во всему прочему и вралем? Может, лежали те перья все время у него в кармане, а пахучее масло он на Чейсхоупа по злобе пролил? Говорите, у вас имеется свидетельство пастухов, но неужто тяжело одурачить двух деревенских простачков? Ваше дело как решето, сэр, ни один суд вам не поверит, а главного обвинителя, Риверсло, еще и заподозрит. Как гласит старая поговорка, сиди смирно, коль на штанах прореха.

Мистер Мёрхед говорил настолько уверенно, что Дэвид, глядя в его пронизательное и суровое лицо, вдруг почувствовал себя беспомощным. Будет сложно убедить столь предвзятых судей. И тут наверняка не обошлось без нашептываний Чейсхоупа.

— Вот что я посоветую, — продолжил аллерский пастор, — поезжайте домой и дайте переполоху стихнуть. В ваших бумагах нет ничего, что могло бы заинтересовать Пресвитерий: простые слухи и праздная *fata*, видения возбужденного юного ума и бредни пьяного нечестивца. Без сомнения, намерения у вас благие, но я не склонен потворствовать гонениям на человека, чья праведность многократно доказана. Обратите свой разум к добродетели милосердия, сэр, и все мысли о пороках уйдут. Мое мнение таково: вы настроились видеть плохое. Как будут у вас достойные свидетельства, а не этот вздор, вот тогда и начнем действовать.

До сих пор он говорил довольно добродушно, но теперь в его голосе зазвучала сталь.

— До моего сведения довели, что вы пропустили две воскресные службы, — резко сказал он.

— Я не поведу свой народ в дебри лицемерия, — ответил Дэвид. — Я отказываюсь проповедовать и молиться в кирке, пока не обличу грешников, а сделать это собираюсь в следующее воскресение.

— Ничего подобного вы не сделаете, — сурово произнес мистер Мёрхед. — Я, ваш старший брат и отец во Христе, запрещаю вам.

— Я следую голосу совести, — сказал Дэвид. — Я столь же убежден, что видел безобразия в Лесу и тех, кто участвовал в них, как в том, что сейчас, августовским утром, сижу с вами в Аллерском приходе.

— И прибавите неповиновение к своему неразумению, — взревел мистер Мёрхед. — Сеете распри внутри Церкви, тогда как необходимо сплотиться против ее гонителей.

— Все это, — твердо возразил Дэвид, — лишь земная политика. Во имя Господне, чистое, как языки пламени, неужели вы закроете глаза на больший грех только лишь потому, что это может привести к трещине в теле Церкви? Да пусть лучше она будет растоптана в прах, чем в ее одеяния станет рядиться грех. Я отказываюсь повиноваться вам, мистер Мёрхед. И в следующее воскресение стены Вудили задрожат от моих обвинений.

Оба священника вскочили. Дэвид побледнел от гнева, то же чувство заставило лицо другого пойти пятнами.

— Ты, мятежный еретик, — возопил аллерский пастор, но тут в дверь постучали, и оба пришли в себя.

Почтительно держа кончиками пальцев письмо, вошел слуга.

— Деша, сэр, из Эмбро. Только что прибыла с конным курьером, он и потрапезничать не остался, а понесся вниз по реке.

Слуга ушел, а мистер Мёрхед, не присаживаясь и все еще задыхаясь, сломал печать. Он, кажется, не верил глазам своим, ибо поправил на носу очки, снял их, протер и перечитал послание. Его взгляд застыл, сам он побледнел, затем, внимательно перечитав присланное, покраснел и накинулся на

Дэвида в порыве гнева.

— Церковь страдает за тебя и за таких, как ты, — возгласил он. — Господь был щедр в милости своей, но вернулся от нас из-за черствости наших сердец. Горе мне, тяжело мне видеть, что наше бедное стадо ведут столь неверные пастыри! И мудрые, и смелые, и прямодушные должны пасть, ибо в их лагере Аханы¹, самодовольные ничтожества, подобные тебе.

— Вы говорите загадками, сэр, — сказал Дэвид. От его внезапно нахлынувшего негодования не осталось и следа при виде необычного преобразования пастора.

— Загадка, коя тебе по плечу, или через месяц ответ напишут кровью и огнем... Загадка, значит? Загадка в причине, заставившей Всемогущего отдернуть длань от истинной Церкви, но тут-то тебе ведом ответ. О печаль, желанное избавление не случилось, тяготы наши стали еще горше. Прочь с глаз моих, мне пора вернуться к делам Господним, и не будет покоя Мунго Мёрхеду много-много дней. Пока ты бросил мне вызов, но погоди, посмотрим, как справишься с самим Творцом.

— У вас плохие новости?

— Плохие, говоришь? Ага, плохие для Божьих людей и Божьей Церкви, но, может, то благие вести для такого еретика, как ты. Может, снюхаешься ты с Коллой-Левшой и его ирландцами и очистите вы приход, пожжете честной люд, а ты получишь мерзостное благословение. Ступай к Монтрозу, там тебе самое место!

— К Монтрозу!

— Угу, к Монтрозу. Знай, что вчера при Килсайте этому сатанинскому отродью выпало растоптать знамя Ковенанта и одержать верх над праведными². Это известие, что я по-

¹ Ахан — сын Хармия из колена Иуды. При взятии Иерихона Ахан взял себе часть из закланной добычи. Это привело к тому, что Господь разгневался на израильтян, и они потерпели поражение под Гаем.

² Битва при Килсайте (15 августа 1645 г.) — крупнейшая победа армии роялистов, возглавляемой Монтрозом, над войсками парламента в ходе Гражданской войны в Шотландии.

лучил, — послание от маркиза Аргайла, направляющегося в Берик на корабле. Возможно, именно сегодня твой Анти-христ постучит в ворота Глазго.

Глава 12

КОСОЙ

В воскресенье служба в кирке Вудили, во время которой должно было произойти обличение грешников, не состоялась.

Дело в том, что на следующий день после возвращения из Аллерского прихода Дэвид получил письмо с улицы Плезанс, что в Эдинбурге, и час спустя, верхом на своей лошадке, спешил в столицу. В городе разразилась чума, и его отец заболел. Такой чумы еще не знали: человек не умирал скоропостижно, а долго метался в лихорадке, сотрясаемый дрожью и терзаемый головными болями и судорогами и прострелами по всему телу; потом, в девяти случаях из десяти, он впадал в ступор, за которым следовала смерть. Но нарывов на коже не было, и врачи терялись в догадках, что со всем этим делать. Эпидемия оказалась не менее страшной, чем предыдущие, и каждый час звучал погребальный звон, а по мостовым днем и ночью дребезжали колеса похоронных дрог.

Когда Дэвид приехал, отец был в сознании, но с первого взгляда сын понял, что конец близок. Семейный доктор лечил его обильными кровопусканиями, прикладывал пиявок к голове и пичкал немыслимым количеством лекарств и рвотных порошков. Дэвид умолял отца терпеливо принимать их.

— Бог помогает подручными средствами, — уговаривал он, — Христос исцелил слепого прахом и слюной, есть ли лекарство проще этого?

— Угу, но ведь помазал ему веки той смесью сам Господь, Дэйви, а не такой старый коновал, как наш Макгланшан. — И старик отослал врача прочь, наняв нового, некоего молодого Кросби из Монашьяго проулка; Кросби обучался во Франции и имел по меньшей мере одно преимущест-

во — на смертном одре оставлял больных в покое. Он не душил пациента под тяжелыми одеялами, позволяя накрывать легко, заставлял держать окна распахнутыми с утра до вечера и разрешал поить слабеньким пивом. Возможно, старик умер бы при любом лечении: было ему семьдесят три года, он постоянно хворал, и чума лишь ускорила разрушительную работу времени. Но новый распорядок сделал умирание не столь мучительным. Отец сохранял ясный ум и мог беседовать с сыном, в основном о его матери и детстве.

Дэвид остановился за городом, в деревушке Либертон, и каждый день ходил к одру отца. Как того требовали обязанности священника, он читал ему Писание и молился с ним, но долго не решался спросить родителя о том, чиста ли его совесть пред Богом. Да и старик не был особо разговорчив.

— Душа моя давным-давно спокойна, — как-то сказал он, — и готов я держать ответ пред Господом, посему нет нужды приготавливать меня к смерти. — Но сердце его болело за сына. — Ты последовал священному призванию, сынок, и радостно мне, что обрел ты пристанище в нашем родном приходе. Дэйви, род Семпиллов обосновался на Рудфутской мельнице во времена Роберта Брюса¹. Но тяжело и опасно нынче служить Господу, пасторы глядят на всех свысока, Церковь самонадеянно вознесла главу над миром... А что там с Монтрозом, о коем только и слыхать на каждом углу?.. Смирись пред Богом, сын, ибо с поднятой главой в Райские врата не войти.

Он мирно умер в третий день сентября, и Дэвид всю неделю суетился, улаживая дела: продал лавку и дом, выплатил завещанное слугам и дальней родне. Час за часом он просиживал с юристами: отец оставил крупное состояние, и, к своему удивлению, Дэвид оказался одним из самых богатых священнослужителей в стране. Кое-какие деньги хранились у ювелира, поверенный рассказал о ценных бумагах, земельных владениях и долговых расписках, и это было далеко не все. Когда дела близились к завершению, душеприказчик, пожилой напыщенный адвокат по фамилии Мак-

¹ Роберт I Брюс (1274-329) — король Шотландии (1306-1329).

фейл, менторским тоном принялся поучать Дэвида: «У вас, мистер Дэвид, в руках сокровища земные вкупе с сокровищами Небесными, хотелось бы думать, что распорядитесь вы ими с умом. И коли последние, как гласит Библия, моли не изъесть, а злоумышленникам не похитить, то и первые моль не изведет, да и обычный злоумышленник до них не доберется, покуда лежат они в надежном хранилище Джорджи Гайта в Кэнонгейте¹. Да пребудет сердце ваше покойно насчет них, пока ведете вы сражение за души жителей Вудили».

То было необычное время как для мирной смерти в собственной постели, так и для ведения дел, ибо охваченный болезнью город сделался добычей самых диких страхов. Мало кто из путешественников осмеливался заезжать в зараженные чумой пригороды, однако вести носились повсюду, как восточный ветер в мае. Битва при Килсайте поставила все в Шотландии с ног на голову. Глазго отдался на милость завоевателя, радостно приветствуя Монтроза и осыпая дарами его воинов. Графства и города наперегонки спешили пасть пред ним. Когда дело дошло до Эдинбурга, городской совет отправил послов в Корсторфин, желая сдаться юному лорду Неперу². Из Толбута³ выпустили всех томившихся в заключении дворян; Дэвид видел их: бледные люди, все еще сотрясаемые тюремным ознобом. И только в Замке попрежнему сидели ковенанторы. Пришла новость, что Король сделал Монтроза генерал-капитаном всей Шотландии и вскоре победоносная армия выдвинется к Границе. В Босуэлле⁴ на берегу Клайда сэр Арчибальд Примроуз⁵ считал королевский указ войскам. Парламент должен был не-

¹ Кэнонгейт — небольшой район Старого города Эдинбурга.

² Корсторфин — деревушка на западе Эдинбурга, сейчас его пригород. Арчибальд Непер (1625-1660) — племянник маркиза Монтроза.

³ Толбут — старинная эдинбургская тюрьма, также выполнявшая функции здания городского совета и суда.

⁴ Босуэлл (Ботвелл) — город в графстве Ланарк.

⁵ Арчибальд Примроуз, лорд Каррингтон (1616-1679) — соратник Монтроза, после Реставрации — известный шотландский юрист и судья.

медленно собрался в Глазго «для установления религии и мира и освобождения всех угнетенных от тяжелой ноши, взваленной на них в дни минувшие».

Священники ходили по улицам Эдинбурга с мрачными лицами. Дэвид столкнулся с мистером Мёрхедом, строго спросившим у него, что он делает в городе.

— Я приехал хоронить отца, — объяснил он.

— У него была легкая смерть, ежели умер он в пору надежд и ожиданий, а не ныне, когда Господь изливает свой гнев на несчастную страну, — сказал аллерский пастор.

Эти слова повторялись, подобно паролю, среди всей священнической братии, и Дэвид ответил на них с подобающей серьезностью, хотя в сердце его не было великой печали. Он помнил лицо калидонского стремянного и пытался представить, как Монтроз выглядит теперь, в пору триумфа. Он не сомневался, что не найдет в нем гордыни... Пришли вести, что маркиз уже у Крэнстоуна и скоро доберется по течению Галы до Границы. На какое-то мгновение Дэвида охватило безумное желание следовать за ним, быть с ним рядом, ибо надеялся он, что все опасения и колебания уйдут, как только он еще раз поговорит с Монтрозом.

Наконец он отбыл домой, и под рябинами Карлопских утесов прочитал печатный листок, что раздавали на улицах Эдинбурга: многие, получив его, тут же в гневе разрывали бумагу, но были и те, кто хранил его и размышлял над написанным. То был манифест Монтроза, изданный им в лагере под Босуэллом, где четко обозначались его цели. Там звучали те же слова, что стремянный произносил ночью в Калидоне. Аристократы покусились на «свободу подданных и законную власть», Церковь обманом заставила народ слепо подчиняться себе, что гораздо хуже, чем Папство. Он писал, что встал на защиту чистой веры, «за возрождение коей ратовали наши первые реформаторы», выступил за Короля и установление центральной власти, за простых людей и «освобождение нашей нации от рабского гнета». Он обличал малодушных, «не способных на поступки во имя Господне». Он отрицал, что виновен в кровопролитии, ибо «не пролил ни капли крови невинных, карая лишь тех, кто

послан проливать нашу кровь и отнимать наши жизни». В заключение он говорил о чудесах веры: «То, что ныне происходит в стране, имеет много схожего с деяниями Господними: горстка праведных одерживает верх над многими». Дэвид читал и слышал знакомый голос, эхом доносящийся из памяти. Неужели этот человек — проклинаемый Церковью мерзкий амаликитянин? Душа Дэвида разрывалась, когда он вопрошал себя, на чьей стороне истинный Бог, если вера этого человека не менее горяча, чем вера аллерского пастора?

Изобел встретила хозяина с благоговением и скорбью, какие напускают на себя шотландские крестьяне по случаю смерти.

— Вот и все, сэр. Весточки из Эмбро до нас дошли, но не ждала я вас так раненько, разумела, хлопот у вас по горло со всеми этими законниками... Отправилась душа его на небо, знамо дело, неужто пережить старику таковский жуткий мор? Всем сия участь уготована, и тому легче предстать пред ликом Господним, кто успел позаботиться о земном, а уж ваш батюшка, рассказывают, славно все содеял. Наследовать, кроме вас, и некому, мистер Дэвид?.. Срам-то какой, говорю о стяжании в столь горестное время. Батюшка есть батюшка, хыч и прожил он три раза по двадцать да еще десяток годков из отпущенного нам векованья.

— Умер он, как и жил, Изобел, простым, но верным христианином. По-моему, он был рад, что поселился я на земле наших предков.

— Таковским он и был, честным человеком. Да и деда вашего токмо добрым словом помянуть могу: была я девчушкой, вечно он мне гостинчики совал. Но тревожусь я за вас, мистер Дэвид, страшусь я, как бы и вы не приболели от таковского мора. Глянешь — свеж да румян, а в жилах давно лихоманка колобродит. Испейте-ка вот брыдкого отвару, сэр, матушка моя кровь им чистила: то пахта, кипяченая с кислицею.

Дэвид спросил, что творится в приходе.

— В Вудили! — воскликнула Изобел. — Ежели Эмбро бурлит, то пасторат наш колотит. Последнюю неделю токмо и

слыхать о войне да бедах. Ведаете вы, как Монтроз попирает нашу древнюю Землю обетованную, а нынче тот Антихрист самолично подходит к нашим водам. Угу, стоит со своими идумеями лагерем у Йерроу, в милях двадцати за холмами, жданный-званный, аки снег посередь сентября. Девки с парнями с выпасов убежали, зане граф Дуглас — погуби его лихоманка! — с ретивыми конниками ринулися прочь от Клайда, аки воронье в чернотроп. Ни нам, ни животине носа казать из дому невозможно; народ ездит токмо скопом; сказывают, Амос Ритчи со своим ружьем призван охранять боулдского пастора на пути в Аллерский приход. Детяток всех в домах позапирали, а Джонни Дау с товаром боле не ходок — ужо три дня как засел в «Счастливой запруде». Вся работа в Вудили встала, у всех руки опустилися: живем собачьей жизнью, в праздности да в голоде.

— Но сам приход не пострадал?

— Покуда нет, токмо намеренни драгуны Дугласа забрали у Ричи Смэйла валуха, зажарили да сожрали в Красной лощине. Чаша гнева Господня может пролиться во всякий час... Что помешает Монтрозу прийти и нас ограбить? Надобны его воинам мясо да пиво, а Вудили-то тута, за Йерроускими холмами. Да и Калидон близёхонько, и дошли до меня слухи, что наш колченогий старик лэрд, коему бы пора о погосте помышлять, командует безбожниками, и он да его треклятый Тэм Пёрвз свирепствуют, аки львы рьяные. Эх, сэр, забросило наш добронравный народ в самое пекло, и теперича доля наша либо сгореть дотла, либо выйти из пламени преображенными, аки чистое золото... Да что ж я это разболталася — вам трапезничать пора! Токмо на стол поставить особо нечего: закрома почитай пусты, курей всех поели.

В тот вечер Дэвид долго просидел в кабинете. Было шестнадцатое сентября, и зной, столь благоприятный для распространения чумы, к осени стал только хуже. Пастор вернулся от смертного одра отца, обуреваемый теми же чувствами, что наполняли его, когда он впервые перешел порог своего нового жилища. Государственная смута мало трогала его, ему было не так важно, главенствует Церковь или Король, потому что он по-прежнему не понимал, на чьей

стороне правда. Ему мучительно хотелось мира и возвращения к своим прямым обязанностям: забота о Вудили грузом лежала у него на сердце. Злодеяния, против которых восставала его душа, виделись не только ужасными, но и вызывающими сочувствие — ему выпало противостоять жестокому соблазну Сатаны, не забывая о жалости к поддавшимся этому соблазну. Его переполняла любовь к ближним, и с этим новым добрым чувством пришла надежда. Он не мог проиграть битву, ибо Бог не бросит в беде малых и сирых.

Не забыл ли он в своем крестовом походе, что был еще и священником? Тут взгляд Дэвида остановился на книгах, к которым ему почти не удалось прикоснуться в летнюю пору. Что же стало с великим трудом Семпилла об Исае? Он открыл свои записи и на какое-то время погрузился в счастливое чтение... День выдался длинный, жара измотала — Дэвид принялся клевать носом, затем уткнулся лицом в руку и провалился в сон.

Он проснулся от шума под окном. Дом пастора стоял в дальнем южном конце церковного двора, за киркой, и ближайшее жилье, хижина звонаря Робба, находилось на расстоянии полета выпущенной из лука стрелы. На западе лежал кустистый косогор Оленьего холма, на востоке — речная пойма и холм Виндивэйз, на юге — необработанные луга с дорогой, уводящей в Лес. Как любила говаривать Изобел, жили они на отшибе, и мало кто заходил сюда ночью, даже бредущие по большаку странники не приближались к ним и на полмили.

Окно кабинета выходило в сад, и Дэвиду слышалось, будто кто-то тихонько стучится в заднюю дверь. Пастор, в полудреме, взял свечу и спустился по лестнице. Изобел ничего не слышала — из шкафа-кровати за кухонькой раздавался негромкий храп... В дверь опять постучали, гораздо настойчивее. Дэвид с опаской отпер, пытаясь убедить себя, что кто-то в приходе при смерти, поэтому послали за ним.

Луны не было видно, землю покрывал густой осенний туман, и из него, как корабли над водой, поднимались огромные фигуры — всадники, понял Дэвид. Один из них, сидя на коне, вел остальных лошадей на поводу, второй, спе-

шившись, поддерживал третьего, вероятно, падавшего от усталости.

Дэвид приподнял свечу и смог рассмотреть стоящего. Кожа его потемнела от солнца, но еще темнее были круги под утомленными глазами; некогда богатое платье испачкалось и истрепалось; одна рука была перевязана окровавленным платком.

— Я говорю с пастором прихода Вудили? — спросил человек, и с первого слова Дэвид узнал его: весь долгий год этот голос звучал в его памяти.

— Да, я священник, — последовал ответ. — Чем могу быть полезен милорду маркизу?

Лицо озарилось улыбкой и на какой-то миг показалось веселым, несмотря на тревогу в глазах.

— Вы не забыли меня? Я тоже вас не забыл и потому прибыл сюда в минуту горькой нужды в поисках милосердия. Я не сомневаюсь, вы на другой стороне, но в то же время знаю, что вы преданный слуга Христа, обычаем коего было помогать и врагам. Не приютите ли моего раненого товарища, тем самым спасая жизнь тому, с кем беседовали год назад в Калидоне?

— Это всего лишь бедный дом священника, милорд. Почему вы пришли сюда, тогда как до замка рукой подать?

— Увы! В Калидоне не найти пристанища ни мне, ни моим людям. Знайте, сэр, моя армия потерпела поражение¹ в холмах Йерроу, мы разбиты наголову. Не успеет рассвети, как солдаты Лесли постучат в ворота Калидона. Я бежал, и не будет мне покоя, пока не пересеку Границу. Но один мой товарищ изранен и сломал ногу, он больше не может продолжать путь верхом. Если мы возьмем его с собой, придется идти медленнее — и нас нагонят. Но где мне ос-

¹ Ркць идет о битве при Филиппхоу (13 сентября 1645 г.) — решающем сражении Гражданской войны в Шотландии. Победа армии парламента во главе с Дэвидом Лесли над войсками шотландских роялистов Джеймса Грэма, 1-го маркиза Монтроза, обеспечила торжество ковенантского движения и способствовала окончательному краху роялистов в Английской революции XVII в.

тавить его: я во враждебной земле, а будь этот честный малый схвачен, не миновать ему виселицы. Вот я и подумал, что вы здесь священник, сердце ваше не очерствело, а ваш дом — единственное место, которое не станут обыскивать. Не укроете ли вы его, не спрячете до поры, пока погоня не утихнет? А потом он позаботится о себе сам, недаром прошел столько войн.

— Он не творил зла?..

— Не более, чем я. Он поднимал меч лишь за правое дело, грубо поправное сегодня. Но, сэр, речь идет не о политике, а о сострадании. Ради милости Христовой, умоляю вас не отказывать.

— Это тяжкое бремя, милорд, но я не могу сказать вам нет.

Дэвид принял на себя вес тела раненого, и Монтроз отступил на шаг.

— Прощай, Марк, — прошептал он. — Правое дело поправно, но еще живет, старый мой дружище. Ты знаешь, как получить вести обо мне. — Он поцеловал товарища в щеку и пожал руку Дэвиду.

— Да благословит и вознаградит вас Господь, сэр. Я не смею мешкать. Мы заберем его коня с собой, иначе он привлечет внимание к вашему стойлу. Не поминайте меня лишом, что бы со мной ни случилось, я тоже с теплотой буду вспоминать о вас и молиться об одиноком страннике, стоящем в начале долгого пути.

И всадники скрылись в тумане. Дэвид застыл на месте, всем сердцем мечтая окликнуть, вернуть маркиза. Голос и лицо ночного гостя десятикратно усилили преследовавшее его со времени визита в Калидон желание быть рядом с ним. Он пришел завоевателем, а теперь бежал прочь, но земные тяготы не имели значения для такого человека. Эти невозмутимые глаза с одинаковым спокойствием смотрели в лицо победы и поражения.

Он очнулся от того, что раненый зашатался, и понял, что солдат потерял сознание. Дэвид поволок его по крутым ступеням, прислушиваясь к раскатистому храпу Изобел, и уложил в гостевой спальне. Кровать оказалась незастелен-

ной, и стало ясно, что придется разбудить служанку. Опустив голову раненого на подушку, Дэвид поднес свечу к его лицу. Оно было запачкано пылью, порохом и кровью, но он узнал эти черты: перед ним лежал высокий кавалерист с косящим глазом, которого он когда-то провожал до Калидона.

Дэвид отправился на кухню и забарабанил в дверь спального шкафа, пытаясь разбудить Изобел. Храп затих, и испуганный и сдавленный голос спросил, в чем дело.

— Вставай, женщина, — приказал Дэвид. — У нас больной, нуждающийся в твоей помощи.

Три минуты спустя, кутаясь в шаль, появилась Изобел в ночном чепце.

— Бог с вами, мистер Дэвид, не вы ли прихворали? — завывала она. — Мне уже днем не понравилось, как вы выгля...

Он перебил ее:

— Мой товарищ попал в беду. Сломал ногу, но, по-моему, не только. Слушай, Изобел... Это один из солдат Монтроза. Армия Монтроза потерпела поражение. Если ковенанторы обнаружат его здесь, его убьют. Это мой друг, и я хочу спасти его. Нам с тобой надо позаботиться о нем, но то, что он здесь, должно оставаться тайной.

— Господи, спаси и сохрани! То ж злодей! — воскликнула старуха.

— И мой друг, — сурово повторил Дэвид. — Я думаю, что наша, и твоя тоже, христианская обязанность — спасти его жизнь. Не нам с тобой гнать больных прочь. Я взываю ко всему доброму в тебе и ко всему тому, что мы пережили вместе, и надеюсь, мольбы мои не напрасны.

— Будь по-вашему, — ответила Изобел. — Хворый-то где? Ступайте, я принесу одеяла и подушки, уже полгода как постель не стелилася.

Изобел отпрянула, увидев на кровати человека в куртке из стеганой парчи, легкой кирасе и сильно потертых и потрепанных сапогах из недубленой кожи.

— Проклятый идумей, — сказала она. — Токмо гляньте на длинные лохмы да смертоносный меч, весь, ведомо, в пятнах крови праведников. Ваш друг, молвите, сэр? Ну, хажи-

вал он, зрю я, не Господними тропами; не было б его промеж монтрозовского воронья, был бы целёхонек... Но горемыка-то в забытьи! Поспешите, сэр, стянем с него сие платье вавилонское да латы — что ж они за одежей к кузнецу идут, а не к шведу? И меч его под ложем скройте, а то глянуть боязно.

Пока они снимали с него куртку и доспех, раненый начал приходить в себя, а когда дело дошло до коротких штанов, громко застонал. Они решили оставить их на нем и только разрезали сапог на сломанной ноге. Из голени торчала кость, и Изабел, умевшая обращаться с переломами, вправила ее и соорудила лубок из старых бочарных клепок. Затем они осмотрели тело, но ничего опасного не увидели; солдат разве что страдал от крайнего переутомления. Его плечо было пронзено копьем, и Изабел промыла рану и наложила повязку. Еще в кирасу попала пуля, и на груди остался огромный синяк. Когда с лица смыли грязь и кровь, кавалерист наконец нашел в себе силы заговорить.

— Вы пастор? — спросил он. — Видите, покалечился я, сэр, — упал в чортов ров у Минчмура, и вам наверняка пожелается поскорей сбыть сей товар с рук. Хорошая выпивка и шесть часов сна поставят меня на ноги, и я отправлюсь в путь. Вот погодите до следующей ночи, и я больше вас не беспокою.

— Вы не сможете ходить по меньшей мере неделю. Отдыхайте здесь и не тревожьтесь. Вы в доме друга.

Раненый был старым солдатом и умел принимать жизнь такой, как она есть. Проглотив чашку размазни, сдобренной виски, он повернулся на бок и заснул. Дэвид с Изабел спустились на кухню и, поставив свечу на стол, с тревогой посмотрели друг на друга.

— Надо сжечь одежду, — сказал Дэвид.

— Ну нет. Я ее свяжу в узел и спрячу в стойле. Ткань велими славная, ее токмо простирнуть надобно. Сэр, попали мы так попали! Кто б мог гадать, что случится то в пасторском доме!

— Мы поступаем милосердно.

— Кое-кто назовет сие иначе. Пойдет молва, бежал, мол, с поля праведной битвы, ослаб духом, сбился с пути. Страшуся мысли о том, что скажет боулдский пастор, для него сие не есть милосердие. Ужо он станет ратовать за спасение бедолаги, аки Иаиль, жена Хевера-кенейнина, ратовала за спасение Сисары¹.

— Я не потерплю злодейства, оскорбляющего как человеческое сострадание, так и закон Христа.

— Ой, сострадание. Да благословит Господь уста, произносящие таковское слово, сэр. — В глазах Изобел промелькнула искра.

— Я должен следовать зову совести. Но я не принуждаю тебя. Если это тебе не по душе, я прямо сейчас, пока не рассвело, отвезу раненого в Гриншил...

— Славно похромаете. Жаждающие отмщения воины во всякий час могут постучать Ричи в двери, а в его хижине и мышь не утаить. Ну уж нет, я от долга своего не отступаю, мистер Дэвид. Ни одна баба, молодуха иль старуха, не обидит солдатика, окромя разве той стервы Иаиль, коя, может, и своему мужику жизни не давала. Да и парень наверху навроде благоприличный, пуцай и крив левым оком. Я уступлю вашей просьбе, сэр, да не ляжет долг грехом на мою душу.

— Мы сможем скрывать его от всех?

— Дело немудреное. Да и народ в Вудили наш дом нынче сторонкой обходит. Боязно им, как бы вы на них свой гнев не оборотили.

— А если солдаты Лесли захотят обыскать нас?

— Я ужо им обыщу! Накинуся на них, аки сарыч на курей. Изобел Вейтч научит безбожных олухов уважать дом служителя Господа. А ежели кто и осмелится нос сунуть, сэр, врите аки сивый мерин. Можете заставить их поспешать да услать в погоню за Клайд, а может, и греха прямой лжи брать на душу не придется.

¹ Иаиль — женщина из кочевого племени кенитов. Сисара, вождь хананейского войска, после поражения от израильтян бежал и спрятался в шатре Иаили. Когда он заснул, Иаиль убила его.

— Если будет надо, не убоюсь я и лживого слова ради богоугодного милосердия.

— Вот и славно, сэр. — Изобел одобрительно улыбнулась ему, и этот тайный сговор окончательно растопил лед между служанкой и хозяином. — А вы не токмо пастор, но и добрый человек, чего не скажешь обо всех сидящих в Пресвитерии.

— Однако мне пора наверх.

— Отправляйтесь-ка к себе в постель да выспитесь хорошенько. К чему торопиться, раз он ходить не может. Как говаривала моя матушка, спешка хороша токмо при ловле блох... Пойду пригляжу что-нибудь из вашей старой одежды, ведь ежели не снять с него дорогое платье и не одеть в домашнее, будут подозрения.

Глава 13

БЕЛАЯ МАГИЯ

Человек наверху проспал двенадцать часов и, проснувшись, громко потребовал еды. Изобел сообщила, что ему гораздо лучше, а колотая рана на плече всего лишь царапина: «Ежели не глядеть на ногу, так он здоровее нас с вами, к тому ж голоден аки волк. Видали б вы, как он набросился на мои лепешки. А теперича вас кличет, у него, ясно дело, много чего в душе накопилось». Служанка пребывала в отличном настроении, и по сморщенному личику блуждала заговорщицкая улыбка: дружба восстановлена, у них с хозяином общая тайна.

Дэвид увидел, что гость одет в его старую ночную сорочку и на небритых щеках играет здоровый румянец. Кавалерист попросил принести бритву и ножницы. Изобел подстригла ему волосы, он сам избавился от трехдневной щетины, и вскоре на подушке возлежала голова истинного аристократа. Загорелое лицо с высокими скулами, орлиный нос и длинный острый подбородок не могли принадлежать простому солдату, а по морщинам вокруг рта и глаз можно было, как по книге, прочесть, что этот человек умудрен жизненным опытом. Карие глаза бегали и искрились весельем, и косой левый глаз не портил впечатления, а, наоборот, говорил о невероятной отваге и решимости. Перед пастором лежал человек, повидавший мир и не знающий страха.

— Ввалил я на вас тяжкий груз, мистер Семпилл, — громко заговорил он, — но вы воистину добрый самаритянин. Это милорд подумал, что можно положиться на ваше милосердие, хотя, скажу вам, не пристало кавалеру¹ искать прибежища в доме священника, но ныне куда только Марка Керра ни заносит. Вот как-то в Силезии... Ладно, не время

¹ Кавалеры — прозвание роялистов времен Английской революции.

для солдатских баек. Пожелается вам, чтоб я убрался отсюда, как только смогу на ногу встать, и я буду рад угодить вам. Старушка ваша, мой лекарь-хирург, говорит, нога славно подживет, так что не пройдет и недели, как похромаю прочь.

— То будет путь в пекло, — сказал Дэвид. — Если остатки армии Монтроза скрываются в холмах, за ними начнется такая охота, что будут обыскивать все подряд.

— Это так. Я не отрицаю, что в этих краях таким, как я, не поздоровится. Вам бы лучше закопать или сжечь то, что на мне было вчера, и если вы одолжите мне пару крестьянских штанов да старый кафтан, уйду я с легким сердцем.

— Вы направитесь к морю, а потом за границу?

— Только не я. Вот на побережье они меня искать и начнут — мудрец, попавший в беду, идет туда, где его не ожидают. Думаю, послуняюсь по округе. Наденьте на меня шерстяную куртку, и сам Дэйви Лесли не заподозрит, что пред ним Марк Керр, кавалер и джентльмен из отряда Маккея, а не деревенский простофиля, ничего в жизни, кроме овец да скотины, не зривший. Может, и в вашу паству войду, мистер Семпилл. Подумываю обосноваться в Кроссбаскете.

Дэвид пораженно уставился на него:

— С ума сошли?

— Ничуть. Просто изворотлив, как всякий солдат, воевавший в Саксонии. Мое ремесло учит думать наперед, ежели шкура дорога. Я давно помышлял о подобной эскападе, с того самого нашего путешествия на север год назад, и вот тогда я перемолвился словечком с Николасом Хокшоу о том, что если какой косоглазый крестьянин с берегов Тевiota начнет вдруг подыскивать себе участок в Кроссбаскете, у юристов из Эдинбурга кое-что для него найдется. Мы с Николасом схожи — и он знал заранее, что наши победы на севере как золото фей: вот оно блестит пред тобой, а вот в горсти одна лишь листва.

— Где лэрд Калидона?

— Судьба оказалась милосердна к нему: он приболел, и мы оставили его в Линлитгоу, и Николас — беспокойная его душенька — сразу нанял в Борроустуннесе лодку и ныне, без сомнения, плывет вниз по Форту в поисках пристани-

ща. Его объявят мятежником, как и многих благородных шотландцев, и его имущество, возможно, пойдет с торгов. Слава Богу, мне терять нечего: я младший сын, и все мое наследство — это меч.

— Месяц назад, — сказал Дэвид, — Монтроз владел всей Шотландией. Вот вы говорите, все было утрачено в одной-единственной битве, при этом и вы, и ваши товарищи были совершенно уверены, что потерпите в ней поражение. Ответьте, как он мог побеждать, если его окружали столь малодушные соратники?

— Я бы не стал говорить о малодушии. Мы побеждали, ибо Джеймс Грэм — величайший полководец со времен кончины Густава и его дух горяч, как чистое пламя. Но он не знал эту страну так, как знали мы с Николасом. Целый год он творил чудеса, и их не объяснить ни здравым смыслом, ни предвидением, но чудеса имеют жуткую особенность — заканчиваются, когда в них нуждаешься больше всего... Прошел лишь год с тех пор, как в Тейсайде появились наша троица: Монтроз, Инчбреки и я — вот и вся армия Короля на тот момент. Но Провидение вело нас, и в пустошах Атоллы к нам присоединился Аласдер Макдональд; так у нас за спиной появилось хоть какое-то войско... В вас течет кровь горцев, мистер Семпилл? Нет? Ну, это очень хорошая кровь, хоть и схожа она с речками Нагорья: либо высыхает до дна, либо бушует, не ведая берегов. Славно иметь таких воинов в бою, но в долгом походе на них нельзя положиться, если вы меня понимаете, и то, что Джеймсу удалось держать их на привязи, пока он воевал с Аргайлом, и с Бейли, и с Харри и ставил Церковь и графства на колени, является доказательством его гения, столь же блистательного, как гений Густава. Но покорить Шотландию и удержать ее — нет! — никогда Северу Шотландии не удавалось покорить Юг надолго: положились мы на поддержку южан, а она что гнилой ивовый прут. Милорд обманывал себя, но не мое дело открывать ему глаза, хоть и заметил я много дурных знаков. Посему держали мы с Николасом мысли в тайне, ведь не умирала в нас надежда, что вера, уже покорившая холмы, сможет сдвинуть горы. Но говорю вам, сэр,

пока шли мы к Границе, не покидало меня предчувствие беды, черное, как грозовая туча.

— Разве не было у вас той же армии, что победила при Килсайте?

— От нее не осталось и трети. Там, в холмах Босуэлла, растаяла она, как сугроб по весне. Макдональд, успевший стать сэром Аласдером и генерал-капитаном, отчего нос его задрался выше крыш, забрал почти всех своих ирландцев и двинулся в Аргайл сводить старые счета с кланом Кэмпбеллов¹. Гордоны² захандрили — чума на их опущенные головы! — и лорд Эбойн в гневе умчался прочь на своем скакуне. Джеймс надеялся, что южане восстанут, ведь, говорил он, народ, за который я сражаюсь, устал от тирании жадных лэрдов и заносчивых святош. Если так, то народ слишком устал, чтобы действовать. Да что взять с тех, кто пресмыкается пред Церковью, самовольно заявившей, что ключи от Небес и Ада в ее руках?.. Если в моих словах вам слышится богохульство, сэр, простите сломленного человека, раскрывшего вам душу и не умеющего подбирать слова... К тому же были нам ирландцы как жернов на шее, и что проку поминать, что когда-то они пригодились Манро³ в достижении праведной цели? Для шотландских пастухов и землепашцев ирландцы так и остались проклятыми дикаря-

¹ В конце 1644 года Аласдер убедил Монтроза направить свою армию в Аргайл, и на протяжении нескольких последующих месяцев солдаты Макколлы занимались грабежами земель Кэмпбеллов, мародерствуя и убивая членов враждебного клана. По некоторым оценкам было убито более 800 человек, в основном мирных жителей. Так,, известен один эпизод, названный позднее «Амбар костей», когда по приказу Аласдера Макдональда был сожжен амбар, плотно набитый людьми из клана Кэмпбелл (включая женщин и детей). За эти действия Макколлы маркиз Аргайл, он же Арчибальд Кэмпбелл, казнил его отца, все еще находившегося в плену.

² Джордж Гордон (1592-1649), 7-й граф и 2-й маркиз Хантли, 2-й граф Энзи и виконт Инвернесс (с 1636 г.) — шотландский барон из рода Гордонов.

³ Роберт Манро, или Черный Барон (?-1680) — командующий армией ковенантеров, подавлявшей восстание католиков в Ирландии.

ми, и тот, на чьей стороне они сражались, с самого начала был обречен. Сыны Саруии¹ были нам не по зубам.

— Это правда, что они воевали как настоящие варвары? — спросил Дэвид.

— Как сказать. Я не отрицаю, это дикий народ, но они, в отличие от вашей Церкви, не вошли во вкус и не убивают хладнокровно. То, что творилось в Метвенском лесу, хуже всякого Абердина²: Дэйви Лесли отпускал бедолагам грехи скорее, чем они — Кэмпбеллам в Лорне и Лохабере... Но оставим это, ведь не было пока на свете армии, не обвинявшей противника в дикости и жестокости; да один слух об ирландцах в нашем войске заставлял южан таиться за семью замками. Мы рассчитывали на кое-кого из дворян: на лорда Хоума, нашего кузена Роксбурга, на хитрого лиса Траквера³. Джеймс слишком полагался на их обещания, но я не доверяю знати, и мои опасения, к сожалению, оправдались, ибо где были эти господа, когда мы двигались к Тевияоту? В лагере Лесли. Они выдавали себя за пленных. Как же! Я-то отлично знал, что они сдались добровольно.

— Что произошло на поле боя?

По лицу солдата прокатилась волна боли.

— Честно говоря, боем там не пахло, были лишь внезапное нападение и беспорядочное бегство. Мы стояли лагерем у подошвы Йерроуских холмов, но как раз собирались сниматься и следовать на запад, в сторону земель Дугласа, ибо знали, Дэйви Лесли на подходе. Но нам подсунули ложные сведения — это Траквер постарался, эх, однажды я вспорю ему брюхо. Но больше всех я корю себя, старого вояку, прошедшего войны в Германии и так охотно позволив-

¹ Саруия — сестра Давида, сыновья которой сражались в его армии.

² Во время сражения в Метвенском лесу от отступающей армии Монтроза отбился отряд ирландцев и был с особой жестокостью умерщвлен солдатами Дэвида Лесли. В 1644 г. Абердин был завоеван и почти полностью разграблен и разрушен роялистами.

³ Джон Стюарт (?-1659), 1-й граф Траквер — шотландский государственный деятель, участник ковенантского движения и лорд-казначей Шотландии в 1636-1641 гг.

шего обмануть себя. Надо же мне было столь легкомысленно подойти к расстановке дозоров... В утреннем тумане Дэйви Лесли атаковал нас, и все эти дугласские пахари рассыпались, как горох. Остались лишь пять сотен ирландцев О'Кина и сотня кавалеристов Огилви, и мы три часа сдерживали шеститысячную армию Дэйви. Но у нас были лишь останки войска, да и те не из лучших, к тому же животы наши сводило от голода. Бедняги, они храбро сражались, бились так, как никто другой, а я повидал немало войн, но что с того?.. Не могу я больше об этом рассказывать, хоть мне и не суждено забыть такое.

Он вздохнул и на какое-то мгновение показался очень старым и усталым.

— Ладно, продолжим, сэр, — сказал он. — Последствия таковы: храбрейшее из шотландских сердец сейчас, хвала Господу, на пути на север, рискованный поход завершен, а я, увечный, прячусь тут, обретя прибежище у милосердного неприятеля. Если укрывать меня противно вашей совети, сэр, только скажите — и я похромаю прочь нынче ночью. Вы дали мне хлеб, как добрый христианин, терпели, пока я спал под вашей крышей, но вам не обязательно помогать покалеченному роялисту и дальше.

— Когда дело касается поддержки раненого и спасения человеческой жизни, совесть моя спокойна. И я до сих пор не понял сути расхождения Монтроза и Церкви и не стану задумываться об этом. Мне будет достаточно вашего слова, что если вы выйдете из всего этого живым, то никогда больше не поднимете свой меч в Шотландии. Я же, в свою очередь, обязан следовать долгу.

— Я дам вам слово. Марк Керр перекует меч на орало. Как сказано в Писании? «И заговорит он только о скоте», — хотя теперь, упомянув это, понимаю, то слова из книги, которую у вас принято считать апокрифической и которую никто не ценит... Я не из тех, кто любит поваляться в кровати. Нет ли у вас какой книги, что поможет мне скоротать время? Любой, но не богословской: за последние месяцы, сражаясь с церковниками, я разочаровался в религии.

Дэвид дал ему книгу, не вызвавшую возражений, а сам отправился в Вудили. В деревне был праздник, все женщины вышли из домов на крыльцо. Несколько солдат, пивших пиво в «Счастливой запруде», поприветствовали священника. Во взглядах поселян читались облегчение и радость, они дружелюбно смотрели на пастора, позабыв о том, что было на Ламмас, и об отмененных церковных службах, ведь он стал представителем победившей стороны.

Питер Пеннекук, расположившийся на большом камне возле кузницы, громогласно рассуждал о последних событиях. Он надувал щеки, а голос срывался от чувства гордости: «Что ж вы спрятались в своем шатре, мистер Семпилл, в сей победный час? Сказывают, мистер Эбенезер из Боулда вскочил на коня и умчался с отрядом преследовать отступающих богохульников. Ага, как и Чейсхоуп с Майрхоупом, ибо сама святая земля помогла одолеть злодеев, подобно тому, как пески Красного моря погребли под собою колесницы фараона. Наш генерал Лесли твердо стоит за правое дело. Ходит молва, что в Йерроуских холмах его мушкетеры расстреливали ирландцев прям строем и падали они в вырытые рядом могилы, а опосля приказал он переловить их баб и детяток, сбежавших в горы, дабы схватить их, аки дочерей Хеттейских и выроdkов Вавилонских, и свершить над ними скорый суд. Ох, сэр, Господь озарил нас благодатью и чудесным образом отмстил за все наши муки... Пора б объявить пост и восславить Бога, вознося молитвы».

Пока Дэвид обедал, в голове бушевали сомнения: если поиски мятежников по окрестностям будут столь тщательны, то вряд ли никто не обратит свой взор на пастырский дом. Но Изобел убеждала, что он не прав: «Не осмелятся они вломиться сюды, а ежели кто и сунется, не пушу далее ворот». Днем он отправился прогуляться в сторону Гриншила, потому что по дороге туда открывался вид на Калидонский замок. Веяло осенним морозцем, горизонт окутала фиолетовая дымка, вереск увял, папоротник пожелтел, рябины оделись в алое, поля в долине золотились, а не зеленели. Дэвид, в ушах которого все еще звенел злорадный

голос Питера Пеннекука, всюду чувствовал запах смерти.

В Гриншиле он столкнулся со смертью лицом к лицу. У торфяника за хижиной на конях восседали шесть всадников и смотрели на кого-то на земле. Все были в подпитии и напоминали собачью свору, загнавшую в угол кота: глядели озадаченно, злобно и нерешительно. Дэвид поспешил к ним, и они расступились с несколько пристыженным видом. Перед ними лежала изможденная грязная женщина в разорванном платье, волосы ее спутались в колтуны, босые ноги кровоточили. Худое лицо было смертельно бледным, впалая грудь бешено вздымалась, на шее виднелась кровь. Перед ней на коленях стоял Ричи Смэйл, пытаясь влить молоко ей в рот. Но ее губы то смыкались, то размыкались от учащенного дыхания, и молоко проливалось. Потом рот ее свело в последней судороге.

Ричи поднял голову и увидел священника.

— С нею кончено, — сказал пастух. — Бедная-горемычная! Прибежала сюды, аки зайка загнанная. — Он обратился к солдатам: — Вам, парни, и стараться-то не потребовалось, дабы с голодной девчонкой управиться.

На грубых лицах всадников не было ни следа раскаяния.

— Ирландская с-сука, — икнул один. — Чего шум-то подымать заради грошовой бабенки?

— Святоша Тэм ее токмо кончиком сабли щекотнул, — сказал другой. — Таковский он затейник. А она как из гущины выскочит, токмо пятки засверкали. — Солдат схватился за бока и захохотал, вспоминая.

Смеялся он недолго, ибо Дэвид обрушился на него, как ураган. Подвыпившая солдатня даже протрезвела от проклятий, павших на их головы и пробравших их до кости. Он не оставил камня на камне от них как от мужчин, как от воинов, как от христиан.

— И это вы-то сражаетесь за дело Господне, — кричал он, — да вы хуже дикого зверья! Возвращайтесь в свой хлев, свиньи, и помните, что за каждый несправедный поступок воздастся вам от Бога тысячекратно. — Он вышел из себя, пылая от гнева. — Так и вижу вас всех на грядущем поле битвы, когда сменятся страдания телесные на вечные адс-

кие муки. Такие вы храбрецы: вашим командирам удалось одержать случайную победу после года поражений, когда гоняли вас по всей стране — и вот вы тешите мужское самолюбие, убивая незащищенных женщин.

Это не было благоразумной речью, и несколько произнесенных фраз пробились сквозь винные пары и заставили кавалеристов отступить. Будучи солдатами Лесли, они знали, какая власть стоит за черным церковным одеянием, и не смели противостоять священнику. Дэвид вернулся домой с бурей в душе, а там его встретила взволнованная Изабел.

— Ох, времечко наше жуткое, — простонала она. — Сказывали нам, что воины Монтроза порождения Велиала, но солдаты Лесли страшнее будут, то дьяволы во плоти. Горе нам, кровушка течет аки водица по берегам Аллера. С топей доходит ужасная молва о диких конниках и мертвых девах, ох, и о мертвых детятках, и о всех тех горемычных, кои связались с ирландцами. Неправильно то, сэр, невозможно отвечать войной на войну и душегубством на душегубство. Тот проклятый крестовик из Боулда скачет с солдатней и восхваляет Господа всякий раз, как гибнет какой-нибудь бедолага! А Чейсхоуп — пушай у него морда почернеет! — ведет солдатню по укромным уголкам-закоулкам, аки пес в погоне за пасюками! Добро бы за вооруженными мужчинами гонялись, так нет, аки Ииуй, внук Намессиев¹, сражаются с незащищенными бабами.

Дэвид спросил, не подходил ли кто к дому.

— Сама голову ломаю. Окрест снуют, а к нам ни ногой. Их тама тьма шныряет. Хуже, в деревне солдаты — десятеро, а того, кто верховодит, сержантом кличут; сидят они в «Счастливой запруде». Слыхала, как они тама злословят, покуда к кирке ходила, и ежели по их дурным языкам судить, то разницы никаковской — что Монтрозовы воины, что огорадители Ковенанта, все едино.

¹ Иегу (библ. *Ииуй*) — израильский царь, отличался особой жестокостью в борьбе с идолопоклонниками.

На следующий день оба встревожились еще больше. Приход наводнили солдаты, и среди них оказались те, кого Дэвид поносил в Гриншиле. Наверное, они рассказали о его сказанных сгоряча словах, потому что, когда Дэвид проходил мимо трактира, ему мрачно смотрели вслед. Более того, от Изобел он слышал, что основное войско Лесли движется в сторону Вудили и сам победоносный генерал останется в их деревне. И где же ему обосноваться, как не в доме пастора? В любой момент врагу может открыться, кто прячется в гостевой комнате священника.

К полудню Дэвид принял решение. Раненого надо любыми способами перевезти. Но куда? Калидон станет как проходной двор, кроме того, до него дошли вести, что на дороге выставят дозор на случай, если лэрд попытается укрыться в своих владениях... На холмах не затаишься, Риверсло обыщут в первую очередь, да и хозяин за стаканчиком не удержит язык за зубами... И тут Дэвида осенило. А как же Меланудригилл, в который и в добрые времена никто не пойдет? Надо обладать завидной храбростью, чтобы искать пристанища в его заколдованной чащобе, но Марку Керру смелости не занимать. Дэвид застал солдата равнодушно зевающим над томиком де Ту¹.

Керр лишь улыбнулся, услышав об опасности.

— Я мог бы сам догадаться, что скоро тут будут кишмя кишеть солдаты Лесли. Может, доведется мне с Дэйви рядышком поспать? По поводу веры мы вряд ли сойдемся, но не отрицаю, воин он достойный... Говорите, пора мне съезжать; так оно и есть, хотя вряд ли на каком постоялом дворе согласятся приютить такого, как я, человека, столь высоко ценимого недругами.

Дэвид рассказал о Меланудригилле, и Керр одобрил идею:

— Большой лес. Я слышал легенды о нем по всему течению реки, да только не верю я бабкиным побаскам... Говорите, там черное колдовство, сами его видели? Но мне

¹ Жак Огюст де Ту (1553-1617) — известный французский историк и государственный деятель.

никакой разницы. Страшусь я лишь одних чудодеев — тех, что идут строем в войске Дэйви Лесли. Подыщите мне лежанку в укрытии да оставьте немного поесть, чтоб дожил я до поправки, и будет мне покойно и в Меланудригилле, даже если все ведьмы Шотландии станут отплясывать вокруг меня под волынку Диявола.

Дэвид понимал, что увозить гостя надо сегодня ночью, но не знал, как это осуществить. Он не решался посвящать в тайну никого, включая Риверсло и Амоса Ритчи, ибо все в низовьях Шотландии ненавидели Монтроза. Они с Изобел могли сами попытаться препроводить роялиста в Лес: Изобел была крепкой старухой, — но имелось множество забот помимо этого: подготовить кров, принести еду, продумать, как навещать больного. От жителей Вудили помощи ждать не стоило.

Вдруг он вспомнил про Катрин Йестер.

Он очень долго не допускал подобной мысли. Ему не хотелось звать ее туда, где творилась скверна. Ему опять стало не по себе, и он в гневе отмел эту возможность... Однако в голове забрезжила новая идея. Лес — колыбель порока, но не станет ли сие место чище и не развеются ли его чары, если оно послужит доброй цели? Воображение нарисовало грубое, но честное лицо Марка Керра с искрящимся весельем взором, Дэвид представил, как солдат будет спать и трапезничать там, где проходили полуночные бесчинства, отчего зловещая *aura* чащи стала развеиваться... К своему удивлению, думая о Марке в лесу, он опять принялся представлять Катрин, но на сей раз это не казалось кощунством. Кавалерист сражался вместе с ее дядей... он служил тому же делу, коему присягнула и она... она женщина, она преисполнена сострадания... она его единственное спасение... Еще до наступления сумерек Дэвид направился в Калидон.

Он ожидал, что в замке будут войска, а возле него он увидит охрану, и заранее придумал связанное с пасторским делом, объясняющее его приход туда. Но внезапно обнаружил, что в Калидоне все довольно спокойно: у ворот, как всегда по вечерам, сутились люди, двери были нараспах-

ку, сама Катрин прогуливалась возле башни. Она радостно и удивленно поспешила навстречу Дэвиду.

— У вас здесь солдаты? — вполголоса спросил он.

Она кивнула в сторону дома, служившего когда-то сторожевой крепостью.

— Вон там, трое, пришли вчера ночью. Явились пьяные, приволокли на поводу двух измотанных женщин... Мы приняли их довольно радушно, чего не скажешь об их отношении к нам. Джок Доддз заманил их в Совиное Гнездо — мы так называем то место — и поил их аскебашем¹ и крепким элем, пока те не свалились на пол. Мы их заперли. Они час как проснулись и теперь беснуются там, но придется им кричать долго и громко, пока их голоса услышат: дверь в Совином Гнезде такая толстая, что и отряду не справиться.

— Но сюда прибудет сам Лесли. Придут еще войска, и как вы объясните, что взяли пленных?

Девушка весело рассмеялась.

— Доверьтесь тетушке Гризельде. Две одинокие дамы... к ним ворвались злобные и пьяные бандиты... как же таких не запереть... потом последует град подробностей и замечательная тирада о том, какой пример подают воины, сражающиеся за правое дело. Смело ставлю своего лучшего ястреба на то, что тетушка заболтает и генерала Лесли, и всю его свиту... Женщины на верхнем этаже; они больше напугались, чем пострадали. Бедняжки говорят только на гэльском, а у нас этого языка никто не знает.

Дэвид рассказал Катрин о ночном визите Монтроза и о том, что в его доме человек со сломанной ногой.

— Вы видели его? — прошептала она. — Вы видели лорда маркиза? Как он выглядел? Был усталым и печальным?

— Он выбился из сил, но на лице была не печаль. Оно пылало страстью, в огне которой сгорит любая слабость. Он мужественно смотрел в глаза опасности, хотя знал, что голова его уже на плахе.

— В этом весь он, и поэтому я не отчаиваюсь. Услышав о поражении, я не пролила ни слезинки... Кого он оставил

¹ Аскебаш — смешанное шотландское виски.

у вас?

— Высокого... Марка Керра... год назад он приходил к вам в замок. Тот, с косящим глазом.

— Но это же ближайший друг лорда маркиза, — воскликнула она. — Должно быть, дело серьезное, раз они расстались.

— Серьезнее, чем думается, — ответил он и рассказал Катрин о необходимости немедленно перепрятать гостя.

Девушка не удивилась, когда он заговорил о Лесе.

— Разве можно найти место укромнее? — сказала она.

— Вы осмелитесь пойти туда? — спросил он. — Без вашей помощи мне будет слишком тяжело. Признаюсь, от одной мысли, что мне придется ступить во мрак бора, у меня в горле застревает ком, и мне еще больнее от мысли, что я заставляю вас идти в это безбожное место. Но если мы хотим спасти Керра, придется действовать сообща. Его надо кормить, а из замка еду носить проще, чем из моего дома.

— Все правильно, так и надо. Я всей душой мечтала о настоящем деле, и вот оно у меня появилось. Я помогу вам, мистер Дэвид, мы начнем сегодня же ночью. Благо, месяц только нарождается... Но тете Гризельде ни слова. У меня есть ключи, и я могу входить и выходить, когда понадобится. Как только стемнеет и наши гости в Совином Гнезде угомонятся, навопившись до хрипоты, я попрошу Джока Доддза отнести кое-какие вещи в Рай.

Незадолго до полуночи, когда затих шум в «Счастливой запруде», а Дэвид после нескольких вылазок убедился, что вокруг никого, из пасторского дома вышли трое. Бывшего капитана армии Монтроза одели по-крестьянски — в штаны Дэвида и куртку, в былое время принадлежавшую мужу Изобел. Он довольно бодро ковылял, опираясь на грубо сколоченный костыль; по его словам, он освоил это искусство, когда бежал от людей Валленштейна, которые для пущей надежности сковывали пленных парами по ногам. Изобел, подобно верному псу, следила за дорогой, тогда как Дэвид поддерживал пошатывающегося спутника. Таким mannerом они миновали Олений холм и при свете звезд вышли на полянку, называемую Раем. Там они увидели сияю-

щий в лунном свете женский силуэт, отчего Изобел так перепугалась, что начала произносить не одобренные Церковью молитвы, но заклинать Добрый народец смиростивиться.

Керр попытался изобразить поклон.

— Госпожа Йестер, не в первый раз доводится мне искать пристанища у представительницы вашего рода, — сказал он. — Мне-то говорили, что я, как Робин Гуд, буду прятаться в чащобе, но любое густолесье превратится в дворец, если вы станете навещать меня.

— Ах, Йестер, — пробормотала Изобел себе под нос. — Младая хозяйка Калидона! Кто б мог ведать, что пастор сведет с ней знакомство? Ох, а она раскрасавица! — И старушка принялась отвешивать реверансы.

Распоряжалась всем Катрин:

— В этих тюках белье и еда. Берите их, сэр, а я поведу капитана Керра. У меня с собой фонарь, с ним будет удобнее идти сквозь бор, чем с вашей свечкой, мистер Дэвид. Ну, нам предстоит веселое приключение.

Чувство общности, присутствие Катрин и солдата, цель похода и, в первую очередь, забавное поведение Изобел, в чьей душе боролись непреодолимый страх перед Лесом, преданность хозяину и желание все разузнать про девушку, позволили Дэвиду избавиться от терзавшего его ужаса и сумели предать происходящему привкус праздника и веселья. Это настроение не угасало, пока они не добрались до границы сосняка и не вошли в бор; на душе по-прежнему было легко и тогда, когда, прокравшись вдоль подошвы утесов, они посмотрели вниз и в смутном свете фонаря разглядели призрачный белый камень на темной поляне. Девушка вывела их к сухой выемке под скалой, нависающей, как крыша; чуть дальше между камнями журчал ручей. Именно она, а не Изобел, соорудила из ветвей и лапника ложе, которое застелила принесенными с собой оленьими шкурами и пледами. Именно она, а не Дэвид, собрала хворост для утреннего костра и проверила, есть ли у Керра кремьень, кресало и трут. Она же разложила еду на скальной полке и сказала, когда принесет еще, присовокупив раз-

мышления о том, как будет запутывать следы во избежание подозрений. Наконец, именно она снабдила Керра пистолетом, пулями и порохом, взяв их, по всей видимости, у одного из запертых в башне солдат, и уложила его в постель, словно нянька — ребенка.

— Я прямо как барсук, приготовившийся к зимней спячке, — довольно сказал Керр. — Мне б еще трубку с табачком, но тут ничего не поделаешь — оставил я свой кисет в бою под Филиппо... Госпожа, вы сноровисты, как старый вояка. Кажется, что прошли вы не одну войну.

— Мужчины моего рода всю жизнь провели в походах, а женщинам оставалось только видеть их во сне, — ответила она и поцеловала его в лоб, пожелав спокойной ночи.

* * *

Дэвид Лесли прибыл в Вудили утром, но не задержался, в полдень отправившись в Ланарк. В отличие от него, армия не торопилась, и в пасторском доме заночевали три капитана, а хозяин спал на полу в кабинете. Эти трое выходцев из небогатых дворянских семейств Файфа оказались довольно любезны. Они поведали, что ранее сражались за морем и теперь, совсем как обычные наемники, служили под началом Тилли, немало не заботясь о причинах конфликта. Через два дня деревню покинул последний солдат, только в местах, подобных Калидонскому замку, остались небольшие отряды на случай, если туда в поисках прибежища придут сбежавшие роялисты.

Марк Керр уже неделю скрывался в чаще Меланудригилла. Все эти дни для Дэвида были подобны божественно прекрасному сну. Каждую ночь они с Катрин встречались в Раю и вдвоем относили раненому его пропитание: яйца, молоко, пиво из кладовой Калидона, пироги, испеченные тетей Гризельдой, и сыр, приготовленный Изобел. Чары

Леса больше не пугали священника. Он рассматривал его, как человек, очнувшийся от приснившегося кошмара, рассматривает спальню, не понимая, чего он так испугался. Его яростное желание искоренить язычников улеглось, ведь его гневная нетерпимость уходила корнями в страх перед Лесом и отвращение к собственной трусости. Сейчас в этом месте скрывался его друг, там он встречался с девушкой, которую любил, и тучи, давившие на сердце с той самой минуты, когда он увидел Лес с Оленьего холма, разошлись, открыв ясное небо. Люди могли ходить в Меланудригилл с нечестивыми помыслами, но сама земля была невинна, и Дэвиду стало стыдно, что когда-то он думал, что в этом честном лесу, воде и камнях таится врожденное зло.

Каждую ночь, в светлой сентябрьской дымке, окутывавшей сосны, как облака окутывают горы, когда лесной воздух наполнен зрелыми ароматами без привкуса распада, Дэвид и Катрин петляли по просекам и пробивались через орляк туда, где за скалою мерцал костерок, освещая прибежище Керра. Там они засиживались глубоко за полночь, слушая его байки и рассказывая о происходящем в долинах. Высоко над ними ухали совы, с болот доносились приглушенные крики бекасов. У Марка оказалось множество дел в Калидоне: за хозяйством Николаса Хокшоу, объявленного мятежником, было поручено следить, не без хитростей госпожи Гризельды, дружественному управляющему, к тому же Марк вел собственные переговоры относительно земли в Кроссбаскете, — и Катрин не уходила от него без письменных или устных поручений. Нога подживала, пришла пора позаботиться о его внешнем виде, и в Калидоне занялись шитьем. Как-то перед рассветом Керр наконец покинул укрытие. Серую куртку мужа Изобел сменил синий кафтан, а в четырех милях от Калидона, на Эдинбургском тракте, его поджидал Джок Доддз с лошадей.

В душе Дэвиду хотелось, чтобы нога раненого подольше не заживала и пребывание в Лесу продлилось: время летело со скоростью счастливого сновидения. Встречи с Катрин всегда казались ему благословением, но прогулки бок о бок с нею по темным зарослям и полночные посиделки приво-

дили его в восторг. Он больше не боялся Леса, но вместе со страхами исчезли все доводы рассудка, не позволявшие ему прикипать душой к девушке и забывать о своем долге перед паствой. С тех пор как он перестал соглашаться с представителями Церкви и начал тайком спасать ее врагов, его отношение к догматам изменилось. Он уже не считал нужным следовать правилам и был готов поддаться более древним инстинктам. Он перестал быть священником, превратившись во влюбленного мужчину.

Влюбленного — хотя ни он, ни Катрин ни словом не обмолвились о любви. Они были товарищами, школьниками, сбежавшими с уроков, детьми на субботней прогулке. Они дружили, и их отношения были столь же безмятежны, как у брата и сестры. Дэвид легко улавливал настроение Катрин и веселился вместе с ней, а когда она уходила, его переполняло обожание. Спал он или бодрствовал, перед его глазами всегда кружилась тонкая фигурка в зеленом платье. Он не строил планов и ничего не загадывал на будущее, а просто наслаждался первой ступенью любовной лихорадки, когда живешь одной лишь надеждой на новую встречу.

Увлеченный чувствами, он стал беспечным и не заметил того, что увидела Изобел. Его служанка, оживленная осознанием, что делает с хозяином одно, пусть незаконное и опасное, дело, и очарованная благородством и красотой Катрин, вела себя столь же беспокойно, как курица, вышедшая с выводком утят на берег пруда. Она суетилась и кудахтала, с нетерпением ожидая каждого возвращения Дэвида. «У нас что-то неладное дется, — как-то сказала она. — Как засиживаюсь до света, так и чудится мне, будто у дома кто-то крадется, тихохонько, аки лисица, токмо еще покашливает да позевывает, так что навряд то зверюга дикая. А намерни, токмо вы со двора, сэр, кто-то из-за березок шасть и айда за вами. Пряма аки смертушка по пятам». Дэвид развеял ее страхи, но в последнюю ночь, расставшись в Катрин в Раю, он по привычке проводил ее взглядом, и в призрачном лунном свете ему показалось, что кто-то движется недалеко от нее, прячась в зарослях папоротника. Он

добрался до кирки с первыми лучами солнца, и опять ему померещилось, что кто-то шуршит в кустах бузины, а затем с торфяной поленницы вдруг упал кусок торфа.

Глава 14

ОТВЕТНЫЙ УДАР

В ту ночь Дэвиду снилось, что кто-то следит за ним. На следующий день, когда воображение не было распалено предстоящими встречами с Катрин, к нему вернулась способность рассуждать и он понял, что его страх обоснован. Новое открытие Изобел подтвердило подозрения. Узел с одеждой Марка Керра сначала лежал в темноте за балками скошенного потолка в спальне Дэвида, но перед приходом войск Лесли Изобел решила перепрятать его, завернув в мешковину потолще и затолкав в щель между соломенной крышей и стеной в конюшне. Она частенько проверяла, на месте ли одежда, и однажды утром обнаружила, что она пропала. Более того, узел явно украли и поспешно открыли: мешковина и просмоленная веревка, стягивавшая его, валялись в крапиве у кладбищенского забора. Кто-то узнал, что в доме у священника хранились порочащие вещи!

В тот же день Изобел, вернувшаяся от сестры, рассказывала кое-что странное:

— Что-то выплыло, сэр. Бабы у кирки растрещались, будто дел иных у них нету. Одна мне и говорит: «Слыхивала я, кумушка, про вавилонское одеяние, что нашли в доме пастора». Я ей: «А мне-то откель ведать? Не я нашла. К тому ж в доме тьма вояк ночевала, ужто опосля них мудрено какой позабытый скарб обнаружить». А она: «Ну нет, то не одежда парней Дэйви Лесли, а кружевные камзолы да шляпы с перьями, как у роялистов-лихоедеев. Сказывают, спали они у пастора прям в канун прихода войск Ковенанта». Я ей: «Кто ж те, голубка, такое наплел? То был гнусный враль и тать. Погоди, прознаю я, кто у нас у крыльца шныряет, сплетни разносит да, зная, добро подворовывает. Да ты сама мне поведай, мужик то али женщина, ужо я им уши поотрываю». А балаболка та — Джин из Чейсхоупа, ну я ей

показала, где раки зимуют. Все припомнила, что о ней самой по округе болтают.

Дэвид обеспокоился, услышав имя сплетницы, и спросил, каков был ее ответ.

— Ее ответ! У нее тотчас от моих слов очи долу, правда, вывела меня из себя, сама не ведаю, как морду ей не расцарапала. И вот она мне молвит, тихо-скромно: «Ты б тудысь не лезла, Изобел Вейтч. Ежели мистер Семпилл человек честный, будет ему никаковская *fata* не страшна». Так вот и сказала — *fata*, что б оно тама ни значило, и от этого слова так Чейсхоупом и несет. И продолжает — очи невинные, губки поджала... «Но хуже не это, Изобел-старушка, — говорит. — Пастор наш супротив колдовства вздыбился, по самому ведь краешку шагает. Кое-кто его в Лесу заприметил, разумеешь, с кем он тама видался? Имен назвать не посмею, но у нас и за меньшее огню предавали, не за таковские свиданыца». Представьте, сэр, как мне кровь в голову кинулася, но я сдержалася и принялася выведывать. Да она и сама не прочь была все мне выложить. Вот и говорит: «Видывали они и зеленый наряд Королевы Фей, и как волосы у ней серебром от луны лучилися, и как она пастора лобызала». Вы ж с госпожою не целовалися, сэр?

— Прекрати, ради Бога! — воскликнул Дэвид, вздрогнув, как от богохульства.

— А я-то вовсе и не думала, что у вас и до того докатилося... Но молва идет, и свои враки они могут засунуть себе же в глотку! Их брехни про фей я не страшуся, токмо вот надобно нам покумекать, как от одежи нашего вояки отпереться. Жалко, не ведаю я, что за тать к нам пробрался. Горой буду стоять за то, что одежу ту солдаты Лесли позабыли и вы про нее слыхом не слыхивали.

— Знаешь, я буду всем говорить чистую правду, просто не назову имен, — сказал Дэвид. — И тебе, Изобел, приказываю поступать так же. Керр уже далеко, ему ничего не угрожает, а ложь, допустимая во спасение жизни ближнего, станет страшным грехом, если трясешься за себя.

Изобел недоверчиво посмотрела на него.

— Ох и поднимется же жуткий грай по всему пасторату, сэр. Одумайтесь, сами ж даете им к вам прицепиться да вниз утянуть... Но зрю, решения вашего не поменять, ничем вас не переубедить. Станем надеяться, что до расспросов не дойдет: кишка у местных тонка, дабы ко *мне* с вопросами соваться.

Пока Дэвид был в Эдинбурге, в кирке Вудили по приказу Пресвитерского совета проповедовал мистер Фордайс, но народу приходило совсем немного, потому как тогда Монтроз наступал и люди предпочитали прятаться по домам. В первое воскресение после возвращения Дэвида, когда армия Лесли все еще стояла в деревне, проповедь читалась военным капелланом, нестигаемым защитником устоев Ковенанта. Родом он был из-под Глазго, и мало кто в приграничном приходе разбирал его говор. Но через неделю после того, как Марк Керр покинул свое пристанище в Лесу, Дэвид поменял решение не проводить богослужения и сам взошел на кафедру. По этому случаю в кирке собралась многочисленная паства: в радостное время победы над роялистами все поверили, что грехи прихода позабыты и что служба, как и в кирках по всей Шотландии, будет посвящена благодарственным молитвам и восславлению Господа. К удивлению большинства присутствующих — и злорадству врагов пастора — он умолчал о победах и Божьей милости, лишь вскользь упомянув о них во вступительной молитве.

Дэвид, как и подобает человеку, только что потерявшему отца, говорил о смерти. Он сам не мог понять, откуда у него такое настроение: он больше не чувствовал ревностного гнева, душу наполнили кротость и доброта. Он видел, как умер праведник, тот, кто подарил ему жизнь, последний ближайший его родственник — и на пастора нахлынули детские воспоминания, смешанные с печалью и мечтаниями, присущими ребенку. В последнее время ему также довелось увидеть, как разбивается человеческая гордыня, как величие рассыпается в прах и обретает в унижении своем небывалые силы. Более того, любовь к Катрин смягчила его, озарив мир светом и открыв неведомые радости и красоты — такие маняще прекрасные и такие хрупкие. Он заново ощу-

тил зависимость всего вокруг от Господа и необходимость смирения пред Его взором. И в проповеди зазвучала не убежденность ветхозаветного пророка, стремящегося искоренить зло, но мудрость того, кто взошел на высокую гору и узрел ничтожность жизни пред необъятным ликом вечности. Дэвид говорил о тщете мирских устремлений, греховности человека, неизбежности умирания. В порыве душевной трепетности он молил о сострадании и благочестии: только их свет способен развеять тьму краткого земного существования, ибо их огонь зажжен дыханием Господним и их пламя, соединившись, обратится в бесконечное сияние Нового Иерусалима.

Его проповедь тронула сердца лишь нескольких прихожан, большинству показалась бессмысленной, и многие сочли ее оскорбительной. Питер Пеннекук был мрачен и язвителен.

— Ума в пасторе не боле, чем в куске дерна, — заявил он. — Ужто может таковский детёнок постичь сталь доктрины и полымя Судного дня? Бормочет себе потихохоньку, судари мои, да окромя толков о трудах и благодати ничего не ведаёт. Вот досточтимый мистер Праудфут не дрогнет, ежели наступит час карать лаодикийцев, неспособных пообломать рога пороку. Ужто есть в нашем пасторе таковское рвение, угодное Богу? Что ж он не клеймит грехи Монтроза и его отступников? Он, кажися, токмо о своих грехах и печется.

— Видать, есть у него на то причина, — сухо заметил Чейсхоуп.

Дэвид намеревался вновь отправиться в Аллерский приход и добиться ответа главы Пресвитерия по поводу выдвинутых им обвинений. Дело не терпело отлагательств, но жар негодования в его душе быстро угас, желание сразаться пропало. Ему страстно захотелось посмотреть на все глазами Изобел, поверить, что воображение сыграло с ним злую шутку и шабаши на Белтейн и Ламмас только привиделись ему. И он отложил поездку к Мёрхеду, надеясь, что настроение изменится и то, что успело стать тяготящим долгом, вновь обратится в искреннее рвение... Неожиданно он сам полу-

чил срочный вызов от аллерского священника с требованием немедленно явиться к нему.

Дэвид ехал вдоль реки в октябрьской хмари. Временами с косогора спускалась волна тумана, и воды, как поется в балладах, блекли и мерцали, а увядающий папоротник и побелевший вереск приобретали оттенки декабря. Неожиданно налетавший легкий ветерок разгонял облака, лепя из них сказочные крепости и башни, между которыми, как в апреле, синело небо, позволяя солнцу приласкать лысые верхушки холмов. Дэвид миновал горбатый мост через Аллер и установленную там виселицу: мрачный жнец успел похлопотать и в этих пределах. На ее цепях болтались три иссохших пугала, плоть давно слезла с их конечностей, и при приближении Дэвида в воздух взвилась стая падальщиков. Пастор понял, что там висели люди Монтроза, и подумал, сколько уголков Шотландии обезображены сей скорбной жатвой. Эта мысль, усиленная странностями осенней погоды, лишь усугубила терзавшую его все утро печаль.

В пасторском кресле восседал новый человек. Победа вознесла мистера Мёрхеда на высоту, и ныне он с горделивой улыбкой и печатью власти на челе нависал над дубовым столом, как судия, готовый вершить судьбы. Он больше не был терпимым и кротким добряком с приветным словом и шуткой для каждого. Ныне он обретался в чертогах могущества и взвалил на себя бремя правления, и на лице его читались все тяготы этого груза. Мистер Мёрхед одарил Дэвида холодным, оценивающим взглядом и бездушно-вежливо поприветствовал его.

— Я призывал вас, мистер Семпилл, — сказал он, — в связи с обвинениями, кои вы предъявили в этих бумагах. Мы беседовали о них ранее. Волнения, охватившие страну, препятствовали созыву Пресвитерия, но я показал ваши записи кое-кому из братьев во Христе и узнал, какого они мнения. Мне также посчастливилось испросить совета у благочестивого лорда Уорристана¹, а он, как вам, безуслов-

¹ Арчибалд Джонстон (1611—1663), лорд Уорристон — шотландский государственный деятель, выдающийся юрист, один из авторов Нацио-

но, известно, искушен как в законе Божьем, так и в государственном. И ныне взял я на себя обязательство донести до вашего сведения наше решение, кое может считаться решением Церковного суда. Оно таково: ваши обвинения не несут в себе ничего существенного. Вам не достает доказательств, сэр. В этом, — он постучал пальцем по бумагам, — нет ничего, что способно заставить меня отнимать у кого-то время, столь необходимое для решения более насущных проблем.

— Я просил расследования, а не суда и вынужден продолжать его требовать.

— Ах да, но для начала вы обязаны предъявить достаточные основания, чего вы не сделали. Вместо этого вы голословно обвинили в тяжком грехе почтенного слугу Божьего и нескольких женщин, чья репутация никогда не подвергалась сомнению. А доказательства... ну какие это доказательства? Говорите, что сами видели то и слышали это, но вы лицо заинтересованное, к чему я сейчас обращаюсь... Вот вы пишете об Эндрю Шиллинглоу из Риверсло, который, по тем немногим поступившим от вас сведениям, готов поведать глупую байку о том, как разоделся пугалом, пошел в лес Меланудригилл и принял участие в нечестивом праздновании. Сэр, ответьте, неужто можно доверять такому свидетелю? *Imprimis*¹, он сам стал соучастником преступления и, соответственно, подозреваемым. *Item*², всем известно, он злоупотребляет спиртным, а вина напиться — бесу предаться. В каком состоянии он был, когда пришел среди ночи в Черный лес, и что мог разглядеть там, ежели он сам признается, что скакал с безбожниками, аки лягва, да себя от страху не помнил? Он говорит, что приготовил обвиняемым ловушку, о предназначении коей заранее сообщил двум благочинным христианам, и клянется, что на следующий день эти свидетели посетили Чейсхоупскую усадьбу и убе-

нального ковенанта, позднее — лидер ультра-протестантского крыла в ковенантском движении.

¹ Во-первых (лат.).

² Таким же образом (лат.).

дились, что уловка сработала. Вот долго живу я на свете хлебом насущным и надеждою на спасение, но ничего глупее никогда не слыхивал. Смерд горелого тряпья и пропавший петух! Да распоследнего лиходея с Нагорья отпустят на все четыре стороны, ежели супротив него присягнут такие свидетели. С подобными доказательствами и пса шелудивого не повесить. Ступайте прочь и не повторяйте глупости, какие не всякий пьянчуга сдуру сболтнет.

— Я требую допроса Эфраима Кэрда Пресвитерским советом в присутствии меня и моих свидетелей.

— Как я уже говорил, сперва достоверно обоснуйте необходимость расследования, иначе честным людям придется терять время и средства, отвечая на гнусную клевету. Того требует закон Шотландии, сэр, впрочем, как и закон любой другой христианской страны, тогда как ваши потуги выглядят жалкими с самого начала.

— Но там же мое свидетельство, я очевидец. Вы можете не слишком доверять Риверсло, но обязаны считаться со мной.

— Ладно. — Углы губ мистера Мёрхеда дернулись в мрачной усмешке. — Мы вынуждены считаться с вами, мистер Семпилл, но сдастся мне, дело обернется не в вашу пользу. Ведь у меня здесь, — он постучал пальцем по бумагам, — имеется еще одно свидетельство, а в нем ваше имя. Как же больно мне выслушивать обвинения против собрата, коего я сам рукоположил в сан. Однако я обязан исполнить священный долг и рассмотреть жалобу приходского совета на их пастора. И подойду к этому с неменьшим тщанием, чем к жалобам пастора на старейшин.

От этого у Дэвида открылись глаза, и весь он напрягся и собрался. Так значит, это настоящая война: враги проявили себя и встретили его нападение ответным ударом. Он улыбнулся в лицо зловещему и мрачному мистеру Мёрхеду.

— Я догадываюсь, чьи имя в числе прочих стоит под обвинением, — сказал Дэвид. — Там, конечно, расписался Чейсхоуп.

Мистер Мёрхед перевернул листок.

— Имя Эфраима Кэрда там имеется, как и имена не менее достойных людей: Питера Пеннекука... и Александра Спрота из Майрхоупа... и Томаса Спотсвуда с мельницы Вудили. Ежели все благочестивые старейшины вынуждены жаловаться на того, кто обязан споспешествовать их духовным чаяниям, негоже отвечать на подобное усмешкой да ухмылкой.

— Я хочу услышать, в чем меня обвиняют.

— Обвинение состоит из двух частей. Жалобщики утверждают, что вы вошли в соприкосновение с Лесом и злом, обитающим в Лесу, и, по вашему собственному признанию, вы действительно ходили туда неоднократно, да еще тогда, когда добрые люди давно спят в собственных постелях. Есть свидетели, показавшие под присягой, что следовали за вами до опушки, когда вы украдкой среди ночи пробирались туда. С какой целью, мистер Семпилл? И с кем вы были?

— Я бы и сам это хотел узнать, — сказал Дэвид.

— Вас видели с женщиной. Свидетели — простые люди, обремененные суевериями, и они решили, что с вами была не обычная смертная, а Королева Фей. Так-то вот. Мы-то с вами уже не детятки, дабы в эльфов с богами верить. Но факт остается фактом: вы ходили в Лес ночью — и не единожды, но многократно, и вас видели в женском обществе. Вот ведь славное дело для слуги Божьего, и придется вам очистить себя признанием, мистер Семпилл.

— Все мои действия были совершенно невинны, и их можно легко объяснить, — ответил Дэвид. Но обвинения привели его в бешенство, он вспыхнул и с трудом заставлял себя говорить спокойно и отчетливо. Его будоражило языческое желание со всей силой ударить мистера Мёрхеда по широкому властному лицу.

— Но сможете ли вы объяснить *это*? — повысил голос аллерский пастор, заметив смятение молодого человека. — Имеется и другое обвинение, гораздо более тяжкое, ибо включает в себя преступление как против Божьей воли, так и правления этой страны. Двадцать шестого сентября сего года в пристройке к пасторскому дому, а именно в конюш-

не между стеной и соломенной крышей, был обнаружен узел с одеждой, а в нем оказался расшитый кружевом камзол, из тех, что носят роялисты, и иные вещи, кои чужды сельскому быту, но легко узнаваемы как доспех разбойников, что некогда служили Монтрозу. Сие привело к вопросу, а не прятался ли в пасторском доме беглец и не сам ли священник помогал одному из хулителей Церкви скрыться от правосудия. Что вы скажете на это, сэр?

— Скажу, что все правда.

Дэвид не был готов увидеть такой ужас на лице пастора. Мистер Мёрхед застыл в кресле, подняв плечи и вытянув, как черепаха из панциря, голову вперед; его щеки, лоб и лысая макушка побагровели, а когда он наконец нашел в себе силы заговорить, изо рта раздалось невнятное бормотание. Его аккуратная речь превратилась в крестьянский говор.

— Признался! Боженька ж ты мой, не устрасили признаться за собой смертный грех! Ни стыда у него, ни совести. Как сквозь землю-то не провалился, признавшись, что запродав Христа с Его Церковью?

На лице мистера Мёрхеда были написаны не только гнев и невероятный ужас, но и горечь сожаления и осознание чудовищного святотатства: на его глазах предали все, во что он верил. Дэвид видел, что аллерский пастор, хотя и недолюбливал юного собрата, отдал бы многое за то, чтобы признание не прозвучало, ведь оно стало упреком его собственному призванию и самоуважению. Дэвид ответил тихо и спокойно:

— В мою дверь постучал раненый. Я накормил и выходил его, и теперь он, надеюсь, в безопасности и добром здравии. Я и сейчас сделал бы то же для любого человека в беде.

Глаза мистера Мёрхеда вылезли из орбит.

— Вы и впрямь не понимаете... не догадываетесь, что натворили? Я не стану кричать на вас, ибо вынужден думать, что вы не в своем уме. Вы отпустили на волю злоумышленника, убийцу и разорителя Божьей земли.

— Я взял с него слово, что он никогда более не обнажит оружие в Шотландии. Этот человек был солдатом великого Густава.

— Разве можно верить слову, исходящему из уст мятежника? Как же вас легко обмануть. Господь велит убивать нашего врага без пощады, а вы, рукоположенный священник, помогаете ему скрыться... Вот ведь, и это не все. Дошли до меня вести, что вы мешали воинам Лесли преследовать блудницу из лагеря Монтроза, что вы именем Господним воспрепятствовали им в исполнении их долга. Слыхали ли вы, что под Линлитгоу по приказу нашего Генерала топили сих распутниц десятками и послужило то уроком всем грешникам и вдохновением для Божьего народа? Неужто зазря созданы совместные комиссии графств и Церкви, и вершатся суды над пойманными мятежниками в Эдинбурге и Сент-Андрусе, и на всех землях к югу от Форта выросли виселицы? И вы осмеливаетесь помогать тому, чья вина, без сомнения, чернее, чем у многих? Нет в стране пресвитерия, что не послал наказ, побуждающий власти на местах действовать во имя Господне. Устыдитесь! Даже в вашем приходе Чейсхоуп вызвался помочь и скачет по холмам, аки приграничный воитель, в поисках беглецов, а вы обвиняете этого самого человека в грехе.

— Я действую по слову Божьему и по зову совести. Нет большего греха, чем жестокость к беззащитному.

— По слову Божьему! — воскликнул мистер Мёрхед. — Горе вашим наставникам во Христе! Что сделал Иисус Навин с народом Иерихона? Приказал уничтожить, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни молодых, ни старых. А как поступил Геден с Зевеем и Салманом¹? Не приказывал ли Господь Саулу, когда тот пошел войной на царя амалекитян Агага, убивать мужчин и женщин, детей и младенцев, а когда Саул хотел пощадить Агага, что ему сказал Самуил? «Не-

¹ Зевей и Салман — два последних упоминаемых в Библии медианитянских царя. В решающей битве их войско было разбито судьей Геденом. После признания в том, что они лично принимали участие в убийстве братьев Гедена в Фаворе, были преданы смерти.

покорность есть такой же тяжкий грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство»¹. Глаза ваши заплыли, коли не видите вы воли Господней. А совесть! Решили противопоставить свое ошибочное мнение ясному выражению Господнего промысла и однозначному взгляду святой Церкви.

— В первую очередь я служу Христу и только потом Церкви. Если Церковь забывает слова Учителя, мне с ней не по пути.

— Так, продолжайте, что за слова?

— Милости хочу, а не жертвы².

Аллерский пастор прикрыл глаза, будто от боли.

— Глубоко же вы погрязли в болоте мирских страстей, — произнес он. — Я полагал, что запутались вы и ошиблись, но ныне вижу, что вы упорствуете в своих заблуждениях. Истину изрек мистер Эбенезер из Боулда: вы еретик и упрямец. Это становится делом Пресвитерского совета, сэр... и да, возможно, Генерального синода тоже. Стану я дурным пастырем для своего стада, ежели не доведу все до конца. Я дам ход этой жалобе... А пока Пресвитерий не рассмотрел ее, я запрещаю вам проводить богослужения в Вудили. И покуда чистое словесное молоко в ваших устах не обратилось в яд, назначу на ваше место более достойного человека.

— Я отказываюсь повиноваться вам, — сказал Дэвид, — у вас нет такой власти. Я буду продолжать исполнять пастырские обязанности до тех пор, пока меня не отстранят те, кто имеет на это право. Сейчас я требую, чтобы Пресвитерский совет рассмотрел мое обвинение против Чейсхоупа вместе с его обвинением против меня.

Мистер Мёрхед вскочил с негодованием на лице, которое успело стать притчей во языцех и в былые времена приводило в трепет его несмелых собратьев. Но Дэвид не отпрянул, а встретил его взгляд уверенно, к чему мистер Мёрхед был мало привычен. И действительно, решимость и

¹ 1 Цар. 15:23.

² Мф. 9:13.

юность противника и его плотно сжатые губы заставили аллерского пастора замяться. Мистер Мёрхед дал понять, что разговор окончен, и Дэвид с невидящими глазами и жаром в груди удалился.

По дороге домой его разум бурлил от гневных мыслей. Ему вдруг показалось, что труды его бесцельны и опасны. Он представлял, что суеверные крестьяне вообразят, узнав, что он укрывал беглеца; видел, как все обвинения против Чейсхоупа разбиваются о рассказы о его собственных походах в Лес; более того, при мыслях о Катрин он до боли сжимал кулаки в бессильной ярости. Он ощущал себя слабым ребенком, молотящим кулаками по стене шириной в целый мир и высотой до небес... Но отчаяние сменилось решимостью и негодованием. Он жалел, что не обретается в мире, где можно отвечать на удар ударом и сокрушать препятствия сталью и порохом. Уже не в первый раз в своей жизни он пожелал быть солдатом. Ему выпало бороться с глупостью и невежеством, со слепыми предрассудками, лживыми обычаями, уязвимыми условностями. Насколько проще сражаться с вооруженными людьми!

Дверь ему открыла серьезная Изобел.

— В Кроссбаскете пришлый, — объявила она. — Свое добро поутру по реке перевез... да четыре телеги, а гуртовщики пригнали овец и буренок. Я его час назад видала, куда он у кирки прохаживался. Схож с крестьянином с низин, пригожий, не стар, одежда на нем пастушья. Но, мистер Дэвид, сэр, — она понизила голос, — разумеете, кто бы это мог быть? Очи меня не провели, а ужо как он со мной поздоровкался, стало ясно-понятно, что признали мы друг дружку. Зовет себя Марком Ридделом, но не одну ночь этот косой солдатик у нас в дому проспал.

Глава 15

ДЕНЬ ВСЕХ СВЯТЫХ

Худые вести не лежат на месте, и на следующий день все в приходе только и судачили о том, что на пастора подана жалоба и что мистер Мёрхед запретил ему проводить богослужения, а Семпилл не намерен подчиняться. Куда бы Дэвид ни шел, его сопровождали любопытные взгляды, к тому же старейшины вели себя недоброжелательнее прежнего. При его приближении Питер Пеннекук попытался скрыться, поковыляв в ближайший огород, а Майрхоуп, хотя и поздоровался, сделал это, отвернув лицо. Однако Дэвид заметил, что есть люди, сочувствующие ему. Женщины, ранее избегавшие его, стали приветливее, особенно молодые, и когда он проходил мимо и мог услышать, что говорят, Элисон Гедди, чье имя было упомянуто в его обвинении, сказала подружке своим кудахчущим голосом: «Жалко такового разумника, всегда-то бедняков добрым словом приветит да руку помощи протянет».

Дэвид, стремясь обрести душевный покой, старательно избегал Изабел, которую так и разрывало от желания поделиться новостями. Днем и ночью, в холмах и в тиши кабинета, он вглядывался в себя, стараясь понять, в чем его преступление; мысленно перебирал свои действия и осознавал, что не мог поступить иначе. Сколько бы цитат из Писания ни приводилось в доказательство его вины, он не сомневался, что христианское милосердие важнее. Он не мог упрекнуть себя в том, что начал войну против язычников в Лесу. Он видел свою стезю в учении Иисуса, а не Моисея, и именно Христу он был рукоположен служить... Дэвид пытался не думать о Катрин, чтобы горестные помыслы не коснулись создания столь прекрасного и преисполненного добра. Но только благодаря воспоминаниям о ней он чувствовал себя юным и не унывал в самые ужасные минуты. Гля-

дя с Оленьего холма на темный саван Меланудригилла и светлеющие за ним березовые и ореховые рощи, опоясывающие Калидон, он понимал, что его борьба естественна и предопределена свыше, а сам он лишь марионетка в руках первобытных сил. Эта мысль, питаемая смирением, придавала ему уверенности в своей правоте.

* * *

В воскресение он взял за основу проповеди слова из Книги Екклесиаста: «И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их — сила, а утешителя у них нет»¹. Слушатели, несомненно, пытались найти в сказанном главное, все объясняющее слово, но не нашли; мало кто понял смысл этой речи, прочитанной Дэвидом прежде всего для себя. Говорил он о символе веры, молил о том, чтобы каждый впустил Господа в душу, проклинал предрассудки и догматы, исходящие не от сердца. Убеждал себя и остальных, что пока религия является пешкой в политических играх, будут на земле угнетенные и угнетатели, но правды не будет ни на одной стороне, а потому не будет и утешения... В кирку пришло гораздо меньше прихожан, чем обычно: пятеро старейшин с семьями отсутствовали. На задней скамье Дэвид заметил скромно сидящего новичка. Это был мужчина средних лет, носящий, как и прочие, домотканую крестьянскую одежду, но его выправка бросалась в глаза: в сельской местности редко встретишь человека, чью спину не согнули непосильные труды. Выделялся он и тем, что брился, тогда как в Вудили безбородыми ходили лишь пастор и Чейсхоуп. Кожу покрывал темно-коричневый загар. На лице застыло выражение благопристой-

¹ Еккл. 4:1.

ной степенности, но дерзкие морщинки вокруг глаз и рта говорили, что в жизни он не всегда столь серьезен. Его си- ний берет, не такой широкий, как принято в западных зем- лях, указывал, что приехал новичок из Приграничья. Муж- чина носил плед в «пастушью» клетку, что привычна в Че- виотских горах и Лиддесдейле. Незнакомец вдруг поднял голову, и Дэвид узнал его по косящему левому глазу.

Чужак ушел сразу после службы, не дожидаясь выхода пастора. У церковных ворот Дэвид увидел Амоса Ритчи и спросил о приезде у него. «Этот пришлый в Кроссбаскете обосновался, — последовал ответ. — Сам-то он откуда-то с дальнего Приграничья — рассказывают, вроде, из Джедборо — и язык его дикий, аки у горцев, ни слова не разберешь. Но он, кажися, из приличных да достойных, да будто и фер- мер сноровистый, в овцах толк знает. В усадьбе своей все славно устроил, а отара его в Виндивэйз на выпасе... Угу, живет бобылем, особняком держится, хотя идет молва, что сосед он хороший».

Амос проводил пастора до дома и был дружелюбен, слов- но смущался, что так холодно вел себя летом. Говорил лишь о погоде и урожае, однако Дэвид видел, что Амос хотел при- ободрить его, но решился на это только у самой калитки. «Ежели доведется вам в глубокую речку войти, сэр, я поеду тем же бродом заедино с вами», — пробормотал он и ушел.

Вскоре стало ясно, что в приходе действительно произо- шли перемены. Летом поступки Дэвида озадачили и возбу- дили всех вокруг; даже те, чья совесть была чиста, опаса- лись его, считая, что и их покой и добрая слава под угро- зой. Теперь, когда пастор сам оказался в настоящей беде и Пресвитерий предъявил ему обвинения, ему начали сочув- ствовать, вспомнив его благожелательность, добрые дела во время снегопада, пригожую внешность и молодость. У него нашлись сторонники, правда, в их круг вошли самые разные люди. Были среди них те, кто славился благоче- стием, к примеру, Ричи Смэйл и Рэб Прентис; Изобел с род- ней яростно отстаивали его правоту; конечно, его поддер- живал Риверсло, за ним и другие завсегдатаи «Счастливой запруды», а также те, кого бранили из-за бедности или про-

ступков. Если фарисеи и книжники косились на Дэвида, то мытари и грешники приняли его сторону. Впрочем, как и дети. Какими-то неведомыми путями все они узнали, что их друг в беде, и сейчас престранным образом выказывали свою любовь. Девочки собирали для него цветы, на пороге пастырского дома появлялись корзины с малиной и черницей, и много раз Изабел находила там свежую форель, аккуратно нанизанную на камыш. Тронутый Гибби тоже потянулся к священнику. Он ходил за ним по пятам, а на любые попытки заговорить дружески похлопывал пастора по плечу и что-то невнятно бормотал. Иногда он начинал размахивать посохом на манер кнута. «Так их, сэр, — вопил он, — вырвать их, аки чертополох».

Но поведение Риверсло портило всю эту довольно благостную для Дэвида картину. Во время битвы при Филиппо он пропадал в Нитсдейле и вернулся лишь через неделю после нее. В эти беспокойные времена живности у крестьян стало меньше, и он, похоже, туго набил карманы: с выгодой продал валухов и удачно поторговал скотом с интендантом армии Лесли. В середине октября все работы на холмах были завершены, и Риверсло слонялся без дела. Сказалось ли внезапное обогащение или пережитое на Ламмас, но он сделался невыносим. Слава о его драках в трактирах прокатилась от Ланарка до Аллера, и он мог целыми днями бражничать в «Счастливой запруде», трезвея лишь для того, чтобы поутру опять напиться. Язык его огрубел, бранные слова так и слетали с губ, вздорность не знала границ. Люди начали сторониться этого буяна и задиру. «Ну и дружок у вас, сэр, — сказала с упреком Изабел про Шиллинглоу. — Три дня напивался в дым да ругался распоследними словами». Дэвид несколько раз ходил в питейный дом и пытался образумить его, но тот в ответ лишь пьяно смеялся и бубнил глупости. Все это бросало тень на главного свидетеля Дэвида.

Пастора постоянно тянуло в Калидон, но он не уступал искушению. Октябрь принес две недели проливных дождей, и Катрин больше не бывала в Раю. Он не решался навесить ее в замке, боясь поставить девушку под угрозу. Раз по-

шли слухи о неизвестной женщине, он скорее умрет, чем позволит раскрыть, кто она. Катрин дарила ему только доброту и дружбу, но то была не любовь. Разве сейчас, когда со всех сторон враги и его близость лишь замарает ее доброе имя, может он молить о любви?.. Но одиночество тяготило Дэвида, и он мечтал с кем-нибудь поговорить, особенно с пастором из Колдшо и новым арендатором из Кросс-баскета. Он решился поехать в Колдшо, памятуя не только о добром собрате во Христе, но и о том, что обитатели Калидонского замка входят в число прихожан его кирки.

Мистер Фордайс едва оправился после болотной лихорадки; в его крошечной библиотеке было темно и сыро, как в могиле. Он сидел, обложенный подушками, в деревянном кресле и кутался в грубый шерстяной шлафрок, на голове красовался ночной колпак, а на худых ногах было по две пары чулок. Его больная жена не вставала с постели, дождь за окном не прекращал накрапывать, в комнате не было камина, и дом, словно саваном, окутало мраком. Но, всегда смиренный и терпеливый, мистер Джеймс занимался тем, что составлял гороскоп.

— Расскажите, что произошло, мистер Дэвид, а то я ничего не знаю, просто доходят слухи. Говорят, вы серьезно поссорились с мистером Мунго в Аллерской кирке.

Дэвид изложил события последних месяцев, начав с лесного шабаша в канун Ламмаса и закончив последним визитом к мистеру Мёрхеду. Мистер Фордайс выслушал его, поохав и повздыхав, и, когда Дэвид замолк, немного помолчал, размышляя.

— Вы сурово обошлись с Председателем, — сказал он наконец. — Не мне вас упрекать — я далеко не совершенен, но нельзя отрицать, вы дерзко вели себя с мистером Мунго.

— Я воспользовался правом отказа подчиняться ему лично. У него не было общего решения Пресвитерского совета, и он не мог отстранить меня от моих обязанностей.

— Возможно, это так. Но разве не чрезмерная горячность отвечать подобным образом вашему старшему собрату, мистер Дэвид? Неужто нельзя было отказать более мягко и спо-

койно? Видится мне, вы разговаривали с ним, как учитель со школяром.

— Ох, не отрицаю, что вышел из себя, но то был, безусловно, праведный гнев. Неужели вы уговариваете меня отступить от борьбы с черным нечестием в Лесу лишь из-за того, что проныра Чейсхоуп ловко сумел навязать Пресвитерию свою точку зрения? А что касается обвинений против меня, то разрешите спросить, разве вы сами отказали бы несчастному, пришедшему к вам за помощью, даже если бы был он страшным грешником?

— Не знаю. Я робок от природы и так забочусь о том, дабы с чистой совестью предстать пред Господом, что склонен пренебрегать иными своими обязанностями. Тем горше! В Лесу вы вели себя честно и храбро, но вряд ли я сам набрался бы мужества сделать то же самое. Слава Богу, подобные беды никогда не встречались на моем пути!.. Что мне сказать про сотоварища Монтроза? Мистер Мунго привел бы много цитат из Писания, осуждая этот поступок, и не мне выступать против общего духа Святого Слова, хотя и есть у меня мысли, что Церковь Шотландии чересчур увлечена Ветхим Заветом, забывая про Новый. Но я предвижу грозящие вам беды, мистер Дэвид: на стороне аллерского пастора будет и Пресвитерский совет, и Генеральный синод, коли до него дойдет дело.

— Но как бы вы поступили в подобных обстоятельствах? Отказали бы нуждающемуся, стоящему у вас на пороге?

— Не знаю. Честно, не знаю. Я ничтожный сосуд, к тому же очень боязлив. Но я бы все равно молился, да, молился, дабы Господь даровал мне силы сделать то, что сделали вы, мистер Дэвид.

Молодой человек улыбнулся.

— Вы дали мне утешение, в коем я так нуждался. Мне довольно и вашего суда, ведь вы ближе к Престолу Божьему, чем все священнослужители на берегах Аллера и Мерса.

— Не надо. Не говорите так. Я ничтожнейший и беднейший из слуг Божиих, и сейчас я мысленно допускаю слабость, сомневаясь в том, что сам же сказал, и вопрошаю себя, не следует ли просто подчиниться законной власти, взра-

щивая в душе смирение как первейшую из христианских добродетелей. Зачем наш Господь заложил Церковь, ежели не для повиновения ей?

— Обождите, мистер Джеймс. Какой же вы тогда пресвитерианин? Если бы все рассуждали так, были бы мы сейчас под кабалой Рима, ибо Рим являлся законной властью. Хороший же из вас тогда ковенантер! Если Церковь вероломно попирает человека, лишая его христианских свобод, то не потеряет ли она уважение, как те мессы, что проводились в Вудили в былые времена?

Мистер Фордайс вяло улыбнулся.

— Вынужден признать, что вы правы. Но какова ловушка для честного человека! Вы идете тернистым путем, мистер Дэвид, а я держусь торного, ибо дороги две. Как гласит пословица, сиди тихо, пусть спит лихо. Я избрал мирное житье, возвращаю собственную душу, денно и нощно молясь Богу, и да минуют меня дела Церкви и государства: слышу я о них, как слышит человек у камелька раскаты грома. Сражаться со стихией под силу лишь тем, кто крепок духом, подобно вам. Увы и ах, я не грозный Илия, сокрушающий храмы Ваала, и не Джон Нокс, очистивший нашу Землю обетованную¹. Милый юноша, ежели вы решитесь идти по дороге Господней, путь ваш будет труден, но вы под мышцами вечными²... Однако, сэр, помните, что в борьбе следует полагаться на Божью мощь, а не на собственные силы. Будьте готовы смиряться и каяться, ибо есть в вашей душе непокорность Адама-пращура.

— Это верно. Временами бушуют во мне страсти, заставляющие меня содрогаться.

— И вам надо пристально следить за каждым своим шагом и словом. Нельзя допустить повода упрекнуть вас за

¹ 11 мая 1559 г. проповедь Джона Нокса в церкви св. Иоанна в Перте против католического идолопоклонства и незаконности правления регента Шотландии Марии де Гиз вызвала восстание горожан, которое быстро перекинулось на другие области Шотландии и вскоре переросло в протестантскую революцию.

² Втор. 33:27.

то, что не является следствием исполнения ваших прямых обязанностей. — Мистер Фордайс чуть замешкался. — В жалобе на вас имелось еще одно обстоятельство... Не было ли оно связано с женщиной?

Дэвид рассмеялся.

— По словам мистера Мёрхеда, речь о Королеве Фей, но сам он в сказки не верит... Мистер Джеймс, я должен признаться вам в том, чего не рассказал бы никому другому. В Лесу я встречался с дамой, и она и впрямь помогала мне в моем милосердном деянии. Я уже был знаком с ней и ныне считаю дни до следующей нашей встречи. Вы тоже ее знаете: это Катрин Йестер.

— Госпожа Катрин! — вскричал мистер Фордайс. — Девушка из Калидона. Ах, мистер Дэвид, неужто подобает священнику ввязываться в такое щекотливое дело? Сами знаете, она из рода, не слишком преданного Церкви, хотя я не осмелюсь сказать, что лишена она христианских добродетелей. К тому же надо заметить, она аристократка. Какой же женщиной станет она для бедного проповедника?

— Ох, вопроса о замужестве и не было. Мне неловко слышать об этом. Она далека от подобных мыслей: негоже орлице миловаться с дроздом. Но священник тоже человек, и вот он влюбился без памяти, хотя нет у него ни малейшей надежды на взаимность. В честной и чистой любви, дарованной Богом людям еще в Райских кущах, не вижу я ничего зазорного.

— В любви я разбираюсь мало, — скромно заметил мистер Фордайс. — Мы-то с Энни так давно связаны узами брака, что об ухаживаниях уже и не вспомню. Помню лишь, что хоть и не была она пригожа, но слыла разумницей и голос ее звучал сладко, как яблочное варенье, заготавливать кое она мастерица... Госпожа Катрин! Высоко берете, мистер Дэвид, но как знать, как знать... В любом случае рассчитывайте на меня... Надо же, Катрин Йестер!

Пастор из Колдшо все еще твердил ее имя, когда на дворе распогодилось и Дэвид, покинув его, отправился домой. Лошадку он вел на поводу. За Риверсло, в березняке на повороте к Оленьему холму, его обогнал всадник. Под ним был

не обычный в тех краях пони, а настоящая гнедая кобыла, в стати и беге которой читалась порода; в наезднике Дэвид узнал нового арендатора Кроссбаскета.

Здесь, где все было видно как на ладони, их не могли подслушать. Всадник спешил и обнял пастора.

— Расплачиваюсь с долгом, став вашим усердным прихожанином, ближайшим соседом и преданным слушателем воскресных проповедей, — громко объявил он. — Вы скажете, что это опасно. Дружище, лучше прятаться на свету, а ежели тебя еще и преследуют, то скрываться надобно там, где тебя не ожидают. Они прочесывают пристани в поисках Марка Керра, бывшего капитана из армии Маккея и бригадира, еще недавно служившего под началом Королевского генерал-капитана, но неужто они заметят честного малого по имени Марк Риддел, простого тевиотского фермера, заявившегося к Аллеру в поисках лучшей судьбины, тем паче, знает он толк в овцах почище всякого пастуха в этих холмах. К тому ж у Марка в мошне звенит серебро, не стыдно ему появиться в кирке и на рынке. О родне моей из Роксбургов никому не прознать, зато в Вудили толкуют о моей старушке-тетушке из Аннандейла и моем двоюродном братце, что пас когда-то стада в Меггете. Поверьте, бывалому вояке ведомо, как окружить себя знатным палисадом из правдоподобных врак. Ежели сам в пекло головой соваться не стану, а я и не собираюсь, буду как у Христа за пазухой, годик-два жизни в тиши душе пойдут токмо на пользу, а там поглядим, куда ветер дует. Монтроз наверняка отправится за границу, и ежели надо сидеть тихо, лучше залечь в родном краю, чем прозябать в вонючем чужеземье... А сами-то как, мистер Дэвид? Дошли до меня слухи, что жестко вам нынче спать.

Они присели среди вереска на обочине, и Дэвид повел продолжение истории, начало которой Керр узнал, когда скрывался в Лесу. Это принесло пастору большее облегчение, чем разговор с мистером Фордайсом, ибо солдат, прошедший огонь и воду, привык к трудностям и относился ко всему почти так же, как Дэвид. Выслушав его, Марк присвистнул и помрачнел.

— Да, разворошили вы осиное гнездо, а серы, дабы его присыпать, не припасли. Вы очень схожи с милордом маркизом: зрите пороки и бросаетесь искоренять их, но не задумывается, посильна ли задача.

— Вы ожидали, что я поступлю по-другому?

— Нет же. Мне нравится ваша решимость, и, без сомнения, избрали вы праведный путь. Но мы живем в достойном сожаления мире, где честность не в почете; вас принудят обороняться, а это не самая выгодная позиция для сражения... Можете рассчитывать на мою помощь, но дозвоьте мне действовать по моему усмотрению. Негоже нам выставить нашу дружбу на обозрение. Займусь-ка я тутошним вместилищем порока и нечестия — вотрюсь в доверие к Чейсхоупу, так что не дивитесь, ежели мы с ним будем не разлей вода. Вам нынче разумнее опасаться Церкви и собственного служения, мистер Дэвид. Дело обернулось так, что плюгавец в таларе и беффхене ныне могущественнее кавалерийского эскадрона, голыми руками его не взять... Действуйте с оглядкой, я рядышком, за приходским полем, можем совещаться, когда понадобится. Станем встречаться по ночам и с глазу на глаз перешептываться.

Близость солдата, поселившегося в Кроссбаскете, придала Дэвиду сил. Но поначалу они почти не виделись, резонно полагая, что, прежде чем показываться вместе на людях, надо новичку дать обосноваться, иначе все сразу заподозрят, что они были знакомы и раньше. Марк Риддел постоянно был в разъездах, и чаще всего священник замечал его на Рудской дороге — обычно уже в сумерках. Дэвиду нравилось думать, что сосед едет из Калидона: это будто приближало его к Катрин. Но сам он девушку не навещал. Листья опали, в Раю стало нечего делать, а пойти к ней домой, не развязав узел своих трудностей, он не мог.

Пастора тревожила мысль о приближающемся Дне всех святых. Он был твердо намерен продолжать дело против Чейсхоупа и его шабаша, невзирая на опасность встречного обвинения, и даже был готов опять лично идти в Лес. Но его главный союзник, Риверсло, ежедневно бражничал в деревне, а когда Дэвид искал с ним встречи в таверне, отмал-

чивался и пьяно хохотал. Как-то утром пастор застал его, почти трезвого, в холмах.

— Отгулял я, — мрачно сообщил фермер. — Браните меня распоследними словами, сэр, но все одно ваши упреки не станут горше тех, что у меня самого на душе. Но об эту пору у меня завсегда так, сам от чернящего стыда сгораю, но обуздать слабости тела не в силах: напиваюсь до свинского визгу в компании людей, коих я, покуда трезв, и сам бы обходил стороной. Я ничем не лучше скота. Однако в эти худые дни удалось мне кое-что выведать. В Лес на праздник никто не пойдет. Опосля Ламмаса о нем и помышлять никто не желает, посему свое колдовство творить они станут прямо тут, в деревне.

— Но здесь и укрыться негде... — начал Дэвид.

— Оно мне ведомо, но они могут пойти иным путем. Нынче ночью прибуду я в деревню — не надобно, не страшитесь, в питейную я боле ни ногой: мне об эле да аскебаше ажно помыслить тошно. Но я буду тут, а вы у себя в дому, а как ночью станет ясно, что да к чему, и действовать почнем. Зуб даю, Чейсхоуп скоренько себя проявит, а случись ему на меня попасть, зараз почует, что я хуже чорта... Вы держитесь настороже, сэр, много кто из местных отдал бы все, токмо бы от вас избавиться.

Пришел последний день октября. Дэвид проснулся и обнаружил, что дождь закончился и промокшие холмы озарены солнцем, столь же ярким, как в апреле. Полдня он был рассеян, напрасно пытаясь сосредоточиться на книгах, а после обеда беспокойная натура погнала его в пустоши. Он пошел по старой тропе к Руду и к трем был у поворота от Клайда, там, где в июле беседовал с Риверсло.

Октябрьские дожди глубоко промочили землю, и когда ближе к вечеру начало холодать, на долины пополз туман. Незаметно стерся горизонт; лысая верхушка Хёрстейнского утеса помутнела, затянутая тучами; дувший с утра ветерок стих, и вокруг повисла призрачная тишина. Дэвид повернул к дому, и не успел он миновать холм у Риверсло, как его накрыло туманом, скорее похожим на полупрозрачное полотно: пастор видел все ярдов на сто, но окружающий мир

внезапно приобрел незнакомые очертания — изгородь овчарни превратилась в городскую стену, заросли рябин выглядели как настоящий лес.

В сумерках Дэвид заметил чудовищную фигуру, позже преобразившуюся во всадника на лошади. То был Марк на своей гнедой.

— Вот и повстречались, — крикнул верховой. — Направляюсь к дому, ярок с полей перегоняю, но вас узрел еще до тумана и смекнул, где схлестнемся. Один ваш друг ждет не дождется свидания с вами... идите вдоль пахоты до старой дубравы, что по дороге в Гриншил. — Не добавив ни слова, Марк подстегнул кобылу и помчался по своим делам.

Дэвид подумал, что друг — это Ричи Смэйл с новостями от Риверсло. И направился вдоль дубравы к холму. В двадцати ярдах от себя он увидел всадника и решил, что Марк вернулся. Но подойдя поближе, обнаружил, что перед ним черная лошадь, а наездник, вглядывающийся в белую дымку, вовсе не мужчина.

Дэвид понял, что Марк нарочно направил его сюда. Душу наполнила неведомая доселе бесшабашная дерзость, смешанная с неизъяснимой радостью. Девушка смотрела в другую сторону и не поворачивала головы, пока он сам не подошел и не заговорил.

— Госпожа Катрин, — выдохнул он.

Она посмотрела вниз, лицо порозовело, волосы были усыпаны призрачными бриллиантами капелек. Его приближение не испугало девушку. Неужели она ждала его?

— Что понадобилось пастору в холмах? — спросила она.

— А что делает здесь госпожа Катрин? Скоро совсем стемнеет, а вы так далеко от замка.

Она была вся в зеленом, юбка едва достигала щиколоток и не закрывала ножку в стремени. Перья на шляпе разместились по кудрям. Дэвид никогда не встречал женщин в охотничьем одеянии, и очутившаяся в этом пустынном месте девушка-видение казалась неземной и прекрасной, как сон.

— Сегодня утром, пока криквы летят через Аллер, мы с сокольничим Эди дали нашим птицам порезвиться на во-

ле. Час назад Эди повез их в кречатню, а я задержалась полюбоваться нисходящим на землю туманом. Наверное, я задержалась слишком надолго.

— Тогда мне выпала неслыханная удача, — сказал Дэвид. — Я не осмеливался искать встречи с вами, но раз довелось нам увидеться, я провожу вас до Калидона. Дорогу так застило, что пойдем мы как сквозь пуховую подушку.

Она не возражала, когда он положил руку на уздечку, намереваясь вести лошадь, а брошенный украдкой взгляд уловил улыбку на ее лице. От этого по телу Дэвида пробежала дрожь, и он позабыл об осторожности и долге. Они пребывали в волшебном мире — вместе, одни, как никогда прежде... Молодой человек чувствовал, что без опаски поведет ее через бушующие реки и обрывистые скалы, что ради нее готов разогнать туман и вспахать холмы, что ничего невозможного не существует, стоит ей лишь приказать. Вместе они смогут преобразить мир, обратить его в песню и восторг. Дэвид так глубоко погрузился в грезы, что с трудом очнулся, когда она заговорила:

— Я слышала о бедах, постигших вас, мистер Дэвид. Мне поведал о них тот, кого мы сейчас знаем как Марка Риддела.

— Никаких бед нет. Сейчас, рядом с вами, я понимаю, что мир прекрасен.

— Пресвитерскому совету вы так и скажете? — Она рассмеялась.

— Я скажу так всему белому свету... если вы позволите.

Она засмушалась и потянула поводья; путь шел под уклон, и лошадь споткнулась. В поисках опоры Катрин прикоснулась к плечу Дэвида, а он, не давая ей опомниться, задержал ее руку в своей.

— О, милая, милая, — вскричал он. — Катрин, нет сил молчать... Я схожу с ума от любви к вам... С нашей первой встречи в лесу ваши глаза для меня как солнце и луна. Ваше лицо — да простит меня Господь! — встало между мной и Писанием. Иногда я не могу молиться, потому что думаю о вас... Мне ничего от вас не надо, Катрин, просто позвольте договорить. Как это пелось в вашей песне? «У меня же ничего, только...» — ох, нет! Сколько же правды в тех словах!

Она не ответила, но и рука ее не дернулась, вырываясь. Они спускались по косогору к Руду, а туман стал настолько густым, что они видели лишь силуэты друг друга. Прежде они были словно окружены туманом, но сейчас он подобрался настолько близко, что скрыл очертания животного и наездницы. Дэвид скорее чувствовал, чем видел ее, и эта бесплотность придала ему храбрости.

— Мне ничего не нужно, — продолжил он, — но вы должны знать о моей любви. В моей жизни грядут битвы, но пока вы живете на свете, я ничего не боюсь. Я никому не позволю тронуть вас и пальцем, но если вы разрешите мне думать о вас, вспоминать вас, иногда видеть вас, я буду сильным, как Самсон. Католики молятся своим святым, а вы святая, чье имя начертано в моем сердце.

Она молчала, и он встревоженно воскликнул:

— Вы злитесь на меня? Простите, умоляю, простите, но я должен был сказать это. Больше не произнесу ни слова до самых ворот Калидона.

Наконец прозвучал ее ответ, и был он странным:

У нас с тобой одна любовь,
Любовь в сердцах одна...

Дэвид замер, затрепетав и затаив дыхание, будто замороженный, слыша и не веря этому ответу на свои безнадежные молитвы. Он сжал ее руку, но она убрала ее и вновь запела:

Вернись назад, явись мне вновь,
Пойдем со мной, любимый мой,
Зовет домой она.

Рука, освободившаяся из-под его ладони, опустилась ему на затылок. Неожиданно ее лицо склонилось к нему, и на лбу он ощутил поцелуй, легкий, как касание птичьего крыла. Он поймал Катрин, когда та скользнула из седла в его объятия.

Глава 16

ОХОТА НА ВЕДЬМ

На следующее утро Дэвид проснулся во внезапно обновленном мире. Катрин ответила на его любовь, и это перевернуло для него основы, на коих зиждилась планета. Ничего прежнего не будет, все его беды рассеялись, как туман под солнечными лучами: разве может что-то случиться с тем, кого любит Катрин? Даже порок, раскинувший крыла над Вудили, более не казался столь ужасным: на земле, по которой ступает нога этой девушки, зло лишено сил. Дэвид чувствовал, что мир людей вновь принимает его в свои объятия, и душа его пела хоралы.

Даже новости, принесенные Риверсло, не смогли поколебать его уверенности в обретенной неуязвимости. Этот достойный прихожанин явился к нему в дом как в воду опущенный. Шабаш в канун Дня всех святых все же состоялся, и проходил этот нечестивый праздник, как он подозревает, в кирке... Он потерял Чейсхоупа из виду в самом начале вечера, пустившись по ложному следу, ведущему в Майрхоуп... Кто-то наблюдал за домом священника и сообщил остальным, что того нет... Риверсло кинулся разыскивать пастора, но тут все покрылось туманом, а когда он вернулся в Вудили, было хоть глаз коли. Никаких сомнений, в деле сам Дьявол защищает своих приспешников... Все кругом, не исключая и тех, кто мог быть на празднике, потушили огни в домах. Но по счастливому совпадению фермер забрел на церковный двор и заметил мерцание в окнах кирки. Дверь была заперта, но он понял, что внутри кто-то есть... Он отправился к звонарю Роббу за ключом, но ключа не нашли. Он бросился к Амосу Ритчи с требованием взломать дверь, но Амос отказался выходить за порог, и Риверсло взял у него кувалду и вагу, однако, вернувшись к кирке, обнару-

жил, что там опять пусто и темно; ключи лежали на крыльце Робба.

Фермер был по-настоящему напуган, ибо оказался не готов к такому невероятному богохульству. Дэвид, зная свой Приходской совет, почти не удивился. Если сельские бросают вызов самому Создателю, сидя перед алтарем и пропуская слова Писания мимо ушей, что помешает им осквернить дом Господний? Все это говорило о дерзости и чувстве безнаказанности злоумышленников. Дэвид не мог не думать о Чейсхоупе, том самом любимчике Пресвитерия, что содействовал Церкви, охотясь на роялистов, о Чейсхоупе, как флагом, размахивающим своим благочестием. Чем больше пастор думал о Чейсхоупском арендаторе, тем более крупной фигурой тот представлялся ему. То был не обычный грешник, но предводитель нечестивцев, пользующийся религией в собственных грязных целях. Но Дэвид, разгоряченный своим новым счастьем, лишь возрадовался при этой мысли: его врагом будут не человеческие слабости, а осознанное стремление к пороку.

В тот день он получил письмо, где говорилось, что в следующий понедельник в Аллерском приходе состоится особое заседание Пресвитерского совета, посвященное предварительному дознанию. Дэвид ничуть не испугался. Он совсем не злился на тех, кто обвинял его: что знают скучные старики о восхитительном мире, распахнувшемся пред ним? Он будет с ними кроток, ибо жалеет их, и если они начнут поносить и порицать его, он смиренно примет это. Его бескрайнее счастье давало уверенность, что все в руках Всмогущего и надо лишь спокойно покориться Его воле. Он принес много жертв судьбе, но получил взамен то, что не отнять. Он был благодарен и безропотен, он любил жизнь и человечество, растеряв былую воинственность. Он знал, в чем его долг, но не станет перечить противникам. Пусть менее удачливые найдут утешение, а у него останутся ежедневные свидания с Катрин под сенью леса или в холмах в мягком солнечном свете последних дней осени.

В воскресенье он прочел проповедь, о которой еще долго толковали в Вудили. Он говорил о сострадании — теме,

не слишком популярной в Церкви и отданной на откуп больным телом, таким, как мистер Фордайс. Юному же пастору, с румянцем, обретенным в холмах, и с ладным телосложением драгуна не пристало распространяться по пустякам, кажущимся потерей драгоценного времени, ибо такие, как он, должны придерживаться более солидных предметов. Как бы то ни было, Дэвид говорил о милосердии с серьезностью, весьма впечатлившей слушателей, рассуждая так, словно речь шла о смерти и Судном дне. В кирке опять появилось новое лицо. У самой кафедры, не сводя глаз с проповедника, сидел худой как щепка мужчина с вытянутой головой и усыпанной веснушками кожей, борода его свисала клочками, а глаза мерцали красным огнем, как у хорька. После службы Дэвид заметил, что прихожане сторонятся пришельца. Когда тот двинулся к выходу, все отпрянули от него, как овцы от колли.

Вечером Изабел рассказала хозяину о чужаке.

«Явился сыскной вынюхивать, — торжественно провозгласила она. — Вчерась прибыл и все с Чейсхоупом шушукался. А днем в кирку рожу свою конопатую да тусклооую сунул. Прозывается он Кинкейдом, Джоном Кинкейдом изпод Ньюботтла, ох, поговаривают, лихой он малый. Угу, сэр, стыдная у него работенка: всех по кругу пытается расспросами, забалтывает, а опосля вытягивает из людей признания. И так запросто от него не отбрезаться, мастер он слово за словом тащить. Саму-то меня Кинкейдом не напужать, но ежели б вы принялись мне вопросы задавать, мистер Дэвид, да в очи заглядывать, то и я б глупостей наболтала, в двух соснах заплуталася бы. Я им в поиске ведьм не помога, нету ничего про то в Писании святом. Не иначе то придумка дурных законников из Эмбро, черны их душеньки».

На следующий день, по дороге в Аллерский приход, Дэвид много размышлял над словами Изабел. Кто мог прислать дознавателя в Вудили... и поселить у Чейсхоупа? Работает ли он на Пресвитерский совет? Нет ли у кого задумки скрыть большой грех, изловив мелких сошек? Он знал, о дознавателях ходит дурная слава, негодяи они и мошенники, пользующиеся народными предрассудками и часто ви-

новные в невероятной жестокости. Даже закон смотрит на них неодобрительно. Дэвиду не хотелось бросать приход, пока такой мерзавец свободно рыскает там.

Заседание Пресвитерского совета продлилось два дня. Дэвид прибыл на него с открытым сердцем, но вскоре понял, что происходящее его страшит. Начали с долгих молитв и укоров юному собрату. Председатель вел себя очень строго и торжественно, одновременно напоминая верховного судью и пастора, обходящего столы на Святой ярмарке¹. Он объявил, что рассматривать будут лишь обвинение в пособничестве врагам Церкви. Обвинение некоторых прихожан в ведовстве, выдвинутое ранее священником из Вудили, отложат на другой день, так как Тайный совет успел назначить комиссию для расследования дьявольских козней в приходе. Комиссия состояла из самого мистера Мёрхеда, боулдского пастора и лэрда Килликхэра. Так вот откуда дознаватель, подумал Дэвид. Мистер Мёрхед добавил, что дал делу ход по просьбе благочестивого старейшины, всем известному Эфраиму Кэрда из Чейсхуапа.

Суд состоял из четырех десятков священников, что входили в Пресвитерский совет; отсутствовал лишь мистер Фордайс, вновь прикованный болезнью к постели. Это было предварительное заседание, на которое не вызывались свидетели: предполагалось, что обвиняемый сам поможет в прояснении дела и тем сузит предмет обвинения. Председатель зачитал письменные показания, данные под присягой, но не назвал имен, объяснив, что имена будут раскрыты, когда истцы явятся лично. Одно свидетельство исходило от солдата Лесли, и Дэвид догадался, что остальные, должно быть, дело рук его паствы. Подробности были все те же: найденная на конюшне роялистская форма, вмешательство в армейские дела в Гриншиле и слова, обвиняющие солдат в грехах. Однако Дэвида поразило, что о его собственном признании вины мистеру Мёрхеду упомянуто не было. Поведение Председателя указывало, что он готов забыть тот эпи-

¹ Святая ярмарка — ежегодный праздник шотландских пресвитериан, длящийся неделю и заканчивающийся ритуалом Господней Вечери.

зод и желает, чтобы Дэвид отринул все как пустые наветы. Он всеми способами подталкивал его к этому. «Суд будет рад, если наш юный собрат опровергнет самые весомые обвинения, — сказал он. — Всем ведомо, что в грозные дни войны или в преддверии ее говорят много глупостей, к тому же в такой суматохе можно совершить опрометчивые, даже весьма серьезные поступки без малейшего злого умысла. Все братья во Христе желают решить дело в пользу мистера Семпилла, ибо не исключено, что все объясняется неосторожным и необдуманным высказыванием юноши, неправильно истолкованным и неверно переданным кем-то из услышавших его».

Но Дэвид сделал вид, что не понял намека. Он честно признал, что прятал в доме беглеца из армии Монтроза и помог ему скрыться. Когда его попросили назвать имя солдата, он отказался сделать это. А также сообщил, что намеренно, хотя и слишком поздно, вступился за ирландку в Гриншиле и вполне серьезно и искренне сказал ее преследователям все, что о них думает.

— Здесь говорится, — произнес грузный мужчина, пастор из Вестертонна, — что вы напророчили бедным солдатам вечные муки за то, что они исполняют свой христианский долг, и насмехались над ними, будто люди они менее достойные, чем приспешники нечестивца Монтроза.

— Вас ввели в заблуждение, мистер Арчибальд, — вмешался Председатель. — Похоже, тогда почтенные воины слишком долго смотрели в стакан и плохо понимали, что им толкуют.

— Я сам с уверенностью не помню, что именно говорил, — ответил Дэвид, — но не исключаю, что говорил именно так. В любом случае я об этом думал и собирался сказать.

По залу пронесся вздох осуждения, Председатель покачал головой. Он честно старался помочь Дэвиду выпутаться, не из особой любви к нему, но из поддержания репутации Церкви. Этого желали все присутствующие. Когда Дэвид смотрел на суд, он видел людей глупых, напыщенных, смущенных, но никак не недоброжелательных. Будь у них

возможность обойтись с ним мягче, они бы так и поступили — во имя общего призвания.

Дэвид искренне стремился к кротости, но как бы сдержанно он ни отвечал, было ясно, что здесь столкнулись две непримиримые точки зрения. Ему вновь и вновь предлагали признать, что чужака в пастырском доме приютила служанка, женщина невежественная и, следовательно, заслужившая менее суровое порицание. Разве обвиняемый сам не признал, что это она связала одежду в узел и спрятала ее на конюшне? Но Дэвид упорно не хотел сваливать все на недоразумение. Это он дал пристанище беглецу; все, что делалось, делалось по его приказу; и да, он ответит на вопрос боулдского пастора: случись истории повториться, он поступит так же. В конце первого дня собрания отпали всякие сомнения в виновности Дэвида: он сам все подтвердил — во всеуслышание и с небывалой страстностью.

Дэвиду не нашлось места за столом на общей трапезе в «Скрещенных ключах». Поселился он на небольшом постоялом дворе в Норсгейте, где обычно останавливались гуртовщики и ходябщики, и провел остаток вечера, прогуливаясь по берегу Аллера, под холмом с киркой и замком на вершине, и наблюдая, как на порогах форель выпрыгивает из реки. Наутро, приняв во внимание добровольное признание обвиняемого, Пресвитерий заспорил, на каких принципах остановиться. Дэвида вызвали для объяснений, и он, помолвившись о даровании ему смирения, предстал перед Советом. Каждое его слово возбуждало все большее негодование в сердцах слушателей. Он заявил, что помощь беззащитным, пусть и виновным, есть дело, угодное Христу. Разве не грешно прогонять от порога голодного человека, даже если он враг Церкви?

— Неужто вы не видите разницы? — гремел боулдский пастор. — Есть логика в вашей голове? — И он процитировал дюжину кровожадных примеров из Писания, указывающих на неправоту Дэвида.

А тот вдруг задал вопрос: неужели Суд в годину гражданской сумятицы и братоубийственной войны не понимает, что здесь ведется борьба детей Израиля с племенами

хананейскими? Люди, против которых они сражались, такие же христиане, более того, такие же пресвитерианцы. И если они и заблуждаются, разве заблуждение столь необходимо смывать кровью?

Он затронул щекотливую тему, чем немедленно навлек на себя поток пламенных возражений. Оппоненты цитировали не только Писание, но обратились к уставу Церкви. Один возопил, что речь идет о противлении, столь же грешном, как и чародейство. «Что случилось с почтением, кое должен питать юноша к своим отцам во Христе? — возмущался другой. — Ужель уподобимся мы Ровоаму, внимавшему желторотому юнцу, а не старейшинам, к коим перешла мудрость его отца Соломона?»

Вскоре Дэвид умолк. Он вспомнил, что ему подобает кротость, к тому же не видел проку в пустых спорах. Он почтиительно подставил голову под удар, обрушившийся на нее в виде обрывков недавних проповедей от дюжины пасторов. Председатель призвал Суд к спокойствию.

— Прискорбно сознавать, что наш юный брат сошел с тропы Христовой, — произнес он голосом, полным сожаления и негодования. — Он как церковь Лаодикийская, о коей написано: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». Говорю вам, сэр, тот, кто не с нами, тот против нас; в день Страшного суда колебаться не будет дозволено. Долг Церкви следовать Его ясным заветам, и не найдем мы покоя, покуда не изничтожим зло, закрывшееся в наши ряды. Станем гнать его, как Варак гнал колесницы хананейские до Харошев-Гоима, и уничтожим, как уничтожил он войско Сисары, до последнего человека. Вы одержимы заблуждением, и, покуда не раскаетесь, нет вам места в Земле обетованной. Уподобились вы Лоту, покинувшему свое племя и разбившему шатры у Содомы, тогда как Церковь это Авраам, селящийся у дубравы Мамре, что в Хевроне, и создавший там жертвенник Богу¹.

Пресвитерий воздержался от вынесения приговора, решив обсудить его при следующей встрече, куда, если будет

¹ Быт. 13:18.

необходимо, вызовут свидетелей, но также учел и то, что священник из Вудили, признав вину, продолжает упорствовать в неповиновении, и посему священники единогласно заключили, что его следует отстранить от исполнения пасторских и проповеднических обязанностей и лишить всех связанных с саном привилегий. Приближалась зима, приносящая с собой бездорожье, отчего прихожан на службах ожидалось меньше, и Совет постановил, что отныне обязанности Дэвида будут исполняться мистером Фордайсом, который станет читать проповеди попеременно в кирках Вудили и Колдшо.

Дэвид ехал домой, не ощущая ни радости, ни грусти. Он не стыдился отстранения, но сердце болело от осознания, что от братьев во Христе его отделяет пропасть, а все надежды, год назад возлагавшиеся им на служение Господу, растаяли без следа. Он понимал, что оказался плохим священником, не способным, в отличие от других, на верность Церкви, являвшей собой дело рук человеческих. «Они извратили сами принципы разума и справедливости», — вспомнил он слова Монтроза, однако в большинстве своем эти люди были честными и набожными и их добродетели, в общем и целом, перевешивали их пороки. Несчастливая судьба столкнула его именно с их заблуждениями. Но если Церковь отрицет его, с ним останется Христос: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора»¹, — вот что сказал Иисус, и Дэвид кротко пойдет на свет, дарованный ему. Во время суда он не дрогнет в своей борьбе против Леса, и ему воздастся за все, что было утрачено, когда он, как Самсон, обрушит всем на головы колонны храма... Он утешился этим, хотя в глубине души знал, что не нуждается в утешении, ведь мысль о Катрин согревала его своим огнем.

Он подъехал к дому в сумерках и увидел, что Изобел поджидает его на дороге.

— Боже, храни нас и спаси! — сказала она. — В Вудили деется жуть жуткая. Они сыскали ведьму, и ладно б кого, а то горемыку Бесси Тод из Мэйнза. Ужо не ведаю, что они с

¹ Ин. 10:16.

ней сотворили, но всю-то ночь деревня содрогалась от ее воя. Сыскной узрел Чортову отметину на ее спине и вогнал туды булавку ажно по головку, а юшки не было. Опосля палили ей ноги свечками и подвешивали к балке за одни токмо большие пальцы, покуда не призналася она во всех грехах. Поверить не могу, бедная скудоумка, но ежели она и впрямь якшалася с Супостатом хычь наполовину от ее слов, то, сэр, помыслить боязно, сколь черной бывает человечья душа. Поведала она, что Диявол дал ей новое имя, но не открыла, какое, а еще всякое Господне воскресение сиживала она в кирке и молилася ему: «Отче наш, еже пребывал на небеси». Но даже ежели она пала, не по-божески так травить человека, пороть хлыстом да жечь огнем, покуда не завопит, аки взнузданная кобылка. Ежели суждено ей помереть, так пущай помрет скорее. Бога ради, мистер Дэвид, пущай свезут ее в Аллерский застенек, Шериф там подобрей будет, нежели этот красный хорек. Как гляну в его очи лютые, до костей содрогаюся... А Чейсхоуп обок него встанет, речи мягкие да поганые ведет — и щерится, аки котяра на мыша.

Дэвиду стало плохо от отвращения. Чейсхоуп нанес ему упредительный удар, отвел подозрения от себя, принеся в жертву полоумную женщину. Однако Бесси Тод действительно участвовала в шабаше: это ее седые лохмы он видел в Лесу. Чейсхоуп руководил дознанием и пыткой, и он, конечно, позаботился, чтобы в ее бреде не было ни слова правды. А Изобел, так яростно защищавшая эту самую женщину от обвинений пастора, была теперь готова поверить в ее признание. Ей невыносима жестокость, но она убеждена в совершении греха. Все прихожане наверняка воспримут это так же, кто же не поверит открытому и добровольному признанию, ведущему к позорной смерти?

— Где эта несчастная? — спросил Дэвид.

— Они заперли ее в пуне Питера Пеннекука... Заполучили все, что хотели, и послали за Шерифом, дабы он ее в Аллерскую башню свез, куда они колдунов запирают... Они все в пуне, а народ от дверей не расходится. Не заглянете домой перекусить?..

Но Дэвид лишь оставил лошадь и пристегнул к поясу шпагу, которую примеривал в вечер второго Белтейна. Он так быстро побежал в деревню, что добрался до дома Питера Пеннекука раньше, чем Изобел, вызвавшаяся проводить его, дошла до поворота от кирки.

Ночь выдалась темная, но в пуне мерцал огонь. Дэвид однажды видел охоту на ведьм, когда был мальчиком и приезжал в Либертон. Он помнил разъяренную шумную толпу, собравшуюся у кабачка, в котором держали обвиняемую. Но в Вудили было не так. Люди стояли притихшие, стараясь не привлекать внимание. Большой амбар, когда-то служивший зернохранилищем для Мэйнзской усадьбы, был сложен из грубых камней и глины и покрыт высокой соломенной крышей. Из его щелей лились тонкие лучики света. Никто не напирал на дверь, селяне собрались группками в нескольких шагах от постройки, примолкшие, как на воскресной службе. Света не хватало, и Дэвид не разбирал лиц, но человека, охранявшего дверь, он узнал. Это был Риверсло.

Успевший напиться фермер весело поприветствовал пастора.

— Зацапали мы одну с шабаша, — громко прошептал он, — вы сами ее видали в Лесу.

— Но Чейсхоуп среди ее обвинителей.

— Мне ведомо, но и гадину мы прижали, с Божьей помощью. Во всяком разе, один чорт прищучен.

— Глупец, это же уловка, которой Чейсхоуп отвлекает нас от Леса. Несчастная призналась в малых грехах, а он сможет гулять на все четыре стороны.

Слова пастора с трудом доходили до затуманенного разума Риверсло, но наконец он все понял.

— Да проклянет его Господь, сдается мне, истину речете. Делать-то что станете, сэр? Вы мне токмо прикажите, и я пойду и вот этими руками вырву правду прям у него из поганой глотки.

— Оставайся здесь и никому не давай уходить, пока я не разрешу. Посмотрим, может, мне удастся добиться справедливости.

Но когда Риверсло, открыв тяжелую дверь, выпустил его внутрь, Дэвид с первого взгляда понял, что опоздал. В одном углу огромного пустого помещения лежала грудa соломь, на бочке в центре мерцал фонарь. Рядом с ним, на перевернутой тачке, с бумагой в руке и чернильницей на цепочке на шее, довольно ухмыляясь, сидел дознаватель. Когда-то он был школьным учителем, и сейчас в его манере держаться сквозило что-то от прежнего занятия. За ним Дэвид увидел сидевших на бочках или на корточках людей, примерно с дюжину: Чейсхоупа поближе к сыскному, Майрхоупа, мельника, Питера Пеннекука, фермера из Нижнего Феннана... Свет был слишком тускл и не давал разглядеть всех. Каким-то образом в амбар проник Тронутый Гибби и теперь притулился на выступе неровной стены; его длинные босые ноги болтались над самой головой Чейсхоупа.

На соломе, позади бочки с фонарем, лежала ведьма. Седые волосы разметались по голым плечам: лишь они да порванная нижняя юбка скрывали ее наготу. Следы пытки были видны даже в потемках. Ступни женщины почернели и распухли, руки с вывернутыми большими пальцами свисали плетью, будто больше не принадлежали телу. Белое лицо пошло жуткими бесцветными пятнами, рот широко раскрылся, словно изнутри ее терзал огонь. Кажется, она бредила: бормотала и пускала слюни, едва шевеля губами. Временами ее тощая грудь неистово содрогалась.

От такого зрелища внутри Дэвида все перевернулось: в голову ударила кровь, в горле застрял комок. Он всегда ненавидел жестокость, хотя редко сталкивался с ее чудовищными проявлениями, и от вида замученной старухи душа его восстала, негодуя. Широкими шагами он прошел к фонарю и присмотрелся к лежащей, но отвернулся, не выдержав ужаса. Он увидел пытливые глазки дознавателя, красивые, как у курицы-наседки, и угрюмое лицо Чейсхоупа, не выражающее никаких чувств.

— Какого черта тут творится? — вскричал Дэвид. — Ответь, Эфраим Кэрд. Кто этот фигляр? Что вы сделали с бедной женщиной?

— Все вершилось порядком да по закону, — ответил Чейс-хоуп. — Пресвитерий постановил очистить пасторат от греха чародейства, а этот достойный человек, искусный во всяческих премудростях, прислан верховодить нами. Наверно, слыхивали, Тайный совет созвал комиссию проверить обвинения, но перво-наперво надобно сыскать ведьм и вырвать у них признание. Эта женщина, Элспет Тод, созналась во всем самолично, мы записали черные дела, сотворенные ею. Отправили Шерифу словечко, а поутру, ежели ничто не помешает, он прийдет за ней и препроводит в Аллерский приход.

Фермер говорил гладко и не без почтительности, но Дэвид предпочел бы услышать ругань и проклятия. Он с трудом удерживал себя в руках.

— Как вы добились признания? Отвечай! Вы истязали ее тело и свели с ума, а страдающая плоть и помраченный рассудок признаются в любой глупости.

— Мы пользовались средствами, одобряемыми во всяком пресвитерии в нашей земле. Всем ведомо, плоть, запроданная Дияволу, особая и злой дух не заговорит, ежели его не принудить.

Дэвид выхватил бумаги у дознавателя и поднес к фонарю. Признание было записано учительским почерком, и хотя формулировка выглядела странной и туманной, он понял главное. Пока пастор читал, в амбаре повисла тишина, лишь старуха бормотала на соломе да Тронутый Гибби мычал на своем насесте.

Написанное показалось Дэвиду бредом сумасшедшего. Обвиняемая созналась, что колдовала и вылечила в Мэйнзе корову, вынув живую рыбу из ее живота. В Нижнем Феннане она слглазила мальчика, Хобби Симсона, он заболел и на три месяца слег в постель. Из глины она слепила фигурку одной из майрхоупских молочниц, пронзила ее булавками, и девушка все лето страдала от болей и тошноты. Она стреляла скот кремнёвыми стрелами и наложила заклятие на поле в Виндивэйз, прогнав вокруг него жабий выводок. Дьявол заключил с ней союз на пахоте в Майрхоупе и дал ей новое имя, которое она отказалась назвать, и на том поле с

тех пор ничего, кроме чертополоха, не растет. Хозяин навещал ее, приняв облик черного кота, она сама превращалась в кошку, и они разъезжали по округе, вцепившись в круп одной из Его кобыл. Поколдовав над водой из семи бегущих на юг ручьев и девятью ягодами рябины, она добыла себе пропитание на все время зимнего голода. Несколько ночей подряд она ездила на шабаш в Топи Чарли, оседлав Джона Хамби, батрака Чейсхоупа, а наутро Джон был такой вымотанный, что не мог работать. Этот самый Джон подтвердил, что по утрам в его ушах стоял крик «Но, лошадка!» На шабашах в лунном свете собравшиеся пекли и ели ведьмин хлеб из серого ячменя, смешанного с черной жабьей кровью, и напевали заклинание:

Блуди, девица, с рубакой,
Псу, поп, кирку отвори,
Мертвецу пошей рубаху,
Но успеи все до зари.

Она призналась, что помогала женщинами рожать без боли, правда, не сказала, кому именно, но дети при этом рождались мертвыми, становясь «мздою» Дьяволу. Наконец, что было хуже всего, на ее спине нашлась ведьмина отметина.

Кое-что из документа Дэвид зачитал вслух, и в голосе его звучало горькое презрение. Он сам искренне верил в опасность колдовства и в Дьявола, способного принимать человеческий облик и сбивать души людские с пути истинного, но список грехов Бесси Тод виделся ему по-детски наивным, не достойным доверия. Любая женщина, сводимая с ума болью, могла бы признаться в подобном, лишь бы облегчить страдания. Большую часть написанного Дэвид помнил с детства: такое обычно рассказывали о ведьмах, он и песенку эту сам напевал. Еще он точно знал, что никакой еды у Бесси зимой не было и она бы умерла от голода, если бы он не подкармливал ее с собственного стола... Он видел ее в Лесу, но о Лесе вообще не упоминалось. На пытке присутствовал Чейсхоуп, и он наверняка позаботился, чтобы

она помалкивала о нечестивых празднествах. Несчастливая была виновна, но не в несуразице, в которой призналась.

Он смотрел на Бесси Тод, распластанную в бреду на соломе и, возможно, умирающую, и тут ему на ум пришла ужасная мысль. Она является жертвой, принесенной ведьмами своему хозяину... Он когда-то читал о подобном и забыл, но сейчас вдруг вспомнил... Наверное, она пошла на это добровольно — что-то забрезжило в его памяти — вызвалась сама, испытывая извращенное удовольствие от возможности признаться в грехе. Пытка подстегнула ее воображение. Изобел всегда говорила, что Бесси не в себе... Может, на нее пал жребий во время шабаша в кирке накануне Дня всех святых... Чейсхоуп был не инквизитором, а темным жрецом, проводящим ритуал.

Злость и отвращение вызвали волну ярости. Дэвид порвал записи в клочки и швырнул их в лицо дознавателя.

— Так вы совершили двойное преступление? — вскричал он. — Замучили бедную слабую женщину и выдали ее бред за правду? Может, вы убили ее, душегубы! Ваши грехи не скрыть от Бога, и твои прежде всего, Эфраим Кэрд, я сам видел, что ты по уши погряз в чернейшем чародействе.

Чейсхоуп вежливо улыбался.

— Ужо не ведаю, по какому праву влезаете вы в это дело, сэр, — сказал он. — Порвали-то вы копию, но само свидетельство нынче же ночью будет в надежных руках. Вы пошли наперекор Пресвитерию и закону и отстранены, то ужо всем поведано, вы долее в пасторате не священник. Шли бы вы к себе в постелю, сэр, и помолились, дабы избавил вас Господь от грешной самонадеянности. А женщина эта пробудет ночку под замком, покуда Шериф не пришлет за нею.

— Сегодняшнюю ночь она проведет в моем доме — и, Бог свидетель, я помогу ей восстановить силы.

Если говорить о чувствах присутствующих, то их ужас казался не меньшим, чем ужас священника. Один Чейсхоуп сохранял самообладание, остальные взирали на происходящее со страхом и растущим гневом.

— Неможно этакое допустить, — мрачно произнес Майрхоуп.

— Хорош же поп, коли он готов замарать свое жилище грязным ведьмовским духом. Видать, он и сам не прочь с Чортом якшаться, — выкрикнул кто-то из темноты.

Дознаватель заерзал и осклабился, бросив довольный взгляд на корчившуюся на соломе женщину.

Дэвид потерял всякий самоконтроль и, сам того не желая, вытащил шпагу.

— Она идет со мной. Не смейте препятствовать мне в исполнении простого долга. Если станете сопротивляться, пожалеете об этом.

— Пойдешь поперек воли совета? — как бык, взревел Майрхоуп и вскочил на ноги. Но дурачок на насесте неожиданно подбодрил пастора:

— Славно, сэр. Славно, миленький мой мистер Дэвид. Пырните-ка его ножиком в брюхо. А я вам посохом подмогну, матушку-то как они умучили. Ночью я очей не сомкнул, все ее вою внимал.

Среди общего смятения раздался еще один голос, и Дэвид увидел нового арендатора Кроссбаскета.

— Уберите оружие, сэр, — сказал он. — Не дело христианину сражаться с христианами. Эти честные люди следовали за явленным им светом, и ежели кого обвинять, так это сыскного, что прибыл в наши края неведомо откуда.

Его спокойный голос растекался, как масло по пенным водам. Дэвид вложил шпагу в ножны, Майрхоуп вновь уселся на бочку, Чейсхоуп повернул голову к говорившему, и впервые на его лице мелькнула тревога.

— Простите вы меня, соседи, — продолжил Марк, — хыч я в приходе и новичок, однако успел повидать всякое-разное на этом свете и не желал бы сызнава глядеть, как честные малые бьются главой о стену. Женщина эта, мож, и ведьма, мож, и хуже, но сдастся мне, перестарались вы с дознанием, и не поклеплю, коли скажу, что к зорьке тело ее остыть успеет. Разумейте дело, други: у нас ныне не суд, что комиссия от тайного совета вершить станет, а токмо обычный сход народа, что за Церковь да за Закон. Довелось и

мне одно время с Законом сталкиваться, и ведомо мне, как все деется. Законники не одобряют таковские деяния сыскного али еще какого доброхота. А ежели благонамеренный люд под его верховодством запытает кого до смерти без суда и следствия, то по закону прозовется сие убийством, ведь это все равно что взять нож да глотку под забором путнику перерезать. Боязно мне, что нынче, опосля таких дел, попали все в беду.

Марк говорил с такой заботой и искренним сочувствием, что никто не посмел возразить. Стало ясно, что подобные сомнения роились не только в его голове.

— Да выживет старуха, — сказал Майрхоуп. — Таковскую жилистую каргу вывихнутыми пальцами да прижатными пятками не заморить.

— Хычь бы ты был прав, соседushка, — сказал Марк. — Но ежели она помрет, что ты Шерифу поведаешь — а законному суду? Сняли вы у нее с языка длинный перечень непотребств, но согласен я с пастором, всякий умом тут тронется, а она и так головою слаба была, к тому ж муки адские претерпела и сдалась. Да пребудет со мной Господь, однако слыхивал я почти все те побаски, когда у бабушки на коленках сиживал. Внемлите, друти, доброму совету, пущай пастор ей жизнь сохранить попробует, иначе примется Вудили стонать, как токмо к нам Королевские судьи наведаются.

Чейсхоуп начал сердито возражать, но его мало кто подержал. Многие выказывали признаки волнения.

— Касаемо сыскного. — Теперь голос Марка усыплял и улещевал, как слова ходебщика, расхваливающего товар на кухне трактира. — Ничего мне про него не ведомо, но он мне не по нраву. Чудится мне, ежели б подвесили меня за пальцы да таковским злобным оком на меня зыркать стали, я б сам всякого наболтал. Хитрецу не большая трудность заставить слабака подчиняться... А ну-ка встань с тележки, — резко приказал он. — И поди вблизи к фонарю, дай-ка на тебя глянуть.

Эти слова прозвучали как удар хлыста. Все вокруг переменялось, женщина перестала бормотать, и Дэвид, стояв-

ший чуть поодаль, смотрел, как Марк двинулся вперед и подошел вплотную к дознавателю. Ярко освещенные фонарем, они были видны всем. Дознаватель неловко поднялся и прикрылся рукой, словно опасался удара; Марк, со смуглым лицом темнее тучи, угрожающе навис над ним.

— На меня гляди, — рявкнул Марк. — Прямо в очи, ежели есть в тебе хычь капля хоробрости.

Зрачки дознавателя были как черные точки в мертвенно-белых глазных яблоках.

— Назвался ты Кинкейдом, но много у тебя имен. Был ты наставником при школе, изгоняли тебя из попов, воровал ты и сам за татями гонялся, шпионил и охотился на ведъм, да и в колдуны легко подашься, коль Чорту примерещится, что душонка твоя хычь медяк стоит... Повернись к свету и не отводи взора... Ответствуй, иначе разверзнется пред тобой геенна огненная. Молвили ли когда твои уста что-то окромя поганых врак? Повторяй: «Я лгун, как и отец мой Диявол».

— Я лгун, — прохрипел Кинкейд.

Марк вытянул руку и провел ею у лба дознавателя.

— Что у тебя в башке? — спросил он. — Честные мысли? Ну нет, срам и мерзость. — Скованным ужасом зрителям показалось, что рука Марка прошла сквозь череп сыскного, как нож сквозь масло.

— Что в твоих очах? — возгласил он. — Кострища преисподней и всепоглощающий червь. Боже! Из них так и пышет жаром!

На какое-то мгновение все увидели, как красные языки пламени подскочили к потолку, а Тронутый Гибби так перепугался, что свалился со стены и кинулся к двери. Распахнув ее, полоумный закричал из-за спины Риверсло, обращаясь к селянам на улице:

— Все сюды, всякий иди внутрь! Сыскной, что запытал горемыку Бетси, получает по заслугам, Весельчак Марк заставлял его изрыгать адское пламя. Сюды шагайте — не пожалеете!

Риверсло и еще человек десять вошли в амбар. Дверь осталась приоткрытой, ночной ветерок поднял над полом

пыль и шелуху, отчего красный огонек превратился в жуткое мерцающее облако, повисшее над дознавателем, как дьявольский нимб над грешником.

Марк положил руку ему на плечо.

— А это что? — возопил он, разрывая рубаху и обнажая шею мужчины. — Провалиться мне на месте, ежели это не сосец Диявола! — Конечно, зрителям тут же почудилось, что над грудью растет маленький черный сосок.

Бедняга дознаватель был вне себя от ужаса. От страха кровь отхлынула от лица, отчего глаза стали неестественно яркими и горящими, даже когда красный свет в амбаре поблек.

— Тут и хлыста не надобно, дабы вытянуть из сего плюгавца признание. — Марк все еще держал железной хваткой его за плечо. — Ежели имеются у кого из соседей худые мысли, токмо скажите, и я вытяну из него признание, аки урок из школяра. Пуцай поведает, как верховодил он Черной мессой в кирке в Ночь всех святых... Что ж примолкли? Ладно, пуцай шавка признается в том, что у него самого на совести.

Он отпустил дознавателя, и тот, невнятно бормоча в полубомороке, повалился на землю.

— Глянь на своего славного сыскного, — сказал Марк Чейсхоупу. — Вот кого ты призвал выбивать правду из старух. Делай с ним, что пожелаешь, но я б на твоём месте, раз уж вы так снюхались, гнал бы его поганой метлой из прихода, иначе народ соберется и притопит его в тутошней заводи.

Бледный и заикающийся Чейсхоуп, оставленный всеми союзниками, все еще был готов к схватке.

— Возражаю, — выкрикнул он. — Ужо не ведаю, что за чортовы штуки ты тут проделывал с этим достойным чело-
веком...

— Те же, что и он со старухой: чутку порасспросил.

— Ужто моя вина, что на него никакой надежи? — попытался вывернуться Чейсхоуп. — Его к нам в пасторат прислали как человека добронравного. Однако ж как бы ни

было слабо орудие, Господь явил себя чрез него и добился признания...

— Угу, прям так и было, — сухо произнес Марк. — К чему, добываясь истины, делать это чрез таковское орудие? А ты был стал пить водицу из подгнившей заводи?

— Пути Господни... — начал Чейсхоуп, но Марк перебил его. Он приблизил свое темное насмешливое лицо к лицу противника, и косой левый глаз вдруг чудовищно преобразился, сделавшись пугающим.

— Внимай, дружок. Что баба, что мужик наболтают всяческих глупостей, ежели хорошенько их припугнуть. Ты видал старуху, видал сыскного. Неужто и сам на их место пожелаешь? Мужик ты матерый, все твою сторожку ведают. Но мне и пальцы крутить да шкуру прижигать тебе не придется, ты сам через десяток минут запоешь так, что пасторат до самого Йоля очей не сомкнет... Ну, судьбу пытаться будем?

Здоровяк отпрянул.

— Не, неа. Не ведаю, что за заговор тебе Диявол открыл, но на меня ты чар не наложишь.

— Вот и славно. — Марк обратился к остальным: — Соседи, вы видали, что мой заговор, как прозвал его Чейсхоуп, был всего токмо честным спросом. Мне боязно думать, что всей деревне придется страдать за то, что деялось ноне. Чем быстрее мы уложим женщину в постель и перевяжем ей раны, тем лучше.

— Надо поскорее отнести ее ко мне в дом, — сказал Дэвид. Он как раз осматривал несчастную, только что потерявшую сознание, и ему показалось, что ее сердце еле бьется.

— Что уж говорить, то самый мудрый выход, — сказал Марк, но тут у Чейсхоупа нашлись товарищи. Майрхоуп, арендатор из Нижнего Феннана и мельник обменялись беспокойными взглядами.

— Пуцай ее несут к Элисон Гедди, — громко потребовали они. — У нее и постеля отыщется, да и дом поближе будет.

— Она отправится ко мне, — сказал Дэвид, — и я сам о ней позабочусь. После всей чертовщины, что вы натвори-

ли, я никому не доверяю.

Амбар к этому времени переполнился, и Дэвид видел, что многие в приходе предпочитают смотреть да помалкивать. Стало ясно, что поборников у Чейсхоупа значительное количество: одно упоминание о пасторском доме пробудило нездоровое волнение не у одного прихожанина. Дэвид решил действовать, вытащив из глубины зернохранилища деревянные сани для перевозки торфа. Набросав на них соломы, он положил туда женщину.

— Риверсло! — позвал он. — Берись за одну оглоблю, я возьмусь за другую.

Фермер сделал шаг вперед, и на мгновение показалось, что его схватят и утащат обратно. Мужчина окинул толпу разъяренным взглядом.

— Угу, сэр, сделаю, как говорите... И ежели хычь кто-то попытается меня удержать, лежать ему с переломанными косточками.

Странная процессия беспрепятственно двинулась сквозь темноту. Возможно, им не мешали потому, что чувствовали их правоту; возможно, селяне испугались гнева Риверсло или бледного как мел Дэвида со шпагой на поясе; но, скорее всего, дело было в идущем бок о бок со священником Марке Ридделе.

* * *

Бесси Тод умерла под утро. Изобел встретила старую подругу с слезами и причитаниями, уложила на лучшую кровать, обмыла и обработала раны и попыталась напоить ее травяными настойками. Но на долю хрупкой престарелой женщины выпало слишком тяжелое испытание. Дэвид всю ночь просидел у ее одра, и хотя она перед самой смертью все же пришла в себя, ее рассудок безнадежно пострадал: она лишь бормотала бессмыслицу и напевала обрыв-

ки детских песенок. Он не мог молиться вместе с ней, но молился рядом, страстно желая принести успокоение отходящей в иной мир душе.

Изобел уложила тело, закрыла глаза умершей и с тревогой спросила пастора, есть ли надежда, что грех будет искуплен.

Дэвид покачал головой.

— Бедняжка, запродалася Чорту, а получила одно токмо худо. Станем надеяться, сэр, что прежде чем посеять рассудок, она успела отринуть Супостата и с мольбами припала к Божьему престолу... Живет в Вудили народ, коему сие придется не по нраву. Мистер Дэвид, прошло времечко, когда я удерживала вас, а нынче взываю, идите вперед, не отступитесь, покуда не вернете в Вудили страх Божий, и пушай грешники воют и молят о кончине тихой, как у Бесси.

Глава 17

ВУДИЛИ И КАЛИДОН

Дознаватель исчез из прихода ночью. Бесси Тод тихо и пристойно похоронили на кладбище при кирке, и проводить ее пришли все родственники-мужчины, словно ничто никогда не угрожало доброму имени покойной. В душах простого люда, жившего в Вудили, действительно произошел некий перелом. При жизни Бесси любили, теперь ее жалели и вздыхали по ней, а поражение дознавателя будто свело ее признание на нет. Но имелись и такие — и Чейсхоуп был их предводителем, — которые полагали, что со столь серьезными делами не шутят и священник своими поступками накликать бед на пасторат. Он схватился за оружие, как мятежник, и принизил ужасное признание еще до краха дознавателя. Может, Бесси и не была ведьмой, но, бросившись на ее защиту, он показал всю постыдную несходимость к греху. Как бы ни были стары и слабы женщины, ежели они связались с Сатаной, не достойны они никакой христианской жалости. Сразу видно, что пастор бунтарь и своеволец, презревший узы Церкви и Писания.

Но события той ночи заставили всю округу по-другому посмотреть на еще одного человека. Все решили, что новому арендатору Кроссбаскета перечить не стоит. Он встал грудью за приход и дал мудрый совет, ему с необычной легкостью удалось сбить сыскного с толку. Всякому ясно, это человек могущественный, и кто поручится, что силы не даны ему свыше. Против такого не пойдешь, даже Чейсхоуп в этом убедился. Когда Риддел только появился в Вудили, его приветливость привлекла людей, и вскоре он был на короткой ноге почти со всеми: его начали звать Марком в глаза и Весельчаком Марком за глаза. Но с той ночи больше никто не смел держаться с ним запанибрата; все, включая детей, начали величать его «Кроссбаскетом», а робкие поч-

тительно снимали шапки при его приближении.

Как-то вечером он зашел к Дэвиду, работавшему при свечах в своем кабинете.

— Какой премудростью вам удалось так быстро сломить дознавателя? — спросил священник.

Марк расположился в черном кожаном кресле, принадлежавшем когда-то отцу Дэвида и переехавшем в пасторский дом из Эдинбурга после публичных торгов. Скрестив ноги и откинувшись назад, солдат закурил трубку.

— Нехитрое представление, но отлично действующее на таких червей, как этот, — со смехом ответил он. — Щепоть пороху в фонарь и кое-что еще из того, что поведали мне венгерские цыгане, когда наш отряд скрывался в тамошних холмах и лесах. Но с плотью управиться дело простое. Одного вида моего ока хватило, дабы он умишком тронулся... А Чейсхоуп иного склада: есть в нем металл, возможно, вышедший из горнила Дьявола... Но пока нам удалось подрезать его кобылке поджилки. Сами видали, как он оторопел, а уж что творилось с остальными, когда вы захотели отнести старуху к себе! И растерялся он не просто так. Когда ее пытали, Чейсхоуп стоял рядом и очей с нее не сводил... Вы говорите, она была на шабаше. Вот он и побоялся, что, попади она вам в руки, расскажет поболее той дребедени, что из нее вытянули... Она ничего не сказала? Ну, мне сразу подумалось, что они перестарались. Может, даже лучше, что бедняжка умерла, ведь после такого обращения тело ее ни за что не оправилось бы.

— Доведя ее до смерти, мучители стали убийцами в глазах Господа, — сказал Дэвид.

— Без сомнения. И, вероятно, с точки зрения Закона тоже. Поэтому-то я и сказал, что мы подрезали Чейсхоупской коняге поджилки: после такого провала он на своей кобылке за ведьмами не поскачет. Тот, кто в деле разбирается, сыскных не жалует, да и в суде им милости не ждать. Убита женщина, и больше дознаватель в эти края сунуться не посмеет. А что станет со славной комиссией, вызванной Чейсхоупом для расследования, как думаете? Все пошло прахом, не успев толком начаться. Аллерский и боулдский священ-

ники и их трусливый пустомеля, лэрд из Килликхэра, разбегутся по домам, а Чейсхоуп, вместо того чтоб прятать свои грехи за страстным желанием жечь ведьм, останется с носом, и слово его и выеденного яйца не будет стоить. Народ в приходе начинает задавать вопросы, которые раньше никого не волновали.

— Я убежден, что Бесси Тод была избрана на шабаше для человеческого жертвоприношения и, возможно, пошла на это по доброй воле. Я когда-то слышал, что иногда ведьмы таким образом платят мзду Хозяину Ада... Заметьте, была она слаба умом.

— Я и сам об этом раздумывал. Меня не было, когда дознаватель допрашивал ее, но присутствовавшие на пытке говорили, что он сам вкладывал слова в ее уста. Впрочем, это согласуется с тем, что творится в этом грязном деле повсеместно. Она была обречена, словно ее уже везли на костер... Но я выяснил еще кое-что. Наш сосед из Чейсхоупа — Царь-Диявол.

— Святые Небеса, это еще что такое?

— Можете сами выведавать. Он жрец на шабаше, больше того, он и сам по себе вроде как Диявол. Вот поэтому вы видали, что в Лесу все ему кланялись и тыкались в него, как собаки. В Шотландии и до него были Цари-Дияволы. К примеру, при Якове Шестом это был Фрэнсис Стюарт, граф Ботвелл¹, эх, и славные у него имелись почитатели в Данбаре и у Басса.

— Но этот человек церковный старейшина! — воскликнул Дэвид. — Слова Писания не сходят с его уст, и не раз он обвинял меня в грехах.

— Такой вот он малый! И от лицемерия можно получать радость. И все же — все же! — зуб даю, Чейсхоуп не сомневается в чистоте своей души и верит, что сумеет свободно зайти в Рай с заднего двора. Эта ваша Церковь столь хитроумна в догматах, что человек может жиреть на собственных грехах, понося недостатки окружающих, ведь он избран, на

¹ Фрэнсис Стюарт (1563-1612) — шотландский дворянин, авантюрист, организатор нескольких попыток захвата короля Шотландии Якова VI.

него уже, как говорится, снизошла благодать и на Небесах заранее уготовано место. Сам я не разумею, как можно поклоняться одновременно Богу и Дьяволу, но есть и многие иные, что сделали это служение своей верой. У таких в одной верше Рай, а в другой — плотские соблазны: придет время помирать — они их отринут, не теряя уверенности, что то, что в первой верше, цело и невредимо. Чудное у них учение, и вряд ли я вник во все тонкости, но мне противно думать, что в это может верить честный человек, и хоть не раз меня пылко убеждали, что так оно и есть, у меня от такого мурашки по телу.

— Вы говорите не о христианской вере в избранность, а о ее извращенном варианте, — мрачно заметил Дэвид.

— Ну, нынче миром правит именно это ложное толкование. Церковь слишком широко распахнула пред грешниками врата благодати Господней, и все иные тропы к Престолу стали узки. Она изгнала простодушие, раскрыв объятия ханжеству, ведь природу человеческую не изменишь: ежели кто и объявит невинные радости грехом в глазах Божьих, люди радоваться не перестанут, но будут искать лазейки, сохраняя показное благочестие. Но заметьте, покуда удовольствие идет об руку с муками совести, оно перестает быть невинным. Достаточно капли чернил, дабы замутить чистую воду: вскоре человек начинает искать наслаждение покрепче. И вот люди, сидевшие пред вами на проповеди в кирке, уже отплясывают в Лесу, справляя языческие празднества, а человек, к которому прислушивается весь Пресвитерий, с головой погружается в такое нечестие, от коего даже простых солдат воротит. А все потому, что они в своем праве, как они это называют, у них нет сомнений в собственной богоизбранности. С чего бы им мучиться в раздумьях?

Марк улыбался, но по голосу было ясно, что он не шутит.

— Вы смеетесь, — вскричал Дэвид, — а вот я едва не рыдаю.

— Я смеюсь, дабы не начать проклинать. — Марк стал серьезен, в глазах замерцал огонь. — Говорю вам, Содом и Гоморра были меньшим кошунством пред Всемогущим, чем

это сумасшедшее кальвинистское извращение, подрывающее основы и разлагающее души людские. Они видят себя святыми, а сами сидят в навозной куче с другими грешниками.

* * *

Дэвиду запретили проводить богослужения в кирке, но он оставался пастором при приходе и мог высказываться в любом ином месте. Каждое второе воскресение кафедру в Вудили занимал мистер Фордайс и, вопреки указаниям Пресвитерского совета, обедал в пасторском доме; по прочим воскресениям Дэвид проповедовал на церковном кладбище. Двадцать лет спустя, когда одряхлевшего мистера Фордайса перевели из Колдшо в другой приход, вся округа продолжала вспоминать эти службы под открытым небом...

Такое новшество привлекло многих с первого дня, и с каждым воскресением паства росла, ведь никогда до этого Дэвид не произносил подобных речей с кафедры в Вудили. Одна из знаменитых проповедей была посвящена опасности легкомысленного отношения к спасению души. Нельзя спастись легко, полагаясь лишь на чудо, дорога к вечной жизни долга и терниста; думать, что благодать даруется сама по себе, означает презирать искушение через распятие Христово. Дэвид мало говорил о догматах и не грозил Преисподней и Судным днем, что обычно было главным аргументом любого серьезного священника. «Он славный пастырь», — отзывался как-то о нем Ричи Смэйл, — мягко и верно толкает народ к Иисусу». Душа Дэвида радовалась, отчего проповеди обрели особую теплоту, и не раз глаза его слушателей увлажнялись, и дети, притулившиеся в траве или на плоских могильных камнях, не ерзали и не перешептывались, а торжественно внимали священнику. Старейшины на его проповеди не ходили, более того, за исключением Пи-

тера Пеннекука, все они пренебрегали и правоверными богослужениями мистера Фордайса. Чейсхоупский арендатор сотоварищи шли пять миль по болотам в Боулд, дабы приобщиться к страстному боголюбию мистера Эбенезера, куда, предположительно к Новому году, Пресвитерий не вынесет окончательное решение по делу их пастора.

В Вудили образовались две партии. Одна выступала на стороне Совета старейшин, называя Дэвида роялистом и мятежником или, в лучшем случае, лаодикийцем, сомневающимся в непреложных постулатах, бунтарем, презревшим авторитеты, и проповедником хладной морали. К ней принадлежали записные благочестивцы, возмущенные его сопротивлением властям и посему охотно раздувающие скандальные слухи. На стороне Дэвида оказались такие достойные прихожане, как Ричи Смэйл и Рэб Прентис, несколько праведных женщин, пара степенных крестьянских семейств и все те, кто не мог похвастаться ни уважением селян, ни собственной набожностью. То, что за него яростно выступали вновь пустившийся в запой Риверсло и вьющийся вокруг пастора Тронутый Гибби, не шло Дэвиду на пользу: не бывать дружбе меж иудеями и самаритянами. Изобел, грудью стоявшая за хозяина, перессорилась из-за него со всеми друзьями и родными, а при встрече с чейсхоупской Джин так завелась от ее насмешек, что накинулась на женщину с кулаками и гнала ее до самых огородов Питера Пеннекука. Амос Ритчи тоже не скрывал своей приверженности, и горе тому, кто в его присутствии решался злословить про пастора. Фермеры в приходе перестали нанимать его, и в кузне редко раздувались меха, а сам коваль перебивался случайными заработками в Риверсло и Калидоне. Одному лишь арендатору из Кроссбаскета удавалось ладить со всеми. Он одинаково приветливо здоровался с Чейсхоупом и с Дэвидом и не раз по-товарищески опрокидывал чарку в «Счастливой запруде» вместе с Амосом или Майрхоупом, Риверсло или мельником. Но его популярность зиждилась скорее на страхе, а не на приязни. «Что нам о Кроссбаскете ведомо? — говорил один. — Заявился сюды с берегов Тевиота, а

где живал ранее? Да и про Джед-Уотер¹ он слыхом не слыхивал». «Ох он и хитрюга, — качал головой другой, — таковскому палец в рот не клади. Не по единому Писанию его наукам обучали. Не подивлюся я, коль однажды закипит он да озверееет. Говорите, слово он молвит, как истый христианин? Конечно, конечно, про него еще не то насвистят, имелся б рот поганный».

* * *

К концу ноября зима обычно вступала в свои права, стискивая долину в железных объятиях. Первые морозы раздевали догола деревья, в канавах лежал первый снег. Но в тот год природа будто сошла с ума. Ноябрь выдался солнечным и спокойным, и после задержки, вызванной октябрьскими дождями, селяне все равно успели собрать урожай. Овес и ячмень, лен и рожь — с их сбором управились за неделю, а так как снегов не было, скот согнали во дворы и сараи, а овец в легкие кошары на ближних полях лишь к середине декабря. Округа представляла собой странное для этого времени зрелище. Вереск никак не хотел отцветать, тополя и лещины еще долго после Дня всех святых шумели листвою. Когда леса наконец обнажились, так и не подморозило, посему палые листья не пожухли, а лежали большими кучами в чаще и на обочинах, и дети, играя, ныряли и копошились в них. В ноябре в гнездах под соломенными крышами по-прежнему обитали ласточки, а когда Амос Ритчи пошел в болота поохотиться на летящих косяками диких гусей, он с удивлением обнаружил, что бекасы и ржанки не отправились к морскому побережью, а в голубых небесах нет ни одной стаи перелетных птиц. Утро за утром вставало солнце, яркое, будто в июне; ночи были теплые и зве-

¹ Джед-Уотер — приток Тевнота.

здные; травы, вместо того чтобы пожелтеть и увянуть, пышно зеленели; ежи и барсуки забыли о зимней спячке, и лишь короткие дни служили напоминанием, что январь близко. Риверсло, мало чтивший обычаи предков, держал овец в холмах на по-летнему богатых пастбищах.

Умудренные опытом старики хмурились и качали головами. Один говорил о семьдесят первом годе, когда, по рассказам его прадеда, зима не начиналась до февраля, зато потом не уходила до июня. Другой вспоминал тысяча шестьсот пятнадцатый, «худой год, когда морозов не было и земля кишела червями, гусеницами и иными мохнатыми тварями». Все женщины в приходе охали, глядя на оставшуюся до Рождества сочную траву и ягоды шиповника и боярышника, висящие на ветках, и, причитая, приговаривали, что «зеленый Йоль к знатной жатве на погосте».

Тот, кто много раздумывал, видел во всем дурные предзнаменования, но тот, кто наслаждался жизнью, замечал лишь редкую красоту природы. Прихожане не болели и пока не голодали, и повседневные заботы не тяготили Дэвида. Большую часть времени он проводил на воздухе, ноги все чаще уносили его от Оленьего холма к северной оконечности Рудских скал, откуда он попадал через лощину к возвышенностям между Калидоном и Аллером, где мог встретиться с Катрин, не опасаясь любопытных глаз прихожан. Николаса видели за границей, и солдаты больше не поджигали его в Калидонском замке. Настроение госпожи Сэйнт-сёрф улучшилось, однако Дэвид не спешил в гости. Пока синий небесный полог был хрустально чист, а закаты над Хёрстейнским утесом лучились золотом и багрянцем, влюбленные стремились в холмы, забывая обо всем на свете, кроме друг друга.

Но священника в конце концов измотали муки совести, и в утро Нового года он стоял у дверей Калидона. Они заранее условились с Катрин, что она не покажется до поры; ее тетушка встретила Дэвида бурными изъявлениями радости, кои по обычаю подобали празднику.

— Присаживайтесь, сэр, отведайте-ка пирожка да медка. Случилось вам первому переступить наш порог в новом го-

ду, и как славно и ладно вышло, что вы священник. Нашто мистер Джеймс сызнава слег: не любят его косточки таковское ведро. Да они много чего не любят — совсем худое у горемыки здоровьице... Давненько вы к нам не зааживали, мистер Дэвид, а времечко выдалось окаянное, что для вас, что для меня.

И она пустилась рассказывать о несчастьях, выпавших на ее долю этой осенью, и как ей все же удалось спасти Калидон от конфискации:

— Питер Добби, что у нас в поверенных, отправился к Уорристону, может, ведаете, и преподобный мистер Ринтул из Западной кирки замолвил за нас словечко... — Потом Дэвид узнал о сложностях передачи денег Николасу Хокшоу в Утрехт¹ и о квартировавших в Калидоне солдатах: — Уж сколько нашего эля они попили, но нам шибко не досаждали: Катрин их тут же на место поставила. — Однако госпожа Сэйтсёрф ничего не сказала о Марке, хотя со временем и была посвящена в эту тайну, впрочем, она также не обмолвилась о происшествии в Вудили, о котором только и говорили по всей округе. За многословием хозяйки скрывалось некоторое смущение, что совсем не облегчало задачу Дэвида.

Наконец он собрался с духом.

— Нынче утром я пришел сюда с определенными намерениями, — проговорил он и, запинаясь и краснея, признался во всем. Старуха попыталась сделать вид, что удивлена, но у нее ничего не вышло: Дэвид понял, что она подозревала нечто подобное.

Но заговорила она так, словно была выбита из колеи.

— Нет, ну вы такое слыхивали? — воскликнула она. — Парень, да ведомо тебе, о ком ты слово молвишь? Катрин из благородного семейства — знатнее нашего рода в этих краях нету; с чего тебе, внучку рудфутского мельника, взбрело в голову жениться на ней? Ясно дело, мир нынче на ушах стоит, но не настолько же. Господи, ты ж не межеумок какой.

¹ Утрехт — город в Нидерландах.

Дэвид молчал, не зная, что ответить. Он был готов сквозь землю провалиться от собственного нахальства.

— Ты сам-то разумеешь, как девчужка станет жить в домишке при кирке? — распалялась старуха. — Воспитана она папистами да прелатами, и хычь понахваталась кой-чего из Писания от славного мистера Джеймса, здравости в ней чуть, аки в дитятке. К тому ж эта барышня глупоумная никак пастырю в помощь не годна. Ужто ты мнишь, что королевский двор, песни-пляски да скачки на лошадаках славно подготовили ее к жизни в приболотном пасторате да в малой халупе? Думаешь, она опосля бархата да жемчугов дерюжку примерит?

— Это решать самой Катрин, — кротко сказал Дэвид. — Недаром говорится, что с милым рай и в шалаше.

— Святые небеса! — вскричала собеседница. — Меру-то ведать надобно, нельзя чистопородную кобылку с сивкой малорослым скрестить. Брак, сдастся мне, это не вирши-поцелуйчики, а разумный договор, и ежели кто пожелает зажить одним домом, то деется это не токмо по единому велению сердца. Всяко в нашем бренном миру случается, и надобно, чтоб что пожевать да где ночевать завсегда имелось, вот тогда оба и заживут припеваючи. Что на это ответишь? Пасторская женка! Батюшка ты Боже мой, да Приходской совет сочтет ее дерзостницею, как узрит, что она над их постным благочестием посмеивается; твои ж собратья-пастыри, кои сами по большей части батрачьи сынки, от нее, дворянки, шарахаться станут, а простой люд побежит прочь, как чорт от ладана... Вы ж толковый человек, мистер Дэвид. Сами ведаете, что не по уму это дело.

— Ох, госпожа Сэинтсёрф, — вздохнул несчастный священник. — В ваших словах много правды, нельзя того отрицать. Но я уверен, что любящие души преодолеют любые преграды, а мы с Катрин привязаны друг к другу, как подсолнух к солнцу. Вы сами были молоды, вы помните, что когда человек влюблен, правил не существует.

— Помнить-то я помню, — смягчилась она, — но на то умудренные годами старики и надобны, дабы молодежь дурастей не натворила... Не стану отпираться, охота мне лице-

зреть, как Катрин аки сыр в масле катается. Она чудесная девчушка, а, кроме меня, родни у нее никакой — нету за ней присмотра, тем паче Николаса нынче мятежником объявили и отсиживается он средь голландцев. Желалось бы мне передать Катрин в надежные руки... А что вы ей можете дать, мистер Дэвид? У вас же у самого земля из-под ног уходит. Сказывают, разругались вы со старейшинами, пошли опричь Пресвитерия, в любой день дадут вам из Вудили от ворот поворот, а то, глядишь, и от Церкви отлучат. Славная жизнь вашу жену поджидает. Ужто заставите Катрин скитаться, аки голь перекатную, в ней же течет кровь Черного Дугласа¹ да древних шотландских королей? Ух, натворили вы делов, не подходящих тому, кто метит в женихи.

— На меня обрушилось много бед, и нажил я не одного врага. Но Катрин на моей стороне, и я питал надежды, что вы тоже, госпожа.

— Я не супротив вас, — сказал женщина, и глаза ее засветились теплотой. — Даже не думайте такого. Слыхивала я о неразберихе в пасторате, спрос вела, что да к чему, и разумею, избрали вы верный путь. Не ведаю я ничего про Лес, но всяким лисицам да куницам из Вудили меня не провести, а уж за дела с косым Марком Керром ни Йестер, ни Хокшоу, ни Сэйтсёрф в вас камень не кинет. Однако от горькой правды не сбежишь: пошли вы супротив Церкви, хычь избрали ее своим призванием, мистер Дэвид... Может, ведаете, что любим мы с мистером Джеймсом словечком перемолвиться, и ежели надобно мне испить чистой воды Писания, направляю я стопы к нему, а не в Аллерскую кирку. Так вот что он мне сказывал: «Мистер Дэвид идет со своей сохой не по той борозде. Из него вышел бы великий воин, а был бы он папистом, то стал бы славным монахом. В нем уживаются святой и воитель, но не место ему в пастырском доме. Потому как, — сказал мистер Джеймс, — не способен

¹ Согласно фамильной легенде рода Дугласов, основателем клана был отличившийся в битве с датчанами при Лонкарти (X в.) воин, прозванный Дугласом за темный цвет лица (гэльск. *Dhubhglas* — «человек с темным лицом»).

он, как я, запереться в своем кабинете: слишком он для того силен телом и духом, — и склонить голову пред правилами церковными он тоже не способен. Коли узрит он зло, стремится его изничтожить, хычь Церковь приказывает ему сидеть тихохонько, и не поступится он совестью заради мира со старейшинами. Он чересчур правоверный пресвитериянин, — сказал он, — а нынешняя Церковь Шотландская походит скорее на католическую, токмо заместо одного Папы их полсотни».

— Возможно, это правда, — сказал Дэвид.

— Угу, святая истина, и люблю мне, что вы с нею согласны... Но давайте кликнем Катрин, ибо беседа наша про ее долю. Ну она и хитрюга, словечка лишнего не вымолвит, а старушку тетку вокруг пальца обведет!

Вошла раздумывавшаяся Катрин с сияющими глазами. Госпожа Гризельда на удивление ласково заговорила с ней:

— Это что ж такое мне про тебя рассказали, дочурка? Завела себе миленка и помалкивает!.. Ну, ну, ласточка, ты что ж, страшилась, что я разгневаюсь? Дело-то житейское, и брачные узы — вещь священная и богоугодная, и в раю жить тошно одному: женщине муж нужен, он ей защита и помога. Но с разбегу такое не решается, надобно посидеть да покумекать. Мы с Дэйви уже переговорили — да, он для меня теперича Дэйви, почти что сынок родной — но обязанность моя тебя предостеречь. Парень ты, Дэйви, славный. Речи верные да мудрые ведешь, и хычь нету в тебе благородной крови, держишь себя не как простолюдин. Но священник из тебя не вышел, как не выйдет из Катрин пасторской жены. К тому ж истина такова: Вудили из-за тебя гудит, аки улей, но будь это какой иной пасторат, ничего б не поменялось... Посему внимай, сэр. Ты добрый малый, но с выбором доли промахнулся, однако дело поправимое. Ты молод и сможешь начать жизнь сызнова.

Катрин подвинулась к Дэвиду и положила руку ему на плечо.

— Тете Гризельде хочется, чтобы ты сменил служение Церкви на мирское ремесло, — засмеялась она.

— Но я уже принял Божьи обеты, — ответил он.

— Оно ясно, — сказала госпожа Гризельда. — Человек может служить Творцу не токмо в рясе, но и в зипуне, и порою, как сказывают, даже прилежнее. Внемли той, кто желает тебе добра, тебе и славной девчужке с тобою рядышком. Примирись с Церковью, склони главу пред Пресвитерием, не надобно отступаться от своих взглядов, просто смиришься с законной властью. Скажи им, что сделаешь все, как они потребуют, не противься... Истинно глаголю, не желают они заковывать тебя в кандалы, не надобен им шум окружь кирпичи. Пожурят они тебя, аки детенка неразумного, да отпустят. Тебе и супротив своей совести идти не придется: смиришься пред старшими братьями во Христе, как Богом заведено.

— А как же колдовство, творимое в Вудили? — спросил Дэвид.

— Оставь. Ни тебе, ни дюжине таких, как ты, с этим поганым логовищем не управиться. Пуцай Господь разбирается, длань его нетороплива, но верна.

— Вы хотите, чтобы я молча сидел и спокойно смотрел на творящееся в Вудили нечестие?

— Нет же, нет. Я хочу, чтоб ты, аки птаха из горящего овина, выпорхнул из проклятого пастората. Мы с мистером Джеймсом сошлись на том — да и ты сам это подтвердил, — что не создан ты для пасторского служения. Твой отказ станет делом простым: Пресвитерий и слова супротив не скажет, приход твой под властью Калидона, я же переговорю с мистером Ринтулом. Ты сбережешь доброе имя, будешь в мире с Богом и людьми, а Шотландия — страна большая, место в ней завсегда найдется... Сказывал мне Питер Добби, что батюшка твой нажил много добра и оно все к тебе перешло. Вот и поезжайте вниз по реке, в старые владения Йестеров, прикупите там землицы, пуцай Катрин поживет на родине пращуров. Вы юны, крепки телом, а работенка для того, кто живет в страхе Божьем, завсегда отыщется, будь то помещик али пастор.

Дэвид повернулся к Катрин, но ее лицо ничего не выражало. От нее он подсказки не получил. Как и тетя, она ожидала его ответа.

На какое-то мгновение Дэвид засомневался. С одной стороны, его манила мирная и уютная жизнь с любимой в новом месте, возможность отринуть все пути, связывающие его с ранних лет; с другой — ему предстояла неблагодарная борьба, и исход ее станет, скорее всего, печальным, это мрачное сражение затмит для них обоих свет солнца, лишит всяких радостей. Дэвид опустил голову на грудь, нерешительность разрывала его душу. Когда наконец заговорил, посмотрел на Катрин:

— Я не могу. Иначе отрекись от принятых обетов... предаю веру... стану трусом... заключу сделку с Дьяволом.

— Слава Богу! — сказала девушка и обняла его.

Старуха пристально посмотрела на Дэвида, сухо покашляла и с достоинством уселась в большое кресло, где обычно сидел Николас Хокшоу. Молодые люди стояли перед ней, как узники, ожидающие решения судьи.

— Так ты возьмешь бедняжку и выставишь ее супротив Церкви и всего края... Пуцай в нее швыряют грязью и мажут ее доброе имя... Приговоришь к тяжкому борению, исход коего предрешен: мало кто станет тебе помощью, много кто будет тебе супостатом. Мужчина может в одиночку стойко сражаться за свою правду, но жена ему в этом не опора.

— Дайте мне сказать, — вскричала Катрин. — Я из Йестеров. А каков их герб, тетя Гризельда?

— Лазурное стропило с тремя снопами и восстающий лев, а девиз — «Смирись с враждой».

— Мой девиз станет моим ответом. Неужто ты хочешь, чтоб я предала свой род и сбежала, когда вызов брошен?

— Что за вызов, деточка? Ты ж станешь не Черной Агнессой из Данбара¹, а пасторской женой, отбивающейся от врак, поклепов, дурных языков да невежества — да от суровых законов государственных и еще более суровых законов церковных. Станешь терпеть да смиряться, в отместку-то не ударишь; придется улыбаться да главу не опускать, а у

¹ Агнесса Рэндольф (1312-1369) — национальная героиня Шотландии, защищавшая Данбарский замок от англичан, когда ее муж сражался на севере под знаменами Роберта Брюса.

самой будет обливаться сердце кровью. А то и склонишься пред теми, кого презираешь, на коленях поползешь к тем, кого твой батюшка на конюшню не пуцал, станешь прислуживать любому межеумку, что имя Господа при тебе помянет. К такому, голубушка, ты готова? Ни один Йестер или Хокшоу вражды не страшился, но вытерпишь ли ты жуткий полон, когда ежедневно придется гнуть спину в крохотном домишке в глухом пасторате, где и живут-то одни батраки с овчарами?

Девушка посмотрела на Дэвида, и при ее взгляде сердце его зашлось от радости и смирения, захотелось одновременно петь и рыдать. Катрин подошла к Библии, лежащей на длинном столе, пробежала пальцами по страницам и прочла то, что сказала Руфь Ноемини: «Не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом; и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду; пусть то и то сделает мне Господь, и еще больше сделает; смерть одна разлучит меня с тобою»¹.

— Ладно, пуцай так, — сказала госпожа Сэйтсёрф. — Я свое слово молвила. А вы парочка глупцов, однако ж есть в очах Господних грехи и похуже дурости... Дэйви, мальчик, опустишь на колени, и я благословлю вас: будет то благословение от суетной старухи, всем сердцем желающей вам счастья... Уж не ведаю, откель в тебе это, дружок, но в жилах твоих благородная кровь. Кто попроще — соломки бы под себя подстелил.

¹ Руф. 1:16-17.

Глава 18

ЧУМА

В первую неделю после Нового года совсем распогодилось. Солнце от рассвета до заката ласково светило с чистого неба; ночи были немногим холоднее, чем в мае, и даже старики отбрасывали одеяла подальше и приоткрывали дверцы спальных шкафов; запасы торфа, как и поленницы, стояли едва тронутые, а огонь разжигался лишь для приготовления пищи; реки уменьшились до летних размеров, и нерестящаяся рыба не могла преодолеть отмели Руда. Но теперь селяне с тоской взирали на буйство природы. Больше никто не нахваливал ясную, бесснежную зиму, ибо такая погода казалась вызовом самой природе; люди читали в ней недобрые предзнаменования и пали духом. Солнце никого не грело, безоблачные небеса не радовали, по хорошим дорогам не хотелось отправляться в путь. Вудили погрузились в странное уныние.

Впрочем, складывалось впечатление, что и природа чувствовала то же самое. Скотина, несмотря на богатые выпасы, худела быстрее, чем в разгар зимних холодов. Пони бродячих торговцев воротили нос от пышных трав на обочине. Прохладный воздух должен был бодрить, однако животные и люди обливались потом при малейшем движении. Дэвид, бродя по пустошам на холмах, заметил, что пятимильная прогулка дается ему тяжелее, чем двадцать миль в летнюю жару. Олени, вопреки привычному, боялись выходить из Меланудригилла, да и все дикое зверье стало гораздо пугливее, чем когда-либо на памяти стариков. Всех вокруг охватило чуткое беспокойство; хотя червей в торфе развелось необычайно много, перелетные птицы, обычно залетающие подкрепиться в закрытую от ветров лошину, сейчас и не присаживались здесь по пути на юг. Дэвид, распахивая по утрам окно, частенько видел их стаи высоко в не-

бесах. Амос Ритчи, ставящий птичьи ловушки в Майрхоупских угодьях, возвращался домой с пустыми руками... Давящее уныние повисло в воздухе, заставляя умолкнуть даже самых брехливых дворняг. Мало кто теперь сиживал за кружкой пива в «Счастливой запруде», хотя денечки стояли жаркие: люди будто боялись найти подтверждение своим страхам в глазах соседа.

Питер Пеннекук, усевшись на камень у ворот кузни и вытирая мокрый лоб, наблюдал, как Амос Ритчи вернулся после работы в Риверсло и тяжело сбросил инструменты на пол.

— Как тебе погодка? — спросил он.

Амос распрямился.

— Погано. Во дворе левкои расцвести вознамерились. Моя бабка частенько повторяла стишок Томаса Рифмача... как же там говорилось? А, вот:

Раз Йоль без снегов,
А январь не суров,
Жди бед под кров.

— Судный день грядет, — сказал Питер, — а вот кого судить будут, можно токмо гадать. Одно наверняка, будет худо.

— Сам я хворых не зрел, но идет болесть. Пахнуло смертью, я это чую, и зверь лесной чует — вот и не подходит к Вудили. На Оленьем холме ни лисиц, ни зайчишек. А самого духа подпорченного не унюхал, Питер? Ветерок ветвей не колышет, на дворе не продохнешь, аки в запертой каморке. Хычь бы задуло-поразвезяло! Вроде и небо синее, и воздух мягонький, а несет падалью, гнилью да нечистью. Будто цветы какие в навозной куче появили... А ежели никто до поры не занемог, так то не за горами. Да и сам я за женкой своей приглядывать вернулся, а то она утречком на голову жалилася.

Два дня спустя сын майрхоупского батрака, возвращаясь с учения на пасторской кухне, к немалому удивлению матери ударился головой о косяк. Потом заснул на овчине у печки, а когда проснулся, щеки его пылали, язык заплетался.

ся. На ночь его уложили в спальный шкаф с остальными детьми, но он так плакал и стenal, что братья и сестры перебрались на пол. Утром горло и лицо его отекали, глаза подернулись пеленой, он с трудом дышал. К полудню мальчик умер.

Так в Вудили пришла чума.

Все сразу поняли, что стряслось: зловещая погода настигла людей на беды. Еще до темноты во всех домах, вплоть до самых дальних урочищ, заговорили о моровой язве. Затем слег Питер Пеннекук, за ним еще один ребенок в Майрхоупе и доярка в Чейсхоупе... Наутро приход напоминал осажденную крепость. Ходебщик Джонни Дау, прослышав об этом в Колдшо, тут же свернул в Аллерский приход, хотя за Вудили числился долг в тридцать шотландских фунтов. Дороги опустели, словно их сторожила ирландская пехота Монтроза. Стояла зима, и дел было немного, но и те мгновенно забросили. В долине стало по-воскресному тихо: все закрылись в домах и возносили молитвы, готовя благодатную почву для чумы — глубокий ужас.

Восемь часов спустя Питер Пеннекук умер. Он был человеком, лишенным мужества, и в болезни все его показное благочестие выветрилось — он покидал землю, хныкая и причитая. Такое поведение на смертном одре не подобало истому благочестивцу. Но вскоре память о Питере стерлась: был он стар, смерть давно его поджидала, — ведь теперь, один за другим, начали умирать молодые и сильные. Эйли, жена Амоса Ритчи, тоже сошла в могилу, впрочем, никто этому не удивился, ибо она с детства была болезненна и хрупка. Настоящая паника охватила приход, когда у колодца упала пришедшая за водой чейсхоупская Джесс Морисон, чернобровая и румяная девушка, которой не исполнилось и двадцати; она до вечера прометалась в горячке и умерла. За ней последовали юный пастух из Виндивэйз, самый пригожий парень в округе, и батрак мельника, крепкий, как дуб, и могучий, как каменный жернов. Но горше всего отзывалась смерть детей. На каждого заболевшего взрослого приходилось по два ребенка, и увядали они быстрее сорванных цветов... Такой мор не тревожил край с

десятого года, да и не был он похож на обычную оспу или другую знакомую хворобу. Сначала появлялись резкая головная боль и сильный жар, затем опухали горло и железы, человек бредил. Но нередко внешней опухоли не наблюдалось, зараза направлялась прямоком в легкие, которые быстро заполнялись кровью. В этом случае горячка отсутствовала, больной сохранял здравый рассудок и почти не страдал телесно, умирая от крайнего изнеможения. Обычно в лихорадке метались те, кто молод и крепок, а вот дети и старики уходили вторым, тихим, путем. Как бы то ни было, исход был предрешен: за неделю из пятидесяти девяти заболевших ни один не выжил.

Во всей округе не нашлось лекаря. Дэвид послал за аллерским доктором, но тот отказался и близко подходить к Вудили, а у старух, обычно врачевавших в деревнях, ничего не было, кроме бесполезных снадобий и — произносимых тайком — еще более бесполезных заговоров. Но и к знахаркам перестали обращаться: чума, насланная Небесами, заставила всех оцепенеть от ужаса. Дома, куда проник мор, было единодушно решено не открывать, и они стали рассадниками заразы для запертых внутри семейств больных. Те, кто попал в такое заключение, осмеливались выбираться наружу лишь ночью. Соседи не просили друг друга о помощи и ничего не предлагали нуждающимся. Родные заболевших были вынуждены пребывать в крайней изоляции, а потом заражались сами: теплится ли в доме за закрытыми ставнями жизнь, другие узнавали лишь по дыму из трубы, пока не пропадал и он... Сперва погибших пытались хоронить по христианскому обычаю: этим занимались семьи, но распространение чумы сделало достойное погребение невозможным. Мертвецов складывали в сараях и конюшнях рядом с перепуганным скотом, а те, кто победнее, вытаскивали их прямо в огород. Дэвид не раз находил глядящий невидящими глазами, не завернутый в саван труп в крапиве у церковного надела. Были дома, где умерло все семейство, только тощий кот жалобно мяукал у запертых изнутри дверей... А небо оставалось ясным и безоблачным, и ветерок

приносил пряные ароматы с холмов в опустошенный смертью молчаливый край.

Поначалу селяне оцепенели из-за жуткого осознания, что на них обрушился гнев Господень, и поспешили задобрить Творца, преклонив пред Ним колена, и даже малoverы беспрестанно шептали молитвы и читали Писание. Но долго это не продлилось. Обрушившаяся беда выбила остатки благочестия из их голов, заставив онеметь от страха пред гибелью. Первое время Дэвида торопливо приглашали к одру умирающего и нетерпеливо ожидали его прихода: присутствие пастора могло остаться незамеченным лежащим в беспамятстве человеком, однако оно приносило утешение родным. Но внезапно к священнику стали относиться как к незваному гостю. Как только доводилось ему узнать о болезни в чьем-либо доме, он без промедления шел туда, хотя теперь потрясенная семья глядела на него столь же слепо, как и умирающий. Постепенно молитвы стали казаться тщетными и самому Дэвиду, да и окружающие больше не внимали им. К чему были его посещения мечущемуся в жару или лежащему в изнеможении больному и его родственникам, ожидающим той же участи с ужасом и отчаянием попавшего в ловушку дикого зверья? Что проку было звать к Богу, ежели сам Бог наслал на них эти беспощадные мучения? Все это время Дэвида лихорадило от тревоги. Погибли некоторые из тех, кого он видел тогда в Лесу. Мужчины и женщины устремлялись к Престолу Господнему, забирая с собой груз грехов — неискупленных и неискупимых. А он, их пастырь, мог только бессильно взирать со стороны, как их души нисходят в преисподнюю.

Эта мысль доводила его до безумия, но она же придавала сил продолжать бранные труды, ибо испытание мором помогло понять, насколько слаба плоть. Он не боялся смерти, даже смерти от чумы, но ужас, царящий в Вудили, угнетал и его. Его собственное отвращение к Лесу, ненависть к грехам, властвующим в чаще, ссора с Советом старейшин, настороженность паствы, сторонящейся его, прибытие дознавателя и смерть Бесси Тод — все это в глазах Дэвида придавало приходу вид жуткий и отталкивающий. Мор лишь при-

бавил к гниющим душам гниющие тела... Но стоило только подумать о детях, которых он обучал, и о честных людях, поддержавших его, а ныне сошедших в холод могилы, и сердце его переполнялось жалостью. Он не мог излечить ни тела, ни души. Он не был лекарем — да если б и был, что с того, ведь не помог врач в Эдинбурге спасти жизнь его отца; а его духовные наставления казались сотрясением воздуха... Кроме того, он чувствовал себя узником, запертым в зловонной клетке без надежды на побег. Никто не приезжал и не уезжал из Вудили. Как-то днем, отчаявшись, Дэвид поднялся на Олений холм хотя бы издали посмотреть на мир. Там, на продуваемом ветрами косогоре, стоял Калидон, но был он столь же далек, как луна. Там высились холмы с огромными пустошами, не тронутыми чумой, ведь не селились на них нечистые смертные; за холмами лежала земля, где честно жили люди и не было в их жизни тьмы. Когда Дэвид посмотрел на Вудили, ему привиделось, что приход подернут дымкой. Были ли это чумные испарения, миазмы, окружившие его надежнее каменных стен и железных оград?.. Он попытался подавить отвращение. «Предатель, — сказал он себе, — предал едва ли не все, во что верил! Дэвид Семпилл, ты восстал против воли Божьей не из-за страданий несчастного народа, а потому что ты жалок и ищешь спокойствия. Устыдись, человеке, ведешь себя как плаксивое дитя». В эту минуту он понял, что причина его уныния в разлуке с Катрин.

В тот вечер Катрин сама пришла к нему.

Он сидел к кабинету, собираясь отправляться со своей скорбной миссией в деревню, когда услышал резкий взволнованный голос Изобел, разговаривавшей с кем-то внизу. А когда до него донеслись ответы той, с кем она говорила, он ринулся на первый этаж, перепрыгивая через три ступеньки. Девушка, в том же костюме для верховой езды, что и в туманный вечер Дня всех святых, стояла в мерцании свечи Изобел, подняв обтянутую перчаткой руку в знак протеста, со смущенной улыбкой на устах и в глазах. Дэвиду показалось, он целую вечность не видел, как она улыбается.

— Ступайте-ка до дому, миледи, — надрывалась Изобел. — Сюды вам никак не можно: зараза тута — в каждом куске, какой проглатываем, в водице, какую пьем, в воздухе, каким дышим. Ступайте прочь, и рта не раскрывайте, покуда Олений холм не минуется. Ох, поспешайте, не то болесть и вас пожрет — не помилует, не поглядит, что вы для погибели молоденькая да пригожая.

— Катрин, Катрин, — страдальчески твердил Дэвид. — Ты с ума сошла, зачем ты здесь? Неужто не слышала, что половина прихожан либо умерли, либо на пороге смерти? У нас сам воздух ядовит. Ах, милая, не приближайся ко мне. Оберни лицо платком и скачи во весь опор до Калидона.

Девушка стянула перчатки, не отводя взгляда от Изобел.

— Я его нареченная невеста, — сказала она. — Где еще мне быть, как не рядом с ним?

Изобел оторопела от новости.

— Нареченная невеста, — пробормотала она. — Вы слыхивали таковскую небывальщину — пастор из Вудили ищет жену средь господ в Калидоне!.. Подавно надобно остеречься. Нечего таковской хорошуле, как вы, делать в сём проклятом пасторате — и другим не поможете, и сами на одр сляжете. Ступайте до дому, милая хозяйюшка, у пастора и так забот полон рот, ему за вас тревожиться недосуг.

Девушка подошла к Дэвиду и взяла его за руку.

— Ты же не запретишь мне, — все еще улыбаясь, произнесла она. — Я не боюсь чумы, не думаю, что заболēju: мор предпочитает тех, кто живет в гнилых лачугах, а мой дом — холмы. По-настоящему я боюсь лишь одиночества. Я две недели не видела тебя, Дэвид, и воображала жуткие вещи. Я пришла помочь, потому что уже сталкивалась с таким поветрием — много раз во Франции, да и в Оксфорде. Мне известно, какие меры предосторожности принять, я узнала о них из разговоров ученых людей, но по слухам вы в Вудили ведете себя как перепуганная ребятня.

— Но твоя тетя, госпожа Сэнтсёрф...

— Тетя Гризельда знает, что я здесь. Она дала мне этот мешочек с пахучими травами. — Она дотронулась до аму-

лета на золотой цепочке, висящего на шее.

Дэвид для успокоения совести попытался разубедить Катрин остаться, хотя душа его разрывалась от желания видеть ее рядом, впрочем, как и от страха за ее благополучие. Он приказывал, умолял, увещевал, но она только улыбалась в ответ. Катрин села у очага и вытянула ноги к огню.

— Тебе не прогнать меня, Дэвид, — сказала она. — Ты, священник, запретишь мне проявлять милосердие к нуждающимся?

Наконец он сдался, поняв, что она настроена решительнее, чем он, и все его самые сильные доводы меркли перед ее улыбкой, подобной свету солнца после дней, проведенных во тьме среди мрачных лиц. Не желая того, он пустился в рассказы, как начался мор, поведал о его причинах: о недостатке врачей и лекарств, об отсутствии помощников, о семьях, безропотно гибнущих взаперти. Она спокойно слушала и не побледнела, даже когда узнала о закрытых домах и непогребенных мертвых.

— Люди сами загоняют себя в тупик, — сказала она. — Вы превратили Вудили в лепрозорий, позволив мору разгуливать на свободе. Не ставь духовные наставления во главу угла, Дэвид. Пусть бранные тела станут важнее душ. Вот ты говоришь, у вас нет докторов, но, может, и не надо: ни разу в жизни я не слышала о том, что они излечивают чуму. Но если и нельзя исцелить, то все равно можно предотвратить распространение болезни. Наша главная задача — уберечь тех, кто пока здоров. Закрывая дом, когда кто-то в нем заболевает, вы обрекаете на смерть всю семью. Это надо прекратить без отлагательств. И обязательно похоронить мертвых — похоронить или сжечь.

— Сжечь? — в ужасе вскричал Дэвид.

— Сжечь, — подтвердила она. — Огонь лучший очиститель.

— Да тут все с ума сойдут.

— Пусть, зато останутся живы. Нам нужны помощники — смелые люди, не боящиеся ни заразы, ни гнева остальных.

Он покачал головой.

— Таких в Вудили нет. Все успели поддаться слабости.

— Значит, вернем им силу... Есть тут у вас человек, зовущийся Марком Ридделом. Это он рассказал мне о вашей беде, когда вчера заехал в Калидон по дороге из Аннандей-ла. А еще тот, смуглолицый, из Риверсло... Неужели это все?

Боевой настрой Катрин вывел Дэвида из оцепенения.

— Ну, пожалуй, Амос Ритчи.

— Уже трое — с тобой четверо, а четверка решительно настроенных мужчин может свернуть горы. Как только забьют зорю, другие присоединятся. Поднимайся, Дэвид, спешу спасти тела, как спешил спасти души. Да и молиться не забывай, чтобы эта жуткая погода поменялась. Крепкий мороз сдержит чуму лучше, чем все лекари Шотландии...

Она ушла столь же неожиданно, как и появилась на пороге.

— Днем мне сюда нельзя, — сказала она, — если в Вудили узнают про гостей, запаникуют еще сильнее. Мы ведь имеем дело с перепуганной ребятней. Завтра вечером в этот же час я приду вновь, а ты к этому времени собери помощников.

Дэвид не возвращался из деревни почти до рассвета, но пришел обратно с первой благой вестью. Мэйнзский батрак, прометавшись два дня в горячке, очнулся от нее и, сильно пропотев, спит здоровым сном. Пока это был единственный случай возможного выздоровления, но Дэвид чувствовал, что и одного этого примера будет достаточно для успокоения взволнованного пастората. К тому же посещение Катрин вытянуло священника из трясины отчаяния, куда он погружался неделями. Девушка пробудила его к действию, указав на обязанности, которые он проглядел в слепоте своей. Он заставил себя подавить беспокойство, охватывающее его при мысли, что Катрин появляется в этом зараженном месте. Он бы не посмел топтать ростки мужества в душе другого человека, даже если этот человек ему дороже всех на свете.

На следующее утро Дэвид отправился в Риверсло, но не встретил там поддержки. Эндрю Шиллинглоу разговаривал с ним во дворе, не выказывая ни малейшего желания

приближаться. Пока они говорили, он и на дюжину ярдов не подошел к гостю.

— Ну уж нетушки, — кричал фермер. — Я нынче же по скачу в Моффат, и ноги моей в Вудили не будет, покуда мор не уйдет. Вы просите о непосильном, мистер Семпилл. Это *ваши* долг паству не бросать, хычь вам и ведомо не хуже, чем мне, что души в сём проклятом пасторате выеденного яйца не стоят. И уж Эндрю Шиллинглоу точно им ничего не должен. Я и в славные времена их на дух не переносил, а теперича получили они по заслугам.

— Ну да, страшусь, — наконец признал он после увещаний Дэвида. — Всяк имеет свою боязнь, а у меня та опаска — зараза. Я и бровью не поведу пред забиякой аль дикой тварью, но и шагу не ступлю туда, где народ мрет как мухи. И с чего бы мне помогать тем, кто по крови мне чужак?

Фермер говорил громко и с надрывом, будто немного стыдился себя, а потом ушел в дом, и Дэвид услышал, как с грохотом опустил засов.

Амос Ритчи дал другой ответ. Со дня смерти жены он, опустив плечи, с посеревшим лицом слонялся по округе или часами просиживал в кузне, глядя в потухший горн. Там его и застал Дэвид со своей просьбой.

— Сделаю, что скажете, сэр, — последовал ответ. — Жить мне больше незачем, так чего мне страшиться. Но мы и оба-два не потянем: пасторат умишком тронулся, а таковским народом запросто не поведешь. Перво-наперво зароем почивших. Бог жечь тела права не дал, ибо тело есть наше земное обиталище и жечь его значит поспешествовать Дьяволу.

Вечером пришла Катрин, а с ней — Марк Риддел. С воина слетела вся бравада, и он смотрел на Дэвида с тревогой.

— Мне нынче проповедь про мужество прочли, — грустно сказал он.

Катрин с усмешкой показала на него пальцем.

— Сбежать хотел, — сообщила она, — и это старый солдат, прошедший сотню битв.

— И сбежал бы. Сто сражений, да и тысяча, с одной чумой не сравнятся. Могу порассказать не об одном отважном

капитане, свернувшем лагерь при первом слухе о заразе, хотя до этого ни разу не отступал пред лицом всех императорских армий. Но, сдается мне, надобно склонить главу пред приказами девчушки, вместо того чтоб дать стрелкача, укрывшись в местах почище... Ух, Катрин, милая, могли бы уж подкинуть мне дело попроще, чем рыться в гиблом выгребе да становиться могильщиком.

— Могильщиком при мече и доспехах, — сказала Катрин. — Возможно, придется вразумлять народ голоменью вашего меча. Спокойнее, мистер Марк, дело не сильно отличается от того, к какому вы привычны.

Солдат повеселел на глазах, узнав, что работать согласны лишь трое.

— Назревает заваруха, — сказал он. — Слава Богу, удалось мне завоевать некоторое уважение в приходе: предвижу, здесь понадобятся не одни только подбадривания и шлепки. Ну, когда приступаем к нашим скорбным трудам, потому как, признаюсь, легче делать, нежели думать об этом?

— Вы сухопары, кости да жилы, вам бояться не надо, — произнес Дэвид.

— Точно, дружище, страхов я не имею, — нетерпеливо сказал Марк. — Зато имею нежный желудок и чувствительный нос. Смерть — от меча иль от мора — мне едина, штука пустячная... Будь проклята эта теплынь!.. Приступаем, мистер Дэвид, покуда я не пожалел о своем согласии.

Три дня и три ночи три человека исполняли тягостные обязанности, изредка прерываясь на сон и пищу. Они составили список запертых домов и проникали туда, не считаясь с засовами. Мертвых хоронили: кого-то на церковном кладбище, кого-то на ближайшем поле. Могила по большей части копал Амос Ритчи, с упорством, достойным уважения. Время от времени дело осложнялось: какая-нибудь обезумевшая от горя жена или мать отказывалась расставаться с телом мужа или сына, и доходило до того, что Дэвид прибегал к суровым увещаниям. Еще тяжелее было заставлять родных больного проветривать дом. Дэвид и Марк угрозами, а иногда и силой выгоняли упирающихся сыновей на воздух. Одни упрямые крестьяне не хотели

отпирать, и Амос снес дверь топором; других выгнали вза-шей жить в сарай, чтобы оставить больную женщину в по-кое. Все трое пеклись о благополучии прихожан, частенько доставляя еду и воду нуждающимся. За многими заперты-ми дверями и окнами творилось ужасное, и хотя на Амоса, кажется, ничего не действовало, двое других нередко выбега-ли во двор, сдерживая тошноту. Их никогда не благодари-ли, впрочем, почти и не проклинали, настолько люди погру-зились в отчаяние. Они бы и сами махнули на все рукой, если бы не стали приходить новости о выздоровлениях. По-мимо мэйнзского батрака, лихорадку пережили два ребен-ка и теперь быстро шли на поправку. В Вудили забрезжил луч надежды, и селяне потихоньку перестали думать о неот-вратимости рока и начали выходить из дремотного состоя-ния. Все указывало, что чума исчерпала силы и пошла на спад: тоннель был темен и длинен, но в его конце замер-цал свет... К тому же один облик Марка Риддела убеждал кого угодно. Загорелое лицо с пронизательными глазами и память о таинственной силе, явленной им при охоте на ведьм, служили вескими аргументами, подкрепленными мечом, всегда притороченным к его ремню. Он перестал быть дружелюбным арендатором из Кроссбаскета, вновь превратившись в капитана из войска Маккея, раздающего приказы и требующего их исполнения.

К Сретению стало понятно, что мор отступает: выздо-равливало больше народу, чем умирало. И это было уда-чей, ибо погода поменялась, но не так, как того желалось Дэвиду: вместо благословенных морозов явились непрекращающиеся дожди. Полило совершенно неожиданно. Ночью буквально за полчаса подул ветер, пригнал тучи и развер-злись хляби небесные. Было это накануне Сретения Господ-ня, как раз когда наша троица задумала очищать местность пламенем: люди в деревне принялись выходить на улицу, и избавление от очагов заражения превратилось в дело пер-востепенной важности, а опаснее всего выглядели два дома, где умерли все обитатели. Эти строения можно было толь-ко сжечь, и около десяти вечера их предали огню. Сухие как порох, они тут же загорелись, и рыжие языки взметнулись

к небесам, но, должно быть, среди прихожан нашлись те, что знавали колдовство и со страхом посмотрели на зарево, пылающее ярче, чем огни при Лесном алтаре... Но через час пролился дождь, превратив черные клубы дыма в тлеющие угли.

Сжигание очагов заразы пробудило всех от летаргического сна, и силы начали возвращаться в приход. Вудили медленно и урывками приходил в себя, народ опять принялся чесать языками. Немота утрат и оцепенение ужаса сменились поисками виновника. Кто навлек на край беды и мор? Кто-то прогневил Господа, но кто? Тут же вспомнили, что Церковь обвинила пастора в мятеже и кое в чем похуже и наложила взыскание, запретив проводить службы. Дэвид в глазах многих стал козлом отпущения. Здравый смысл подсказал, что священник был в Эдинбурге во время чумы и, наверное, занес заразу в Вудили. Записные боголюбцы заявили, что невероятное вёдро последовало за признанием грехов священника и, как только Пресвитерий подверг его порицанию, пришла чума. Неужто никто не видит в том длань Божью, знак осуждения? Пути Господни неисповедимы, и Он мог наслать смерть на многих за прегрешения одного. Даже те, кто всегда ратовал за Дэвида, засомневались.

События прошедшей недели расставили все точки. Действия Дэвида представлялись его противникам бессмысленными: моровое поветрие послано волей Небес, его могут остановить лишь пост и молитва, но не рука человеческая. Да, пастор не прекратил свои, пусть и тщетные, посещения домов заболевших; да, он похоронил мертвых; но врывался он в обитель горя силой и гнал людей, как скотину неразумную. Открытые февральским дождям двери и окна служили доказательством его ошибок, к тому же его стараниями два крепких и добротных дома обратились в пепел... Амоса Ритчи называли слепым орудием в руках священника, Марка Риддела слишком боялись, чтобы делать какие-то выводы, но Дэвид, оставаясь их пастором, стал отличной мишенью.

Деревня оживала, люди потихоньку брались за работу, выздоравливающие ковыляли на крылечки и смотрели оттуда на мир; слухи расползались, обрастая все большими странностями. Пастор весь день проводил среди прихожан: иногда молился, но чаще помогал по дому, вычищая кухни или кипятя воду для тех, кто был еще слишком слаб. Его всюду сопровождали злобные взгляды и сердитое ворчание, но он был чересчур занят, чтобы обращать на них внимание. Он относил утрюмость окружающих на счет выпавшего горя и ужаса. Днем его дела оставались на виду, но не смолкали сплетни, что после заката к нему кое-кто приходит. Рассказывали истории о девушке, красивой и юной, сладким голосом поющей песни у детских кроваток. Сначала в эти слухи никто не верил, но вскоре им нашлось подтверждение. Ее трижды видели в деревне, а еще в хижине майрхоупского пастуха и в Мэйнзе; ее всегда сопровождал пастор; дети, к которым она приходила, плакали и ждали ее возвращения... Старые и мудрые качали головами. Ни в приходе, ни во всем крае не было никого похожего на нее. Кое-кто припомнил, что как-то пастора видели в Лесу с дамой и была она не простой смертной, а Королевой фей.

В действительности разговоры пошли оттого, что Катрин не желала слушать ни приказов Марка, ни уговоров Дэвида не ходить в деревню. Она понимала, что была чужой в этих местах, и не показывалась днем, к тому же такая девушка, как она, немедленно бы привлекла внимание всей — и без того взволнованной — округи. Но ночь — дело иное, и, однажды побывав вместе с Дэвидом у постели больного ребенка, она не смогла отказаться от исполнения этого еженощного долга. Весенним ветерком входила она в мрачные, опустошенные горем дома; люди, конечно, удивлялись, но были слишком измотаны и не задавали вопросов, без слов отдаваясь ее целительной силе. Ее разгумянившееся от непогоды лицо, влажные кудри, прохладные руки и ловкие движения творили чудеса с этими грязными бледными мужчинами и женщинами, смотрящими диким взором на ангела, растревожившего стоячие воды их существова-

ния. Ее ладонь на горячем лобике ребенка убаюкивала его, ее присутствие придавало жизненных сил. Отчаявшиеся обретали мужество. Мы так и не узнаем, что они думали и говорили после ее ухода, но одно безусловно, они лелеяли надежду увидеть ее вновь.

Восемнадцатого февраля умерла последняя жертва мора — пожилая мать пастуха из Виндивэйз. Ее могила была еще свежа, когда дождь прекратился. Подул северный ветер, и пришли бесснежные заморозки, на которые так рассчитывал Дэвид. Они положили конец заразе, однако выздоравливающие тяжело переносили похолодание — старики и самые слабые начали умирать. Морозы, казалось, прогнали мор, и Дэвид с помощниками приступили к прямой схватке с обычными болезнями и зимними бедами. Во время чумы мало кто присматривал за живностью, сараи и загоны переполнились трупами; боязнь заразиться чумой была сильнее страха перед голодом, и только сейчас выяснилось, что закрома почти пусты. Надо было питаться и одеваться, топить печь и принимать настои и отвары, но как это сделать и где все взять?

Было напрасно ждать помощи извне — все обходили Вудили стороной, как обитель прокаженных; никто не осмелился бы войти в деревню, а если какой житель Вудили пожелал бы пойти в другой приход, его бы погнали оттуда обратно градом камней. Мистеру Фордайсу удалось передать Дэвиду не одну записку, в которых он сетовал, что не может подвергать риску здоровье своей паствы и протянуть брату руку помощи; и эти скудные строки оказались единственным посланиями из внешнего мира за время с восьмого января по пятнадцатое марта. Марк Риддел выворачивался наизнанку ради выживания людей. Он знал, что, где и как достать, и его лошадки, ведомые им самим или Амосом Ритчи, привозили еду и домотканые одеяла, но никто не знал, откуда он берет все это. Дэвид выгреб последнее из пасторских запасников. Изобел засучила рукава и, сдабривая свое милосердие щедрой руганью, не отходила от печи, где всегда на огне стояли горшки и сковороды. Но основная помощь шла из Калидонского замка.

Его пивоварня и амбары, кладовые и погреба, не говоря о запасах трав и целебных настоек, были опустошены ради прихода, который госпожа Гризельда ни разу не помянула, не состроив кислого лица. В дом Дэвида Катрин обычно прибывала, ведя на поводу груженую лошадь.

Конец чумы дался Дэвиду тяжелее, чем ее разгар. Выздоровливающий приход, казалось, повредился рассудком. Когда слегли первые больные, все оцепенели и не двигались, будто срубленные под корень; теперь в людях кипело стремление выжить. Поначалу никто не думал об опасности заражения, но сейчас все как с ума посходили, опасаясь заразы; как испуганное зверье, бежали они от малейшей опасности. Они не могли покинуть приход, но все устремились прочь из деревни. Люди селились в щелястых пастушьих хижинах, предназначенных для летнего выпаса, и некоторые умерли там, как только ударил мороз. Предполагалось, что в дальних усадьбах еще безопаснее, и Майрхоуп и Нижний Феннан наполнились незваными гостями, занявшими хозяйственные постройки. В итоге многие пошедшие на поправку, но все еще прикованные к постелям больные остались без присмотра. Дэвид пытался привлечь к уходу за ними тех, кто избежал чумы или успел окрепнуть после болезни, но его встречали горячими протестами или упрямым молчанием. Люди превращались в нелюдей и жили по волчьим законам.

Единственным исключением стал Чейсхоуп. Пока в деревне бушевал мор, от него не было вестей, лишь поговаривали, что он, как в крепости, заперся на ферме и неутомимо выхаживает своих больных. В Чейсхоупе от чумы умер только один человек. Сейчас рыжий арендатор вновь появился в деревне, и Дэвид с удивлением понял, что он пришел предложить помощь. Его хозяйство по-прежнему было крепким и богатым, и он привез с собой продукты. Но раздавал он их не всем подряд, а определенным семьям, которые, как догадался пастор, были членами колдовского сообщества. Фермер строго говорил с ними и всеми силами пытался вселить в них мужество.

Лишь он один ни капли не боялся заразиться и шел туда, откуда бежали другие. Встречая пастора, он кратко приветствовал его, но не выражал желания помочь или о чем-то попросить; он всегда спешил по делам. Истина была такова: этот человек, единственный в приходе, сумел преодолеть страх.

Как-то раз в доме, где поправлялся ребенок, Чейсхоуп столкнулся с Дэвидом и Катрин. Девушка сидела на табурете у постели и мастерила игрушку из камыша, напевая французскую песенку про солдата и его три дома. Дэвид отвел восхищенный взгляд от ее ловких и нежных рук и в отвесах пламени увидел угрюмое бледное лицо фермера. Тот при виде Катрин стянул с головы берет и пробормотал приветствие. Он узнал ее и нагнулся за упавшим на пол камышом.

— Куга-то, зрю, с Калидонской заводи, — сказал он, подавая растение.

— Только ты во всем Вудили сохранил мужество, — вступил в разговор Дэвид. — Ты мне не друг, Эфраим Кэрд, но я не могу не заметить, что у тебя храброе сердце.

— А чего мне страшиться? — спросил Чейсхоуп. — Что мне долина смертной тени, ежели Его жезл и Его посох даруют мне успокоение?

— Твоя правда! Но многие христиане с этим не согласны.

— Худые то христиане. Я не убоюсь зла, ибо Господь мой пастырь и сохранит меня до срока.

— Но многие не боятся смерти как таковой, но боятся смерти от мора.

— Хм, живет во мне вера. Мне Господь кое-что пообещал самолично, мистер Семпилл. И ведаю я, что никаковскому мору меня не взять, столь же твердо, сколь ведаю, что зовуся я Эфраимом Кэрдом и обитаю в Чейсхоупе. А те трусят, потому как малoverы, молитв вдосталь не возносят, точат их души черви сомнений в промысле Господнем. Мне же моя стезя ясна, ведаю я, что не покинет меня Бог. Я способен возрадоваться и посередь горя, ведь ежели потребовал Он жертвы, человеку ли сетовать на Его волю? Тешит-

ся око Его, взирая на смерть праведников и на погибель грешников, и кары Его неисчерпаемы. Грядут беды, мистер Семпилл, помяните мое слово, сэр, ведомо мне, что вихрь Его гнева не иссяк.

В тусклом свете его водянистые глаза блестели, как кошачьи, а отсутствие бровей придавало лицу сходство с маской, которая вот-вот сорвется, обнажив кошмарные черты. Ребенок в кроватке проснулся от звуков его голоса, увидел говорящего и зашелся в крике, а Катрин, только раз оглянувшись, принялась успокаивать малыша... И тут на Дэвида снизошло озарение. Этот человек, уверенный в своей богоизбранности, не знающий обычных страхов, стоит за гранью разума. Он не лицемерит. Для него самый страшный грех вовсе не является грехом, терпимость к нему для Кэрда нечто естественное, порок словно вымаран из его договора со Всемогущим. Он может верховодить шабашами в Лесу, предаваться похоти, но все его преступления видятся ему подтверждением всеислия Господа... И в этот миг просветления он увидел в глазах Чейсхоупа проблеск безумия.

Глава 19

ЖЕРТВА

К концу марта колеса жизни вновь заскрипели в Вудили. Юго-западные ветры за неделю прогнали мороз, но потом опять подуло пронизывающим холодом с востока, и худосочная скотина задрожала в загонах. Пышные травы, неурочно простоявшие всю зиму, пожухли, весна будто и не собиралась приходить. Люди вяло потянулись в поля вспахивать землю, но тягловые волы пошатывались от слабости, и работа едва-едва продвигалась. Длительная изоляция Вудили закончилась. Джонни Дау, пусть и с опаской, вернулся в деревню и принес новости из внешнего мира; по Карнвотской топи вновь потянулись торговые караваны; из Аллерского прихода пришло письмо о том, что собрание Пресвитерского совета для разбора дела Дэвида назначено на апрель. Из Колдшо приехал мистер Джеймс, и кирку вновь открыли, но Дэвид не возобновил проповедей у кладбищенских ворот.

По правде говоря, он окончательно выбился из сил. Как-то утром на дороге его заметил Марк Риддел и резко натянул поводья при виде его осунувшегося лица.

— Дэвид, дружище, да ты как привидение. Загнал себя за последние месяцы, и ежели сей миг за ум не возьмешься, сляжешь. Вы с Катрин как дитятки неразумные. Взвалили на себя заботы десятерых, а старших не слушаетесь. Не пренебрегай моим советом, брось этот горестный приход и дай телу отдохнуть, а душе успокоиться.

— Через неделю меня будут судить в Аллерской кирке.

— Вот награда за труды! Ты измотал себя, исхудал до костей — и все ради неблагодарного народа. Случаются дни, когда мне моя же родина не по нутру. Ходят слухи, что Монтроз бежал за границу и ныне пребывает при дворе Импера-

тора¹, и кабы не вы с Катрин, я бы тотчас оказался с ним обок. Но даже мое крепкое сердце разрывается от вида несчастий, обрушившихся на наш край, и устал я до смерти от нескончаемых разговоров о животине да валухах.

Каждый вечер Марк приходил в пастырский дом и, подобно заботливой матери, присматривал за Дэвидом, однако тот никак не мог избавиться от тягот телесных и душевных. Он плохо спал и, несмотря на настойчивые уговоры Изабел, едва притрагивался к пище; его ночи были наполнены кошмарами, хуже того, дурные мысли преследовали его и днем. Он чувствовал, что никакая болезнь не терзает его, а всему виной крайнее изнурение. Днями и ночами он проходил многие мили по свежему воздуху, но возвращался с этих долгих прогулок таким же напряженным и усталым и по-прежнему не мог забыться здоровым сном. Он ругал себя, смеялся над собой, но недуг не уходил... Его начали преследовать детские страхи, и Дэвид с боязнью вглядывался в темноту или смотрел за угол, опасаясь, что оттуда выскочит нечто ужасное. Границы яви крошились и рушились. Оставаясь один в тишине, он видел лица и слышал голоса. Однажды, возвращаясь вечером домой по церковному наделу, он отчетливо различил звук шагов, приближающихся по сухой земле. Они становились все громче, раздались под самым ухом и исчезли позади, и тут он понял, что это звук его собственных шагов.

В голове коварным эхом отдавались слова Чейсхоупа. Господь потребовал жертву, но жертвоприношение пока не завершено, так он сказал. Воспоминание терзало пастора, он беспрестанно возвращался к нему, ибо казалось оно немислимым. Его тяготило предчувствие грядущей беды. Он твердил себе, что враг его говорил только лишь о пресвитерском суде, но от этого не становилось легче. Воображение рисовало картины — одну мрачнее, ужаснее другой. Конечно, Чейсхоуп безумен, но и в безумии есть крупца ис-

¹ Монтроз в 1646 г. бежал в Норвегию. Прибыв ко двору императора Фердинанда III, получил от него патент фельдмаршала с правом набирать войска.

тины; помешанный способен видеть то, что сокрыто от остальных. Больше всего он боялся за Катрин; этот страх не имел четких очертаний — и душа его корчилась в муках.

К Дэвиду вернулся ужас, который он испытывал когда-то при виде Леса, хотя еще недавно он считал, что навсегда избавился от этого страха. Пастор сумел однажды воспротивиться ему, но что если в следующий раз он не устоит? В смятении, царящем в голове, ему начало казаться, что сам мор вышел оттуда... чума пощадила Чейсхоупа... Кэрд и демоны, коим тот служит, повелевали болезнью. И не таятся ли там, в лесной глуши, еще напасти, готовые обрушиться на него? Иногда у Дэвида случались просветления, и он негодовал на свою глупость, понимая, что эти душевные слабости равносильны признанию поражения и капитуляции перед врагом. Но наваждение возвращалось и было сильнее воли и голоса рассудка, и Дэвид удалялся в холмы, сжимая кулаки и что-то бормоча себе под нос, или оставался в кабинете и истово молился об утешении, а оно так и не приходило.

Катрин больше не навещала Вудили по ночам, и предполагалось, что священник сам будет каждый день ходить в Калидон. Однако, погрузившись в пучину новых страхов, он стыдился показаться на глаза девушке; в нем сохранилось достаточно мужества противостоять желаниям. Но пришло время, когда тревога одержала верх над сомнениями. С беспокойным сердцем Дэвид отправился в Калидон, скорее опасаясь встречи, чем радуясь ей.

Госпожа Сэинтсёрф была мрачна.

— Ты что сотворил с моей девчушкой? — накинулась она. — Слегла она опосля езды к вам да возни с вудильскими оборванцами, а ведь весь пасторат мизинчика ее не стоит. Вот ты говоришь про христианское милосердие, но пределы какие-то должны иметься! Вроде такой славный парень, а на нареченную свою ему плевать.

Наконец она снизошла до объяснений:

— Обессилила она, горемычная, износилась, что старый чёбот. Намедни загнала ее в постелю, теперича лежит — покорливая, аки дитенок малый, а ведь егоза какая была...

Не, к ней не можно. Но ты не убивайся, миленок. Не недужится ей, просто надорвалась от непомерных тягот. Полежит — выправится, а там и непогодь уйдет. Хычъ бы солнышко показалось... Да и сам-то ты как осунулся. Тебе бы тоже на недельку на боковую.

По пути домой Дэвид вспоминал последние слова госпожи Гризельды и усмехался их иронии. Неделя в постели, тогда как он и на три часа ночью глаз сомкнуть не может! Вести о Катрин наполнили душу еще более тяжелыми предчувствиями. Он поставил лошадку в конюшню и решил изгнать беспокойство телесной усталостью, отправившись на прогулку, но чем дальше он шел, тем тревожнее становилось. Он говорил себе, что изнурение вполне естественно после таких зимних трудов: разве он сам не вымотан, да и Марк Риддел жаловался на сильное утомление? Но эти мысли не приносили успокоения. У Катрин в любую минуту может случиться лихорадка, а потом... Он с жуткими подробностями вспомнил все стадии заболевания. Неужели это последнее — запоздавшее — нападение мора? Он слышал, что подобное бывает и спустя много недель после ухода поветрия. Вновь на ум приходило пророчество Чейсхоупа, что жертвоприношение не завершено.

Дэвиду мучительно хотелось вернуться в Калидон и ждать новостей. Но вместо этого он послал Изобел с письмом к госпоже Гризельде. Его служанка славилась на всю округу как опытная сиделка и знахарка, и он умолял, чтобы ей разрешили ухаживать за Катрин. После этого он немного успокоился, понимая, что на деле помог любимой; к тому же, пока Изобел в замке, он в любой момент может пойти туда и перемолвиться с ней: он по-прежнему стыдился показывать госпоже Гризельде, что смущается и боится. О себе он мог позаботиться сам и умел приготовить пищу.

Время ползло как улитка, а часы после наступления темноты превратились в сплошной бессонный кошмар. Рано утром Дэвид отправился в Калидон, где его встретила невозмутимая Изобел.

— Не печальтесь, мистер Дэвид, с хозяйшккой не все так худо, — уверила она его. — То, видать, не просто измор, но

спит она аки младенец, горячки нету. Она крепких кровей, оглянуться не успеете, как поправится. Но сами-то, сэр, глядитесь худче богла. Ступайте до дому и ложитесь, а то я ни минутки в Калидоне не задержуся. Кушать не забываете? И не дуйтесь, аки малолеток, а делайте, что говорю.

Дэвид вернулся к себе и, успокоенный уверенностью Изобел, задремал прямо в кресле, проспав почти до вечера. Очнулся он немало посвежевшим, но с новой тревогой в душе. Изобел сказала, что жара нет, значит, и она опасалась лихорадки... К этому времени все могло измениться. И не исключено, что сейчас Катрин мечется в бреду... Он осознал, как быстро при чуме жар приходит на смену бессилию.

Однако несколько часов сна придали Дэвиду душевных сил, и ему удалось обуздать желание немедленно броситься в Калидон. Пастор побродил по дому и церковному наделу, пытаясь сосредоточиться на бытовых мелочах. Было третье апреля, но весной и не пахло. Путаница времен года придала округе осенний вид: под ногами, как в ноябре, лежали кучи опавшей листвы, а травы так и не пожухли от морозов. Дэвид вспомнил, как в прошлом апреле дышал воздухом холмов, радуясь пробуждению новой жизни. Но сейчас земле не удавалось сбросить оковы, и смерть разгуливала среди голых деревьев под свинцовыми небесами. Что случилось с его высокими устремлениями? Они исчезли, кроме одного — но самого дорогого. Год назад он не думал о Катрин, находя счастье в ином. Теперь все прежние желания обратились в прах, но у него появилась Катрин. А что если она... Дэвид содрогнулся от этой мысли и быстро отправился в дом, будто его стены могли оградить от несчастий.

В кабинете он полистал книги. Потом попробовал молиться, но молитва шла не из души, слова отзывались холодом. Он вытащил свои заметки по Исае и уже завершённое предисловие, но едва смог заставить себя читать. Какими же нелепыми и чужими казались эти труды! То тут, то там взгляд задерживался на цитатах из пророка, и звучали они зловеще, словно каркал чёрный ворон. *И будет вместо благовония зловоние... Лица у них разгорелись... Ярость*

Господа опалит землю, и народ сделается как бы пищею огня... Вот — покой, дайте покой утружденному.

Он в ужасе отодвинул записи и взялся за мирские книги. Первым случайно попавшимся томом оказалась «Энеида», в глаза бросилось: «*manibus date lilia plenis*»¹. Неудивительно, что книга открылась именно здесь: Дэвид часто перечитывал этот отрывок, — но он все равно содрогнулся, точно гадал по Вергилию и получил горестный ответ.

Вечером он нашел немного еды. В темноте ему мерещились призраки, и он зажег множество свечей и подбросил торфа в очаг. По непонятной причине он трясся и томился: его терзали не мысли, но ожидание чего-то. Пальцы его отбивали дробь по коленям; он смотрел на мерцающие угли, и в них виделись знаки и фигуры, будто насмехающиеся над ним; беспокойному слуху мешал бушующий на улице ветер, вызывающий к нему, — но ночь-то выдалась тихая. И как рефрен баллады, в голове звучало: «И будет вместо благовония зловоние»².

* * *

Дэвид не замечал Марка Риддела, пока тот не приблизился и не коснулся его плеча. От неожиданности пастор дернулся и вскрикнул. Марк был мрачен и серьезен.

— Ты бы сходил в Калидон, — сказал солдат. — Катрин... ей стало хуже. С полудня мечется в горячке.

Дэвид ожидал подобного, поэтому послушно встал.

— Я пешком, — сказал он. — Побегу быстрее любой лошади.

Марк с тревогой поглядел на него.

¹ «Дайте дланями полными лилий». Вергилий, «Энеида», VI, 882-86 (пер. В. Брюсова).

² Ис. 3:23.

— Я бы поостерегся. Ты бы и до Оленьего холма не добрался, как в обморок упал. Сиди, где сидел, а я оседлаю твоего конька.

Они начали путь галопом, но когда дорога стала хуже, Марк замедлился и взял лошадку Дэвида под уздцы.

— Тпру! — крикнул он. — Свернув шею, делу не поможешь.

Дэвид задал только один вопрос:

— Там есть врач?

— Никаких врачей не потерплю. Здешний коновал лишь пустит ей кровь, а она и без того слаба. Гризельда да твоя служанка Изабел — вот и все лекаря, какие надобны, да и сам я не лыком шит. Возьми себя в руки, Дэвид. Наверняка ничего мы не ведаем, а она молода.

Дэвид заговорил опять только у ворот Калидона:

— Это чума?

— Чего не знаю, того не знаю. У мора много обличий. Слабость и лихорадка... но иных знаков нет, хотя одному Богу видно, насколько все худо.

Изабел сразу провела Дэвида в комнату Катрин, а там, как молчаливый и суровый страж, сидела госпожа Гризельда. Катрин металась в бреду, стонала и тихонько шевелила руками, лежащими поверх одеяла. На лбу был влажный компресс, а когда Дэвид потрогал его, то почувствовал, как из-под ткани пышет жаром. Длинные темные ресницы девушки тенями лежали на покрасневшихся щеках, но временами она открывала глаза и смотрела остекленевшим взглядом. Пастор взял ее за руку, сухую и пламенную.

— Пуцай жар сам спадет, — сказала госпожа Гризельда. — Пуцай одолеет она болезнь без чужой помощи. Боженька мою девчушку не кинет, — и поцеловала горячие губы. — Господа молить станешь? — обратилась она к Дэвиду.

— Я не могу молиться... Могу лишь смотреть... Прошу вас, разрешите побыть с ней рядом.

— Делай, как знаешь. Слова излишни, коль молитва в сердце. Изабел приготовит тебе спальную, неможно тебе

отсель уходить.

Дэвид остался один у постели больной и много часов не вставал с колен, хотя и не мог молиться. Иногда к ним заглядывали Изабел и госпожа Гризельда, а один раз зашел Марк и положил руку на лоб девушки. Прошла ночь, рассвело, но Дэвид так и стоял коленапреклоненный у стула, пряча лицо в ладонях или поднимая взгляд на лицо на подушке. Он стenal от собственного бессилия. Жертва, требовалась еще одна жертва, не за его ли грехи? В нем не было — о да! — не было никаких добродетелей. И в эти черные минуты он воображал себя главным грешником, тяжесть собственной души прижимала его к земле, не давая подниматься, он недостаточно старался, посеянные им семена взошли, но зачали, его чудовищные ошибки темными ночными птицами кружили над ним. Он не мог припомнить за собой определенного греха, одну лишь свою никчемность, делавшую его недостойным целовать краешек платья Катрин... Разве мог кто-нибудь иной так преображать мир, просто шествуя по нему? А сейчас... сделается пищею огня...

* * *

Вечером из Колдшо приехал мистер Фордайс. Он заговорил с Дэвидом, но тот ему не ответил, и не было ясно, понял ли он, что ему говорят. Мистер Джеймс предложил помолиться сообща, но последовал отказ, и он молился один за рабу Божию в когтях великой болезни и за раба Божьего, коему особо дорого ее благоденствие. Дэвиду показалось, что молитва ограждает Катрин и его, скрывая от мира...

Марк увел молодого человека в приготовленную для него комнату и заставил лечь в постель. Он поднес ему чашу приправленного специями эля, и Дэвид, мучимый жаждой, выпил все до капли. Возможно, в питье было какое-то снадобье, потому что затем он провалился в сон. Ему виделось

что-то непонятное и бессмысленное, но приятное и умиротворяющее, согревающее душу, и когда Марк тронул его за руку, Дэвид пробудился с блаженной улыбкой на устах. Но один взгляд на окружающий мир: кровать под балдахином, старые гобелены и полы грубого плаща Марка — вернул его в темную обитель тяжких забот. Ему не надо было ждать, пока Марк заговорит: все стало понятно без слов, по его глазам.

— Пошли! Жар спадает, — сказал солдат.

Дэвид плохо соображал, да и слова противоречили тому, что читалось на лице пришедшего. На какое-то мгновение он с удивлением почувствовал, что тревога исчезла.

— Она поправилась?

— Она умирает, — ответил Марк. — Сейчас полдень. Она отойдет с закатом.

Маленькие ромбовидные окна, хоть и было их два, почти не пропускали свет в этот хмурый день с грозящими дождем небесами. Вернулся мистер Фордайс и поначалу изливал душу в молитве у одра Катрин, но потом смолк, как и остальные в комнате. Стояла такая тишина, что даже слова молитвы могли показаться кощунством... Краски покинули лицо девушки, восковые щеки и побелевшие губы указывали на смертельную слабость. Ее недвижная рука бесильно лежала в ладони Дэвида, подобно увядающему цветку. Глаза были прикрыты, а чуть заметное дыхание едва колыхало грудь под одеялом.

В этот печальный час в душу Дэвида пришло успокоение. Наконец он по-настоящему смирился, в нем утасли все проблески и волнения человеческих желаний. Он ощутил радость, на которую не смел надеяться, его посетило чувство обладания неповторимым чудом. Теперь Катрин навеки принадлежала ему... В последнюю минуту глаза девушки открылись, и если на других она смотрела немного рассеянно, то на него — со всей страстью любви. На ее губах промелькнула тень улыбки. Но лишь только в комнату пробрались сумерки, ее душа покинула тело, как и предсказывал Марк.

Громкий плач двух женщин нарушил тишину, даже железная госпожа Гризельда потеряла привычное самообладание. Мистер Фордайс поднял руку, призывая к молчанию.

— Агнец отныне в объятиях Пастыря, — произнес он.

Госпожа Гризельда должна была, как и полагается хозяйке, заговорить:

— Была она доброю душою, и мысли ее были добрыми, но ежели не направили ее на путь истинный, то не ее вина... а уж с каким благоговением внимала она мистеру Джеймсу... — Она замолкла, увидев глаза Дэвида.

— Она теперь по правую руку у престола Господнего, — сказал он, — и я брошу это в лицо каждому священнику, исказившему Писание. Она создана по образу и подобию Божьему, и она ушла к Нему.

* * *

Тем же вечером практичная госпожа Гризельда заговорила о скорбных приготовлениях к похоронам:

— Упокоим ее в Колдшо, на семейном гробовище Хокшоу. В древнем склепе еще имеется местечко, к тому ж Николас сложить свои кости дома не торопится.

— Ну нет, в Колдшо она лежать не станет. — Лицо Дэвида было необыкновенно спокойно, а голос ровен и бесцветен. — Она будет покоиться в чаще, которую считала своим владением, на поляне, что сама назвала Раем. Я знаю, чего она желала, даже если и не говорила мне. Я не допущу ее погребения в кладбищенском склепе... Она слишком юна... Она не умерла, просто уснула.

Госпожа Гризельда принялась возражать, но не очень упорно. Мистер Фордайс тоже почти не настаивал.

— Не в обычаях нашей Церкви, — сказал он, — считать освященными одни лишь погосты. Вся земля, принимающая в себя христианский прах, священна. Усопших собирают вместе под сенью кирки по одной причине, дабы могилы

не были позабыты. Но все же тяжело помнить захоронение в дикой чаще, среди папоротников и камней.

— Я о нем не забуду.

— А когда сами оставите эту бrenную землю?..

— Тогда какое это будет иметь значение? — Он мог бы посмеяться над бессмысленностью людских обыкновений. Он ощущал, что они с Катрин существовали в собственном мире, укрытом от чужаков, коего не коснутся время и расстояния, жизнь и смерть. Рай стал колыбелью их зарождающейся любви, для него это место превратилось в символ и тайну, так пусть телесная оболочка благословенного духа найдет последнее пристанище в Раю, ибо даже у блаженных имеются земные святыни.

И с наступлением ночи — госпожа Гризельда ни за что не позволила бы столь неслыханной церемонии проходить днем — при свете факелов в руках Джока Доддса и сокольника Эди, девушку похоронили у источника в Раю; Дэвид стоял в головах, а мистер Фордайс в ногах у могилы.

Дэвид будто грезил наяву. Земля словно не держала его; ход солнца, человеческая речь, дождь, ветер, каждодневная жизнь обратились в фантасмагорию: реальным стал лишь внутренний мир, где Катрин была по-прежнему жива. Он предпочел одинокую жизнь в пастырском доме, запретив Изобел возвращаться. Более того, он уговорил госпожу Сэнтсёрф дать ей кров и работу и быть к ней добрее.

— Разумеется, буду ей токмо рада, ибо все у нее в руках горит, лучшей помощи по хозяйству и не сыщешь. Но, Дэвид, дружок, с тобой-то что станется? Желала б я сделать тебя своим крестником, Бог ведает, сколь горько Калидону надобен мужчина... Нынче нам за Николаса платить сорок тысяч мерков¹ штрафа...

Тут она заметила, что ее слова пролетают мимо его ушей. Глаза Дэвида слепо смотрели в бесконечную даль.

¹ Мерк — шотландская серебряная монета, имевшая хождение в XVI-XVII вв.

Глава 20

РАСПЛАТА

Когда Дэвид отправился в Аллерский приход, чтобы предстать перед Пресвитерским советом, неистовствовали апрельские дожди. Юго-западный ветер трепал голые ветви и ворошил гнилую листву, так и не обратившуюся в прах без морозов и снега. Покрасневшие воды Аллера вышли из берегов, затопленная речная пойма отливала свинцом. Птицы в пустошах, обычно встречающие весну веселым гомоном, молчали, да и было их гораздо меньше; не слышалось даже посвистов ржанки или кулика, лишь из Леса раздавались крики гнездящегося в корявых еловых лапах ворона. В такой день сердце человека каменеет, но Дэвиду было все равно. Он жил в своем мире, отгороженный от всего, кроме одного-единственного воспоминания. Он смутно представлял себе, что происходит с благословенной душой после смерти, но видевшиеся ему образы расходились с учением Церкви. Сейчас он размышлял о Катрин в духе идей Платона, представляя, что она живет во всем ясном и чистом, как о душе прекрасной, словно манящий закатный свет. Но чаще Катрин виделась ему святой, допущенной в объятия Христа, оваянной любовью, что неведома смертным, и протягивающей ему теплые руки, дабы не был он одинок. На ум пришли слова Пьера Абеляра:

O quanta qualia sunt illa sabbata
Quæ semper celebrat superna Curia¹.

Однако воскресение, о котором он думал, не имело ничего общего с воскресеньями церковными.

¹ О сколь благи святые воскресенья,
Царящие в небесных сферах вечно (*лат.*)

Мир, осязаемый мир, разбился для него на куски. Обитель Дэвида была не только закрыта от всех ветров, но, казалось, находилась в высокой башне, откуда все земное видится малым и далеким. Пресвитерий, Генеральный синод, Церковь казались мелкими и неважными, будто он смотрел на них в перевернутую подзорную трубу. Он был вооружен против их порицания, ибо нельзя осудить того, кто и так потрясен осознанием собственной никчемности, для кого власть людская всего только шелуха. В нем не было страха и ненависти: Бог сокрушил его, и, смиренный под ударами Его жезла, он с равнодушием взирал на бичи своих собратьев. Он не винил их — разве прах может винить прах?

В этом отрешении лишь одно терзало его. Ужас пред Лесом не покинул душу. Если ему суждено погибнуть, он желал бы увлечь за собой в пропасть и этот нечистый храм. Чейсхоуп был для него ненавистным жрецом, но, как человек с заблудшей, искореженной душой, он внушал жалость. Дэвид так стремился освободить Вудили от этого инкуба... Он потерпел крах, Чейсхоуп вышел победителем — Чейсхоуп и Лес. На миг разум пастора вернулся к действительности, и он спросил себя, что не успел довершить. Сегодня Пресвитерий станет разбирать его исходную жалобу, и у Дэвида есть право вызвать свидетелей. Но где они? Риверсло два месяца как не появлялся в приходе, а без его подтверждения показания Ричи Смэйла и Рэба Прентиса пустой звук. Он сам мог бы выступить свидетелем, но Пресвитерий уже отмел это предложение. Пускай все идет своим чередом... Господь в избранное Им время поднимет руку в его защиту... нечистый пусть еще сквернится...

Ubi molestiis finitis omnibus
Securi cantica Sion cantabimus¹.

Но и в своем закрытом от всех иных мире Дэвид чувствовал печаль и сожаление, ведь Меланудригилл стоял обок

¹ Все горести оставив позади,
В покое воспоем хвалу Сиону. (лат.)

с зеленой чащей и Раем.

Старая кирка на холме у моста через Аллер наполнилась народом. Никогда еще собрание Пресвитерского совета не было столь многолюдным, ведь на него пришли как священнослужители, так и миряне: зимой в долинах только и говорили, что о деле пастора из Вудили. Сам приход, теперь освобожденный от мора, представляли четверо старейшин; на почетном месте по правую руку от Председателя восседал Эфраим Кэрд. Когда Дэвид вошел, на него никто не посмотрел. Он добрел до предназначенного ему места и обнаружил, что рядом с ним сидит мистер Фордайс. Священник из Колдшо кутался в ветхий плед, его обычно бледное от недомоганий лицо покраснелось от смущения и волнения. Он схватил Дэвида за руку, его ладонь была горяча и дрожала, губы шевелились, словно он беззвучно молился.

Пропели сорок третий псалом, прочли два длинных отрывка из Писания, затем председательствующий мистер Мёрхед представил состав Суда и помолился о наставлении Господнем. Дэвид никак не мог сосредоточиться, сколько ни пытался молиться вместе со всеми... Его взгляд блуждал, все вокруг казалось искаженным. Отцы и братья во Христе обрели лики смерти, их голоса слились в колесный скрип, треск сучьев и рокот камней. Крупное лицо Председателя обратилось в маску, под которой, как часовой механизм, вращался и тикал крошечный и глупый мозг. Боулдский священник был просто ребенком, балованным и шумливым. Серьезность и мрачность остальных смешивалась со страхом и смятением, Дэвиду даже померещилось, что он способен заглянуть в их души, где червями копошатся ужас и подозрения... Дэвид потер веки и заставил себя собраться. Председатель говорил об обвинении Чейсхоупа сотоварищи в участии в шабашах в Лесу.

— Перед нами ваше письменное заявление, мистер Семпилл, — сказал он. — Вы вправе подтвердить его, вызвав свидетелей. Они здесь?

— Мой главный свидетель, Эндрю Шиллинглоу из Риверсло, покинул приход из-за мора и пока не вернулся. Без

него я не могу ничего сделать. — К своему удивлению, Дэвид говорил четко и громко.

— Вы желаете отсрочки?

Дэвид покачал головой.

— К чему она мне? Господь в Свое время и по-своему накажет всех нечестивцев. Но я попрошу, чтобы того, кого я называю главным обвиняемым, призвали к ответу: пусть он под присягой подтвердит или опровергнет мои слова.

— Вы слышите это, Эфраим, — сказал мистер Мёрхед. — Моя душа восстает против подобной просьбы, обращенной к благочестивому прихожанину, но по правилам ее надо удовлетворить: торжественно присягните и опровергните пред Судом все эти чудовищные обвинения.

Чейсхоуп поднялся и именем Создателя поклялся, что в обвинении нет ни слова правды. Голос его не дрогнул, лицо осталось серьезным и спокойным. Он посмотрел на Дэвида и даже бровью не повел.

— Суд удовлетворен, — сказал мистер Мёрхед. — У вас есть что добавить, мистер Семпилл?

— Господь нас рассудит, — сказал Дэвид.

— Следовательно, это дело можно закрыть, — провозгласил Председатель голосом степенным и убогаторванным. — Продолжим же разбор обвинений против нашего несчастного брата.

Он зачитал то, что — не без причины — предъявлялось Дэвиду. Главным пунктом было обвинение в пособничестве роялистам, уже знакомое Суду и ранее признанное и подтвержденное самим Дэвидом. Но появилось и кое-что новое.

— Благодаря достойной всяческого уважения бдительности нашего друга, арендатора из Чейсхоупа, до моего сведения было доведено, что имеются дополнительные доказательства виновности мистера Семпилла. Наш брат в весьма необычной компании действовал странным образом во время недавнего морового поветрия в Вудили. Он изгонял бедных селян из их жилищ, утверждая, что, держась вместе, они способствуют распространению заразы. Посему мы предполагаем, что он сам сеял недуг по округе, к тому же нарушал покой последних часов жизни тех, кто пребывал на

смертном одре. Более того, он силой и незаконно врывался в дома, закрытые от него, и сжигал имущество больных, губя то, что ему не принадлежит, и лишая прихожан законных обиталищ. Предо мной лежит письменное доказательство его виновности в этих преступлениях. Каков будет ваш ответ, мистер Семпилл?

— Я подтверждаю все эти деяния и говорю, что такими способами и с Божьей помощью чума была остановлена.

По залу прошел недовольный гул, мистер Мёрхед возвел очи горе.

— Вновь грешная гордыня! Будто длань Господнюю можно остановить, выламывая двери и сжигая честно нажитое добро! Но это все дела гражданского суда, они не входят в компетенцию Пресвитерского совета. Нас же глубоко тревожит вопрос, совместно с кем совершались эти деяния. Мистеру Семпиллу помогали житель Вудили Амос Ритчи, от коего я ожидал большей осмотрительности, и некто по прозванию Марк Риддел, с недавних пор арендующий усадьбу Кроссбаскет. Нам и раньше было кое-что известно об этом Ридделе. Осенью он сыграл решающую роль в защите женщины, обвиненной в колдовстве. Да, бедняга дознаватель имел некоторые изъяны в поведении, что не отменяет недопустимости слов и действий этого Марка Риддела, оскорбивших до глубины души все добропорядочное население прихода и приведших к небезосновательному подозрению, что Риддел причастен к незаконным поступкам... И кем, вы думаете, оказался этот Риддел? Тем самым Марком Керром, что служил полковником при Монтрозе и известен как роялист и мятежник, всю зиму разыскиваемый властями. Чейсхоуп раскрыл эту темную тайну и нашел свидетелей, готовых подтвердить его догадку. Дело отправлено фискал-прокурору, и к этому времени негодяй, вероятно, уже схвачен.

— Страшуся я, что его давно и след простыл, — сказал Чейсхоуп. — Поутру пришли вести, что в Кроссбаскете из печной трубы ни дымка.

— Он не уйдет далеко, — возразил Председатель, — вся округа против него. А вы, мистер Семпилл, что скажете по

этому поводу? Ведали ли вы, кто скрывается под личиной сего Марка Риддела?

— Я знал, что это воин Монтроза. Но какое значение имеет прошлое, когда человек исполняет свой христианский долг?

— Христианский долг! — Лицо Председателя побагровело от гнева. — Как у вас язык поворачивается, сэр! Изгонять людей из жилищ и тревожить умирающих из-за прихоти неразумной — это христианский долг? Да и товарища вы нашли себе под стать. Известно мне, что причина всех бедствий, постигших Вудили, в вас, и в вашей самонадеянности, и в ваших слабостях и сомнительных ценностях. На вашей совести, сэр, все эти смерти и страдания, выпавшие на долю прихода.

Он усилием воли умерил ярость и продолжил спокойнее:

— По основным пунктам этого обвинения даже не нужно вызывать свидетелей: обвиняемый сам все подтверждает. Итак, Дэвид Семпилл, не столь давно рукоположенный священник прихода Вудили, признает себя виновным в тяжком грехе сговора и пособничества официально объявленным врагам Церкви Шотландии. Под ложным предлогом действий во имя милосердия, коим Сатана нередко обманывает человеческий род, он приютил того, чьи руки обогреты кровью праведников, и пытался препятствовать поиску и осуждению этого дьявола во плоти. Но и этим дело не кончилось: он сам выдал суть свою, продолжив близкое общение с нечестивцами. Я умалчиваю об иных его проступках и прегрешениях, как то: грубое, нехристианское обращение с паствой, недостаток рассудительности, неустойчивость в вере; да назови я его еретиком, я не был бы далек от истины. Я говорю лишь о сути обвинения, о грехе, и он не только подтверждает его совершение, но и упорствует в нем.

Мистер Мёрхед скривил рот, слушатели одобрительно зашумели.

— Но милосердие всегда полезно сочетать со справедливым суждением, — продолжил Председатель. — Наш брат юн и, без сомнения, введен в заблуждение пагубным влиянием и чрезмерно глубоким интересом к мирским учениям.

Никогда не поздно покаяться, наша Церковь милосердна к кающимся грешникам. Ежели он признается во всех своих грехах, и отречется от них, и осудит их, и будет смиренно молить о прощении оскорбленного Бога, Суд отнесется к нему со всей возможной мягкостью. Конечно, не пойдет и речи о сохранении им места при приходе, но вполне вероятно, что он не будет отлучен от Церкви. Но пусть он не заблуждается насчет того, что ежели он продолжит упорствовать в неповиновении, то не быть ему не только священнослужителем, но и прихожанином в Церкви Христовой.

Его голос звучал гораздо мягче, чем ранее. Да, он желал прежде всего избежать скандала в лоне Церкви, однако не стоит исключать и того, что в душе его была искорка сочувствия к юному и изможденному обвиняемому.

— Я с чистым сердцем признаю себя главным грешником, — сказал Дэвид.

— Тут недостаточно общего признания, — сказал Председатель. — Нужно раскаяться в каждом деянии. Следует говорить о мерзости своей вины во всех перечисленных мною грехах, признать тяжкие ошибки, самому осудить их и лишь потом смиренно ждать нашего решения.

— Ну нет, — ответил Дэвид. — Я никогда не признаю исполнение христианского долга грехом.

И вновь все слушатели будто охнули разом, но теперь в шуме проскальзывали нотки возмущения, словно люди впускали воздух сквозь стиснутые зубы. Председатель закрыл глаза, будто не желая видеть гадостного зрелища. В следующий раз он взглянул на Дэвида, сведя брови, прямой линией пересекшие его широкое лицо.

— Юноша, юноша, — произнес он, — как же вы далеки от Христа. Вы признаете, что грешны, но держитесь за свои грехи, объявляя их благодатью. Вы слепы, вы запутались, у вас нет надежды ни в этом мире, ни в ином. Вас должно изгнать из Земли обетованной.

Он наклонился к Чейсхоупу, тронувшему его за рукав и что-то прошептавшему на ухо.

— Тут мне кое о чем напомнили, — продолжил он. — Этот несчастный виновен не только лишь в бунте против

Церкви. Есть еще одно обвинение, о коем я предпочел бы не упоминать, но раз он столь упорствует, я вынужден сделать это. Осенью его не раз видели в Черном лесу в сопровождении женщины, и предполагается — хотя скорее это может быть подтверждено многими свидетелями, — что та же женщина помогала ему в его сомнительных деяниях во время мора. Таким образом, к его грехам перед обществом добавляется и личная похоть. Отвечайте мне, сэр, точно стоите пред Творцом, кем была та женщина и где ее искать?

Но Дэвид едва слышал мистера Мёрхеда, ускользнув от окружающих его мрачных лиц в свой тайный мир. За вопросом последовала тишина, прерванная высоким и дрожащим голосом, пугающим, как трубный глас.

— Она с ангелами на Небесах. — Мистер Фордайс сбросил с плеч плед и встал, подняв руку. Глаза горели на бледном лице. Он заслужил репутацию праведника, и всегда, когда он говорил, остальные замолкали. Вот и сейчас все будто застыли на скамьях — не раздавалось ни звука. Даже Председатель перестал поправлять ленты беффхена, его рука застыла у горла.

— Вы не заставите меня молчать, — продолжил голос. — Женщина, чье имя вы хотите замарать погаными языками, ныне в Раю, у Господа. Я хорошо знал ее. Это Катрин Йестер, что обитала в Калидоне, и никто не сравнится с ней в добродетельности и чистоте. Она была нареченной невестой Дэвида Семпилла, и во времена бедствий покидала она безопасное жилище и шла к беднякам в Вудили, совсем как Христос покинул дом Отца во имя искупления грехов людских... Она гораздо лучше нас, и в Новом Иерусалиме она встанет столь близко к Престолу, что я буду счастлив, коли мне удастся хоть краешком глаза узреть ее.

Слова, которые позже начнут передавать друг другу как невероятное богохульство, в ту минуту оказали странное воздействие на слушателей. По залу пробежал шорох: многие отвернулись, словно не выдержав вида пророка. Даже Председатель опустил глаза, но Чейсхоуп с полуулыбкой на губах уставился на говорящего.

— Глупцы, глупцы! — звучал голос. — Я слишком долго молчал из-за немочи телесной. Человек нес вам учение Христово, а вы забросали его камнями, как евреи изгнали градом камней первомученика Стефана из стен Иерусалима. Молю лишь, дабы он, как Стефан, узрел небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога... Глаголю вам, среди нас есть те, кто будет гореть в Аду за деяния сего дня. Слепцы, слепцы...

Мистер Фордайс задохнулся, лицо покраснелось от прилива крови, он закачался и упал бы, не успей Дэвид подхватить его. Грозная речь стихла, и собрание начало приходить в себя. Люди перешептывались, Председатель наконец опустил руку и нашел силы заговорить:

— Сколь неуместная тирада. Наш брат болен, потому и забылся. Продолжим разбор дела судом.

Дэвид взял находящегося в полуобмороке мистера Фордайса на руки и поклонился Председателю со словами:

— Мое присутствие тут излишне. Сказать мне больше нечего, пусть решает Суд. А пока я позабочусь о друге.

Он вышел из кирки, неся пастора на руках.

Дэвид принес мистера Фордайса на постоянный двор в Норсгейте и уложил в постель. Хозяйка оказалась доброй душой и пообещала хорошо присматривать за священником; да он и не ощущал себя серьезно больным: возбуждение, негодование и непривычный взрыв эмоций подорвали его силы, но немного сна — и он придет в себя. Дэвиду удалось разыскать прихожанина из Колдшо, как раз отправляющегося на лодке домой, и передать с ним весточку для миссис Фордайс, сообщив, что муж вернется завтра. Он ушел, когда священник заснул.

Эти заботы задержали Дэвида до вечера, и он выехал из Аллерского прихода уже затемно. Совецание давно завершилось, и кирка на крутояре обезлюдела и была заперта. Все разъехались по домам, и двор «Скрещенных ключей», с утра напоминавший конный торг, теперь опустел. Ветер, весь день набиравший силу, стал почти ураганным, и лишь только Дэвид свернул за угол над тесниной, где холмы вокруг Аллера сменяются пойменными лугами, ему едва уда-

лось удержаться на ногах. Молодой человек надвинул шляпу пониже и оглянулся. Городок, блеклый и серый в холодных апрельских сумерках, дымил всей своей сотней труб. Сердце Дэвида сжалось от горькой боли. Ему показалось, что он в последний раз смотрит на жизнь, с распростертыми объятиями принявшую его полтора года назад. На жизнь, из которой он отныне изгнан.

Постепенно он выходил из своего тайного мира, возвращаясь к холодной действительности. Пламенная речь мистера Фордайса на судилище пошатнула стены его отрешенности. Катрин была на Небесах, но сам он пока не покинул пустынные земные пути. Он чувствовал себя очень одиноким: отец умер, Марк Риддел в бегах, Риверсло не пришел ему на помощь, Церковь отринула; ему некуда приткнуться на белом свете, руки свободны от трудов, друзей не осталось. Он смотрел на окружающий мир, и тот казался столь же мрачным, что и умирающий свет хмурого апрельского дня... Сердце Дэвида растеряло силу чувств. Он не таил обиды на врагов, не питал ненависти и к Чейсхоупу; смирение его было глубоко, он будто отрекся от всего человеческого. Он так устал, что утратил волю сражаться. «Катрин, Катрин! — взывала душа. — Я никому не нужен на этой земле, стон неутешимый не обретет успокоения. Любимая, если б только я был с тобой!»

Близились ночь, холодало; ветер, обычно радовавший Дэвида, пронизывал до костей. Поплотнее укутавшись в плащ, пастор прищепил лошадь в надежде быстрее добраться до жилья. Но животное казалось таким же апатичным, как и наездник: оно двигалось с похоронной медлительностью, словно не стремилось из ненастья в родное стойло. В небе среди несущихся прочь облаков висела луна, и можно было разобрать петляющую меж черного лабиринта холмов дорогу, но тени сгустились, как только тропа нырнула под сень деревьев у реки.

В этой непроглядной тьме Дэвид слышал, что его нагоняет всадник. Вскоре они поравнялись, и во мгле пастору показалось, что он понял, кто это.

— Доброго вечерка, мистер Семпилл, — произнес почти неузнаваемый из-за шума ветра голос. Мужчины поехали бок о бок, а когда через минуту они оставили рощу позади, Дэвид увидел, что это Чейсхоуп.

— Что-то ты припозднился в пути, друг мой, — сказал он.

— Дел было неупрочин, — последовал ответ. Фермер, пребывающий в отличном настроении, напевал себе под нос. — А вот вас нынче потрепало, мистер Семпилл, — продолжил он. — Воспротивились вы закону Божьему да людскому и пали так, что не выкарабкаться. Но я зла не держу, хыч и мог бы, ежели б Господь не одарил меня благодатью прощения. Все, что я деял, творил через силу, токмо за-ради исполнения долга христианского. Но и страшные грешники могут быть прощены, и такого, как вы, тоже не отринут, тем паче служили вы Христу в кирке. Тот, кто ищет, да обрящет милости, мистер Семпилл.

Фермер частил, будто пьяный, но был он трезвенником и говорил, вероятно, так быстро лишь из-за охватившего его волнения. В темноте Дэвид не мог рассмотреть его лица, но понимал, что за огонь горит сейчас в его глазах, ибо уже видел его.

— От всей души молвлю, — не унимался Кэрд. — Ежели вы Избранный, то судьба нам столкнуться у Престола. Я же завсегда готов подать руку споткнувшемуся брату.

Дэвид промолчал, но это не остановило излияний Чейсхоупа: у того много чего накопилось на душе и просилось на уста.

— И чего вы добились, сыпля поклепами? Поразмыслите сами, мистер Семпилл. Что сталося с вашим Риверсло, не чтящим ковенанта, иль с Весельчаком Марком с его ведовством, иль с вашей пригожей невестой? Один сгинул, аки побродяжка, другого того и гляди вздернут, третья в сырой землице.

Наконец заговорил Дэвид, и имей Чейсхоуп уши, дабы услышать, он бы не преминул заметить необычную нотку в голосе пастора:

— Ты прав. Я и впрямь одинок и заброшен.

— Одинок и заброшен! Так оно и есть. А с чего бы, мистер Семпилл? А с того, что кинулися вы грудью на незыблемую твердь Избранного народа, пребывающего под Божьей сенью. Как там молвил достопочтенный Председатель опосля вашего ухода? Он уподобил Церковь камню краеугольному, о коем писано у Матфея: «Тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит»¹.

— Но было и еще одно пророчество: среди нас есть те, кто будет гореть в Аду за деяния сего дня.

Чейсхоуп, редко позволявший себе смех, мерзко хохотнул.

— Вот умора, человече, то ж был просто-напросто бедолага мистер Фордайс, он всем ведом. Как бы то ни было, имеется в нем искра благодати, но тело истерзано хворями, в чем токмо душа держится.

— Однако он говорил правду. Кое-кто будет гореть в Аду, возможно, сегодня же ночью.

И вновь Чейсхоуп рассмеялся.

— Никак Саул² затесался меж пророками? — спросил он. — Да кто ты такой, пастырь отвергнутый и изгнанный, да-бы пророчествовать?

— Бог дарует глас малым и сирым, чтобы объявляли они Его волю. Глаголю я, Эфраим Кэрд, сегодня ночью возмездие настигнет тебя.

На этот раз фермер не засмеялся, а чуть отъехал от пастора.

— Ты смеешь грозить мне?

— Я никому не угрожаю, но Бог гневается на тебя.

— Да ладно! Вера моя неколебима. А ежели посмеешь поднять на меня руку...

— Успокойся. Рука моя не поднимется.

Чейсхоуп, кажется, пришел в себя, приблизился и заглянул в лицо Дэвиду.

¹ Мф. 21:44.

² Царь Саул — воплощение правителя, поставленного на царство по воле Бога, но ставшего Ему неугодным.

— Ты разом меня возненавидел. Я это смекнул ажно в первый день в твоём доме.

— У меня нет и не было ненависти к тебе. Сегодня я рад любому спутнику. Я люблю тебя так сильно, что спасу твою душу.

— Тебе ли молвить о спасении души! — начал Чейсхоуп, но смолк. Что-то в Дэвиде напугало его даже в эту секунду крайнего волнения. Спокойный, властный голос словно ножом отсек его дикую болтовню. Если фермер и был безумен, пастор оказался безумнее: остатки слабости слетели с Дэвида, как ветхие лохмотья, и он запылал гневом. Такое палящее пламя горит ровно, но жжет так, что начинается пожар.

Больше Дэвид не произнес ни слова, однако Чейсхоупа затрясло. Он кичился и бахвалился. Токмо гляньте, сколь он уверен в праведности своего следования узкому пути! Он стenal. Смертное тело уязвимо, но Искупитель справедлив, спасение грядет. Он схватил Дэвида за рукав, будто страстно желал подтверждения своим разглагольствованиям. Но тот промолчал, что еще больше выбило Кэрда из равновесия. Голос его срывался от страха, он принялся цитировать Писание, точно оно могло пробить брешь в каменной невозмутимости спутника. А когда его лошадка споткнулась и чуть не подмяла священника, Чейсхоуп вскрикнул от испуга.

Они пересекли Аллер в полумиле ниже Рудфута, и здесь их дороги должны были разойтись. Облака поредели, и выглянувшая из-за них луна осветила раскинувшийся впереди Меланудригилл. Лес колыхался, подобный океану тьмы. Дэвид направил лошадку прямо туда, но Чейсхоуп, едущий слева, остановился поперек тропы.

— Тебе тут короче, но мне ближе чрез Виндивэйз... Окаянство, ну и ветрище.

— Это ураган гнева Божьего.

— Доброй дорожки, да пошлет Господь тебе раскаяние!

— К Чейсхоупу перед расставанием словно вернулось мужество.

Дэвид положил руку на узду его пони.

— Ну нет, не здесь нам прощаться. Мы поедem дальше.

— Умом тронулся, парень? — закричал Чейсхоуп, вновь обретя силу голоса. — Да кто ты таков мне приказывать? — Голос фермера окреп, однако его пронзительность выдавала беспокойство.

— Я не приказываю. Загляни в свое сердце и сам все поймешь. Эфраим Кэрд, неспроста мы сошлись этой ночью. В сём промысел Божий, в глубине души ты знаешь, что не сможешь оставить меня. Сегодня мы связаны крепче, чем муж с женой.

— Силы небесные! — Чейсхоуп все еще храбрился, но голос выдавал его. — Ничего таковского я деять не стану! Руку прочь с оголовья.

Дэвид поднял руку, отпустив уздечку, и фермер вжался в седло, опасаясь удара. Но рука не упала, а схватила Чейсхоупа за предплечье так, что у того хрустнули кости.

— Глупец, — мрачно сказал священник. — Нынче ночью наделен я силой десятерых, ибо во мне Господь. Если б была на то Его воля, я б убил тебя одним ударом, но Он приказывает продолжать путь вместе.

От заносчивости Чейсхоупа не осталось и следа, хотя он и сохранил остатки смелости. Он постарался говорить спокойно и держаться, будто ничего не произошло:

— Ну, раз так тебе то надобно, поеду, куда желаешь. Разницы-то всего полмили. — Но это заявление не помогло разрушить чары, давящие на него. Оно походило на натужную браваду преступника с петлей на шее.

Они молча пересекли займище и объехали Феннанскую топь; доведись кому наблюдать за ними, он бы заметил, что Дэвид держался по-военному прямо, тогда как Чейсхоуп мешком обвис в седле. Их колени соприкасались, и могло показаться, что они скованы одной цепью.

Доехав до опушки Леса, они остановились под соснами у поворота направо, к долине реки Вудили.

— Спешимся, — сказал Дэвид, — иначе меж деревьями не пройдем. Лошади сами найдут дорогу домой.

Охваченный ужасом Чейсхоуп сдавленно выкрикнул:

— Лес! Токмо не в Лес! Туды не можно... — Он поднял руку и ударил бы, но Дэвид успел схватить его за запястье. Фермер потерял равновесие и скатился на землю, через мгновение священник стоял рядом с ним. Лошади, испуганные потасовкой, поскакали по тропе.

Страх придал Чейсхоупу сил. Он накинудся на Дэвида, но тот отбросил тяжелого противника как перышко. Неужто этот суровый воин с железными мускулами был прези-
раемым им пастором?

Раздался спокойный голос:

— Ты крупнее и старше меня, но я моложе и сильнее. Ты мне не соперник и в обычный день, а сегодня во мне сила Господа, я переломлю тебя, как соломинку... Идем со мной, иначе оглушу и понесу сам.

Фермер с трудом поднялся на ноги и огласил округу криками о помощи. Ответом ему был шум крыльев растревоженных ночных птиц.

— Куда мне ступать? — прохныкал Чейсхоуп.

— В Лес, в знакомое тебе место. Эфраим Кэрд, сегодня я дарую тебе возможность спастись. Я мог ошибиться... мои глаза могли обмануть... может, и не ты резвился и играл на дуде в собачьей маске среди потерянных душ. Если я ошибся, то там это будет доказано. Если я прав, у тебя останется возможность раскаяться. Мы поднимемся на Гору, и ты выберешь между Авироном и Иеговой.

Чейсхоуп, как пес, припал к земле.

— Не можно... не можно... — завывал он. — Я человек верующий, но не можно мне в Лес... Не время для того... там бродят жуть и ужас. Ох, вы сами не ведаете... Пустите меня до дому, а чуть свет я на карачках поползу в Аллерскую кирку и присягну, что возвел на вас поклеп. Признаюсь...

Дэвид все еще держал Кэрда за руку, но тот прекратил сопротивление. Колени его подогнулись, тело обмякло, как у паралитика.

— Признаюсь... поведаю все, что не следует молвить вслух... я увлекал иных в Лес, памятуя, что грехи мои искуплены и Господь не отринет меня... Я не спешил каяться, ибо уготовлено мне место у Престола... В Писании сказано, Со-

ломон якшался с моавитянами, но пребывал в числе Избранных... Но с сего дня я ни-ни... Могу на Писании присягнуть... Оставляю идолов в прошедшем... Книги пожгу... От Диявола отрекуся...

— Ты все сделаешь там, — сказал Дэвид.

Он никогда не заходил в Лес с этой стороны, да и тропу в чаще было всегда сложно отыскать после захода солнца, однако сейчас у Дэвида в голове будто обрисовалась карта и он пошел, ведомый наитием. Весна запоздала, и новые стебли не успели потянуться к небу. Но мертвый папоротник так и не погнулся и стоял высотой по пояс — Дэвид с трудом продирался сквозь него. Мужчина позади потерял всякую способность сопротивляться. Он тащился следом, словно послушный пес, Дэвиду не понадобилось волочить его за руку. Фермер то и дело спотыкался, а один раз свалился в яму у ручья, и его пришлось вытягивать оттуда; но он не попытался бороться и скрыться. Он шел, порой бежал, согнувшись почти вдвое, и все время тихо бормотал себе под нос, должно быть, молился.

Ветер бушевал в верхушках деревьев, было слышно, как он, то завывая, как гигантский орган, то глухо отзываясь далеким барабанным боем, проносится меж холмов. Спутники взбирались вверх, пока не достигли подобия плато с густой растительностью, замедлившей их ход... И тогда внезапно Дэвид обнаружил, что стоит перед поляной с темным камнем посередине.

В бледном свете луны было просто различить ее очертания — серый лоскут в кольце чернильной тени. Алтарь больше не казался белым, как в летнюю полночь, потемнев от пронизывающих зимних дождей. Теперь Дэвид видел, что в этом унылом сыром месте нет ничего колдовского, это всего лишь лесная кулига.

Но Чейсхоуп взирал на нее иными глазами. Увидев камень, он завопил от ужаса и упал на землю, зарыв лицо в мох в попытке отгородиться от зрелища. Дэвид схватил его и потянул вперед, дотащив до алтаря; все это время пронзительные крики фермера заглушали завывание ветра.

— Признания не требуется, — сказал священник. — Ты выдал себя с головой... Сейчас я совершенно точно знаю, что это тебя я видел здесь в Белтейн и на Ламмас.

Чейсхоуп не поднимал головы, вцепившись в ноги Дэвида и тычась в них, как подлизывающаяся дворняга; при этом он коротко и испуганно поскуливал.

— Твой грех доказан и признан, — сказал Дэвид. — Здесь, на месте твоего преступления, ты сам выберешь свой путь. Обращаюсь к тебе, как Илия обращался к народу Израильскому: «Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте»¹. Этой ночью ты отрекаешься либо от Абирона, либо от Христа.

Фермер молчал, словно неизбывный ужас сковал его язык. Дэвид поднял его, и тело мужчины задергалось, будто в припадке. Ноги перестали слушаться, и Дэвиду пришлось поставить его на колени так, чтобы лбом он упирался в алтарь.

— Отрекись от хозяина в его же храме... Я подскажу тебе, что говорить, если не знаешь сам... Повторяй за мной: «Ненавижу и отвергаю Дьявола и его козни, отдаю себя на милость Господа». Эфраим Кэрд, твоя бессмертная душа парит над Геенной.

Скорчившийся человек не издавал ни звука. Вдруг его затрясло, и голос вернулся. Он забормотал, но Дэвид не мог понять, что он говорит. Возможно, он отрекался от своих богов, но что бы это ни было, он все не заканчивал.

Неожиданно члены его ожили, и он резко вскочил на ноги. В глазах сверкало безумие, он чуть склонил голову, как будто прислушиваясь.

— Они идут, — выкрикнул он. — Псы! Красные псы!

Дэвид попробовал удержать Чейсхоупа, но мощь беснующегося превосходила его силы. Фермер вырвался, разорвав свою одежду. Лицо окаменело от ужаса, глаза слепо горели. Он подпрыгнул, перекутившись в воздухе, упал, приложил ухо к земле, а затем с невероятной быстротой побежал по косогору вверх, прочь от поляны. Он остановился лишь од-

¹ 3 Цар. 18:21.

нажды, вновь ловя неслышимые звуки, потом согнулся так, что, казалось, пал на четвереньки, и, повизгивая испуганным зверем, исчез во тьме... Ветер чуть стих, и Дэвид услышал, как Кэрд удаляется, а еще ему померещился гул голосов, как во время Белтейна и Ламмаса. Этот гул напомнил пастору далекий лай псиной своры.

* * *

Душа Дэвида вновь погрузилась в сон. Он исполнил свой долг, в последний миг, подобно Самсону, обрушив колонны нечестивого храма, но какое это имело значение для того, кого оставили надежды и желания? Он побрел прочь из Леса, не ощущая ни страха, ни иных чувств, присущих человеку. Его сердце иссохло и перестало биться, как незаведенные часы. Лишь одна мысль была в его голове: надо пойти в Рай на могилу Катрин, но не за утешением, а чтобы вновь очутиться под тяжким спудом одиночества. Ничто более не имело смысла. Юность прошла, он превратился в глубокого старика.

Миновав лощину и продравшись сквозь орешник, он вышел к священной поляне. В темноте журчал ключ, рядом с ним был свежий холмик... При виде его внутри Дэвида что-то растаяло. Он бросился на траву, по щекам потекли благодатные слезы. Он рыдал и молился, вновь переживая счастливые дни, когда Катрин пела меж цветов. Слова звучали в его ушах:

Обретет успокоенье стон неутешимый,
Пчелка меду наберет в цвете у ручья...

Но существовало ли утешение для раненного в сердце человека по эту сторону вечности? Ему явилось ее бесстрашное смеющееся лицо, ее голос, тихий и прекрасный, по-

слышался из-за холмов упокоения. Она улыбалась, она говорила что-то, но смертный не мог разобрать ее слов. В его душе царила оттепель, жизнь возвращалась к нему.

Он долго лежал на земле, а когда наконец поднял голову, уже светало. Ветер стих, воздух обрел весеннюю мягкость. В зарослях запел дрозд, повеяло цветочными ароматами... Неожиданно мир заиграл всеми красками, юность вернулась к нему. Дороги жизни манили ярким светом, обращаясь в сияние в их конце: там, в райских кущах, его ждала Катрин, там они соединятся навеки.

* * *

С первыми лучами рассвета Рэб Прентис похромал к загону взглянуть на овец и по чистой случайности решил срезать путь и пройти через лещинник. К своему удивлению, около рощи он заметил бодро шагающего человека, в котором с еще большим удивлением узнал священника. Что мистер Семпилл делает здесь в такой час? Он проводил его взглядом до холма и озадаченно побрел домой к котелку с кашей.

Еще долго Рэб Прентис рассказывал замершим слушателям об этой встрече в мельчайших подробностях. Он был последним в Вудили, кто видел пастора живым.

Глава 21

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СВЯЩЕННИКА

С раннего утра все в Вудили были на ногах, ибо ожидался день потрясений для прихода. Накануне вечером в деревню пришли вести о решении Пресвитерия: пастора лишили места и отлучили от церкви, и именно сегодня в кирке мистер Мёрхед из Аллера и мистер Праудфут из Боулда должны были во всеуслышание объявить об этом. На фермах почти не было работы, ибо овцы только-только начинали ягниться; пахать закончили, но земля пока недостаточно просохла для засева. Посему прихожане всем скопом толпились у ворот кирки.

Возмущение поступками священника, кои, Бог свидетель, послужили причиной мора, и его своевольными деяниями в дни тяжких испытаний все еще не утихло. Тут же вспыхнули старые обиды, и у Дэвида осталось очень мало преданных друзей. Изобел жила в Калидоне, Риверсло бродил неизвестно где, и только Амос Ритчи с парой прихожанок пытались защитить бывшего пастора. Об арендаторе Кроссбаскета ходили странные слухи. Его искали солдаты с постановлением об аресте; оказалось, под личиной добронравного и степенного фермера скрывался Марк Керр из рода лорда Роксбурга; имя его множество раз появлялось в воззваниях Церкви и графств; за ним охотились во всех уголках Шотландии со дня битвы при Филиппхоу. Селяне сразу припомнили его властность, и некоторые заявляли, что давно распознали в нем дворянина, а уж когда заговорили о его стычке с сыскным, то пришла уверенность, что все знали о его безбожии. Но все же ему довелось жить в этом краю, что наполняло гордостью и щекотало нервы деревенского люда, и те, кто помоложе, с любопытством оглядывались на опустевший Кроссбаскет.

Впервые за долгое время в воздухе чувствовалась весна, и собравшиеся у кирки в ожидании прибытия священников грелись в мягких лучах теплого солнца. Старейшины, в лучших своих нарядах, стояли у ворот, и даже мельник обрел чрезвычайно торжественный вид.

— Сие есть великий день для Вудили, — сказал арендатор из Нижнего Феннана, — великий день для Христовой церкви Шотландии. Мы очистили скинию от поганого сосуда. Горюю токмо об одном: не все достойнейшие и вернейшие христиане дожили и узрели сие. Питер Пеннекук... честный Питер завсегда недолюбливал Семпилла... окутан хладом духовным, говаривал он. Сколь рано Питер покинул нашу бrenную землю.

— Что стряслось с Чейсхоупом? — спросил Майрхоуп. — Ему давным-давно время прийти. Ужто станет он запаздывать в столь славный день?

— Слышал я от чейсхоупского пастуха, что наемдни Эфраим не явился домой, — сказал мельник. — Женка его в огорчении, но думает, задержало его дело при Пресвитерии.

— Но все тама разобрали к трем пополудни. Разве что он остался перемолвиться с Едомом Трамбуллом о новом зерне. Однако ж нету у Чейсхоупа свычки ставить заботы мирские выше долга христианского... Эх, судари, предстоит нашему пасторату узреть день водлый! Мистер Мунго объявит изгнание, мистер Эбенезер прочтет проповедь, а в таковом деле Праудфут аки алчущий крови ястреб, глас его подобен ветрам января.

Женщины, расположившиеся на плоских надгробиях, толковали больше не о Церкви, а о пасторе. Многие имели на него зуб.

— Изгоняй его, отлучай, но кто ж мне детоньку мою вернет, павшую от заразы, посланной ему карою? — причитала чейсхоупская Джин. — Бабоньки, есть на то ответ? Да лучше б я ему обеими пятернями глотку разодрала.

— Радуйтесь, подруженьки, — сказала другая, — что Изабел Вейтч тута нету, а то б я глянула, чья глотка пострадала бы.

— Джонни Дау принес с верховья странные вести, — встряла третья. — Про девицу, с коей пастор в Лесу виделся, а мы-то ведаем, что та же девица с ним по домам в пору чумы хаживала. Те, что ее узрели, рассказывают, лицом пригожа, таковских хорошуль поискать.

— Цыц, хвистульки, то была не девица. Не из плоти и крови. То была фея лесная, а еще болтают... — Женщина прошептала что-то на ухо соседке.

— Из Лесного она народца аль из каковского иного, — вслух возразила та, — но малютку Бенджи она мне на ноги поставила, так что я и слова супротив нее не вымолвлю. Детёнок до сей поры ее зовет, повидаться с раскрасавицей желает.

— Прикусите языки и дайте мне сказать. Джонни Дау говорит, что Пресвитерию все стало ведомо, не фея то была, а человек живой. Сами-то как разумеете? Не иначе была то младая хозяйка из Калидона.

Женщины заохали, многие недоверчиво.

— И сие не конец. Идет молва, что они с пастором миловались и была она его нареченной. То мистер Фордайс Пресвитерию поведал.

— Да где ж такое слыхано? Дабы Семпилл завел милку в Калидоне и в лэрды из пасторов метил? Девице-то точно замок перейдет, а у Семпилла своих денег куры не клюют, то всем ведомо.

— Ежели его отлучат, не видать ему того как своих ушей. Удерет из страны старому лэрду вослед, а нареченную с собой прихватит.

— И вы еще главного не слыхивали, — сказала та, что начала разговор. — Растрещались, аки белобоки, слова не молвить... Девица-то померла, три дня как померла — зараза ее стубила, и пастор с горя сам не свой. Джонни рассказывает, сидел давеча в Аллерской кирке, бледный, аки мертвяк, смиренный, аки детёнок, куды токмо его нахальство подевалось. Джонни померещилось, что он умишком тронулся.

Последовала тишина, и лишь Джин из-под Чейсхоупской усадьбы расхохоталась.

— Поделом им всем, особливо ему, — сказала она.

— Устыдися, женщина, — прервали ее. — Парень нагрешил, но он молод, а кара вельми сурова.

Толпа заволновалась при виде приближающихся священников. Старейшины поприветствовали их и провели в небольшую пристройку у восточной стены кирки, предназначенную для собраний Приходского совета. Паства, как полагается, проследовала внутрь кирки, и вскоре оттуда раздалось протяжное пение псалмов. Робб-звонарь остался ждать священнослужителей у единственной двери. Когда они появились, мистер Мёрхед был в полном облачении, но мистер Праудфут ограничился простой домотканой одеждой, ибо глядел свысока даже на предписанные наряды. Они тоже вошли, Робб прикрыл за ними и за собой дверь и оставил огромный ключ в замке.

Через церковные ворота неторопливо прошагал мрачный Амос Ритчи. Он не желал присоединяться к людям, пока те толпились во дворе, зная, что неосторожное слово может заставить его вспыхнуть и излить свой гнев на их головы. Он добрел до двери и хотел было войти внутрь, но торопливый цокот копыт на дороге заставил его остановиться. Всадник привязал лошадь к воротному столбу и направился к кирке. Амос узнал в нем Рисверсло.

— Я запозднился? — Шиллинглоу тяжело пыхтел. — Что там в кирке деется?

— Запозднился, — с горечью ответил Амос. — Намедни осудили священника в Пресвитерии в Аллерском приходе да и отлучили от церкви, а Чейсхоупа праведником признали токмо из-за того, что ты супротив него присягать собирался. Нынче Мёрхед с Праудфутотом возглашают, что пастора у нас нету.

— Обереги, Боже, — простонал Риверсло. — Я-то про то услышал токмо накануне и, покуда сюда из Лэнема скакал, несколько лошадей сменил... Пастор-то где? Где мистер Семпил?

— Господь его ведает. Я в дом к нему утречком заглянул, нету его. Как в Аллер отбыл, так и не появлялся... Да какая теперича разница? Имя горемыки запятнано, а Ву-

дили лишился лучшего своего пастора, каковский токмо ходил по тутошним тропам... Сам-то войдешь?

— Войду, — мрачно откликнулся Риверсло. — Ежели я не могу быть помощью пастору, его супостатам заедино недобровать. Вот нынче Чейсхоуп у нас попляшет.

Они проскользнули внутрь кирки и встали в темноте позади толпы. После псалмов и молитв мистер Мёрхед с кафедры зачитал решение Пресвитерского совета. Там *seriatim*¹ со всей запутанной многословностью, присущей юридическим документам, указывались проступки и преступления пастора. Суть решения была в самом конце:

«Исходя из всего вышеперечисленного, Аллерский Пресвитерий, именем Господа нашего Иисуса Христа, Царя всех царей и главы Церкви, властью, дарованной Свыше, сим постановляет ввиду рассмотренных грехов и злодеяний предать анафеме Дэвида Семпилла, ныне обитающего в приходе Вудили, оставить его на поругание Сатане, дабы тот разрушил его плоть в надежде, что душа сможет обрести спасение в День Страшного суда, и равным образом Пресвитерский совет вменяет в обязанность всем правоверным христианам воздержаться от всякого общения с Семпиллом, дабы прекратил он упорствовать во грехе и дабы не распространилась на них его скверна».

Председатель громко зачитывал приговор, смакуя каждое слово. Он коротко обозначил мирские последствия отлучения и принялся расписывать ужасы духовной жизни того, кому отказано в единении с Христом и Церковью. Далее он возгласил, что священник *in absentia*² лишается места при приходе, и объявил, что оно будет пустовать, пока не назначат преемника. Выбор кандидата остается за прихожанами, а одобрять его будет Пресвитерий, ибо Николас Хокшоу, главный — и единственный — владелец земли при пасторате, является преступником и беглецом. Закончил он

¹ Пункт за пунктом (лат.)

² В отсутствие, заочно (лат.).

молитвой — весьма велеречивым излиянием, восхваляющим праведных за проявленное рвение, сочувствующим их бедам и рекомендующим ожидать особого знака Господнего. Он аккуратно расправил полы талара и уступил место боулдскому пастору.

Для своей проповеди мистер Праудфут избрал двадцать четвертый стих десятой главы Четвертой книги Царств, точнее его вторую половину: «Душа того, у которого спасется кто-либо из людей, которых я отдаю вам в руки, будет вместо души спасшегося». Эта тема соответствовала его склонностям, и никогда доселе он не проповедовал столь свободно и горячо. Цитаты из Писания громоздились одна на другую, дабы указать на греховность безучастного отношения к Божьему промыслу («Прокляните Мероз, говорит Ангел Господен»¹); он умолчал про иные грехи Дэвида, сосредоточившись на неверности Церкви в годину испытаний. Мир распластался у ног Сатаны, стремясь услужить ему, но Господь не оставил Шотландию, укрепив души Избранного народа и возложив на них обязанность следовать Его Промыслу, и горе тем, кто оступися на этом пути. Здесь речь Праудфута обрела особое величие. Он говорил с вдохновением крестоносца, отважно рисовал героические картины противостояния немногих избранных всему миру.

Вернувшись к Дэвиду и его отступничеству, он изобразил священника слабовольным человеком, без сомнения, начинавшим свой путь с искренней верой, но вскоре сошедшим с узкой тропы, соблазнившись похотью и гордыней. «Не жалок ли он, — надрывался проповедник, — променявший спасение на бренность скоротечного мира, не убоявшийся разверстой пасти Ада и Геенны огненной, ожидающих сбившихся с праведного пути? Не скорбно ли то, что душа человеческая, отринув благодать, лелеет иные мысли? Что значат науки мирские, и красоты блазнящие, и радости плотские, и даже добрые намерения, ежели на том конце Всеобщий судия задаст лишь один вопрос — был ли ты верен Христу?»

¹ Суд. 5:23.

С особым презрением он заговорил о милосердии. Грех щадить нельзя. Нечестие должно искоренять всегда и везде. Будь то милая сердцу жена или дитя той же матери, грешника должно карать.

Прихожане слушали как завороженные. Все — люди на скамьях, Председатель в кресле, священник за кафедрой — были настолько поглощены проповедью, что никто не заметил, как в полутьме отворилась дверь и в кирку вошел человек.

К концу речи мистер Праудфут впал в священный экстаз. Он был на пике. Он избороздил историю Израиля в поисках примеров, показывающих, что Иегова милостив, но беспощаден к заблуждениям. Агага изрубили на куски... служители Ваала погибли все до единого... рощи вырублены, и вспаханы, и засеяны солью... Захваченные потоком слов слушатели не видели, как новоприбывший спокойно прошел к передним рядам... Боулдский пастор завершил ураган красноречия своей любимой притчей о Вараке, сыне Авиноама, поведав, как тот с десятью тысячами воинов из колен Неффалимова и Завулонова спустился с горы Фавор и напал на Сисару, военачальника хананейского, сметя его армию с лица земли. Со всей присущей ему скромностью уподобив себя пророчице Деворе, он взывал к Избранному народу, как она к Вараку, побуждая подняться и сокрушить хананеев без жалости и слов. «Так уничтожим колесницы и все ополчение мечом, ибо нынче Господь предал Сисару в наши руки, а после погоним остатки неверных до Хорошеф-Гоима!»

* * *

— Бабке своей расскажи про Хорошеф!

Священник только-только умолк, и в последовавшей тишине эти пять слов прозвучали с пугающей четкостью. К

тому же богохульство было произнесено с безмерным презрением. Все испуганно воззрились на Марка Риддела, разсыкиваемого войсками по всему краю. Он не таясь с высокомерным видом стоял у алтаря, и те, что оказались рядом, поспешно отшатнулись от него. Он не выглядел затравленным, и хотя его знали и уважали в Вудили, сейчас он казался внушающим ужас незнакомцем. Он был в той же одежде, в какой ходил в поля и на рынок, но теперь он ничуть не напоминал рубаху-парня из «Счастливой запруды». На поясе у него висел боевой меч.

Мистер Праудфут посмотрел на наглеца сверху вниз.

— Кто тут осмеливается презирать Слово Божье? — грозно спросил он.

— Не Слово Божье, а злыдней, извращающих его. — Марк кивнул через плечо. — Я всем в этом пасторате ведом. Ношу я имя апостольское, а что до фамилии, то зовите меня хоть Керром, хоть Ридделом.

Лицо сидящего Председателя запылало:

— Это же мятежник Марк Керр. Приказываю всем законопослушным христианам схватить его и отвести в темницу.

Но никто не шелохнулся. Смуглое и насмешливое лицо, жесткий и презрительный взгляд, подтянутое тело, наделенное силой, с которой не совладать согбенным трудом крестьянам, слава колдуна — все это и без острого меча внушало почтение и страх.

Мистер Мёрхед встал, приподняв полы талара.

— Что ж, тогда мы с братом покидаем сей приход. Пойдемте, мистер Эбенезер.

— Ну нет, други мои, — сказал Марк, — никуда вы не уйдете. Все останутся на своих местах, покуда я сам не отпущу. — Он говорил, позвякивая ключом от кирки. — Садитесь, мистер Мёрхед. И вы садитесь, досточтимый мистер Праудфут. Вы и так болтаете без умолку каждое воскресенье, и все вам молчком внимают. Нынче за-ради разнообразия послушайте и вы.

Пасторы остались на местах, и надо отдать им должное, удержал их отнюдь не меч. Оба были людьми мужествен-

ными. Да и бесстыдный мятежник, стоящий перед ними и одним своим видом заставляющий цепенеть жителей Вудили, обладал неодолимой силой убеждения. Говорил он как человек, облеченный властью; выражался по-простому, однако голос его был бы голосом главенствующего, возвысь он его при солдатах, студентах или в суде. Оба священника, привыкшие к этим ноткам в устах церковного начальства, застыли.

Много времени спустя люди всё продолжали тайком перешептываться о том, что Марк сказал в тот день. Об этом нельзя было говорить открыто, ибо никогда стены храма Христова не слышали большего богохульства. Он заявил двум столпам церковным и собранию праведников, что все они безнадежно извратили Слово Господне; что они фарисеи, неверно толкующие букву и не обращающие внимания на дух Писания; что они глупцы, придерживающиеся иудейских обрядов, коих не понимают, и любящие еврейские имена, хотя сами их правильно произнести не могут.

— Ваша вера что детский лепет, — вещал Керр, — но он отнюдь не невинен, ибо стал причиной кровопролития по всей Шотландии. Вы переняли жажду убийства, жестокие казни и беспощадность ветхозаветных иудеев, вы живете по их образцу, так что ж не пошли дальше? Что ж не ставите жертвенников и не жжете на них дары? Тогда и кирка должна быть не такая, а надобен вам храм из гофера и ситтима, и чтоб стол с хлебами предложения, и чтоб Ковчег Завета, и семисвечники, а на слуге чтоб не черная мантия, а ефод¹. Нельзя выбирать, чему в Писании поклоняться должно. Раз уж принялись слепо следовать ему, что ж отвергаете иные обычаи?.. Тельцы вы, кормленные на убой!.. Детятки малые, в Избранный народ Израиля играющие!

Тут не выдержал мистер Праудфут.

¹ Гофер — дерево, из которого был построен Ноев ковчег. Ситтим — акация, дерево для изготовления скинии. Хлебы предложения — 12 хлебов, уложенных в два ряда, по 6 в ряд, на особом столе в святилище. Ефод — часть облачения иудейского первосвященника.

— Умолкни, богохульник! — вскричал он. — Во имя Того, кто преломляет копьё, я повергну тебя. — Спускаясь с кафедры, он споткнулся о ступеньку и непременно свалился бы на Марка, если бы между ними не оказалась старая Нэнс Келло, сидящая в первом ряду, а Майрхоуп не успел схватить его за кафтан. Задыхаясь, он застыл в трех ярдах от Марка, и вновь не меч остановил его. Он просто почувствовал таинственную власть этого отступника. Перед ним был не арендатор из Кроссбаскета, но капитан Маккея, не обычный фермер с берегов Джед-Уотер, но аристократ из рода Роксбурга и офицер Монтроза.

Мистер Праудфут повернулся к своему собрату во Христе и увидел, что Председатель озадачен и не знает как быть. Он решил напомнить ему об их главном союзнике в приходе.

— Где Чейсхоуп? — выкрикнул он. — Где Эфраим Кэрд?

Ответ пришел неожиданно. Тронутый Гибби притулился в уголке и был, как отметили окружающие, непривычно тих. Он не тараторил, как обычно, а сидел, спрятав большую голову в руки, и неслышно бормотал что-то себе под нос, вращая дикими глазами. Но как только упомянули Чейсхоупа, он внезапно ожил.

— Он в холмах, — громко объявил блаженный. — Узрел я его ранёхонько на торговнице в Драйгрэйне, он разодрал глотку ярке и голосил, что то пес адский, кой его желал пожрать. Сам весь в юшке перемазался, а меня завидел, за мной погнался, очи красные, слюна вожжой, аки у бешеной шавки, лицо не людское, хычь и человек. Ух, судари, горемыка Гибби чуть концы не отдал, ибо застыл и пальцем шевельнуть не мог, но не добёг он до меня: издаля шум раздался, жив не буду, но был то лай псовый. Чейсхоупа аки ветром сдуло, и я оком моргнуть не успел, а он уже удирал по болотине и вопил, точно его черти дерут, ну я до дому Амоса Ритчи пошлепал, дабы тот свое ружье взял и прекратил его жуткие мучения. Я очей не сомкну, покуда не проведаю, что его заблудшая душа освободилась от тела.

— Вот и подтверждение моим словам. — Из голоса Марка исчезло презрение, говорил он спокойно, мрачно и убе-

дительно. — И мне довелось повидать того, кто некогда звался Эфраимом Кэрдом, и содрогнулся я от столь скоро настигшего его возмездия. Все в Вудили ведают, что стоял он во главе шабаша, собиравшегося в Лесу и поклонявшегося дьяволу, однако молва о нем шла как о праведнике, и даже глупцы, именующие себя служителями Божьими, слепо верили ему... Сидеть, сэр! Мне противна сама мысль о нападении на безоружного человека, но меч мой не раз поднимался на супостата... Он дал ложную присягу, обвинив невинного, и одержал верх наемни в Аллерском приходе. Но в ночи Господь наслал на него Свой гнев — токмо не вопрошайте как, того не ведаю — и нынче бегаёт он, оплоумевший, по холмам от своры собственных страхов. Ступайте, разыщите бедолагу. Найдете его в трясине болотной али в заводи речной. Похороните тело достойно, но лицом вниз, дабы путь его стал короче.

В кирке воцарилась такая тишина, что скрежет передвигаемой по земляному полу скамьи прозвучал подобно громовому раскату. Из заднего ряда раздался голос — его подал Амос Ритчи:

— Где пастор? — спросил он.

— Ушел туда, откуда более не вернется к вам, — сказал Марк. — Средь вас был пророк, но не узнали вы его. Вы предали невинного за-ради безмозглой твари, бегающей днесь по верещатникам на четвереньках. Он отдал вам все силы, а вы отвергли его, он нуждался в вас, а вы изгнали его, он отдал бы за-ради вас свою жизнь, а вы презрели его. Но ныне вашей неблагодарности его не достать.

— Ежели он еще жив, его достанет закон, — сказал мистер Праудфут, — а ежели мертв, он в руках Бога живаго и гневающегося.

— Человече, — спокойно сказал Марк, — вы и вам подобные, к несчастью, путаете Бога и дьявола.

— Сам ты, — крикнул Председатель, отчаянно пытаясь расположить к себе селян, — в шаге от виселицы.

— Все мы всегда в шаге от смерти... Вам, преподобные судари, мне сказать больше нечего. Поступайте как знаете, и однажды иные возымеют над вами верх и воздастся вам

за все сторицей. В сей тяжкий день раскаетесь вы в том, что содеяли в своей гордыне... Тем, кто участвовал в нечестии в Лесу, я желаю той же участи, что постигла вашего хозяина... А несчастному народу Вудили я передаю благословение вашего пастора, поминайте добрым словом того, кто вас любил. — Он повернулся у двери. — Вы останетесь здесь, покуда вас не выпустят. Священники тем временем могут предать анафеме и меня. Прощайте!

Амос Ритчи и Риверсло выскользнули вслед за ним, после чего в замке повернулся ключ. Амос горько плакал, смуглое лицо Риверсло перекосило от сдерживаемых слез.

— Вы остаетесь в этом приходе, — сказал Марк. — Я не вовлеку вас в ожидающие меня опасности. Выпустите бедолаг через полчаса. Никто не видел, как вы входили, посему будете вне подозрений. Скажете, что нашли ключ на обочине.

Амос посмотрел на Марка смятенным взором.

— Где мистер Дэвид? Что вы с ним сотворили?.. Мы ведавать не ведаем, кто вы, пришли и ушли, аки пожар в торфяниках, ходит молва, что вы и есть Диявол. Ежели вы увлекли праведника на тропу в Пекло...

— Не переживай. — Марк дотронулся до руки Амоса. — Думаю, я помог ему открыть врата в Рай.

ЭПИЛОГ

Преподобный Джон Деннистун в своем некогда снискавшем известность труде «Происки Дьявола против Избранных» (написан в 1719 году, но не издавался до 1821 года, пока не попал в руки сэру Вальтеру Скотту) посвящает отдельную главу происшествиям в Вудили. Именно на этих страницах мы находим историю в том виде, в каком она традиционно пересказывалась еще в течение полувека. Автор слышал о том, что творилось в Меланудригилле, но не возлагает вину за эти деяния на приход. У Церкви хватило власти окружить Чейсхоупа ореолом праведности; в книге мистера Деннистуна он предстает богобоязненным старейшиной, коего особо невзлюбил Враг рода человеческого; в своем последнем бою с Супостатом из-за насланного наваждения сей мученик потерял рассудок и упал со скалы в Гарпл-Линне. Мистер Деннистун не упоминает Риверсло, зато с уважением отзывается об Амосе Ритчи, с дедовским кремнёвым ружьем добровольно воевавшим на стороне Черного Макмайкла во Время убийств¹, за что ему посвящен целый абзац в «Неффалиме»². В книге происшедшее описано как злонамеренные козни Дьявола против славящегося добронравием прихода, а Дэвид выставлен слепым орудием Ада. Сам пастор из Вудили выглядит добросердечным, но неопытным молодым человеком, нестойким в вере и обуянным гордыней. Также упоминаются люди, взявшие сторону священника и оплакивавшие обрушившиеся на него несчастья, пусть пастор и справедливо заслужил их. Мистер Деннистун говорит о глупом поверье, ходившем по округе, что пастора якобы похитили Феи, и о другой легенде, проти-

¹ Время убийств (1680-1688) — период религиозных волнений в Шотландии, предшествующий времени Славной революции.

² «Неффалим» (1667) — книга Джеймса Стюарта и Джеймса Стирлинга об эпохе Реформации в Шотландии.

воречащей первой и повествующей о том, что он был живьем унесен Дьяволом в Преисподнюю.

Мистер Деннистун не сомневается в одном. На его страницах Марк Керр — негодяй: воин Сатаны или, как верили многие, Сатана во плоти; пропащая душа, навечно проданная злу. Ему известна биография настоящего Марка Керра, но он склонен полагать, что человек, появившийся в Вудили, был не капитаном Монтроза, а его двойником. Автор живописует зловещие деяния Марка: его необъяснимую власть над умами людей, наложение чар на дознавателя по делу о ведовстве, жуткие поступки во время чумы (что объясняется в книге бессмысленной и бесцельной жестокостью), его последнее богохульство в кирке, когда он унизил двух добрых священнослужителей и наговорил такого, от чего честный люд содрогнулся. Мистер Деннистун склонен приписывать Марку проведение ведьмовских таинств в Лесу и считает, что в апреле он ушел туда, откуда явился.

В этом он верен давним легендам жителей Вудили. Из поколения в поколение в приходе, со вздохами и покачиванием головы, передавалась история исчезновения того, кто принес столько бед Избранным. С каждым пересказом она, конечно, обрастала подробностями, заставляющими детей хвататься за материнский подол; всякий хозяин ворошил угли в очаге, и в мерцании огня дед с благоговейным ужасом в голосе рассказывал о всех перипетиях на пути потерянной души... Сэнди Николл видел, как в сумерках Керр прыжками, на какие не способен ни один смертный, пересекал топь. Позже на гати у стоящего на отшибе трактира нечестивца встретил гуртовщик по имени Грив, и этот Грив до конца своих дней божился, что за странником следовала угольно-черная тень. Ночь тогда выдалась лунная, и пастух Робби Хогг из Гленнвоппена заметил страшную пару — человека и призрака, человека и черта — несущихся через пустоши Кэрдрокита. А однажды под утро припозднившийся ходящий увидел темный силуэт на Эдинбургском большаке, и хотя он был пьян, а посему слова его могли показаться сомнительными, он вспоминал, что поначалу не ра-

зобрал был ли то один человек или двое, но тут же протрезвел, почувяв неладное...

И в эту минуту, когда слушателям оставалось лишь предаваться жутким играм воображения, все семейство с пересохшим горлом обыкновенно затягивало Двадцать третий псалом.

* * *

Три часа спустя после того, как хмельной ходябщик все еще удивленно тер глаза, в пивную в Лите, ту, что в нескольких шагах от гавани, вошли двое. Оба были в пыли и грязи апрельского бездорожья, а один к тому же хроمال и казался изможденным.

Единственный посетитель, мужчина в длинном морском плаще, поспешно поглощал завтрак. При виде вошедших он вскочил с возгласом:

— Марк! Бога ради, дружище...

— Когда отплывает шлюп?

— Через час, с приливом.

— Слава Господу!.. Мы с этим джентльменом отправимся с тобой пассажирами, Пати...

— Цыц, человекче. Здесь меня знают как Дженса Ганнерсена, датского шкипера... Плыву в Берген.

— Пусть будет Берген. Нам все равно куда, лишь бы подальше от этой несчастной страны. Мы бы чего-нибудь выпили и перекусили, Пати, да и плащи нам не помешают, дабы скрыть нашу сухопутную одежду... Я опять на войну, старый ты мой приятель, и везу славного рекрута, но обо всем на борту.

Но миновало три часа, а он так и не поведал их историю. Два странника молча стояли на корме и с тоской наблюдали, как Лотианские холмы тают в лучах тусклого апрельского рассвета.

Послесловие переводчика

Автор этой книги, Джон Бакен (Buchan), большинству русских читателей известен лишь опосредованно — именно по его роману Альфред Хичкок снял один из самых знаменитых своих триллеров. Но в англоязычном мире это имя известно очень хорошо, причем не только благодаря писательским заслугам.

Бакен родился 26 августа 1875 года в Шотландии, в Перте, в семье кальвинистского пастора. В детстве провел не одно лето у своих бабушки и дедушки в шотландском городке Броутон, что в Скоттиш-Бордерс на границе с Англией. Природа и история края произвели неизгладимое впечатление на мальчика, и позднее в своих книгах он не раз обращался к милым сердцу местам.

Будущий писатель получил образование в университете Глазго и в Оксфорде, где изучал классическую филологию и право. В бытность студентом публиковал статьи и рассказы в периодических изданиях, а в 1895 г. вышел его первый роман, «Sir Quixote of the Moors». Бакена дважды чествовали в качестве лауреата местных премий: как публициста и как поэта (в Оксфорде он занимал и чрезвычайно почетный пост президента университетского дискуссионного клуба).

В 1901 г. он стал секретарем известного дипломата Альфреда Мильнера и уехал в Южную Африку, разрываемую Англо-бурской войной 1899-1902 гг.

Вернувшись в Лондон, Бакен окупнулся в издательское дело, после попробовал себя на юридическом поприще. Но своим призванием он считал политику и, придерживаясь умеренно-консервативных взглядов, примкнул к шотландским юнионистам.

С началом Первой мировой войны Бакен обратился к журналистике, в частности, был специальным корреспондентом газеты «Таймс» во Франции. В 1916 г. вступил в ряды британской разведки, где работал в отделе пропаганды, в том числе над речами и коммюнике фельдмаршала Хейга, а затем трудился под непосредственным руководством министра информации Великобритании лорда Бивербрука.

Тогда же Бакен всерьез заинтересовался историей Шотландии и после войны начал тесно сотрудничать с университетами, возглавив Шотландское историческое общество.

Его политическая карьера стремительно шла на взлет: в 1927 году он стал членом палаты Общин, а в 1935, получив дворянство и титул 1-го барона Твидсмур, был назначен генерал-губернатором Канады.

Бакен был женат на Сьюзан Гросвенор, дочери Нормана Гросвенора, британского политика и аристократа. У них было четверо детей. Супруга Бакена также увлекалась написанием беллетристики и исторических исследований, публикуя свои произведения под псевдонимом Сьюзан Твидсмур.

Политик и писатель скончался 11 февраля 1940 г. В Оттаве было организовано торжественное прощание, после которого прах перевезли для захоронения в Шотландию.

Хотя Бакен видел себя профессионалом в политике и любителем в беллетристике, литературой он занимался всю жизнь. Его наследие включает почти 30 романов, семь сборников рассказов, биографии Вальтера Скотта, Октавиана Августа, Оливера Кромвеля и другие произведения.

Свои шпионские и приключенческие романы Бакен называл «шокерами». Самый известный из них, «39 ступеней» (1915), несколько раз экранизировался, в том числе и Хичкоком (1935). «Шокеры» принесли Бакену славу, а также немало повлияли на дальнейшее развитие жанра.

Воспитанный в строгих кальвинистских традициях, Джон Бакен всегда считал себя религиозным человеком. Его настольными книгами были Библия и «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» Джона Баньяна. Поэтому все его произведения, даже шпионские романы, пронизаны особым отношением к религии и Богу.

«Запретный лес» («Witch Wood», 1927) — любимая книга самого писателя и своеобразный роман-квинтэссенция его интересов. Здесь и увлекательный сюжет, свойственный «шокерам»; и история Шотландии, где переплелись реальность и легенды; и жизнь маркиза Монтроза, человека, которому Бакен посвятил биографическое исследование, награжденное мемориальной премией Джеймса Тейта Блэка; и вопросы религии и взаимоотношений государства, церкви и веры.

История Шотландии — давняя любовь Джона Бакена. Он не раз обращался к ней в своих романах, и «Запретный лес» не исключение. Действие в романе происходит на фоне одного из самых кровавых периодов в истории страны, гражданской войны, вызванной противостоянием ковенантеров и роялистов.

Формальной причиной для конфликта между Англией и Шотландией послужила попытка Карла Первого внедрить англиканские обряды в пресвитерианское богослужение и усилить власть епископов над церковью Шотландии. В результате в Шотландии вспыхнуло восстание, и 23 февраля 1638 г. лидеры дворянской оппозиции подписали «Национальный ковенант» (договор, завет) — манифест шотландского народного движения в защиту пресвитерианских традиций, заложивший основы шотландского конституционализма и обеспечивший гарантии против королевского авторитаризма.

В ноябре 1638 г. в Глазго была созвана Генеральная ассамблея пресвитерианской церкви Шотландии. На ней было принято решение об отмене введенных королем обрядов и о ликвидации епископата. Это дало толчок вооруженному противостоянию между Шотландией и Англией в 1639-1640 гг.: Карл Первый, будучи главой епископальной англиканской церкви, не мог признать решений Генеральной ассамблеи и начал военные действия, к тому же он не без оснований подозревал шотландцев в связях с Францией, традиционным соперником Англии.

Шотландия объединилась для защиты от посягательств короля: вооружение и обмундирование было закуплено в континентальной Европе, была отлажена система набора в шотландскую армию. В страну вернулись опытные полководцы, участвовавшие вместе с наемными отрядами в Тридцатилетней войне.

Последовавшие военные кампании вошли в историю как Епископские войны 1639 и 1640 годов. Оба раза перевес был на стороне Шотландии, и король шел на перемирие. 21 июня 1641 г. между Англией и Шотландией был заключен Лондонский мир, в рамках которого Карл I согласился с условиями ковенантеров.

В 1642 г. в Англии, во многом под влиянием шотландских событий, требовавших немалых материальных вливаний, началась гражданская война, более известная у нас как Английская революция, и результаты победы ковенантеров в Епископских войнах утратили свое значение. В 1643 г. радикальные ковенантеры заключили военно-религиозный союз под названием «Торжественная лига и Ковенант» с английским парламентом. Договор был направлен против короля, и в конце 1643 г. Шотландия выступила на стороне парламента и Оливера Кромвеля. Однако и сама Шотландия вновь не избежала военных действий на своей территории.

Гражданская война в Шотландии 1644-1646 гг. служит фоном для сюжетной линии «Запретного леса», а в центре событий стоит выдающийся шотландский полководец Джеймс Грэм.

Джеймс Грэм родился 25 октября 1612 г. в семье Джона Грэма, 4-го графа Монтроза. Он обучался в Сент-Эндрюсском университете в Шотландии, а затем в военной академии в Анже, во Франции.

Грэм одним из первых принял «Национальный ковенант» 1638 г. и стал активным участником ковенантского движения. Во время Епископских войн он возглавил армию шотландского парламента и в феврале 1639 г. разбил отряды шотландских роялистов, препроводив их лидера, маркиза Хантли, в заключение в Эдинбург. 19 июля войска Джеймса Грэма захватили Абердин, главный оплот роялистов, чем в значительной степени обеспечили победу ковенантеров в Епископских войнах.

Когда в 1640 г. власть полностью перешла в руки ковенантеров, среди них наметился раскол: умеренные ковенантеры, к которым относился Монтроз, оказались недовольны радикализацией движения и умалением прерогатив короля. Монтроз остался верен демократическому духу «Национального ковенанта» и выступил против «правления немногих», понимая под этими «немногими» радикальную партию графа Аргайла. Летом 1641 г. Монтроз обратился к королю с просьбой о посредничестве в конфликте с Аргайлом, но ответ Карла перехватили, и Монтроз был арестован.

Осенью 1641 г. Карл добился освобождения Монтроза, однако противостояние роялистов и ковенантеров усиливалось день ото дня.

Монтроз не принял «Торжественную лигу и Ковенант» 1643 г., сохранив верность королю. Он вступил в переписку с Карлом I, убеждая того начать более активные действия в Шотландии. Король продолжал рассчитывать на мирное разрешение конфликта. Когда армия ковенантеров под командованием графа Ливена присоединилась к войскам английского парламента, король осознал допущенную ошибку и 1 февраля 1644 г. назначил Монтроза своим наместником в Шотландии.

Летом 1644 г. маркиз Монтроз с двумя соратниками отбыл в Шотландию, направляясь на соединение с ирландскими войсками Аластера «Макколы» Макдональда. По пути ему удалось собрать отряд шотландских горцев. Объединившись с Макколой, Монтроз начал шествие по всей Шотландии, одерживая победы над ковенантерами. В августе 1645 г. Монтроз с триумфом вступил в

Глазго. Казалось, наступило торжество роялистов и конец правления ковенантеров. Тем не менее, в Англии армия Карла Первого стремительно сдавала позиции войскам парламента, и поражение Карла в битве при Нейзби заставило маркиза выступить на юг, спеша на помощь королю. Это не входило в планы шотландских горцев, для которых главным врагом оставался маркиз Аргайл, и они покинули Монтроза. Тем временем Дэвиду Лесли удалось сформировать новую армию ковенантеров. 13 сентября 1645 г. Монтроз потерпел поражение в битве при Филипхоу и бежал на север Шотландии. В июне 1646 г., по приказу короля, он сложил оружие и эмигрировал в Норвегию.

Карл I был казнен 30 января 1649 г. В начале 1650 г. сын Карла I, будущий Карл II, направил войска во главе с Монтрозом в Шотландию в надежде поднять горные кланы под свои знамена. 27 апреля армия Монтроза была разбита при Карбисдейле, а сам маркиз попал в плен. Его казнили 21 мая 1650 года.

Можно только представить, какую грандиозную картину развернул бы на этом историческом фоне другой романист, как живописал бы сражения с лязгом мечей и пороховым дымом, королевские покои и придворные интриги, головокружительные приключения и романтическую любовь с непременною свадьбой в конце.

Но сюжет Бакена, историка и фольклориста, более локален и ограничивается жизнью молодого священника в вымышленном приходе Вудили в Скоттиш-Бордерс. Будь его роман научным исследованием, его можно было бы смело отнести к «микроистории» — тому направлению в исторической науке, что сложилось лишь в 1970-е годы и занято исследованием жизни отдельных городков, деревень, людей, находя в этом «малом» отражение «великой» истории.

В Вудили священнику Дэвиду Семпиллу предстоит столкнуться с древними народными верованиями в тесном переплетении с искаженным пониманием христианства.

Повествуя о его судьбе, Бакен ссылается на книгу несуществующего богослова Джона Деннистуна и рассказывает о легенде, по которой юный пастор был унесен Волшебным народцем — феями, точнее их шотландским вариантом, боглами. Само поверье не выдуманно автором: похожая легенда связана с именем Роберта Кирка, пастора прихода Аберфойл в Пертшире, родном краю Джона Бакена. Стоит упомянуть, что кельтское слово «перт» означает «лес», подобно тому, как название Калидонского замка в романе связывает место действия с Каледонией (древнее наз-

вание Шотландии) и со знаменитым Каледонским лесом из легенд о короле Артуре, а топоним Вудили образован от корня «wood», что тоже переводится как «лес».

«Ведовская» сторона романа с шабашами и верой в Дьявола, обитающего в лесу и требующего поклонения, выстроена писателем в согласии с теориями антрополога и культуролога Маргарет Элис Мюррей, чье исследование «Культ ведьм в Западной Европе» вышло в свет в Англии за шесть лет до «Запретного леса». Гипотеза Мюррей о существовании в Европе «старой религии» в виде древнего культа плодородия, который после прихода христианства трансформировался в шабаша ведьм, была воспринята критически. Однако она немало повлияла как на развитие научной мысли в области антропологии и истории, так и на культуру в широком смысле слова, например, став истоком современного викканства.

Следствием «микроисторического» подхода автора является громадное внимание к быту, нравам, обычаям шотландских крестьян, фермеров, духовенства — и особенно к языку. Стихия языка буквально захлестывает роман, беседы и диалоги очень часто подменяют непосредственное «действие», причем каждого из персонажей Бакен щедро снабжает уникальными речевыми характеристиками и набором редкостных шотландских словечек (в английских изданиях они то и дело сопровождаются пояснениями в скобках). Все это, конечно, ставит перед переводчиком нелегкую задачу. Удалось ли ее решить — судить читателю.

Евгения Янко

Оглавление

Пролог	7
Глава 1. Прибытие священника	13
Глава 2. Дорога к Калидону	33
Глава 3. Гости Калидонского замка	46
Глава 4. Преданный слуга	61
Глава 5. Черный лес при свете дня	81
Глава 6. Черный лес ночью	94
Глава 7. Первый удар	107
Глава 8. Второй удар	120
Глава 9. В канун Ламмаса	133
Глава 10. Что увидела луна	146
Глава 11. Священник препоясывает чресла	158
Глава 12. Косой	173
Глава 13. Белая магия	186
Глава 14. Ответный удар	204
Глава 15. День всех святых	216
Глава 16. Охота на ведьм	230

Глава 17. Вудили и Калидон	251
Глава 18. Чума	266
Глава 19. Жертва	284
Глава 20. Расплата	295
Глава 21. Исчезновение священника	314
Эпилог	326
<i>Е. Янко.</i> Послесловие переводчика	329

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.